ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК
БОРИС ИВАНОВ
ЗНАК
ЛУКАВОГО

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

БОРИС ИВАНОВ

ЗНАК ЛУКАВОГО

РОМАН

Москва, 2004
АРМАДА
&
«Издательство Альфа-книга»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
И20

Серия основана в 1992 году
Выпуск 358

Рисунок на переплете
И. Комарова

Иллюстрации
М. Поповского

Иванов Б. Ф.
И20 Знак Лукавого: Фантастический роман.— М.: АРМАДА: «Издательство Альфа-книга», 2004.— 443 с.: ил.— (Фантастический боевик).

ISBN 5-93556-442-4

Что делать в ситуации, когда ты оказался в Странном Краю, где буквально все пропитано магией, о которой ты не имеешь ни малейшего представления, а тебя принимают за мага, отмеченного особым Знаком Лукавого? Во-первых, не падать духом и не спешить доказывать обратное. А во-вторых, подобно нашему герою, землянину Сергею, действовать и попытаться вернуться на Землю. Даже если выход к ней возможен только через Портал, или Пасть Червя — огромную массу таинственной плоти, связывающей наш мир с параллельным?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Иванов Б. Ф., 2004
© Художественное оформление, «Издательство Альфа-книга», 2004

ISBN 5-93556-442-4

ВМЕСТО ПРОЛОГА
(Краткое предупреждение)

Случилось так, что Судьбе было угодно связать мою жизнь с ними — с Меченными ее Знаками. Слухов об этом странном народе ходит да и ходило раньше предостаточно. Но профессионально этими людьми и связанными с ними проблемами занимались всего несколько человек. Мне посчастливилось быть одним из них. Сейчас то учреждение, в стенах которого проходила наша работа, принято считать чуть ли не филиалом средневековой инквизиции. Смею вас заверить, однако, что задачи этой спецслужбы не сводились, как это принято теперь думать, к тому только, чтобы вставлять палки в колеса инакомыслящим и душить всяческие «прекрасные порывы».

Были в ее рядах и те, кому выпала диковинная участь заниматься Странным. Работать в «Звене». Сейчас это слово («Звено») уже ничего не означает. Так что не боясь произнесу его. Сейчас те, кто составлял ударный отряд «Звена» и все еще обретаются на этом свете, неузнаваемы, и об их прошлом все равно не догадается никто. Их было не так уж много — практически неполная дюжина, и ютились они в двух неприметных комнатах, тесно заставленных столами, шкафами и картотечными ящиками. Скучное место. И интересного в этих шкафах и карточках было мало. Неудобочитаемые заключения экспертиз, медицинские справки. Справки из мест заключения и принудительного лечения... Обычно мы редко сходились все вместе — все больше работали на объектах. А объекты у нас были разнообразные — от клиники Кащенко и «Белых Столбов» до глухих, у черта на куличках, богом забытых

селений. Были и такие объекты, что находились за границей.

Собираясь по двое-трое, мы довольно часто — в неофициальном, так сказать, порядке — делились впечатлениями, обсуждали услышанное и увиденное. Стиль таких обсуждений бывал разным: и байки травили, и всерьез головы ломали над сложными случаями. Со временем я стал услышанное записывать — сухо, по-протокольному.

Надо сказать, что речь идет только о «наших» — тех, кто занимался Меченым. Были, я думаю, и другие группы. Иногда мы с ними пересекались. Но обрывочные слухи, доходившие, например, от уфологов, я обычно оставлял без внимания. На мой взгляд, почти у всех других дело было поставлено бестолково и сумбурно. Потому что ставили его — это их дело — уже в новые времена. При Никите и позднее. А история нашего «Звена» уходит, как ни странно, еще в дореволюционные времена. Но об этом как-нибудь в другой раз.

А сейчас о том, что имеет отношение к той книге, которую ты, читатель, держишь в руках. Работа «Звена» на моей памяти, скажем прямо, не принесла (за исключением нескольких особых случаев) ни пользы, ни вреда ни народному хозяйству, ни делу укрепления обороноспособности нашей родины. То же и о борьбе за мир во всем мире, и о нашем вкладе в дело прогресса и демократии. Гораздо больше толку от наших трудов было чисто академической науке и той зыбкой сфере деятельности нашего разума, которую именуют мировоззрением. Закаленные в борьбе с идеологическим противником догматики непременно бы добились — рано или поздно — разгона и «Звена», и ему подобных структур с последующим примерным наказанием всех виновных и причастных. Но нас хранили от подобной судьбы наша секретность и заинтересованность в нашей деятельности узкого, но влиятельного круга лиц. В таких условиях ни о какой публикации даже самых невинных сведений о «Звене» не могло быть и речи. Хотя кое-что и просачивалось, как правило в диком и искаженном виде, в ту сферу обще-

ственного сознания, где погоду делают слухи и россказни, а непререкаемыми авторитетами слывут непроходимые «чайники».

Но времена меняются.

«Звено» наше постигла странная судьба — при расформировании «конторы» о нас как бы забыли. Не нашлось нам места в перестроившейся системе. От одних мы ушли, а к другим не пришли. Не прибили нас перестроечные ветры ни к какому берегу, ни к какому причалу. На «Звено» обрушился период безвременья. Именно тогда и разошлись по рукам, разъехались по невычислимым адресам, а то и просто были потеряны многие из материалов, заполнявших древние шкафы и ящики тех, родных мне до сих пор, двух комнатушек.

Но бес истории хитер. Чья-то (воздержусь от оглашения своих догадок — они слишком небезосновательны) довольно добрая рука некоторое время поддерживала оставшиеся существовать на птичьих правах» остатки «Звена». Странное то было время. Да какие, впрочем, времена не странны? Не стоит об этом. Скажу только одно: именно тогда разверзшиеся запруды цензур и скудные пенсии заставили многих приобщенных к «тайнам государевым» излить эти тайны (а чаще — свои вольные фантазии на их, тайн этих, темы) на листы бумаги, а бумагу эту снести в как на дрожжах растущие тут и там бойкие издательства и через них поведать миру море всякой собачьей чуши, в котором, впрочем, знающие люди нет-нет да вылавливали драгоценные жемчужины истины. Посетил такой соблазн и меня, грешного. Мыслями на эту еретическую тему я даже поделился кое с кем из своих бывших коллег.

О чем чуть было не пожалел, когда, сменив свое имя, надписи на дверных табличках, да и адрес, по которому эти двери располагались, «Звено» стало потихоньку возрождаться из пепла. Конечно, под другим именем. Возродилось и закрепленное за мной рабочее место. Не так уж я оказался и стар, чтобы списывать меня с корабля...

Вот тогда-то один из тех моих коллег, с которыми я как-то неосторожно поделился своими литературными

планами, стал неожиданно моим куратором. Это, признаться, несколько напрягало меня. Но все разрешилось наилучшим образом. Вскоре после своего назначения, сидя напротив меня за своим столом, увенчанным дорогим компьютером и привычной совковой батареей телефонов, он, как-то неожиданно сменив тему разговора, заметил: «А что, эта твоя мысль о том, что кое-какие из наших прошлых дел, тех, что поинтереснее, покинематографичнее, так сказать, можно и народу э-э... поведать... Ну, в виде литературном. Чтобы и как бы вымысел, и как бы не очень... Это могло бы привлечь новеньких, из тех, кто э-э... сталкивался... Чтобы не впустую нам шарить беднем, а, так сказать, на наживку... На наживку народец этот — Знаками Меченный — привлечь... Если притом в тексте с умом намеки раскидать... Чтобы, кто понимает, знал, на кого выходить... М-да... Ну а те, которые совсем уж дурни, автора донимать начнут. Или издательство... Но это — неизбежное зло. Перспективно... Очень даже...

Когда я, изобразив на лице последствия напряженного мыслительного процесса, признал, что и впрямь — очень даже перспективно, руководство вылило на мою раскалившуюся от мыслей голову ушат холодной воды: «Только,— сказал мой старый приятель, который конечно же простит мне столь вольный пересказ моего с ним разговора,— ты вот что (последовали мои имя и отчество)... Ты человека подбери пограмотнее, чтоб он истории твои, того... Причесал бы, что ли... Не в смысле падежов, конечно. С падежами ты (имя, отчество) справляешься... Да и сюжет забомбить можешь что надо — материал у тебя богатейший... Но стиль! Стиль!.. Ты знаешь (имя, отчество), читаю я твои отчеты и заключения и плачу. Душу и сердце они дерут шершавым языком плаката...».

Мне ничего не оставалось, как согласиться со справедливой критикой и обещать человечка подыскать и согласовать. История моего последующего знакомства с автором, имя которого, возможно, украсит обложку этой книги, достаточно интересна. Но оставим ее для другого раза.

Итак, я откровенен с тобой, читатель. Я расскажу тебе не больше дозволенного мне свыше. То будут истории о довольно странных событиях и довольно странных людях (впрочем, и о других созданиях тоже).

Перечитав (и выслушав в моем изложении) примерно с полдюжины историй таких людей, литератор, которого я выбрал в качестве литобработчика моих материалов, несколько неожиданно для меня сказал, что «все они какие-то однотипные — фэнтези не фэнтези... Но если все это с умом обработать...» Этим он поверг меня в легкий шок: я-то выбирал случаи покрасочнее и разнообразнее. В общем, после долгих споров мы решили поставить эксперимент.

Для своего первого рассказа я выбрал, правда, историю недавнюю и совсем нетипичную. Я остановил свой выбор именно на ней, потому что историей этой я занимался в период неофициального существования «Звена». Так что клятвами и расписками на этот счет не связан.

Ее — историю эту — понемногу, частями рассказал мне достаточно молодой еще человек по имени Сергей. В книге мы не мудрствуя лукаво дали ему фамилию Сергеев. Рассказ этот записывался при довольно странных обстоятельствах и потом был смонтирован во многочасовую запись. Ее копию (только стерев кое-что лишнее) я и передал предполагаемому автору публикации. Я думал, что ему придется здорово с нею помучиться, но, к моему удивлению, он только сократил текст до приемлемого объема, придумал и расставил заголовки и убрал коряВости и непонятки. Речь Сергея (довольно, на мой взгляд, неправильную, скачущую с пятого на десятое) он оставил практически без изменений. Прочитав то, что у него получилось, я, однако, тоже от себя почти ничего не добавил. Не стоит лезть в чужой творческий процесс, даже если он и столь незаметен сам по себе. Посмотрим, что получится, как-никак это у нас первый блин. Я только выторговал себе право на эти вступительные строки.

Понятное дело: много имен, названий, обстоятельств в книге изменено. Но слишком уж искажать рассказ Сер-

гея мы не стали, и там, где следы не читаются, все оставили без изменений. К сожалению, последнее не относится к моей скромной личности. Поэтому я и прощаюсь — до нашей, может быть, будущей встречи с вами, дорогой читатель, просто как искренне ваш

NN

Мне, в общем, нечего добавить к словам держателя материалов, положенных в основу этого романа. Несколько слов о той попытке соприкоснуться с тайнами, о которых пойдет речь, я добавлю лучше в конце книги. Прошу не обращаться ко мне с вопросами, на которые может ответить только NN. К сожалению, его адреса я дать не смог бы, даже если бы захотел. Да и не любитель он отвечать на вопросы.

Автор

Часть I
НАШЕДШИЙ ТЕМНЫЙ ПУТЬ

Глава 1
БОЛЬНО НЕ БУДЕТ

Яшу Шуйского я бы просто убил. К сожалению, кто-то другой сделал это раньше меня. Этим этот «кто-то» лишил меня возможности расквитаться с дурнем, который окунул меня в самое большое дерьмо, в которое я когда-либо попадал в своей жизни. Есть, конечно, что-то в этой истории такое, что вызывает у меня очень сложные чувства. Но боюсь, что они относятся к чему-то, сценарием того, что со мною приключилось, не предусмотренного. К чему-то сверх программы. Особую прелесть этой истории придает то, что добрый десяток лет я ни сном ни духом не догадывался, что и день и ночь, благодаря этому проклятому дурню, ношу с собой бомбу замедленного действия и не расстаюсь с ней даже в бане.

Этой осенью бомба рванула.

Произошло это в маленьком кафе нашего речного вокзала. Это не самое худшее место в нашем городе. Особенно в хорошую погоду. Тогда, помнится, погода была просто изумительной, как всегда бывает в последние теплые дни осени. Ничуть не подозревая о том, что в прохладном ветерке, веющем с водной глади, истекают последние часы моей спокойной жизни, я безмятежно ковырялся в высыпанной в ладонь мелочи. Мелочи на «Мельника» не хватало. Не хватало ее даже на «Толстяка». Мои финансы тянули от силы на местного разлива «Жигулевское», славное отменным привкусом целлулоида, настоянного на ацетоне. Это сильно огорчало меня. Теперь бы мне такие огорчения!

Из-за соседнего столика за моими потугами превратить рупь шестьдесят в два рубля сочувственно наблюдал коротко стриженный мужик. Коротко стриженный и загорелый. Накачанный, как бык. В турецкой коже и в тертой джинсе. Вообще-то от таких вот крутых и стриженых черта с два дождешься сочувствия. Но в этот раз в мироздании что-то сработало не так, как всегда.

Я даже догадываюсь почему. Потому что по случаю теплой погоды я напялил рубашку с короткими рукавами. Тогда я не знал, что это очень неосторожный поступок. Для таких, как я.

И в результате все кому не лень могли пялиться на небольшое пятнышко чуть выше моего левого локтя, с внутренней стороны руки. Почти на сгибе. Обычно его принимали за родинку. Так, нарушение пигментации на крошечном участке кожи. Не более того. На самом деле это была татуировка. Весьма художественная. Нечто восточное. Цвета сепии ироническая миниатюра. Она напоминала странный цветок. Или насекомое. Но если приглядеться, то делалось ясно, что это не цветок и не странный жук, а физиономия.

Лик.

* * *

Лик этот «подарил» мне как раз Яша.

Вообще-то он любил, когда его называли Иаковом. В нем и вправду было что-то библейское. Округлое, так и просящееся на икону лицо. Значительный, внушающий безусловное доверие взгляд... И уж конечно, породистая, черная борода. Он отпустил бороду еще тогда, когда мне, как и другим его сверстникам, и бриться-то приходилось не каждый день. Должно быть, род свой он действительно вел от небезызвестных князей. По странному выверту своего характера он обижался, когда ему в шутку или всерьез намекали на такую возможность. Ему бы батюшкой устроиться в сельской глубинке. Цены бы ему там не было.

Но судьба и идиотское образование (два неоконченных факультета) определили его в нехристи. Не в атеисты — уточняю — а именно в нехристи. Причем в самую худшую их породу, ту, что искренне верит в «тонкий» мир, в астральные тела, в привидения, магию, колдовство, вампиризм и вообще черт знает во что. Всю эту муть он именовал «герметическим знанием» и очень гордился тем, что он якобы таким знанием наделен. Меня же он снисходительно именовал «теопофигистом». Это был результат моего неосторожного признания в том, что я не собираюсь менять свое поведение по жизни в том случае, если мне стопроцентно докажут, что бог есть. Или наоборот — что никакого бога нет. Бог сам по себе, я сам по себе. И никаких глупостей в духе: «Коли бога нет, то все дозволено!» Фигней страдали герои Федор Михалыча. Надо самому, без принуждения, стараться не быть сволочью, только и всего. Почему-то такая точка зрения, совершенно естественная на мой взгляд, не давала Якову покоя.

Как ни странно, он никогда не доходил до того, чтобы окончательно окрыситься и прекратить всяческое со мною общение. И вообще: я человек невежественный в оккультизме, который спокойно обходится и без веры в высшие силы, и без ожесточенного, все отрицающего неверия в них,— постоянно требовался ему в качестве собеседника. Точнее, слушателя его бредней. Чем-то я был ему необходим.

Само собой разумеется, рано или поздно до добра бы это не довело. Так оно и вышло, когда Яше привезли откуда-то из Бельгии ксерокс книги какого-то алхимика о магических свойствах тату. Человек долго по Востоку странствовал и во всякие сокровенные тайны магии тату проникал. Отчего его сочинение считалось черт-те каким кладезем мудрости. Только в глаза его видели немногие. Вообще-то не на одной этой книге свет клином сошелся для Яши — в смысле его веры в то, что нанесенные на тело рисунки могут каким-то таинственным образом влиять на судьбу человека. У него, можно сказать, целая библиотека была собрана на эту тему. Просто удивите-

льно, что сам он никаких наколок себе не сделал ни разу в жизни, не спешил, так сказать, переходить от теории к практике.

Но эта книга почему-то задела его за живое. И от магии теоретической толкнула к магии практической. Возможно, потому, что автор сочинения звался не как-нибудь, а Якоб. Он же — Мюнстерский. Он же — Левый (это совпадение я оценил не сразу, только после того, как Яша напомнил мне строчку из чего-то иронического под старину: «В шуйце — вострая катана, а в деснице — долото!»).

То есть был тот странник-алхимик, можно сказать, его полный тезка. В ту пору я как-то не подумал, что порядочного человека ни с того ни с сего Левым не назовут... Жил этот тип когда-то во времена Леонардо да Винчи и много странствовал, как определил его биограф — «не только на восток, но и к югу от Магриба». То есть добирался куда-то аж до Черной Африки, как я это понимаю. Потом доживал свой век в Мюнстере. Где и накропал свой талмуд, столь прельстивший Яшу.

Хотел бы я сейчас точно припомнить его название. Что-то вроде «Великое и тайное Наставление к Искусству Рисунков, как целебных, равно и магических, вживе по телу и ножам рисуемых с помощью растительных тинктур, а также различных втираний, как минеральных, так и иного происхождения, составленное...» И дальше шло этак с полстраницы перечисления степеней, званий и прозвищ умника, составившего тот премудрый талмуд. Якоба Левого, короче говоря. Написана вся эта галиматья была, естественно, по-латыни. Яша сразу полюбил эту книгу — как я понимаю, из-за обилия картинок. Их там было по несколько на каждой странице, рассказ о каждом виде татуировки сопровождали сразу несколько рисунков, изображавших разные ее варианты, стадии создания, какие-то особенные их детали. Отдельно прилагались описания цветов, которые должны были иметь эти рисунки и их отдельные части. Но самым ценным в этой книге, по Яшиному мнению, был комментарий к ней, состав-

ленный каким-то не совсем нормальным, как мне кажется, арабом где-то уже ближе к нашему времени. Другой ненормальный перевел этот комментарий на французский язык. Из-за этого — из-за французского языка — я и понадобился Яше.

С дремучей латынью он был если не на «ты», то все-таки знаком. Со средней трудности текстами как-то справлялся. А вот французский ему, наверно, не давался. Может, ему просто лень было тратить время на его изучение. А может, просто не терпелось ему. Так или иначе, а я был привлечен Яшей к распутыванию той белиберды, которая занимала, пожалуй, треть всех пятисот с лишним страниц, составлявших ксерокопию дурацкого манускрипта. Французский у нас в семье знали неплохо. Это, впрочем, совсем другая история.

В основном то были подробные описания того, как следует наносить тот или иной вид магической или целительной татуировки. И какие обряды при этом соблюдать. И не только татуировки, но и всякие там разрисовки. Лексика этого текста была, как говорится, та еще. Я провозился с переводом чуть ли не целый месяц. Пришлось в библиотеке посидеть на предмет старофранцузских текстов и даже в универе, на кафедре французской филологии провентилировать пару сучковатых вопросиков. В общем, постарался я на славу. И — на свою голову — перестарался. Яша от перевода остался в восторге. И тут же загорелся мыслью о том, чтобы немедленно от теории перейти к практике.

При этом он проявил осторожность. Это было в его характере — странное сочетание холерического энтузиазма и превеликой осторожности в делах, связанных с магией. Впрочем, чего тут странного: он на самом деле в магию верил. Процентов на десять—двадцать выпендривался, а на все остальные проценты — сколько их там — верил. Потому и боялся всерьез. До дрожи. Кроме того, когда-то, в самом начале своего романа с магией, он чего-то сильно испугался. Точнее, умудрился себя чем-то очень сильно напугать. Так или иначе вставило ему тогда

нехило. Он любил (характерной для психа болезненной любовью) — упоминать о приключившемся с ним кошмаре. Но никогда ничего конкретного, а если и начинал рассказывать что-то на эту тему, то говорил, сбиваясь с пятого на десятое, и в конце концов безнадежно уводил разговор куда-то в сторону. И с тех пор осторожничал. А экспериментаторский зуд плохо сочетается с осторожностью. Добро б Яша увлекся какой-нибудь нетрадиционной медициной или еще чем-нибудь таким, что можно первоначально испытать на мышах, собаках или кроликах. На лягушках на худой конец. Так нет! Ведь магические способности испытать можно только на себе. Ну и еще — если не жалко поделиться толикой магических способностей — на ком-то, кому можно доверять.

Яша решил, что мне доверять можно. И взялся меня обрабатывать всерьез. Занятие это было нелегким: и упрям я от природы, и роль подопытного кролика не устраивала меня. Да и уродоваться татуировкой я, разумеется, не желал по соображениям хотя бы чисто эстетическим. Но Яша был упорен и предприимчив. И своего добился. В обмен на трехтомник Зощенко (страшный дефицит в те времена) я согласился на самое малое — разрешить ему нанести мне на самый малозаметный участок тела наименее похабный из магических рисунков и вести над собой наблюдения (но никаких экспериментов!) на предмет выявления магических способностей. Я согласился даже вести дневник самонаблюдений и впрямь вел его. Это, кстати, стало потом привычкой. И оказалось единственно полезныи результатом нашей идиотской затеи.

Себе я отторговал право самому выбрать тот рисунок, который мне приглянется из предложенных Яшей.

Яша ориентировался в основном на художественные способности Алика Балмута — специалиста по тату районного масштаба. В результате на выбор мне были предложены наиболее простые в исполнении из приведенных в сочинении Якоба Левого рисунков общим числом пять. Три из них (обеспечивающие: один — успех в любовных делах, а два других — легкий путь к вершинам гермети-

ческого знания и обращающие всякую хворь во благо) я отверг сразу из-за того, что место им было на груди и на чреве. Из двух оставшихся я выбирал сравнительно долго. Оба они были знаками тайными, а потому должны были и сами быть неброскими и располагаться в укромных частях тела. Это меня вполне устраивало. Один из них, Знак Вод, был заманчиво бледен, располагался на шее, чуть пониже затылка, и сулил дружбу духов водных бездн. В мои планы, однако, не входило искать успеха на поприще мореплавания или водопроводного дела. Да и за шею было боязно — одна ведь. Так что я остановился на последнем из предложенных знаков — Знаке Лукавого. И располагать его можно было более свободно. Например, под мышкой. Из-за вечной боязни щекотки я, дурак, остановился на другом варианте. Как я уже сказал, знак теперь находится у меня чуть выше локтевого сгиба — на внутренней его стороне. А ведь каких неприятностей мог бы я избежать! О нем — о Знаке этом — Якоб Левый высказался коротко и как-то стремно. Знак этот открывал Темный Путь и помогал вставшему на него достичь своей цели. Оберегал от тягот выбранной дороги. Здорово, да? Ведь можно путь этот дурацкий и не выбирать, правда? Ага, щаз!!! — скажу я теперь.

* * *

Алик со своей задачей справился неплохо: Знак и по размерам, и по начертанию воспроизводил рисунок из клятой книги. Правда, ясно это стало только через несколько дней, когда спала наконец вызванная втертой в исколотую кожу тинктурой на редкость болезненная опухоль. И Яша не подкачал, принес в мастерскую Алика (будем называть мастерской его прокуренную и до предела захламленную кухню) все необходимое для того, чтобы вся процедура прошла точно по правилам магического учения. Он даже нужные заклинания выучил наизусть и, когда потребовалось, нараспев произнес их, аккомпанируя себе на маленьком бубне из козлиной кожи. И меня

убедил выучить и в нужные моменты повторять странные слова, не похожие на слова ни одного из языков, которые я когда-либо слышал. Вообще ни на что не похожие. И в то же время странно напоминающие что-то очень-очень знакомое, только вот мне так никогда и не удалось припомнить что именно.

Я из осторожности не стал его расспрашивать о том, какие ингредиенты входили в состав того варева, полстакана которого мне пришлось проглотить перед тем, как Алик взялся за дело. И о той дряни, которую пришлось проглотить по окончании его манипуляций, я тоже расспрашивать не стал. Ограничился устным заверением Алика в том, что к настою из мухоморов обе гадости никакого отношения не имеют. Значительно легче было выполнить другие требования обряда нанесения магического тату. В частности — не спать всю следующую за обрядом ночь.

Спать было решительно невозможно: распроклятая татуировка жгла меня, словно раскаленное клеймо. К утру я был полностью погружен в размышления о том, какая смерть предпочтительнее — от рака или от гангрены. И мать, и Ромка уже заподозрили что-то неладное, но до объяснений относительно одолевшей меня раздражительности так и не дошло. На третий или четвертый день боль приутихла, а потом как-то разом ушла напрочь. И опухоль спала и рассосалась буквально на глазах.

Мало того: странным образом я полностью утратил всякий интерес к этому своему новообретению — Лику Лукавого, усмехающемуся мне с локтевого сгиба моей левой руки. Фактически никто не обращал на него никакого внимания. Даже Ромка всего-то и буркнул: «Не замечал я раньше, брателла, что у тебя родинка на руке». Родинка, только и всего.

* * *

Собственно, так оно и было — я обзавелся небольшим темным пятнышком на коже. И ничем более. Не последовало ничего. Ровным счетом ничего, что хоть каким-то

боком имело бы отношение к магии, колдовству или ворожбе.

Вот разве что сны... Странные очень сны. Сны, которые вроде и не снились мне. Да-да — не снились, а *вспоминались* мне. В минуты усталости или какого-то расстройства мне порою вспоминались сны, которые я, наверное, видел, но не мог вспомнить когда.

Если они и приходили ко мне ночами, то явно, и утром я не вспоминал их. Не знаю, что это была за чертовщина — вспоминались они, когда я, например уже засыпал — пребывал в той «сумеречной зоне, что отделяет сон от яви. Но не виделись, а именно вспоминались. И вспоминались именно как сны.

Сны, а не воспоминания о каких-то реальных событиях.

Они были нелепы и алогичны как это свойственно сновидениям. Концы в них не вязались с концами, а следствия обходились без причин. Но какая-то — понятная только спящему — логика в них была. Порой в них встречалось что-нибудь знакомое. Например, зачем долго за примерами ходить — мой дом. Как правило, в образе дома моего детства. Часто в этой декорации происходили самые удивительные события.

Я ссорился с кем-то, с кем в обыденной жизни не ссорился никогда. Делал с кем-то на пару какие-то уроки по непонятному предмету, то ли химии, то ли географии. Но ничуть не удивлялся такой странности. А если и не понимал в нем чего-то, так только сегодняшнего домашнего задания.

Во сне меня преследовали страхи перед тем, чего я никогда не боялся в обыденной жизни — ну, например перед уличной кошкой, ободранной и ленивой. Когда она входила в комнату, где я рассматривал каким-то чудом неубранные игрушки, которые я разбросал по полу лет пятнадцать назад, то меня охватывал панический страх. Какое-то всемирное зло входило в мое детство, а не просто ободранная кошка.

Она была Знаком.

В этих снах моих было множество Знаков. Все и вся было Знаками — и узор голых веток за окном, и расстановка мебели, и лица людей. Птицы и животные. Конечно же, грозовые облака...

Знаки, написанные мелом на стенах, реже — отпечатанные или написанные на бумаге, чаще — вырубленные в камне, отчеканенные на металле или выкованные из него, иногда красной, наводящей на жутковатые мысли, стекающей неровными потеками краской, торопливо начертанные на грубой ткани или штукатурке.

Знаки...

Там — во сне — я понимал их суть.

Но вспомнить его наяву не мог. Это порой не давало мне уснуть. Мне начинало мерещиться, что позабыл, упустил что-то очень важное, что-то такое, что изменило бы весь смысл моего существования. Но к чему относилось это — упущенное мною — знание, ускользало от меня. Оставалось темной тварью, скользящей в темной толще ночных вод... Примерно так я представлял тогда свое подсознание.

Такая важная роль Знаков в моих неснившихся снах, казалось, непременно должна бы была навести меня на мысль о притаившемся на моей руке Знаке Лукавого. Тем более что и вспоминаться мне эти сны начали в ночи, когда я мучился бессонницей от горевшей на руке опухоли вокруг творения Алика Балмута.

Но моя татуировка никак не связывалась в моем сознании с теми снами. Какой-то барьер в моей душе препятствовал этому. А подсознание мое, наверное, втихую от меня выталкивало прочь эти воспоминания о небывшем. И те стали приходить ко мне все реже и реже. И наконец, я вовсе позабыл об этой странности. И все у нас было как у всех.

Просто все мы прожили несколько довольно насыщенных событиями, а в чем-то и довольно скучных лет. Я загремел в армию. Побывал на Крайнем Севере. Окончил училище, покалечился и — уже на гражданке — поступил в вуз. Яша тоже времени даром не терял: за эти

годы как-то «откосил» от армии, начал и забросил еще два, не имеющих отношения один к другому, факультета, женился, завел сына и умер.

Точнее, его убили. В одну отнюдь не прекрасную, сдается мне, ночь его в его же собственной квартире неизвестные идиоты истыкали ножом, как малолетние садисты поросенка. Ни жены, ни сына тогда в доме не было. Они с ним уже не жили. С женой они разбежались за пару месяцев до того и только не успели оформить развод. Рита — его жена и наша с ним бывшая одноклассница — жила теперь с сыном в другой стране. Я не слишком интересовался их судьбой. Да и смерть Яши прошла как-то мимо меня. Так, поболтали несколько раз за пивом с общими друзьями. Дружно согласились с тем, что парень был со странностями, но безобидный. Так же дружно согласились, что «уделал» Яшу кто-то из своих — из ментовки просочились слухи о том, что убийц Яша сам пустил в свою окончательно ставшую напоминать заброшенный сарай квартиру. И даже пил с ними перед тем, как они (двое, по крайней мере) приступили к основной части программы своего визита — исполнению сатанистского, возможно, ритуала. Согласились мы — бывшие друзья покойного, и с тем, что Яше на роду было написано вот так плохо кончить. Так же, как плохо кончил Алик Балмут.

— А что с ним сталось? — спросил я у ребят.

— Да так... — хмуро отмахнулся от меня Генка Вершков.— Ширяться он стал. Ну и «передоз-з-з-з»...

— Жаль ребят,— вздохнул я.

На этом мой интерес к случившемуся и иссяк. Я уже жил другой жизнью, хотя все еще там, где прошли мои детство и юность — в старом своем доме, но уже занимался другими делами и среди других людей. И времена настали другие. Кто тогда жил, тот знает.

* * *

А сейчас я стоял у стойки буфета и искал по карманам затерявшуюся мелочь. И даже не заметил, когда тот самый

мужик — стриженый и загорелый — оказался рядом со мной. И убей меня боже зонтиком, если я могу толком вспомнить, с чего он начал свой со мной разговор. Он — разговор этот — только тогда приобрел для меня определенный интерес, когда мой случайный собеседник совершенно непринужденно — как бы между делом — плеснул мне в стакан добрую толику «Арсенального» из своей бутылки. Есть же на свете добрые люди.

Сказав «мне в стакан», я должен уточнить, что стакан этот я ему вовсе не подставлял. За секунду до этого никакого стакана у меня вообще не было. Всю жизнь пиво я пил из горла. Дурная манера. Согласен. Так вот, о стакане. Мужик, словно фокусник, извлек его, похоже, из воздуха. Дунул в него, посмотрел на свет — вроде для того, чтобы убедиться в стерильности изделия, и небрежно двинул его по столу ко мне. Мы оба неторопливо оприходовали содержимое своих стаканов, после чего мой собеседник (к тому времени я уже знал, что его зовут Олег) взболтнул оставшийся в бутылке янтарный напиток, посмотрел бутыль на свет и, крякнув, заметил нечто в том смысле, что, мол, «Хорошевский, но Мальцев». Были когда-то такие хоккеисты с подходящими к случаю фамилиями.

Я с повышенным участием отнесся к его словам, снова предпринял активные поиски денежных единиц по своим карманам и честно высыпал на стол пригоршню мелочи — мой вклад в предполагаемое продолжение процесса дегустации продукции тульских пивоваров. Сумма, которую мне удалось наскрести, явно была не той весовой категории, которая предполагала бы серьезное продолжение нашей беседы. Скорее уж, переход к обсуждению пользы воздержания. Но она все же продолжалась, эта беседа. Олег, бросив косой, как рожа китайского императора, взгляд на горстку монет, рассмеялся и, хлопнув меня по плечу, пошевелил в воздухе голубоватой хрустящей бумажкой. Через минуту мы уже возвращались к нашему столику, вооруженные каждый новой парой бутылок «Арсенального».

Само по себе то, что я ввязался в разговор с посторонним, не было очень большой ошибкой. Конечно, автор «Мастера и Маргариты» предостерегал от того, чтобы вступать в разговоры с незнакомыми людьми, которые могут оказаться вовсе и не людьми к тому же. Это хорошо знают его читатели. А пуще Сатаны и его присных могут достать просто любители пожаловаться на жизнь и поделиться своим мнением о том, отчего это жизнь пошла наперекосяк. Будто не знают, что достаточно тошно и без такого рода знания.

Но в наше время мало кто вообще хоть в какой-то мере знает тех, с кем сталкивает нас судьба, а при малой толике вовремя проявленной осторожности распитие умеренного количества пива с человеком незнакомым вполне может и не привести к трагическим последствиям.

Нет. Серьезные ошибки я начал делать потом.

* * *

Первой из них — этих серьезных ошибок — было вранье. Я никогда не говорил, что врать — это так уж плохо. Не такой уж я лицемер. Все мы знаем, что, вообще говоря, без вранья на этом свете никуда не денешься. При наличии оплаченного свободного времени я охотно сочинил бы «Апологию лжи». Притом совершенно серьезно, без дураков. Разве не круто сказано: «Тот, кто не лгал, не знает, что такое Истина»? Я не помню, кто высказался в таком духе. Может, даже не любимый мною Ницше. Одним словом, плохим можно назвать только вранье бесцельное — продиктованное какими-то подсознательными страхами или амбициями. Рефлекторное. Такое вранье может неожиданно и дорого обойтись вам.

Как это случилось со мной.

Собственно говоря, и само-то это вранье мое было мелким, привычным и чисто машинальным. На вопрос: «А что это за фиговинка там, на руке у тебя?» — я машинально ответил: «Да так, родинка...»

— А я подумал, что наколочка такая. Интересная...— рассеянно буркнул Олег, обсасывая кость сушеной воблы (отыскалась и таковая в его потертой сумке).

— Да нет,— так же рассеянно отозвался я, отрешенно разглядывая мирно поблескивающую гладь реки.

Солнце, которое освещало эту гладь, было уже усталым, осенним солнцем, хотя август только еще начинал гаснуть.

— Нет,— повторил я, сам не зная почему.— Она у меня где-то лет в восемнадцать — двадцать вылезла. Сам не знаю отчего...

Этим я окончательно решил вопрос о своей дальнейшей судьбе.

* * *

С Олегом я распрощался самым благодушным образом и уже к вечеру полностью позабыл о нашей мимолетной беседе.

Но мне о ней напомнили — той же ночью.

— Сережа, Сережа!..— расталкивал меня Рома.— Что ты там натворил?!

— А?! Что?! — бестолково, как и положено разбуженному во втором часу ночи праведнику, который ни сном ни духом не чувствует себя виноватым хоть в чем-то.

— За тобой пришли!.. Из милиции!..— дрогнувшим голосом сообщил он мне.

В его голосе читался не столько страх, сколько упрек и обида на своего непутевого брата — такого на первый взгляд доброго и покладистого. И так бессовестно обманувшего его доверие. До сих пор милиция приходила к нам только за ним. Два раза.

* * *

Тут мне стоило бы поподробнее рассказать о том, почему получилось так, что при живых отце и матери мы

с братом давно уже жили одни, без них в родном для нас, но уже чужом для них городе. Но историю своей — не самой благополучной — семьи я напишу как-нибудь в другой раз. Когда бог прибавит мне литературного таланта. Прибавит ровно настолько, чтобы я смог написать про то, как мать развелась — в мои пять — и снова вышла замуж — в мои двадцать два. И про то, как с новым мужем она убыла на постоянное место жительства в ближнее зарубежье, а квартиру благородно оставила Ромке (ему как раз стукнуло семнадцать), а Ромку — мне. Причем расскажу так, чтобы это было интересно хоть кому-то. Это значит — никогда.

А отец просто уехал в родное село и изредка из него наведывался. Вот и все.

— Какая милиция? — очумело спросил я.

И тут же увидел какая.

С виду самая что ни на есть обычная. Два хмурых типа в форме. Кажется, они были наряжены сержантами, эти двое. Не особенно церемонясь, они вошли в комнату и буквально нависли надо мной.

— Ну что? — хмуро спросил тот из них, что был постарше.

Он смахивал на порядком соскучившегося за время пребывания в клетке зоопарка, утратившего интерес к заботе о своем внешнем виде орангутанга. Он заглянул в мой паспорт, который уже держал в руках. Должно быть, его отдал ему перепуганный Ромка.

— Сергеев Сергей? Одевайся.

Я судорожно стал натягивать джинсы и майку-безрукавку с дурацкой эмблемой на груди.

— Руки покажи! Не так — вытяни перед собой!

Он небрежно повертел мою правую кисть. Потом пощупал левый локоть, буквально впившись глазами в Знак. Кивнул напарнику, и тот мгновенно защелкнул на моих запястьях сурового вида наручники. Старший мотнул головой: «Пошли!»

* * *

О том, что пришли за мной вовсе не милиционеры, я начал догадываться, как только взглянул на тачку, на которой они за мной прикатили. Глядеть на нее особенно долго мне не пришлось — меня довольно быстро в нее же и запихнули, но на то, чтобы сообразить, что джип «Чероки» явно не то, на чем служители закона выезжают на задержание, и «мобилы» они в карманах не носят, у меня времени и ума хватило. Хватило, как говорится, ума и на то, чтобы запоздало, когда джип уже сорвался с места, ошалело спросить: «Слушайте, а вы кто, ребята?»

Этим я сильно рассмешил обоих моих конвоиров.

— Ты, ей-богу, даешь! — заметил тот, что помладше, насмеявшись вдоволь.

И, чуть посерьезнев, добавил:

— Слушай, чего же ты на вопрос не ответил? Ну захотел посидеть здесь еще годик-другой, так в ножки куратору бы поклонился, глядишь, и вышла бы отсрочка... А на вызов не отвечать — последнее дело. Теперь дерьма накушаешься — на Той Стороне...

Должно быть, я глядел на него настолько потрясенно, что он запнулся и, не выпуская руля из одной руки, другой похлопал меня по плечу.

— Да ладно. Ты уж так не журись... Дальше Амбы, как говорится, не пошлют... Дуппель,— это он сказал уже своему старшему напарнику,— сними с человека наручники, а то он того... Типа того — вибрирует.

Поименованный странной кличкой Дуппель, добродушно усмехаясь, достал из кармана ключ и освободил меня от оков. Я поглубже вжался в сиденье и, скосив глаза в окошко, стал прикидывать, куда, собственно, везут меня мои странные спутники.

Занятию этому мне пришлось предаваться долго. Узнаваемые, хорошо знакомые улицы центра сменились куда менее знакомыми окраинами, унылыми многоэтажными массивами, которые в ночной темноте почти невозможно было отличить один от другого. Временами мы

проскакивали по местам, и вовсе мне не знакомым, словно и не в нашем городе расположенным. Например, мимо большого пруда, более похожего на озеро. Я и не знал, что такой здесь существует. Я отчаялся запомнить дорогу и впал в размышления. Поразмышлять было о чем.

Ясно, что меня с кем-то спутали. С кем-то, кто должен был прийти — но не пришел на вызов. С кем-то, кто знал таинственного куратора и имел право просить того о милости «посидеть здесь еще годик-другой»... С кем-то, кому предстояло накушаться дерьма — на Той Стороне... Надо было срочно что-то предпринимать. Точнее, срочно решать: предпринимать что-нибудь или нет, чтобы выбраться из получившегося замеса без особых неприятностей. И тут судьба не давала мне ни малейшей подсказки. Что будет правильнее — немедленно развеять случившееся недоразумение или, наоборот, как можно дольше держать похитителей в счастливом неведении об их ошибке? И если уж убеждать их в том, что я не тот, кто им нужен, то как? Черт возьми! Ведь даже вид моего — совершенно подлинного — паспорта не возымел на явившихся за мной решительно никакого действия. Для них главным было что-то другое.

Только вот что?

И тут я впервые вспомнил про темное пятнышко чуть выше локтевого сгиба моей левой руки. Ведь она совершенно точно произвела на явившихся за мной какое-то особенное впечатление, эта «родинка». Они вроде именно ее и ожидали увидеть. Старший как будто даже вздохнул свободно, когда убедился, что она на месте. Родинка. Рисунок.

Знак.

И меня прошиб пот.

Почему-то вспомнились слова из опуса Якоба Мюнстерского о Темном Пути. И еще мне вспомнилась судьба Яши. Точнее, ее конец. Я с трудом стряхнул с себя странное наваждение.

Нет, это какая-то чушь. Совпадение. Вот сейчас они довезут меня до того места, куда им надо меня доставить,

и выяснится, что произошла какая-то глупость. Путаница. Что-то у них не срослось, кто-то кого-то не понял... Только вот не получится ли при этом так, что я окажусь безнадежно лишним свидетелем. Таким, которого проще без всяких разговоров закопать в мать сыру землю, чем цацкаться с ним до второго пришествия? То, что для ребят, наряжающихся в чужую форму и разъезжающих на круто навороченных тачках, человеческая жизнь частенько котируется по курсу туалетной бумаги, для меня уже давно не было секретом.

И словно для того, чтобы укрепить меня в моих хреновых подозрениях, старший, сверившись с видом местности, по которой мы катили — а был это обширный и пользовавшийся дурной славой лесопарк,— полез куда-то под сиденье и вытащил из-под него небольшой, сшитый из плотной материи мешок, с шнурком-тесемочкой.

— Ну давай,— обратился он ко мне.— Ты порядок знаешь...

— К-какой порядок?! — спросил я испуганно.

— Да хорош дурить! — сурово оборвал он меня и принялся сноровисто и деловито натягивать мешок мне на голову.— Руки! Руки убери, а то снова кандалы надену!

Он затянул у меня под подбородком мешок заботливо продетым в него шнурком и удовлетворенно констатировал:

— Вот так-то лучше будет! Теперь сиди смирно. Скоро на месте будем.

Я постарался последовать его совету, убеждая себя в том, что если бы уж меня и хотели спровадить на тот свет, то надобности в том, чтобы лишить возможности запомнить дорогу туда, просто не возникло бы.

Порешив на том, я принялся считать повороты. Скорее для самоуспокоения, чем в надежде определить маршрут своего передвижения. Путешествовать с мешком на голове — дело само по себе невеселое. В нем было душновато, и время тянулось для меня просто бесконечно. Этому способствовали и некоторые другие обстоятельства, без которых я вполне мог бы и обойтись. Похоже было, что в напяленном на мою голову мешке до этого содержали

то ли кота (престарелого и имеющего проблемы с пищеварением), то ли какое-то другое животное, привыкшее одерживать победу в борьбе за существование в основном с помощью своего нестерпимого аромата. Мне не приходилось сталкиваться с американскими скунсами, но в тот раз именно о них подумалось мне. Все из-за чертова мешка. К тому моменту, когда меня наконец избавили от этого украшения, я мог думать только о скунсах — главным образом о том, что как-нибудь я таки доберусь до кого-нибудь из них.

Должно быть, поэтому моя способность удивляться чему-либо порядком притупилась как раз тогда, когда причины для этого удивления появились. В частности, я не слишком удивился тому, что первым, кого я увидел после того, как дурацкий мешок стянули у меня с головы, был давешний Олег.

Теперь он выглядел куда как более импозантно: физиономия его, днем покрытая неровным пятнистым загаром, была словно выстирана и проглажена хорошим утюгом. Короткая шевелюра как-то даже золотилась. Крепко сбитую фигуру облегала пятнистая защитная форма, которая смотрелась сейчас как парадная. Тянул он прямо-таки на полного полковника. Эффект усиливала окружающая обстановка.

Когда меня вели сюда, вниз по двум лестницам — одной крутой (я чуть не поломал на ней ноги), а другой пологой, я ожидал, что окажусь в типовом сыром подвале какой-нибудь окраинной «хрущобы». Однако, избавившись от проклятого мешка, я обнаружил себя в хорошо освещенном и комфортабельном помещении. О том, что я все-таки нахожусь в довольно глубоко (судя по количеству пройденных ступенек) под землей расположенном бункере, говорило только полное отсутствие здесь окон и гнетущая близость нависающего над головой потолка.

Олег расположился в кресле сбоку от широкого, директорского стола. Сам хозяин кабинета, которому надлежало бы находиться непосредственно за этим столом, блистательно отсутствовал. Ни мои конвоиры, ни Олег

не мешали мне вертеть головой и ровно столько, сколько угодно, пялиться на них самих и на обстановку просторного кабинета.

В кабинет вели четыре внушительного вида двери. Сам кабинет был что надо: с ковролиновым покрытием на полу, с деревянными панелями на стенах и даже с картинами. Это были пейзажи, выполненные без всякой претензии на художественные изыски. Скорее всего, работы небесталанного любителя (все примерно в одной манере). Лес. Горы. Какое-то побережье. Места не узнавались, но написаны были явно с натуры — чувствовалась в манере исполнения этакая неизжитая еще ученическая старательность, верность, понимаете ли, натуре. Я немного разбираюсь в таких вещах.

Ни на одной картине не было людей.

А еще в кабинете была пара дорогих компьютеров, полки с уймой красивых скоросшивателей, низкие столики — один с присоединенными к компьютерам сканером и принтером, другой — с ксероксом и факсом. Да, был еще и третий столик — журнальный — просто с вазочкой для цветов. Сами цветы отсутствовали так же, как и хозяин кабинета. Кроме директорского стола был тут и второй письменный стол — поменьше — у боковой стены. Для кого-нибудь вроде секретарши-стенографистки, наверное. Кресла, торшеры, обшитый деревом бар-холодильник. Все в консервативном стиле, с претензией на некую аристократическую роскошь. Никаких ламп или люстр на потолке. Комната была подсвечена скрытыми светильниками дневного света, расположенными за карнизом, тянущимся по всему ее периметру. Еле слышный рокот скрытых кондиционеров. Никакой подвальной сырости. Легкий аромат хвои в воздухе. Я стал различать его только позже — когда отошел от вони мешка.

«А там — сверху,— подумал я,— уж наверняка, не «хрущоба», а этакий новорусский особнячок этажа на два. Даже на три, скорее. С гаражом и всем таким прочим».

Я перевел взгляд на «сопровождающих лиц». Они поразному смотрелись в этом кабинете. Старший, Дуппель,

словно подрос и стал шире в плечах. И смотрелся уже не потертым жизнью орангутангом, а скорее уж умудренным жизнью кандидатом в аксакалы. Даже волосы его легли как-то ровнее. Он оказался заметно старше, чем показалось мне сначала. Милицейская форма как-то стушевалась и совершенно не бросалась в глаза. Похоже, он был своим в этих апартаментах.

А вот «метр с кепкой» явно своим здесь не был. Он как-то уменьшился в размерах. Отступив к дверям и стеснительно переминаясь с ноги на ногу, он мял в руках свою ментовскую «пидорку», словно ходок на приеме у председателя ВЦИКа. Кроме картуза в руках у него был еще и тот самый доставший меня своим «амбре» мешок. Я на мешок этот кивнул вопросительно и с большой неприязнью.

— Вы что? — осведомился я.— Кошачье дерьмо в этой штуке возили? Задохнуться же можно...

— Так то ж ваш бальзам... — растерянно возразил тип, оглядываясь в поисках поддержки на иронически улыбающегося Олега.— Спецпропитка...

— Ладно,— махнул тот на него рукой.— Свободен. Ступай.

— Слушаюсь, Ольгред Юрьевич,— с облегчением отозвался тот и бесшумно исчез за тяжелой дверью.

«Ольгред,— подумал я.— Никакой не Олег. Во как...».

— Что скажешь? — повернулся Ольгред Юрьевич к Дуппелю.

Тот крякнул, глубоко засунул руки в карманы и, ссутулясь, направился к одному из стоявших поодаль — у второго стола — кресел.

— С парнем что-то не так,— коротко бросил он, тяжело опускаясь в кресло.

Он рывком вытащил руки из карманов и так крепко вцепился ладонями в подлокотники, словно собирался на кресле этом катапультироваться в стратосферу. Оторвал он их от полированных деревяшек только после минут трех-четырех какой-то тягостной внутренней борьбы.

Оторвал и недоуменно растопырил в воздухе в знак своего недоумения. Затем принялся искать курево.

— Не врубается,— продолжил он, рассеянно хлопая себя по карманам.— Совсем дикий. Живет в семье. В смысле с братом.

Он наконец отыскал затерявшуюся в ментовском мундире пачку сигарет — самых дешевых, «Тамбовского волка», и закурил от стоявшей на столе настольной зажигалки, этакого гранитного куба в полкилограмма весом. «Волк» должен был бы противоречить антуражу этой, на заказ отделанной и оформленной комнаты. Но Дуппель держал сигарету и затягивался ею на какой-то свой особый манер — и по-жлобски, и аристократически одновременно— и этим как бы разрешал своему дешевому куреву вписаться в дорогой интерьер. Струйка сизого дыма тут же торопливо потянулась к вентиляционной щели.

— Диких колдунов не бывает,— возразил ему Ольгред, задумчиво откидываясь в кресле.— Были, да вышли, считай, два века назад. Даже два с половиной.

Ни он, ни Дуппель не обращали на меня никакого внимания. Во всяком случае не больше, чем на прочие предметы меблировки кабинета. Я решил, что вправе отвечать им тем же. Я отряхнул волосы от таинственного содержания мешка и довольно непринужденно направился к креслу у журнального столика. Уселся в него и уставился на хозяев, наклонив голову набок. Они и к этому остались безразличны.

— Он не прикидывается,— холодно заметил Ольгред и закинул ногу на ногу.— По крайней мере, мне так кажется. Я такие вещи чую за версту. До сих пор не промахивался. Вот что...

Он легко поднялся на ноги, обогнул директорский стол и быстро подошел ко мне.

— Покажи-ка руку, Сергей.

Я молча подчинился его приказу.

Дуппель вытащил что-то из ящика бокового стола и торопливо подошел к нам.

Олег-Ольгред рассматривал Лик Лукавого и так и этак. Дуппель протянул ему здоровенную лупу в начищенной медной оправе — ее-то он и вытащил из стола. Ольгред взял этот инструмент и принялся рассматривать Лик, то поворачивая мою руку к свету, то растягивая кожу пальцами. Я поморщился, но продолжал молчать. Мне уже стало просто любопытно, когда же эти двое или хотя бы один из них соблаговолят обратиться ко мне. Но сей момент все никак не наступал.

— Ничего не понимаю,— сказал наконец Ольгред.— Все в полном ажуре. О совпадении тут и говорить нечего.

Он задумчиво уставился на меня — так озадаченно смотрит механик в гараже на мотор, который он только что перебрал по винтикам, промыл, смазал и заправил горючим. И который тем не менее — хоть ты тресни, хоть разбейся! — не фурычит.

— Остается предположить одно,— задумчиво произнес он.

Судя по наступившему многозначительному молчанию, Дуппель понял его без слов.

Только я по-прежнему не понимал ровным счетом ничего. Разумеется, за последние час-полтора я мог бы уже свыкнуться с таким состоянием, но в данном случае дело усугублялось зловещим молчанием и понимающим переглядыванием похитителей. Я начал казаться самому себе особо заразным больным, представшим перед консилиумом медиков, которые явились, чтобы без особых сантиментов сообщить клиенту, что сейчас самое время приступить к составлению завещания. А может быть, даже к немедленной кремации заживо.

— Заклятие,— первым нарушил молчание Дуппель.— Первый раз вижу своими глазами. Слышать приходилось много, а вот так...

— Но ничего другого не напрашивается,— вздохнул Ольгред.— Будем работать, исходя из этого.

Он повернулся и подошел к бару. Вернулся с бутылкой «Тичерс» и тремя стаканами. В стаканах позвякивал лед.

«Здорово они работать собрались»,— подумал я.

Ольгред плеснул понемногу себе и Дуппелю и от души — мне. Наконец-то он уставился на меня, а не на злосчастную татуировку. Смотрел сочувственно и даже с толикой какого-то уважения.

— Глотни, Сережа,— сказал он ласково, протягивая мне стакан.— Ты извини, что мы тебя так вот... — Последовал неопределенный жест.— Понимаешь, с одной стороны, дело серьезное, а с другой... Мы думали, что ты в курсе дела и просто, как говорится, шлангом прикидываешься... А тут... Ты, оказывается, всерьез ничего не понимаешь. Так что нам с тобой предстоит поработать... Во всем разобраться... Да ты не бойся. Ничего никто тебе не сделает. Ты давай,— он кивнул на стакан,— расслабься немного...

Я машинально взял виски, но решил не спешить с выполнением полученных ценных указаний.

— Это у вас так принято — после первой не закусывать? — спросил я, сосредоточиваясь на побалтывании кубиков льда в янтарном пойле.

— В самом деле,— самокритично заметил Ольгред и, наигранно нахмурившись, глянул на Дуппеля.

Тот поправил воротник и отправился копаться в холодильнике. Я продолжал развивать инициативу:

— Я, знаете, больше не выпить хочу, а отлить... Вы не собираетесь разрешить мне поссать?

— Ну грубость-то зачем? — укоризненно заметил Дуппель, приближаясь с банкой шпрот, разовыми пластиковыми вилочками и консервным ножом в руках.— «Поссать, поссать»... — передразнил он меня.— Хочешь помалому — вон в ту дверь. Там — вторая дверь направо по коридору. Не заблудись. И веди себя правильно.

Он достал из-под мундира мобильник и распорядился:

— Ребята, сейчас к вам чудик один придет. Да, именно «до ветру». Присмотрите, чтобы не заблукал... Лады.

Дуппель вежливым жестом определил мне направление движения.

Смею вас заверить, что справлять малую нужду под присмотром пары наряженных в бронежилеты воору-

женных мордоворотов — занятие, вовсе не приносящее желанного облегчения. Думаю, что и большую — тоже.

Когда я вернулся в кабинет, оба моих новообретенных знакомых, нещадно смоля Дуппелева «Волка», уже восседали в креслах вокруг журнального столика, украшенного теперь уже сильно опустошенной бутылью виски, полупустой коробкой шпрот и — на отдельном блюдце — нарезанным тоньше тонкого лимоном. Еще на столе лежала этакая тоненькая папочка-скоросшиватель.

— У тебя, Сергей, не мочевой пузырь, а прямо-таки нефтеналивной танкер,— заметил Дуппель, посасывая остатки лимонной дольки.— Судя по затраченному времени.

— В следующий раз тебя с собой возьму,— раздраженно отозвался я.

— Ну вот — опять ты грубишь,— мученически морщась, констатировал Дуппель.— Напрасно ты это, Сережа...

— Это я-то грублю! — возмутился я.— Вы тут уголовщиной занимаетесь, а я вам слова не скажи! Мало того, что меня насильно затащили и здесь насильно заперли, так вы же еще мне братишку до смерти испугали! И вообще — что вам от меня надо?! Что мы тут собрались: бутылочку на троих раздавить и побазарить малость, только и всего? Что вы ко мне с родинкой этой пристегались?! Ну не родинка это, ну татуировка, ну и что?! Знак, что ли, это масонский или как?!.

И Ольгред, и Дуппель одновременно весело уставились на меня. Похоже, я их основательно рассмешил.

— Татуировочка, значит... — усмехнулся Ольгред.— Ну-ну... Ты давай садись,— кивнул он на недавно покинутое мною кресло.— Прими стопаря, пригаси эмоции и поговорим толком...

— Нет бы с этого и начать,— буркнул я и осушил оставленный для меня стакан. (Помирать — так с музыкой...) — И еще — можно бы было начать с того, чтобы познакомиться... Представиться, кто такие.

Ольгред благодушно откинулся на спинку кресла и принялся рассматривать, как тают остатки льда на дне

его стакана. Я, стараясь не скривить физиономию, закусывал лимоном.

— Представиться, говоришь? — осведомился он.— Это несложно. Будем знакомы — капитан Ольгред к твоим услугам. И Советник Дуппельмейер...

— Сергеев,— мрачно ответствовал я.— Сергей Сергеич. Можете смеяться... А вас самих, кстати, как по фамилии-отчеству? И какого флота ты капитан, а ты кому советник?

Капитан и Советник вяло рассмеялись.

— У нас без фамилий. И без отчеств. Настоящее имя у человека одно. И у тебя тоже одно. Только тебя заставили забыть.

— До встречи с вами, господа хорошие,— возразил я,— никто и ничего не заставлял меня делать... разве что в детстве — на горшок проситься...

— А вот это уже, прости, твоя иллюзия, Сережа,— улыбнулся Ольгред.— Ты в армии не в тех частях служил, где народ дурака валяет... В других, в других, Сереженька.— Он похлопал по лежащей на столе папочке.— Да и потом — недавно совсем — кто-то что-то тебя заставил сделать. Например, забыть кое-что важное. Ты и забыл. Вижу — честно забыл. Придется вспоминать. Вместе. Но давай по порядку.

Он плеснул мне в стакан все оставшееся в бутылке виски.

— Давай расскажи-ка ты нам, друг Сережа, про себя малость. И про родинку эту твою, или, как ты говоришь, татуировочку. Когда, где она у тебя завелась-появилась. Как ты себя при этом чувствовал. И что ты об этом обо всем думаешь... Только без брехни, пожалуйста, без лажи. У нас тут,— он постучал согнутым пальцем по все той же смирно лежавшей в стороне папочке,— на промокашке весь ты есть. Со всеми потрохами. Так что глотай,— он кивнул на стакан,— закуси и поехали.

Я допил «Тичерс» (даже лучший виски всегда был и остается в моих глазах проклятым самогонищем), стара-

тельно выскреб из банки остатки шпрот, развалился в кресле и приступил к рассказу.

Биографию свою я к тому времени уже столько раз излагал — устно и письменно, что она вылетала из моих уст без сучка без задоринки, не вызывая обычно никаких вопросов. В этот раз вопросы, правда, были про бабку-эмигрантку (с чего это вдруг она в пятьдесят пятом надумала вернуться в Союз?) и про отца, полжизни промотавшегося по Африке и Юго-Восточной Азии — сначала геологом на контракте, потом — преподавателем, а под старость — специалистом на гранте.

Дуппель — точнее, теперь уже Дуппельмейер — долго сомневался, что такое случилось само по себе при наличии в семье потомков белоэмигрантов. Объяснять ему, что и в советские времена в таких вопросах раз на раз не приходилось, а отец мой с семьей вообще не живет уже бог весть сколько лет, было бесполезно и геморройно. Тип был из тех, что дал себя убедить, что в былые времена в этой стране творились одни лишь кошмары, и сознание этого греет ему сердце и позволяет не видеть того простого факта, что многое вокруг так кошмарным и осталось, несмотря на то что грянуло царство свободы. А кое-где кошмару еще и прибавилось.

Впрочем, этот всплеск недоверия не шел ни в какое сравнение с тем девятым валом, да куда там валом — цунами — полного неприятия моего пусть и бестолкового, но предельно правдивого рассказа об истории с Яшей, Якобом Мюнстерским, и возникновением странного рисунка на сгибе моей левой руки. Сомнению подвергся сам факт физического существования Яши, а уж тем более всплывшего по ходу рассказа Алика Балмута.

Ольгред тут же уселся за компьютер — наводить необходимые справки «через наших людей в ментуре». Упоминание о таковых меня расстроило. Все-таки подсознательно я все еще рассчитывал, что органы правопорядка в этой странной истории на моей стороне, и вдруг отворится дверь и наряд бравого спецназа... А вот тебе фиг, Сережа!...

В ментуре у этих типов тоже свои люди...

В ожидании ответов на свои запросы Ольгред несколько расслабился, стрельнул у Дуппельмейера еще одну сигарету и, рассеянно поглядывая на мерцание экрана монитора, приступил к ликвидации моей безграмотности. Дуппельмейер, отойдя в дальний угол кабинета, занялся какими-то переговорами по своему мобильнику, хотя время от времени и вставлял замечания в наш разговор.

Разговор, собственно, был монологом Ольгреда. Я предпочитал сохранять ядовитое молчание.

— Ты напрасно, Сережа, на нас дуешься словно мышь на крупу,— со своим прежним деланным добродушием вразумлял меня Ольгред.— Все совсем не так, как тебе кажется. Считай, что тебе повезло. Ну...

Тут он обрисовал своей сигаретой в воздухе сложной конфигурации загогулину.

— Ну и не повезло в то же время...

Он немного подождал — не задам ли я подходящего вопроса по случаю столь парадоксальной оценки странного поворота моей судьбы. Не дождавшись, он несколько разочарованно продолжил:

— Повезло тебе, Сережа, потому, что из миллиона ты один несешь на себе Знак. Нам с тобой тоже повезло, Сережа: за одного такого, как ты, платят столько, что хватает не только себя, но и потомков своих до седьмого колена обеспечить. Причем очень хорошо обеспечить... Ты не бойся,— спохватился он,— таких, как ты, не на органы для пересадки продают... И не в дома терпимости для педиков. И не в Чечню — на предмет работорговли. Ты... Такие, как ты, как боги живут там... Правда, бывает недолго... Но... Ты же у нас будешь умником?

Я продолжал молчать.

— Понимаешь,— покрутив головой в знак недовольства моей несговорчивостью, продолжил он,— всем нам хочется прожить жизнь, может быть, и короткую, но зато полную приключений и как бы тебе сказать... ну значимую, что ли... Так вот, это будет дано тебе. А нам, грешным, нет!

Он вдруг нервно затянулся сигаретой, словно поймал себя на чем-то, что его как-то выдало, ослабило его позицию.

— А не повезло... Не повезло тебе, Сережа, в том, что раньше, чем мы, на тебя вышли другие...

Снова от меня ждали вопроса. Ну хотя бы о том, кто те, другие?

И снова я промолчал. От напряженного молчания у меня даже во рту пересохло.

— Понимаешь,— задумчиво, чуть более задумчиво, чем всего минуту назад, проговорил Ольгред,— мы тут вне игры. Твои хозяева на ножах с какими-то своими врагами. А ты и такие пешки, как ты,— разменная монета в их играх. Ты это почувствуешь на собственной шкуре. Потом еще найдешь в этих... играх свою прелесть. И во всем этом вообще... Ты даже не представляешь, на какие трюки тебя могут расколоть те, кто знают настоящие секреты. Если, конечно, с тебя снимут заклятие. А оно на тебе есть, это — точно.

Он даже хлопнул по столу ладонью, и дымок от зажатой между пальцами сигареты зарегистрировал это резкое движение, нарисовав судорожный зигзаг, проживший несколько секунд в своем неудержимом стремлении к вентиляционной решетке.

— Есть, есть такие черти, которым не по нутру существование таких, как ты,— отмеченных... Ну... Если точнее говорить, то не сами вы им не по нутру, а то, что служите вы не им, а другим — нашим Хозяевам...

Слово «Хозяева» он так и произнес — с большой буквы.

— Вот они вас и портят — заклятие на таких лопухов, как ты, налагают. А потом к себе в Темный Мир, уводят. А там... — Он махнул рукой.— Понимаешь — если б не заклятие, ты бы сам к нам пришел. Пора уже. Почувствовал бы призвание и пришел бы. Мы ведь тоже время зря не теряем. По всей Земле-матушке для таких вот, как ты, вешки расставили. Знаки. Указатели. Но ты... Ты не заметил... Ни одного из них — этих знаков не заметил.— В голосе Ольгреда прозвучал упрек.

— Вообще-то,— повернулся к нему, отвлекшись от наяривания на клавишах телефонного аппарата, Дуппельмейер,— мы должны были сразу предположить самое худшее. Но мы-то предположили не наихудшее, а наивероятнейшее. И надо же — просчитались!

— Наивероятнейшее,— попробовал догадаться я,— это то, что я от вас прятался. Дезертировал. Не захотел идти туда, куда вы оправляете таких — меченных этим дурацким Знаком...

Лицо Ольгреда исказилось, словно молния сверкнула где-то рядом.

— Никогда не говори так о Знаке!

Он почти выкрикнул это.

Я даже испугался немного — вдруг он кинется бить мне физиономию. Но он быстро взял себя в руки. Хотя и не сразу. Похоже, что я наступил на какую-то его любимую мозоль. А вообще все происходящее казалось мне какой-то дурацкой постановкой: ну не мог такой серьезный мужик, как Ольгред, всерьез нести какую-то чушь про колдунов и Темный Мир.

Однако же нес.

— Вот тебе и доказательство,— снова подал голос Дуппельмейер.— Симулянты делают вид, что не узнают Знак. Что не понимают, о чем вообще идет речь... Что они утратили Дар. Что они сделались полными идиотами. Даже что они продались тем — другим. Были и такие дурни, которые пытались Знак вытравить.— Его лицо неприятно дернулось.— Таких жаль, ей-богу... Но ни один из них — ни один! — не смеялся над Знаком. Не говорил о нем дурного слова. Это — в крови. И только те, на ком заклятие, должно быть, могут преодолеть это...

Он так и не дозвонился до того номера, который все набирал и набирал без конца, и, бросив это занятие, грохнулся в кресло и озадаченно уставился на меня.

И словно чтобы разрешить повисшее в воздухе напряжение, откуда-то сверху, изнутри громоздящегося над нами дома пришли звуки. Масса приглушенных звуков. Хлопнула дверь. Загрохотали шаги. Послышались голоса.

Кто-то требовательно спрашивал кого-то о чем-то. Кто-то торопливо и, похоже, бестолково рапортовал. Кому-то о чем-то.

Мои непрошеные опекуны сразу подтянулись и напряглись. Словно забыв обо мне, устремили свои взгляды на входную дверь. Виски, шпротная банка исчезли как-то совершенно незаметно. Я демонстративно принял расслабленную позу человека, которому все по фигу.

Ожидание не было долгим. Старательно визируемая двумя парами глаз тяжеленная с виду дверь мягко отъехала в сторону, и в кабинет стремительным шагом вошел хозяин. Тут не могло быть сомнений — конечно же это был хозяин. Об этом говорило все: и его — невзрачного в общем-то мужичонки — небрежный, но в то же время пронизывающий взгляд из-под приопущенных ресниц и столь же небрежный — в никуда — кивок коротко стриженной головой. А главным образом об этом говорила реакция ожидавших его подчиненных: вот уж воистину короля играет свита. Свита играла неплохо. И Ольгред, и Дуппельмейер буквально ели вошедшего глазами. Как ни странно, на меня он обратил куда больше внимания, чем на них. Подошел вплотную и протянул мне руку — маленькую и сухую ладонь. Чтобы пожать ее, мне пришлось подняться в полный рост и тоже как-то подтянуться.

Он был невзрачен — я уже сказал об этом. Короткие, редкие и белесые волосы. Белесые ресницы. Бесцветные глаза. Рост пониже среднего. Кривоватые ноги. Одет тоже неброско. Куртка — светлый вельвет и уйма «молний». Светлые брюки — слегка помятые. Кроссовки «Рибок»... Неприметный, в общем, такой чухонец. Только старательная осанка и натянутое лицо-маска с чуть подергивающимися мышцами придавали его внешности хоть какую-то выразительность

— Трой,— коротко бросил он.

Я не сразу понял, что это он представился, и поэтому некоторое время просто стоял столбом, чувствуя себя довольно нелепо. Хозяин, впрочем, не придал этому ни

малейшего значения. Он деловито расположился за столом, сцепил пальцы в замок и уперся ими в полированную крышку стола. Теперь он перенес свое внимание на моих «опекунов» и некоторое время молчал, переводя взгляд с одного на другого.

— Ну как? — спросил он наконец.— Ноль? Полнейший?

Дуппельмейер как-то очень ловко принял невинно-посторонний вид, уступив честь общаться с явно раздосадованным шефом более стойкому Ольгреду.

— Ноль,— признал тот.— Знак есть, но и только. Никакого отзыва — ни на один стимул. Вывод — заклятие. Другого ничего не напрашивается.

— Дубовая работа,— коротко заключил Трой.— Заранее угадать слабо было? Сколько вам дали на разработку? Месяц? Потом еще один? И что толку?

— Такое раз в сто лет бывает... — развел руками Ольгред.

— Это ты мне рассказываешь? — уставился на него шеф.— Вот что — осрамились мы с вами. И с этим еще будем разбираться, но не сейчас. Сейчас мы с господином Сергеевым разобраться должны. Сегодня. До полуночи. По *их* времени. И сдается мне, что разобраться с ним можно только одним способом. Вы знаете каким.

От этих слов у меня — который уже раз за эти сутки — неприятно похолодело под ложечкой.

— Слушайте,— попробовал я вмешаться в разговор.— Может, хоть что-нибудь и у меня спросить стоит? Хочу я в ваших играх участвовать или нет... Я ведь не пенек все-таки. И вообще, не пора ли мне домой? К родному братику, как говорится. Он у меня, кстати, неблагополучный. Проблемный. Он из-за ваших, господа, фокусов на каких-нибудь ментов наехать может. В натуре. А это, знаете, чревато...

Трой посмотрел на меня участливо, как положено смотреть на убогих.

— Конечно,— тихо ответил он мне.— Конечно, у меня есть о чем спросить вас, Сергей. Правда, только об одной

вещи... — Он заглянул мне в глаза.— Вы хотите жить, Сережа? И не желаете смерти своему братишке? Ну и другим своим близким тоже...

Секунду или две мы молча смотрели друг на друга.

— Только ты не пойми меня так, Сережа, что я тебе угрожаю... Просто ты попал в тяжелое положение... И нас в него поставил тоже. После того как ты выдал себя... Пожалуй, ты и действительно напрочь забыл, что такое Знак. Раз ты даже не пытался скрыть его. Но постарайся понять: теперь ни у тебя, ни у нас здесь нет выхода. Просто нет выхода. Все.

Он поморщился и переложил с места на место нож для разрезания бумаги, неведомо зачем украшающий его стол.

— Нам остается только одно,— вздохнул он,— перебросить тебя *туда*. Не обещаю, что *там* ты уцелеешь, но это все, что мы можем сделать в сложившейся ситуации — и ты, и мы...

Он снова умолк, постукивая кончиками пальцев по столу.

— Не буду тебе врать, Сережа. Оттуда не возвращаются. Не для того ты помечен Знаком. Да ты и не захочешь возвращаться. *Там* у тебя будет совсем другая жизнь... Но о своем братишке не беспокойся. Ты его еще увидишь. Сможешь попрощаться. Передашь деньги. И потом он будет получать от тебя переводы, очень приличные. И письма ты ему сможешь писать... Мы его успокоили уже — звонили, принесли извинения и отпустили. Грубый он у тебя...

Трой поморщился какому-то недавнему воспоминанию, снова переложил с места на место не дававший ему покоя ножик и закончил:

— А сейчас ты успокойся немного, придумай объяснение для поспешного отъезда далеко и надолго. Мы сейчас это дело немного отрепетируем и потом домой к тебе съездим...

— Вы, я вижу, уже все тут за меня здорово так решили... — зло, но уже не так, как раньше, отозвался я.— С вами, кажется, не поспоришь.

А про себя подумал: «Если удастся увидеть Ромку, то еще посмотрим, как у вас все обернется»...

— Сообрази уж сам,— развил достигнутый эффект господин Трой.— Если бы мы хотели тебя угробить, так давно б уж в лесополосе тебя прикопали. Грабить тебя или выкуп за тебя ждать — пустой номер. Мало того, мы твоему братишке еще и деньжат подкинем. Да и вообще присмотрим за парнем. Чтобы далеко по плохой дорожке не зашел. Так что на нас тебе злиться нечего... Просто поработай немножко головой...

Он набрал на своем мобильнике номер. Подождал. Нажал «редиал» еще раз и еще раз подождал. Потом пристально посмотрел на меня.

— Не отвечает Ромка твой,— бросил он.— Похоже, что трубка снята. Может, он по милициям да по моргам названивает. Не поверил нам. А может...

Он откашлялся и повернулся к замершим в ожидании Ольгреду и Дуппельмейеру.

— Придется туда ехать. Срочно.

— А?..— Ольгред кивнул на меня.

— Его?..

Трой отбил по столу очередную задумчивую дробь:

— Его на всякий случай с собой прихватите. Только осторожно. Осторожно, ребята...

* * *

Джип «Чероки» снова катил меня по городу. Наручники на время передвижения на меня, слава богу, надевать не стали. И — за что богу особая хвала — обошлось без того, чтобы напяливать мне на голову мешок со спецпропиткой. Несколько раз, когда машина притормаживала на поворотах или плутала по лабиринту запутанных и плохо мощенных переулков и тупиков, мною овладевало желание выкинуть номер в стиле чернушного боевика —

ошарашить чем-нибудь сидевшего слева Дуппеля или сидевшего справа Ольгреда (а то и обоих) и, вышибив боковую дверцу, выброситься на мокрый асфальт и пуститься бежать. Когда мелькавшие мимо подворотни, переулочки и закоулки становились вдруг страшно знакомыми, это желание становилось прямо-таки неудержимым.

Но я справился с этим искушением. Из этого, кстати, могло что-то получиться. Все-таки в армии я не мух хлебалом ловил. Но меня удерживал Ромка. Точнее — та неопределенность, что нависала над ним.

Мы добрались до моего дома спокойно. Без приключений.

По лестнице до дверей нашей с Ромкой квартиры мы так и поднялись втроем. Впереди — Ольгред, за ним — я, за мной, в двух шагах — Дуппель. Оба моих конвоира придерживали наготове по стволу — осторожно, за полами пиджаков, чтобы не привлекать внимания. У двери оба слегка отступили назад. Я потянулся к звонку и замер. Неприятный холодок пробежал внутри.

Дверь была незаперта.

Я молча смотрел на нее секунды три. Потом события стали разворачиваться стремительно, словно сорвались с цепи, и разворачиваться в основном без моего участия.

И Ольгред и Дуппель одновременно поняли, что происходит, обменялись короткими кивками и вытащили свои стволы. Дуппель что-то тихо буркнул в появившийся в левой руке мобильник, а Ольгред, оттолкнув меня к стенке, рванул дверь на себя, ударом ноги распахнув вторую, внутреннюю. Тоже полуоткрытую.

А затем они с Дуппелем рокировками (один бросался вперед и закреплялся в укрытии, другой прикрывал его своим стволом, после чего они менялись ролями) ворвались в квартиру и молниеносно прочесали ее. Все это выглядело очень эффектно, кинематографично... Я даже двинулся за ними вслед — не из смелости, скорее из любопытства. И потому, что стоять одному в гулком колодце подъезда было еще более жутко, чем быть там, в деле.

Я бы даже оценил художественные достоинства разыгравшегося передо мной действа, если бы оно разыгралось не в тех коридорах и комнатах, в которых прошло мое детство. (Остальная жизнь — бог с ней! Ее словно и не было.) И если бы после этого мини-погрома из своей спальни вдруг вылез бы похмельный Ромка и, тупо хлопая глазами, заорал бы: «Вы че, мужики?! Одурели или как?! Да я щас! Да я вас!»

Но Ромка не выскочил. Его не было нигде. Ни в спальне, ни в гостиной. Ни в заваленной спортивным хламом «комнате родителей». Ни на лоджии. Ни на балконе. Ни (чего я боялся больше всего) под окнами, ни на улице, ни во дворе. Но еще хуже было другое.

Конечно, Дуппель и Ольгред порядка в квартире не добавили. В своих бросках оба моих конвоира перевернули пару-тройку стульев и обвалили одну или две полки с книгами и какой-то ненужной, вообще говоря, ерундой. Но они — ясное дело — не пролили в моем доме ни капли крови.

А тем не менее кровь теперь здесь была повсюду — веером брызг на стене в прихожей. Потеками на зеркале в ванной. Пятнами на скомканных листах у принтера. И аршинными буквами на стене спальни. Полукругом. Словами на неизвестном языке. Непонятными буквами. Иероглифами.

Знаками.

Я закричал.

Заорал, скорчившись под этим жутким орнаментом, у скомканных (и тоже измазанных кровью) простыней, сваленных у изголовья Ромкиной кровати, между нею и дурацкой тумбочкой с наваленными на ней глянцевыми журналами. Какой-то из них (помнится, это был помятый номер «Птюча») окончательно доконал меня, и я принялся рвать и топтать его, выкрикивая что-то дикое и несуразное.

Это помрачение отступило только тогда, когда Ольгред тряхнул меня за плечи и, влепив крепкую затрещину, заорал:

— Сопляк! Заткнись! Заткнись и кончай свои нюни! Читай! Если хочешь брата спасти — *читай*!

Я не сразу сообразил, чего он хочет от меня. Не знаю, сколько ушло времени — секунды или минуты — на то, чтобы, хоть мало-мальски придя в себя, я понял, чего от меня хочет Ольгред: прочитать то, что кровью было написано на стене. Но эти сложившиеся в полукруг, торопливо намалеванные буквы не говорили мне ровным счетом ничего.

Да и не буквы это были вовсе. Знаки. Руны.

Иероглифы...

Какое-то воспоминание скользнуло в самом темном углу моего сознания. Но не дало себя задержать и рассмотреть.

— Быстро... — распорядился Ольгред.— Надо уводить его отсюда...

— Ага... — каким-то странным, задумчивым, совсем не подходящим к ситуации голосом отозвался Дуппель.— Только вот... Смотри...

Оба они, словно зачарованные, замерли в дверях спальни. Уставились на что-то там, что было перед ними в коридоре... Я глупо заглянул через их плечи. Ничего особенного там; в коридоре, не было. Только карта лежала на полу. Не географическая, конечно, а карта Таро. Или вроде того. Я такие довольно часто видел разбросанными по дому у Яши. Покойного...

Я неправильно сказал, что в этом не было ничего особенного. Было. Да еще как было! Карта-то эта дурацкая просто не могла лежать там, где она лежала, на слегка потертом линолеуме, на полпути к входной двери. Ее просто не было, когда мы влетели в квартиру. Несмотря на быстроту происходившего тогда — всего-то несколько секунд назад — и несмотря на владевшее мною волнение, я был внимателен. Я был чертовски внимателен! Именно потому, что понимал: случилась беда! В момент стресса память моя становится цепкой и емкой. У меня, например, все еще стоял в глазах проклятый полукруг кровавых Знаков, на которые я и смотрел-то секунд пять.

— Заперто... — каким-то враз упавшим голосом определил Дуппель.— Хана. Влипли в ловушку!

Он стал пятиться, оттесняя всех нас назад, в разоренную, забрызганную кровью спальню. Ольгред, держа ствол наготове, кинулся к окну.

И тут началось!

Музыка. Ударивший по ушам немой хорал. Именно немой, потому что ни звука не прозвучало на самом деле в наполненной напряженным ожиданием комнате. Он был во мне — этот странный хор, запредельными, бьющими по душе рифмами выпевающий одно заклятие за другим.

Иногда мне кажется, что он и до сих пор звучит во мне — этот немой хорал.

Свет залил пространство — там, снаружи. Белый, слепой свет, полный чьей-то чужой ненависти — слепой и слепящей. Пыльными столбами проник в квартиру сквозь щели наглухо задвинутых штор. Сделал все в доме каким-то мертвенно-фиолетовым — только черное и белое, никаких переходов — отпечатком. Оба моих спутника бросились на пол, заслоняя лица от этого холодного пламени. Дуппельмейер резко рванул меня за штанину, и я, ругаясь на чем свет стоит, грохнулся рядом с ним, пребольно треснувшись затылком о спинку кровати.

— Уходим! — хрипло заорал Ольгред.— Быстро! Влей ему *это*! Его надо забрать! С собой! Любой ценой! Обязательно!..

Дуппель только растерянно хлопал глазами, глядя на него.

— Мы ведь не... А как же?..— выдавливал он из себя.

— А вот так!!! — хрипло заорал Ольгред, всовывая ему в руку причудливой формы металлический флакон.— Ты в передел хочешь?!

— Н-нет... — запинаясь, вымолвил Дуппельмейер, отвинчивая крышку сосуда.— От-т-куда у т-тебя Фиал? Кто дал тебе? И... и п-потом — к-как ж-же мы?

— От верблюда!!! — Ольгред уже не мог не орать — Кто надо, тот и дал! Заливай ему в пасть весь! До дна! Для нас у меня второй есть!

Дуппель никак не мог справиться с крышкой флакона. Пальцы не слушались его.

Дом начало трясти, словно сотни уродливых демонов, по-мартышечьи ухватившись за все, за что там — снаружи— можно было ухватиться, взялись раскачать, разнести вдребезги все, что мешало им тут же ворваться в дом и начать в нем свой шабаш. Свет, бьющий в окна, сделался вконец нестерпимым. Казалось, выжигал все живое.

— Пей! — Дуппель протянул мне флакон.

Ему удалось-таки справиться с винтовой заглушкой сосуда. В ноздри мне ударил терпкий нездешний запах. Запах, пришедший с «той стороны».

— Н-на, г-глотай! П-полный Фиал! До дна! Не р-разлей, дубина! П-пей! Это — твое спасение!.. Б-больно не б-будет!

Глава 2
ПО СТРАННОМУ КРАЮ

Сволочь — обманул! Больно было.

Еще как больно! И снаружи, и внутри. Внутри — это я не про ту боль, которая скрутила мне внутренности и вывернула все до единого суставы. Это я про состояние души. По всей видимости, состояние это было примерно таким, которое заставляет наркомана лезть на стенку на пике «ломки». Только в сто раз сильнее. В смысле — хуже. Хотя, конечно, это только предположение. Ширяться мне не приходилось. И может быть, то, что испытал, было всего лишь цветочками. В таком случае прошу прощения у наркоманов.

Я даже утратил чувство времени. Говорю вам честно: я до сих пор уверен, что кошмар этот длился вечность. И ни секундой меньше. Пожалуй, единственной осознанной мыслью, которая посетила меня на протяжении

этой вечности, было только острое желание лишиться наконец сознания.

Приходить в себя я начал, когда понял, что пытаюсь закричать. В самом деле, что может быть естественнее, когда тебе больно, чем кричать от боли? Какое-то время— не знаю какое (повторяю, со временем у меня тогда были крупные нелады) — этот крик оставался во мне, не в силах почему-то вырваться наружу. Но потом вырвался. И вместе с ним вырвался и я. Откуда? И куда?

Это мне трудно объяснить. Я не то чтобы ничего не видел вокруг себя. Просто память моя сохранила только одно — боль. Скорее всего, вокруг меня была просто тьма. И из этой тьмы я и вывалился со страшным сдавленным криком.

Прямо на кого-то, кто заорал еще страшнее меня.

* * *

Должно быть, мое появление в месте, куда я попал, было полной неожиданностью для его обитателей. И обитатели эти от такой неожиданности были явно не в восторге. Я бы тоже не понял прелести ситуации, свались на меня неведомо откуда корчащийся и исходящий криком мужик. Что до самого этого места, то было оно освещено довольно плохо и наводило на мысль о подземелье. Только вот пол этого подземелья — корявый, неровный и к тому же скользковатый — судорожно подергивался и как бы уплывал из-под ног.

Я дико озирался вокруг. Теперь наконец ко мне подобралось — дополэло, докатилось, прорвавшись через все барьеры восприятия, чудовищное зловоние, царившее в этой странной пещере. И то, что это было не зловоние отхожего места, а зловоние бойни, мясокомбината или, может, рыбоконсервного цеха, нисколько не облегчало моих мучений. Надо было срочно, любой ценой убираться из этого явно гиблого места. Раздумывать было не о чем и некогда. Я устремился следом за стихающими где-то вдали и в глубине звуками, издаваемыми отчаянно шле-

пающими по чему-то жидкому ногами или лапами. Сразу сообразить, куда юркнул перепуганный мною беглец, было довольно трудно. Еще труднее оказалось втиснуться в обнаруженный мною лаз — довольно скверное место. Это была неправильного сечения щель, стенки которой составляло нечто меньше всего напоминающее каменную твердь. Нечто упругое и содрогающееся. Покрытое чем-то осклизлым.

«Господи! — подумал я.— Я ползу через кишку какого-то чертового моллюска... Куда, черт возьми?»

Это я узнал довольно скоро с точки зрения только что пережитой мною вечности, наполненной невыносимой болью. Не больше чем через час, а на самом деле, скорее всего, минут через пятнадцать я снова выпал в разверзшуюся подо мной полость. На этот раз я оказался внутри чего-то, что можно было без особой натяжки назвать рукотворным помещением. Порадовало — в первый момент,— что тут не так воняло, как на предыдущем пути. Не так, но все-таки воняло. Уже потом я стал ориентироваться в той информации, которую мне поставляли зрение и слух. Вокруг меня высились стены из каменной кладки, а подо мной — пол из чего-то напоминающего изразцы. Чем-то это место походило одновременно и на операционную, и на предбанник. И почему-то на проходную какой-то древней электростанции или завода. И еще — на морг. Небольшой зал, в котором я очутился, освещали вполне обычные электрические светильники. А вдоль стен, прижавшись к ним, стояло с полдюжины — как мне должно было бы показаться — детей или карликов. Но мне как раз этого-то и не показалось. Они вообще (и сразу) не показались мне людьми.

Может быть, кино и иллюстрации к разным сказочным историям подготовили меня к этому. Но скорее всего дело было в том, что не сработал автоматизм восприятия — та таинственная штучка, которая позволяет нам не задумываясь укладывать образ впервые увиденного предмета на нужную (как правило) полочку. Но для этих созданий в моем сознании подходящей полочки, кроме той, на

которой складировались всяческие сказочные и бредовые, из скверного сна пришедшие видения, не нашлось. Не те у них были пропорции, не та посадка головы, не те движения и уж конечно, не та речь. Все, примерно с десяток причудливых созданий, опасливо жавшихся к облезлым фрескам, когда-то украшавшим интерьер полутемного зала, были явно чем-то взбудоражены. Собственно, ясно чем. Моим к ним — как снег на голову — явлением. И они оживленно галдели, чирикали, щебетали на языке, не похожем ни на один из тех, о которых я имел хоть какое-то представление. Хотя по жестикуляции и паническим интонациям, доминировавшим в этом кудахтанье, можно было составить приблизительное представление о том, о чем же все-таки шла речь.

О том — кто виноват во вторжении нежданного гостя. «Я что? Я вот.. Я ничего... Так я вот так, а он на меня сразу сверху — ну прямо вот так! А я!.. А он...» Что-то в этом роде.

Я наконец сообразил, где в этой дурацкой помеси предбанника и силовой станции находится дверь, ведущая куда-то. В этот момент мне было совершенно безразлично куда. Лишь бы выбраться поскорее из этого сумасшедшего дома. И не просто сумасшедшего, а еще и наполненного удушающим, выворачивающим наизнанку зловонием!

Дверь, к счастью незапертая и достаточно широкая, вела, слава богу, не в какой-нибудь новый лабиринт, а просто к выходу из здания. Наружу. А снаружи было вот что.

Серый, жемчужный какой-то, затянутый мглистыми облаками небосвод сеял на землю мелкий дождичек. И все вокруг было мокрым, влагой сочившимся или влагу эту жадно впитывающим. Такое здесь было небо. А земля под ногами была вроде самой обыкновенной землей. И трава на ней росла тоже самая обыкновенная. Вообще все здесь было вполне обыкновенным. Если не считать, что всего этого не могло быть.

Внизу, под склоном, протекала опять же самая обыкновенная, заросшая камышом речка. Не большая и не маленькая, с надежным — древней, видно, постройки —

мостом, перекинутым через нее. Спуск к реке зарос кустарником и высокой — в рост человека — травой. От моста сюда, вверх, тянулась проселочная дорога. Там, где дорога эта выходила на скальную площадку, на которую очумелым турманом выскочил я, виднелся небольшой шлагбаум и что-то вроде будки дежурного.

За рекой, в долине, тающей в дождливой мгле, эта дорога, вяло извиваясь, уходила куда-то вдаль. И совсем уж вдалеке — на размытом дождем горизонте — громоздилось что-то огромное и мрачное. То ли горные кряжи, то ли странно неподвижные гряды облаков — темных и насыщенных грядущими дождями, а то и снегопадами.

Но в тот момент мне было не до созерцания окружающего пейзажа. Я ломанул через кусты и высокий травостой вниз, к реке, не разбирая пути. Даже на сооружение, из которого только что вырвался, я оглянулся только тогда, когда, спотыкаясь и оскальзываясь, спустился к реке, преодолев, наверное, треть расстояния до нее. Потому что главным для меня в эти минуты были только дождь и река. Мне не терпелось отмыться от той зловонной мерзости, которая, казалось, пропитывала всего меня насквозь.

И еще — выбросить из себя воспоминание о чудовищной боли. Боль эта уже покидала меня, постепенно затухая в уголках истерзанного ею организма. Дождь, сеявшийся с серых небес, немного облегчил мое самочувствие, заодно позволив на ходу очистить глаза и лицо от той липкой дряни, которая пристала ко мне по пути через чрево проклятого чудища, соединившего непостижимым для меня образом мой — привычный и знакомый — и этот — странный, пронизанный дождем и ветром,— миры.

То, что за мной следует погоня, я понял не сразу. Точнее, какое-то время мне это было безразлично. Я просто приходил в себя после пережитых боли, отвращения и ужаса. После острого приступа страха. Приходил в себя от ощущения полной нереальности того, что происходило вокруг меня.

Когда капли дождя и струйки воды, стекавшие с волос на лицо, вернули мне способность хоть как-то оценивать происходящее, я понял, что ухожу от погони, по-идиотски организованной, галдящей и квохчущей, как сорвавшаяся с насеста куриная семейка. Погоня эта за мной началась от странного дома, словно вырастающего из скалистой тверди. Из высящейся над ним почти отвесно горной кручи. Дом этот был очень стар (потом я понял, что тут — в Странных Местах — вообще мало новых вещей).

В его — в доме этого — фасаде, по его разным вертикалям было разное количество этажей: где только три (более высокие «глотала» скальная стена), а где и все шесть. Когда-то фасад этот украшала огромная по площади мозаика — от нее и сейчас уцелели изрядные куски, между которыми темнели угрюмые клочья более поздней каменной кладки. И окна, и двери здания этого тоже были разными, не похожими друг на друга. Создавалось впечатление, что строили дом разные архитекторы и в разные времена. Теперь я уже и не мог догадаться, из какой двери этого конгломерата архитектурных стилей и вкусов вырвался на свободу.

Свобода эта, впрочем, обещала скоро кончиться. Толпа карликов — «человек» этак сорок — бестолково метавшаяся по площадке перед домом, наконец догадалась растянуться в цепь. Цепь эта неровным пунктиром двинулась прочесывать спуск к реке. Меня они явно потеряли в высокой траве — мне даже приседать не потребовалось, чтобы исчезнуть с глаз преследователей. Как выяснилось потом, у Малого Народа неважно обстояло дело со зрением вообще. То есть оно у гномов было замечательным: на расстоянии до десяти — пятнадцати метров один из них узнавал другого в густом сумраке подземелья. Но вот при свете дня и на сотни метров увидеть что-либо меньше железнодорожного вагона было для них непростой задачей.

Впрочем, в неровной цепи преследователей я рассмотрел и неведомо откуда взявшиеся фигуры вполне человеческих габаритов и пропорций. Я решил не убегать от этой оравы — в конце концов я еще не успел сделать

никому из них ничего особенно плохого. Разве что перепугал маленько. Но и облегчать жизнь этим чудакам не входило в мои планы. Я просто стал не спеша, отирая лицо, руки, одежду пучками сорванной травы, продолжать спуск к воде. Не прячась — только оглядываясь время от времени для того, чтобы посмотреть, как там идут дела у моих загонщиков.

У них, оказывается, опять не все было слава богу. Вдогонку за рассыпавшимися в длинную цепь преследователями от Странного Дома вдруг, галдя и спотыкаясь, устремилась новая куча народу. Похоже, что-то снова приключилось у них там — в этом таинственном месте соединения миров. От свежеприбывших коротышек разве что только дым не валил. Они произвели на погоню несколько неожиданное действие — спугнули ее вообще к чертовой матери.

Все составлявшие нескладную цепь карлики враз заголосили нестройным хором и, подбирая полы своих одежд, кинулись карабкаться вверх по склону — назад, к Странному Дому. Трое или четверо людей, участвовавших в этой гномьей затее, вмиг остались в одиночестве. Задумчиво почесав в затылках и подтянув штаны, они как один повернулись в сторону дома и поспешили вслед за нелюдью

Я пожал плечами и продолжил свой спуск к реке. Как-то даже обидела меня такая вот потеря всякого интереса к моей персоне. Что до реки, то берега ее были довольно пологие. Камыш стоял сплошной стеной по обеим сторонам мирной водной глади. И красиво отражался в ней. Только рыбаков, затаившихся в своих заповедных местечках повышенного клева, видно не было. Как выяснилось, я их просто не сразу заметил.

Выбравшись на небольшую отмель, намытую впадающим в реку резвым и необыкновенно чистым ручейком, я принялся прямо на себе, не задумываясь о простуде, отстирывать одежду и отмываться от налипшей на меня скверны. Оглядываясь по сторонам, отфыркиваясь и отплевываясь, я начал — теперь уже внимательно — при-

сматриваться к окружающему. И, присматриваясь, успокаивал себя. Все здесь было как везде. Даже вкус речной воды.

Все как там — *дома*. И вода плещет так же, как на плесах наших рек. И дождик моросит так же. И рыба всплескивает — там, где только рябь дождя тревожит гладь воды. А карлики в сутанах — господи... Ну, значит, в этих местах полно уродов... Только и всего.

А вот и что-то совсем земное... Из камышей у противоположного берега выглядывал нос плоскодонки. А колеблемая каплями дождя поверхность воды отражала сгорбившуюся на корме фигуру рыбака в нахлобученном (по самые брови) брезентовом капюшоне. А если присмотреться — там, ниже по течению, можно было рассмотреть еще пару лодок одиноких рыболовов. И выше по течению — тоже...

Все как дома.

Я поднял взгляд на высящуюся над Странным Домом горную гряду. Облака немного разошлись над ней, и в просвете их жемчужного занавеса стало на миг видно голубое небо — совсем такое же, как дома.

И поперек этого просвета — совсем далеко — по голубой глади пролетел дракон. Появился справа. Дохнул пламенем и исчез. Слева.

* * *

Несильный, моросящий дождь успел смениться теплым, к моему счастью, ветерком. Я никак не мог сообразить, утренним или вечерним,— здешнее солнышко не торопилось ни выбираться в зенит, ни закатываться за горизонт. Во мне было дело или в солнышке — бог весть. Впрочем, я не слишком задумывался над особенностями астрономии здешних мест. Теперь я ни над чем не задумывался — в моем положении это было бы только вредно. Голова моя была совершенно пуста.

Этому я научился еще в армии: отдавать свои проблемы, даже самые острые, на откуп судьбе, подсознанию,

тишине... Течению времени. Иногда надо предоставлять событиям идти своим чередом. У них своя логика. И тебе необязательно ее понимать. А пока надо самому прийти в форму. Ведь оттуда — из дома — меня выдернули в самом начале ночи. Где-то после одиннадцати вечера. И я не могу даже представить, сколько времени прошло с тех пор. Тогда, одеваясь в спешке, я и не подумал надеть часы. Мне и в голову не приходило, что вскоре я могу оказаться в ситуации, когда определить время суток будет затруднительно. Так я сидел на бережку, просыхая вместе с одеждой, разложенной поодаль на травке. Сидел, ни о чем не думая, когда за мной наконец пришли.

Точнее сказать, приплыли. Из камышей вынырнул челн — самый настоящий, покрытый корявой резьбой, украшенный по носу профилем хищной птицы, челн наподобие тех, что можно увидеть в кино. У борта его сгрудились, всматриваясь в берег, с десяток закутанных в свои сутаны карликов и с полдюжины нашего брата — людей. Шестеро белобрысых крепко сбитых парней в кожаных куртках и грубой ткани портках, придерживая весла и руль и стоя на полусогнутых, всматривались из-под руки в пробегавшие мимо них камыши и нечастые плесы и отмели.

Меня они увидели сразу, а увидев, энергично заорали и замахали руками. Как я понял в тот момент, все они убеждали меня не бояться их и не убегать. Слово — по какой-то договоренности между ними — было предоставлено двум из белобрысых верзил. Одному постарше и другому — совсем еще молоденькому. Как ни странно, нам удалось понять друг друга. Я до сих пор не могу поклясться, что язык, на котором они обращались ко мне, был именно польским. Точно так же, как не были именно русским, именно английским или именно французским те языки, которыми мне приходилось пользоваться в Другом Мире.

Про немецкий, испанский и другие языки и наречия я ничего путного сказать тоже не могу. В этих краях — в зависимости от того, в каком из них вы находились,—

царствовала та или иная мешанина из главенствующих на Земле языков, причем необязательно европейских. С эт! м приходилось мириться, только и всего.

Так или иначе мы с белобрысыми парнями с челна смогли объясняться друг с другом, временами помогая себе пальцами, убедительными гримасами, вытаращенными глазами и соответствующими телодвижениями. Занимались мы этим долго и с переменным успехом. Час спустя я в относительно сухой одежде, живой, здоровый и даже не связанный по рукам и ногам был высажен с челна на берег у самого пересекающего реку моста. За это время я сумел более или менее разглядеть своих спутников и кое-что уяснить из их слов.

Те шестеро из них, что, без всякого сомнения, были людьми, имели к моему появлению в этих местах довольно отдаленное отношение. Их просто позвали на помощь — послужить посредниками в общении с себе подобным. Что до гномов... Впрочем, я только для себя называл — да и сейчас называю — этих коротышек гномами. *Там* их называли по-разному, только не так. Слово это было зарезервировано за совсем другим племенем. А эти... Скорее всего, мне надо называть их Привратниками. Или Народом Врат. Были и другие названия для этого невысокого, человеку среднего роста по пояс, красноглазого, на вид неуклюжего народца. Например, Кормящиеся при Звере. Потом мне долго еще не доводилось сталкиваться с ними, потому что обитать в иных местах, чем те особые точки Странного Края, которые одни называли Преддверием Врат, а другие — Логовом Зверя, народ этот не любил. Правда, наслушаться о них разного мне пришлось много. Но об этом потом.

А пока о том, что я увидел в тот раз. Уже тогда, сидя на дьявольски неудобной лавке челна, неторопливо сползающего вниз по течению Неспешной (примерно так переводилось название реки, по которой мы плыли), и позже — у небольшого костерка, разведенного у каменных опор моста в ожидании посланного за нами транспорта, я твердо решил вести дневник. Бортовой, так сказать,

журнал всего того, что случилось и могло еще случиться со мной. К сожалению, перо и бумага нескоро попали мне в руки. А до тех пор я имел прекрасную возможность сколь угодно долго тренировать свою память, цепко ухватывая все детали происходящего окрест и потом пересказывая это самому себе, пережевывая свои ощущения, пытаясь понять в них главное, раскладывая все по полочкам. Такая тренировка пригодилась мне впоследствии. Ну хотя бы потому, что до сих пор помню многое из того, что случилось со мной в Странных Местах, в мельчайших деталях и могу рассказать об этом вам. Ведь он там и остался, мой дневник. Там — в тех краях...

* * *

Привратники — каждый не выше метра ростом, лица коричневатые, покрытые негустой шерстью,— сразу, еще на борту челна, учинили мне подробнейший, медицинский надо полагать, осмотр. Затем, более тщательно они повторили его на берегу, у костерка. Заодно и мне удалось как следует разглядеть их вблизи.

Больше всего меня поразило то, что они отличались друг от друга. Это только при беглом взгляде со стороны — в общей, так сказать, совокупности — Народ Врат казался массой одинаковых уродцев, низкорослых и суетливых.

Теперь, разглядывая их по отдельности, я понял, что роднит их разве что одежда — этакие грубошерстные рясы с капюшонами-куколями. Потом я уяснил, что здесь, на свежем воздухе, за пределами сумеречных и зловонных подземелий Замка Врат, им без этих нарядов приходилось бы и вовсе тяжело — избыток света и лишенного каких-то специфических примесей воздуха порядком вредил их здоровью, особенно зрению. Именно к ней — к смрадной полутьме подходов к Логову, Норе — и были приспособлены их глаза-уголья. Тоже одинаковые у всех. Больше ничего общего между ними могло и не быть — только рост, горящие глаза, шерсть на физиономии, суетливость характера и суконная серость ряс. Да, ото всех них ужасно

разило Логовом. Логовом Зверя — тяжело и смрадно. При том, что обонянием Привратников здешний бог не обидел.

Я помянул чуть раньше Замок Врат и его подземелья. Так это я про Странный Дом, как я назвал его вначале, для самого себя. Это только потом я узнал, что такие вот сооружения, разбросанные тут и там по Странному Краю, называются именно так — Замки Врат. Мне очень многое здесь приходилось до поры до времени называть как-нибудь по-своему. А когда я узнавал настоящее название чего-то, как правило, оказывалось, что названий этих — несколько. Даже в одном каком-то из принятых здесь языков. Учтите это, читая мою историю. Впрочем, я отвлекся.

Как я уже сказал, даже в той сравнительно небольшой компании Привратников не было двух одинаковых. Конечно, человек от человека может сильно отличаться цветом кожи, волос или формой носа. Но, черт возьми, не до такой же степени, когда из троих сошедшихся вместе, наугад отобранных особей у одного вместо этого самого носа нечто вроде укороченного свиного пятачка, у другого— кротовое рыльце, а у третьего — самый настоящий слоновий хоботок — подвижный и активно участвующий в жизни своего хозяина?! Причем, по всему судя, никто из этих троих не считал кого-либо из двух других уродом.

Руки Привратников тоже порядком разнились. У одних они были длиною чуть не до самой земли, у других — лишь до колен, а были и такие, у которых передние конечности с трудом сходились в замок на груди, под подбородком. Мне показалось — да, пожалуй, так оно и было на самом деле,— что и количество локтевых суставов у них, тоже было неодинаковым.

Одна пара суетливых ладоней, торопливо вертевших, раздевавших, ощупывавших меня, принадлежала, казалось, существам, никакого отношения друг к другу не имеющим, у других это были проворные мартышечьи лапки — сухие, горячие и ловкие, у третьих — вовсе и не ладони даже, а какие-то ласты — влажноватые, апатично-неуклюжие, но очень мощные. У четвертых на кон-

чиках длинных, многосуставчатых, словно ствол бамбука, пальцев красовались присоски — коричневые, с розоватой плотью, просвечивающей по центру. Окончательно же меня добило то, что (я заметил это не сразу) часто у одного и того же Привратника одна рука вовсе не походила на другую ни по длине, ни по тому, что за «агрегат» был пристроен на каждой из них вместо кисти. У того, например, кто внимательно прослушивал мою грудную клетку (и почему-то живот), прильнув ко мне огромным, похожим на крыло летучей мыши хрящеватым и чутким ухом (о, формы ушей Привратников — это отдельная поэма в семи песнях... Здесь я воздержусь от ее исполнения), правая рука была относительно короткой и кончалась набором из неполной дюжины сухих пальцев-молоточков. А левая — длинная из множества сочленений — заканчивалась кистью настолько субтильной и миниатюрной, что полностью тонула в жестковатом пуховом манжете, охватывавшем запястье. Этот манжет складывался в кисточку, которой любопытный Привратник легонько похлестывал меня то по спине, то по животу, как джазмен похожим инструментом по барабану. Видимо, таким образом он обогащал палитру звуков, извлекаемых из моего организма.

Мой осмотр закончился чем-то вроде консилиума: Привратники совершили что-то наподобие омовения своих мордочек и лапок какой-то отвратительно пахнущей жижей, которая была доставлена вместе с нами на борт резного челна — в сосудах, смахивающих на выполненные из керамики молочные бидоны. Их крышки и запечатывающие эти крышки оттиски каких-то причудливых рисунков на цветном воске ломали особыми молотками и щипчиками. Этой процедуре предшествовало краткое хоровое исполнение каких-то — естественно, мне непонятных — заклинаний. Присутствовавшие при этом представители человеческого племени благоговейно молчали, вытянувшись чуть ли не в струнку. Я же использовал возникшую паузу для того, чтобы снова натянуть на себя снятую при осмотре одежду, чем заслужил обращенные

на меня укоризненные взгляды соплеменников. Пока члены «приемной комиссии», консилиума или трибунала, состоявшего исключительно из Привратников, рассаживались у костерка, опасливо заняв позицию напротив меня, все шестеро людей спустились к реке — отмываться от вонючей дряни, использованной для очищающего ритуала. Привратники, видно, щедро поделились ею с ними. Отмывшись, представители рода человеческого развели свой собственный костер и, расстегнув котомки, принялись за еду. Мне оставалось гадать: завтрак это был у них, обед или ужин. Немного спустя они организовали нечто вроде гуманитарной помощи мне: сложили понемногу всякой снеди в чистую тряпицу и один из них — тот, что был посмелее и помоложе,— взбежав по склону, принес эту передачку мне. Не доходя до меня метров десять, он остановился и бросил мне сверток.

Эта инициатива оказалась слегка наказуема — гонца тотчас же окликнули от костра Привратников. Окликнули, кстати, на ломаном человечьем наречии — едва узнаваемом славянском. Насколько я понял, парня пригласили поассистировать при переводе. Переводить надо было меня и мне.

Я подхватил сверток со съестным и приблизился к костру. Хотел было присесть рядом с «ареопагом», но вся компания коротышек вдруг шустро переместилась на противоположную сторону костра, не боясь валящего на них дыма — лишь бы огонь продолжал разделять нас. Я не сразу понял это и невольно заставил компанию совершить еще четверть оборота по часовой стрелке вокруг костра. Парень-переводчик несколько смущенно, словно говоря всем своим видом: «Ты уж извини — приходится...» — тоже следовал за коротышками. Временами он бросал тоскливый взгляд туда, где у другого костра, возле реки, его приятели приканчивали небогатые остатки съестного. Коротышки то и дело — подергиванием за рукав и сердитым фырканьем — возвращали его к необходимости принимать участие в разговоре. Голоса у них отличались, как и внешность: один гундосил, другой преимущественно

чирикал, третий, скорее, кашлял и перхал, нежели издавал членораздельные звуки. А был и такой, что напевно свистел этакой простуженной фистулой. До сих пор ума не приложу, как эти «красавцы» понимали друг друга. А смысл того, что мы в конце концов смогли донести друг до друга, сводился к тому, что все мы весьма обеспокоены происшедшим. Принимающую сторону беспокоило не столько мое внезапное появление в их вотчине, сколько то, что появление это не было обставлено выполнением целой кучи каких-то совершенно непонятных мне правил и ритуалов. Со всем этим разобраться эта братия, видно, не могла. Да, как я понял, и не собиралась разбираться. Разбираться должен был кто-то, кто таким правом был наделен. Вот к этому «кому-то» меня и надлежало препроводить. Дело было, судя по всему, только за тем, чтобы дождаться — здесь же вот, у костра — тех, кто этим препровождением моей особы в надлежащие инстанции и должен был заняться. Ждали этого конвоя, как можно было догадаться, немедленно — буквально с часу на час. Привратникам явно сильно не терпелось сбыть меня с рук и на том закрыть всю эту скандальную историю. А больше всего их беспокоило то же самое, что не давало покоя совсем недавно — всего лишь вечность, заполненную болью, тому назад — господам Ольгреду и Дуппельмейеру: присутствие на локтевом сгибе моей руки небольшого темного пятнышка, Знака Лукавого. Его обнаружили довольно быстро — еще на борту челна. Сразу после этого отношение всей здешней братии ко мне сделалось настороженным, я бы даже сказал — уважительно-опасливым. Попытка повязать меня уже появи́вшимися на свет божий веревками была тут же пресечена в зародыше — одним только взмахом анемичной обезьяньей лапки мохнатого «спеца», удостоверившего действительное соответствие творения покойного Алика Балмута какому-то одному ему ведомому стандарту. Не было ни одного участника моего обнаружения и последующей доставки на берег, кто бы не нашел минутки, чтобы, ткнувшись в меня носом, узреть Знак.

Вот и в нашем бестолковом разговоре у костра от меня хотели узнать, главным образом, откуда на моей коже появился этот чертов косметический дефект. Поскольку это не удалось объяснить даже свободно владевшим моим родным языком Ольгреду и Дуппельмейеру, то сейчас я даже и не пытался добиться от слушателей хоть какого-то понимания. Да, честно говоря, и не стоило пытаться — усталость так сморила меня, что с тем же успехом «ареопаг» мог добиваться объяснений от мешка, набитого булыжниками. Время тихо поплыло, позванивая у меня в ушах незримыми колокольчиками. Лица и морды собеседников превратились в какие-то нечеткие, смутные подобия чего-то уже ранее виденного мною во сне. Еще немного, и по волнам этого сна я уплыл бы далеко от этих мест, может быть, даже назад — в родные края. Но тут мне пришлось — нехотя и через силу — вернуться к действительности. Если, конечно, считать действительностью то, что окружало меня в Странных Краях. Теперь я понял, что мелодичный звон уже не снится мне, а слышится на самом деле, не очень-то издалека. И что не так уж он мелодичен, этот звон.

А что особо мелодичного, скажите мне, в бреньканье бубенцов, понавешанных — без системы и толку — на битой дорожной жизнью кибитке, запряженной четверкой не слишком довольных жизнью кляч? Полог кибитки был снят, и остов ее голым скелетом покачивался над дорогой, оповещая всю округу о своем приближении уже упомянутым звоном. В кибитке, на сваленном в кучу пологе, уныло сидели двое неказистых мужичков в сильно поношенных кацавейках, но каждый при стволе. Точнее, даже при двух. Мужички уныло сжимали в руках охотничьего вида двустволки, упирая их прикладами в дно кибитки, а стволы обратив к светло-серому небосклону здешнего мира. В кибитке смутно просматривался и кто-то третий, пребывавший в положении полусидя-полулежа у ног вооруженных стражей.

Кибитку, впрочем, сопровождал куда более впечатляющий, чем она сама, эскорт, состоящий из четырех

всадников. Все они были представителями рода человеческого, подтянутыми, лет сорока — сорока пяти, одетыми как попало — в смысле вразнобой, но основательно, по-дорожному. И все четверо были неплохо вооружены. Несмотря на средневековую кибитку и цивильный наряд, у них было довольно современное вооружение (я чуть не прослезился, узрев своего «старого знакомого» — десантный вариант АКМ). Это, ей-богу, приободрило меня: уж там, куда дошел «калашников», русский человек не пропадет никогда.

А сбоку от кибитки скакал пятый всадник. Скорее всего, начальник отряда. Хотя, как и на всех его подчиненных, на нем не было никаких знаков отличия, он уже одним видом не давал никому сомневаться в том, кто здесь главный. И конь под ним был получше, и осанка погорделивей, и одежда подороже и поновее — сплошная кожа и фланель, да и сукно потоньше, чем на «рядовом составе». И оружие офицерское, пистолет в кобуре с серебряным гербом-тиснением и короткий меч, скорее, кортик на кожаной портупее из хорошо подогнанных ремней, охватывавших его атлетический торс. Физиономия у командира была брезгливо-озабоченная.

Вся кавалькада замедлила свой ход, сошла на обочину, остановилась и начала спешиваться, дойдя до нашего костерка. Сомнений в том, что прибыли по мою душу, у меня даже не возникло.

Командир, соскочив с коня, не глядя бросил удила поспешно подбежавшему к нему стрелку и решительным шагом двинулся к заторопившемуся ему навстречу карлику. Тот демонстрировал все возможные проявления подобострастия. В исполнении уродливой пародии на человека они, разумеется, и не могли выглядеть иначе чем злой насмешкой над человеческой лестью.

Отношение к гомо сапиенс в здешних краях было явно неоднозначным. На полянке образовался своего рода трехслойный пирог. Чуть поодаль ломали шапки явно «опущенные» под карликов белобрысые парни, а мохнатое

гномье отродье, в свою очередь, лебезило перед немногим от тех парней отличающимся спешившимся всадником.

После короткого и не слишком, судя по всему, приятного обмена любезностями командир отодвинул своего малорослого собеседника в сторону и двинулся прямо ко мне.

К тому времени я — на каком-то подсознательном уровне, тем чутьем, которое развивается у всякого, кому приходилось соприкоснуться с военной службой,— произвел примерную оценку сложившейся обстановки. Выглядела она так.

На тревогу, вызванную моим появлением в каком-то богом забытом, судя по всему, месте какого-то неведомого мне мира, последовала бурная реакция на местах и немедленная, решительная откуда-то «сверху».

Бессмысленно было даже и задумываться над тем, чем уж я так заинтересовал здесь всех — или все рано или поздно выяснится само собой, или я так и помру, не сподобившись узнать этого. В тот момент это было мне решительно безразлично. Я слишком устал, чтобы размышлять на такие темы. Главное, что никто не держался со мной враждебно. Осторожно — да. Даже опасливо. Если присмотреться, то уважительно. И ясно, что отношение такое связано прежде всего с дурацким, похожим на уродливое лицо пятнышком на локтевом сгибе моей левой руки.

Факт, что разбираться со мной, а точнее — просто доставить меня в те места, где такими разбирательствами есть кому и есть зачем заниматься, поручили первому подвернувшемуся под руку «авторитету», случившемуся окрест. Возможно, человек ехал куда-то по делам со своей небольшой свитой. Возможно, в его планах было провести время куда как лучше, нежели в моем не слишком для него интересном обществе. Кибитку с вооруженными охотничьими стволами мужичонками, похоже, реквизировали где-то по дороге — экспромтом. Вопросов при таком раскладе возникало немного: стоит ли стремиться попасть по назначению — к тем, кто со мной как-то раз-

берется и распорядится,— или же искать способ независимо от этих не видимых мною сил обрести свободу и самостоятельность и попробовать как-то самому справиться с ситуацией? Последнее, честно говоря, представлялось гораздо менее реальным.

Командир тем временем подошел ко мне почти вплотную и четко, по-военному, что-то сказал.

«Черт бы меня побрал,— подумал я,— если это не португальский. И если он не говорит мне, что его зовут Сотеш».

Но вот ничего, кроме этого, я понять решительно не мог — даже под угрозой смерти. Машинально я протянул командиру руку, желая представиться принятым в моем мире образом, но тот в ответ опасливо подался в сторонку. Даже, вздыбив шерсть, попятился, сказал бы я. Конечно, в данном случае я выражаюсь фигурально — в отличие от карликов открытые части тела у офицера шерстью покрыты, разумеется, не были. Впрочем, оно и к лучшему— руки нужны были мне не столько для рукопожатий, сколько для того, чтобы рассовать по немногочисленным карманам вывалившуюся из оброненного мною свертка снедь. Я жалобно оглянулся.

Тут — очень своевременно — понукаемый оживившимися карликами, к нам, ломая в руках шапку, приблизился давешний молоденький белобрысый переводчик. Он честно попытался объяснить мне нечто относящееся к важности личности представшего перед нами господина. Я понял лишь несколько слов, производных от слова «офицер», которые на разные лады повторял парень. Подтверждая его слова, командир отряда со значительной миной на физиономии, окаймленной густой бородой, дотронулся пару раз до почти незаметной со стороны короткой цепи из простой стали, охватывающей его ворот. Его соплеменники, так и оставшиеся благоразумно у своего костра, теперь стоя обратили лица к высокому гостю и тоже старательно ломали свои шапки, судорожно сжимая их несколько ниже пупков.

На них Сотеш не обратил вообще никакого внимания. Он хрипло заорал что-то на застывшего у него за левым плечом стрелка. Тот — чисто автоматом — перекинул сей ор на своего напарника, того, кто, похоже, именно этого и ждал, притулившись к тыльному торцу кибитки. Напарник этот, словно с цепи сорвавшись, заорал на мужичков, кажется задремавших в кибитке, те, ухватив за шиворот, выволокли из нее своего связанного по рукам и ногам пленника. Ноги ему таки пришлось развязать, после чего он вполне самостоятельно, только слегка прихрамывая, приблизился к нам и оказался не кем иным, как Дуппельмейером.

Выглядел он, мягко говоря, неважно: лицом был сер, помят, и шатало его безбожно. Тем не менее присутствие духа у него было на высоте.

— Ну? — грозно обратился он к офицеру. И добавил что-то уже на том варианте португальского, который, видимо, был понятен им обоим. После этого кивнул мне.— Покажи ему Знак! — приказал он.

Я — который раз за эти сутки — принялся закатывать левый рукав. Давешний коротышка — тот, что бросался встречать дорогого гостя,— тут же принялся что-то возбужденно втолковывать столь пренебрежительно к нему отнесшемуся господину Сотешу. Весь «ареопаг» недомерков не замедлил присоединиться к своему соплеменнику, отчего вид у офицера сделался совсем озверелым.

Дуппельмейер вновь повернулся ко мне.

— Фиал... — спросил он тихо.— Твой фиал где?!

Я не сразу вспомнил, о чем это он.

— Флакон тот, что ли? — воззрился я на него недоуменно.— Бутылочка? Да черт ее зн... Ты, кстати, говорил мне, что больно не будет.

Тут, вероятно, на моем лице отразилось что-то уж очень нехорошее, потому что Дуппель тут же отступил на шаг и даже слегка зажмурился. Он еще и руками бы заслонился, если бы те не были связаны. Но от вопроса своего он не отступился.

— Ты вспомни,— горячо затараторил он.— Серебряный такой... с чеканкой... Ты его бросил? Бросил? Уронил? Где — вспомни! Не там, нет — не дома... Тебя вместе с ним... затянуло... нет — ты его не оставил... Мы проверили...

У меня глаза полезли на лоб от злости и удивления. Только и дел мне было в этой бредовой ситуации, что помнить, куда во время всей этой заварушки делся из моих рук странной формы сосудик — будь он хоть трижды серебряный или сто раз платиновый! Тут Дуппель, кажется поняв, что толку от меня не предвидится, резко повернулся к Сотешу и, перекрывая нестройный гвалт коротышек, принялся сам что-то втолковывать ему. От этого офицер почернел лицом и схватился за меч. Увидев тускло блеснувшее недобрым блеском прямое лезвие, я порядком испугался за жизнь советника Дуппельмейера, да и за свою тоже. Рефлекторно я попытался удержать его руку, и снова реакция на попытку соприкосновения была испуганной — недостойной, на мой взгляд, офицера и, по всему судя, дворянина. Или как это тут называется. Попятившись от меня, он подтянул Дуппельмейера к себе за ремни, стягивавшие тому локти, и ремни эти раскромсал — двумя взмахами своего макси-тесака! После чего они с Дуппельмейером на пару принялись орать на коротышек. Орали они знатно, особенно хорошо получалось это у Сотеша. У Дуппеля явно были проблемы с языком. А кроме того, его душили какие-то эмоции, связанные, наверное, с недостаточно почтительным приемом, который оказали ему эти обитатели здешнего края.

У офицера же, должно быть, возник какой-то особенно веский повод, чтобы наброситься на докучливых недомерков. Повод был к тому же, очевидно, справедливый— коротышки сжались, втянули головы в плечи. Потом двое из них очумело сорвались с места и устремились вверх по склону, к дороге, ведущей к Странному Дому. Босые черные пятки их выбивали по траве частую согласованную дробь.

— Вот так! — с удивлением повернулся ко мне Дуппельмейер.

Он, морщась, массировал занемевшие от недавно стягивавших их ремней запястья.

— Сейчас поедем с удобствами — Привратники нам еще сена свежего в телегу подкинут...

Действительно, примерно половина оставшихся на поляне коротышек занялась благоустройством кибитки. Белобрысые парни присоединились к ним. Остальные люди и карлики — те, что, наверно, были рангом повыше, занялись кто чем: одни понукали сборщиков травы и давали ценные указания тем, кто оборудовал кибитку. Другие, как мы с Дуппельмейером и Сотешем, старательно делали вид, что рассматривали окружающий пейзаж, а на деле искоса приглядывали друг за другом.

Посланцы, убывшие в Странный Дом, обернулись достаточно быстро. Вернулись уже втроем — под руки они волокли еще одного своего собрата. Собрат не сопротивлялся — только торопливо верещал что-то в свое оправдание, часто перебирая мохнатыми ножками, как бы пытаясь зацепиться ими за почву. Конвоиры не слушали его, лишь по очереди награждали несчастного затрещинами и суровыми окриками.

Донеся свою жертву до костра, они с размаху швырнули ее наземь — прямо перед господином Сотешем. Провинившийся коротышка пал на колени и попытался с ходу перейти на смесь ломаных человечьих языков, но офицер не стал даже слушать его. Он брезгливо поморщился и, пряча одной рукой свой клинок в ножны, другой — двумя пальцами — подхватил кающегося грешника за шиворот и швырнул его в мои объятия, слегка ускорив его полет энергичным движением носка правого сапога. Мне пришлось даже отступить на пару шагов, чтобы не помешать его приземлению. Такое обхождение никоим образом не обескуражило недомерка, чего нельзя было сказать обо мне. Переводя недоуменный взгляд с офицера на бедного карлика, распластавшегося теперь у моих ног и продолжавшего что-то тараторить, обращаясь на сей раз ко мне,

я силился понять, что же происходит. И только тогда, когда несчастный, потупив взор, вытянул из-за пазухи и протянул мне нечто маленькое и тускло блестящее, я наконец понял. Ну, конечно, давешний фиал! Чертов ворюга! Я поднес диковинную штучку к носу. Как только я ощутил знакомый теперь терпкий, чужой запах, меня бросило в холодный пот. Глазами, съехавшимися к переносице, я поглядел с тупым недоумением на фиал, потом на недомерка, покусившегося на посеянный мною где-то в недрах Странного Дома флакончик, а затем — со злым укором — на Дуппеля.

— Держи крепче! — строго и зло приказал он мне.— Никогда и никому в руки больше не давай! Закрути посильнее!

Скосив глаза на Сотеша и убедившись, что тот занят чем-то своим, советник Дуппельмейер, максимально приблизившись ко мне, многозначительно прошипел мне прямо в ухо:

— За этим охотятся!

Я тут же поспешил спрятать фиал в нагрудный карман.

В это время офицер Сотеш действительно был занят тем, что выдавал серию ценных указаний страшно гомонившим коротышкам, и поэтому не обращал на нас никакого внимания. Не знаю, в чем заключались эти его указания, но вскоре я заметил, как коротышки засуетились и, шустро прихватив соплеменника, продолжавшего что-то жалобно верещать в свое оправдание, стремительно эвакуировались с поляны. Белобрысые парни, молча наблюдавшие за всем происходящим чуть в стороне, тоже поспешили убраться восвояси. Как только поляна опустела, Сотеш коротким жестом пригласил нас в кибитку.

* * *

Заснул я практически сразу после того, как устроился на куче наваленной в кибитку травы. Плоховато помню даже момент нашего отправления в путь. Сказать, сколько времени проспал в тот раз, я просто не могу. Я даже не

знаю, какие из моих коротких судорожных пробуждений в пути были настоящими пробуждениями, а какие — снами во сне. Вполне возможно, что какие-то из оставшихся в моей памяти — может быть, до конца дней моих — странных, фантастических дорожных видений были не более чем плодами моего воображения.

Окончательно пришел я в себя от холода. Точнее, от попыток Дуппельмейера меня от этого холода предохранить. От наваленных на меня одеял и шкур я начал потихоньку задыхаться, увидел во сне Яшу Шуйского — истекающего кровью и ползущего ко мне по грязному льду,— забил руками и ногами, страшно заорал и проснулся.

Полог кибитки теперь был укреплен на каркасе, и вокруг царила почти полная тьма. Еле слышно щелкнул выключатель фонарика, и в полумраке я различил Дуппеля, устроившегося у меня в ногах. В надвинутом по самые брови меховом балахоне он смахивал на шамана. Оставалось предполагать, что всю эту мягкую рухлядь успели взять «на борт» нашего неказистого экипажа на какой-то из промежуточных остановок, которые я благополучно проспал.

— Ночь уже? — спросил я.

— Ночь,— пожал плечами Дуппель.— Холод собачий. Горами едем. Скоро до границы доедем. Там типа привал сделаем... Поедим по-человечески. А пока — вот...

— До границы? — недоуменно и в то же время заинтересованно спросил я.

После долгого сна голова моя была непривычно ясной. Но вот мысли и чувства, ее наполнявшие, все еще не успели отыскать свои привычные места.

— Не беспокойся... — усмехнулся Дуппель.

Он почувствовал трепыхнувшуюся в моем голосе надежду и добавил устало:

— Не до *той* границы, чудак... До границы с племенами. Там — места хреновые пойдут... Может, дадут проводников, может, нет... Ты это... Приготовься дальше пешком топать... И еще вот что...

Он сделал мне знак: «Ты бы присел, что ли...»

— Вот так... Давай руку сюда...

Он помог мне закатать рукав и принялся рыться в котомке, которую извлек откуда-то из-под лавки. Видно, из тех, что вместе со всем прочим хламом накидали в кибитку на прощание коротышки. Дуппель доставал из котомки то один странного вида предмет, то другой, подносил их к глазам, долго и критически разглядывал — чуть ли не обнюхивал — и, покачав головой, прятал назад. Наконец он остановил свой выбор на том, что я принял за небольшой — умещающийся на ладони — украшенный резьбой камень. Подсев ко мне поближе и пристроив свой фонарик поудобнее, он развинтил «камень» на две половинки. Это была миниатюрная шкатулка — тушечница. В ней была пара кисточек и еще две-три непонятные мне штуки, а главное — пять видов сухой туши каждый в своем специальном отделении. Даже флакончики с чем-то пахнущим скипидаром (в одном из них) и мускусом (в другом) поместились в этой на редкость экономно организованной каменной коробочке. Пока я с любопытством рассматривал вещицу, Дуппель самым тщательным образом занялся Знаком. К нему он относился с величайшим уважением — даже, как показалось мне, произнес про себя не то молитву, не то заклинание, когда принялся крошечными штришками тоненьких кисточек заполнять просветы и изгибы миниатюрного Лика почти неотличимой от него краской. Как это удавалось ему — в тряской кибитке, в неровном, искажающем цвета и рельеф поверхности свете галогенового фонаря,— я не могу понять до сих пор. Но факт остается фактом: сколько я потом при свете дня ни присматривался к невзрачной родинке, украсившей сгиб моей руки, ни малейшего намека на очертания того рисунка, который она скрыла, найти не смог. Но тогда в полумраке наглухо застегнутого полога кибитки я лишь смутно понимал смысл манипуляций советника Дуппельмейера.

— Слушай, если снова будет так «не больно», как прошлый раз,— предупредил я его,— убью на месте!

— Ничего-ничего,— успокоительно бормотал он под нос самому себе.— Неплохо получается: посторонний нипочем не догадается! Ну... Ну а если специально искать будут... Если на специалиста напоремся... Тогда, конечно... Ну да черт с ним! Бог не выдаст, свинья не съест... Доберемся до своих, а там... Главное — чтобы утечки не было. Наводочки...

Он задумался, покусывая тыльную сторону ладони. Глянул на меня исподлобья.

— Слишком мы много шуму наделали, Сергей, когда сюда рюхнулись... Отметились, как говорится.

Я стал опускать рукав.

— Погоди... — придержал Дуппель мою руку.— Пускай подсохнет. А то заметно будет, что смазано...

Он выключил фонарик, и мы некоторое время молчали, неравномерно покачиваясь вслед за теми пируэтами, которая выделывала на горной тропе наша кибитка. Покачиваясь, мы прислушивались к скрипу колес, понуканиям, которыми возница награждал нерадивых кляч, а также к скупым и совершенно непонятным мне репликам, которыми обменивались в темноте сопровождавшие нас всадники. Самое время было порасспросить единственного моего спутника, говорящего на понятном мне языке, о том, где же это я теперь и как мне быть. Но вся беда в том-то и состояла, что вопросов у меня было столько, что трудно было понять — с какого же из них начинать. Помучившись немного, я решил, что самое верное — дать волю подсознанию. Расслабившись, я откинулся на воняющие козлом шкуры и спросил первое, что пришло на ум:

— Ромка... Что с ним сделали?

Дуппель сперва непонимающе хрюкнул. Потом уточнил с недоумением в голосе:

— Ромка? Это ты о брате своем?

— Да, о нем! — подтвердил я с глухим раздражением.— О ком же еще? Что с ним? Его убили?.. И что они там написали? Кровью на стене...

Дуппельмейер закашлялся, посветил зачем-то на меня фонариком. Снова положил его на место.

— Знаешь... — глухо проговорил он.— Я это... Не хочу тебя обнадеживать... Там, наверное, так вышло — они за тобой вообще-то пришли. Но опоздали. Где-то сразу после нас объявились... Ну не знаю, под кого они там работали. Может, и не маскировались вовсе. Или Роман твой их сразу вычислил... Словом, судя по всему, он оказал им сопротивление... Ну и... — Он помолчал. Потом продолжил задумчиво и как-то рассеянно: — А с другой стороны... Почему они его там же и не оставили? Может быть, к себе утащили, чтобы допросить... Про тебя что-то получше узнать захотели... Или вот!

Тут какая-то удачная, на его взгляд, мысль пришла ему в голову.

— Они, может, и в нем что-то такое найти захотели. Ведь у вас, у таких... У Меченых... *Это* часто по родству передается... Или как-то связано это, одним словом... И бывает, что у братьев, у сестер проявляется что-нибудь... Такое...

Он снова запнулся.

— А что они там написали,— добавил он торопливо,— так это они по-вашему... Для тебя лично. Рунами вашими. Это только ты прочитать можешь. Я же... Мы же не умеем...

Мне сильно не понравилась и эта совершенно излишняя убедительность Дуппелевой речи, и ее суетливая какая-то окраска. Дуппель явно темнил. Но это неприятное чувство смягчало нечто другое — смутная надежда на то, что Ромка, может быть, все-таки еще жив. Пусть раненый, растерзанный, но все-таки жив! И не только жив, но и находится где-то здесь — «по эту сторону». (Я пока так определял свое местонахождение: по эту сторону от Перехода»...)

— Ладно,— продолжил я допытываться дальше, стараясь не выдавать своего недоверия к собеседнику,— значит, должен я уметь руны читать. И еще какими-то качествами обладать — особенными...Так какими, черт по-

бери?! И кто я вообще получаюсь? И почему от меня здесь все как от чумного шарахаются?

— Тихо-тихо-тихо! — оборвал меня Дуппельмейер.— Не все так сразу... И вот послушай — моя к тебе просьба... Ты это... Черта больше не поминай... Не надо. Не положено тебе по статусу... Тут нас, конечно, никто не слышит и не понимает... Но знаешь: тут имя нечистого всякая малявка с детства на всех языках знает... Так что воздержись. Ты ведь теперь маг. Хоть и не проявленный еще...

Он задумчиво замолчал.

«Вот так — «маг»!»,— переваривал я идиотскую новость. Чего-то в этом духе я и ожидал. Но не этого же *именно* на самом деле, черт побери!

— Так поэтому они и?..

— Поэтому,— подтвердил из темноты Дуппель.— Именно поэтому. Нет, конечно. Еще и потому, что мы с тобой никакого карантина проходить и не думали... Но не это главное... Главное, что ты — маг. Еще не проявленный. Не мастер. Даже не ученик еще. Дикий маг, как здесь говорят. А значит, от тебя всего чего угодно ожидать можно. Ты же ведь сам не знаешь, что можешь отмочить. К кому-нибудь прикоснешься и подаришь судьбу. А это, знаешь, не всем нужно...

— Что? — не понял я.— Что не всем нужно?

— Судьба,— коротко ответил Дуппель.— Не всем хочется ее иметь — такую, которую дарят маги... Хотя есть и такие, кто отдал бы все на свете, чтобы получить судьбу. Но в том-то и дело, что «все на свете» — это и есть она — Судьба... И потому ни купить, ни выменять ее нельзя. Можно получить в дар. Но это довольно страшный подарок. Хотя, как я уже сказал, для многих — желанный. Вот для капитана Сотеша, например. Только он скорее пойдет в одиночку против хорошо укомплектованного дракона, чем обратится с просьбой к колдуну. Тем более — к дикому магу.

— Значит, воинское звание этого бородача — капитан? — осведомился я.

О том, что здесь водятся драконы, я уже знал. И смутно представлял, чем они должны быть «укомплектованы». Но с этим можно было повременить. Сражения с драконами не входят в сферу моих ближайших интересов. Да и более отдаленных — тоже. На тот момент.

Пока что меня интересовали вещи и существа более прозаические — те, что окружали меня.

— Кстати, о капитанах... — продолжал я свои расспросы, покончив с последней крошкой сыра и с перепавшей на мою долю порцией съестного.— Ведь Ольгред: он ведь тоже капитан — я тогда не ослышался? Он-то куда делся? Остался *там*?

Дуппель в темноте то ли кашлянул, то ли — на свой манер — хрюкнул и наставительно произнес:

— Ольгред и Сотеш... Они, видишь ли, Сергей — оч-ч-чень разных армий капитаны... Так что даже нет смысла сравнивать... Нет... Ольгред *там*, конечно, не остался. Ему собственная башка дорога еще... Мы так решили, что я сразу ныряю — за тобой следом и рулить даже не пытаюсь, чтобы меня туда же вынесло, куда и тебя... Вот меня и вынесло. Эти идиоты здесь не поверили ни одному моему слову. Слава богу, ты быстро нашелся, а то так бы и держали в ремнях. Я ж не в свою зону свалился, без малейшего предупреждения. И без Знака... А он — Ольгред — он в этом деле смыслит. Он только и делает, что Темным Путем шляется.

— Как? — переспросил я.

Далекие воспоминания о злосчастном дурне Яше и о нескольких строчках из многословного трактата Якоба Малого, Мюнстерского, вновь всколыхнулись.

— По Темному Пути? Это у вас называется «Темный Путь»?

— Да! — раздраженно отозвался прерванный на полуслове Дуппель.— *Это* у нас называется Темный Путь!— Помолчал немного и добавил: — Он должен сейчас где-то в местах... обетованных вынырнуть и с Центром связаться. Ну а те уж меры примут...

По всей видимости, Дуппель искренне считал слово «обетованные» синонимом прилагательного «обитаемые». А может, это юмор у него был такой, своеобразный. Я не стал вникать.

Главное состояло в том, что где-то в этом странном мире существовал некий Центр, по каким-то своим причинам озабоченный нашей судьбой. И я крепко надеялся: в Центре том найдутся люди посообразительнее Ольгреда с Дуппельмейером. Правда, к надеждам моим примешивалась и изрядная толика страха — судя по всему, компания посвященных в тайну Темного Пути состояла отнюдь не из добрых дядюшек и тетушек. И весьма проблематично было то, как они — те из них, кто облечен правом принимать решения,— обойдутся со случайным разиней, по нелепому недоразумению коснувшимся их тайн. Ни надеждами своими, ни сомнениями делиться с Дуппелем я не торопился.

— Так что же? — спросил я.— Теперь, значит, если я маг непроявленный, то меня что — проявлять теперь начнут? Я за этим вам нужен?

Дуппельмейер досадливо крякнул в темноте:

— Да не знаю! Не знаю я, что они с тобой там будут делать, с таким! Нет... Сначала, конечно, постараются заклятие с тебя снять. Ну а потом... Не наше это дело... Наше с Ольгредом дело — тебя в Центр доставить. Хозяевам с рук на руки сдать. В целости и сохранности. И главное, тем, *другим*, не отдать. Ни живым ни мертвым! А дальше — ты уж меня извини — хоть трава не расти! Может, учить тебя там станут, может, лечить... Может, изучать. А может, назад закинут — агентом будешь. Если в наши края, то, глядишь, и встретимся...

Мы снова помолчали немного, прислушиваясь к шуму какой-то перебранки среди сопровождавших кибитку конников. Перебранка стихла, и я снова начал одолевать Дуппеля вопросами.

— Послушай... — окликнул я его.— Ну, положим, заклятие на мне, и его еще снять с меня нужно. Ну а те,

которых вы без заклятия сюда приводите? С ними-то что бывает? В нормальном, так сказать, случае?

— В нормальном?

Дуппель завозился в темноте, щелкнул зажигалкой и принялся раскуривать сигарету. Судя по амбре, давешнюю «Приму».

— В нормальном случае все просто, Сережа. Сначала — тестирование. Месячишко-другой. Потом, если все гладко по тестам, то в монастырь. Обучение первоначальное, инструктаж, можно сказать. Ну языковая подготовка, то-се... На все это год, не больше... Впрочем, это смотря в какой монастырь тебя упекут. А потом — ать-два в ученики. Определят тебе край и Учителя. Надеваешь балахон. Посох под мышку, котомку в зубы и марш-марш — на место прохождения... А уж дальше — как сложится.

— Ну а там, на «месте прохождения», я что буду делать? Чудеса творить, что ли?

Дуппель хмыкнул:

— Именно. Именно чудеса творить и будешь. По заказу, так сказать. Но то потом, когда в силу войдешь. А сначала на Учителя ишачить будешь. Что он тебе прикажет, тем и займешься. Захочет — воду на тебе возить заставит. Захочет — классного мага из тебя сделает. А не захочет с тобой магией делиться, так ты и останешься дубина дубиной. Будешь фокусами на жизнь зарабатывать в базарный день. Или шарлатаном заделаешься — будешь господ королей-графов философским камнем дурачить и заговорами триппер им залечивать. Исключительно заговорами и пассами. Без всяких антибиотиков... Бывает и так... — Он помолчал.— Только с тобой так не получится, Сережа... На тебя недаром Враг глаз положил...

— Чудеса... — вздохнул я.— По заказу... По чьему, собственно, заказу-то?

Последовал очередной сиплый присвист.

— Заказчиков-то хватает, Сережа. Начиная от королей и президентов и кончая любым нищим сбродом, которому с тобой, кроме своей бессмертной проспиртованной души, и расплатиться нечем... Главное — от Врага случайно за-

казик не подхватить... А потому сначала от тех заказы принимать будешь, на кого Учитель тебе укажет. Пока сам Учителем не сделаешься.— Дуппель снова затянулся сигаретой.— Потому что,— тут он демонстративно загнусавил, давая мне понять, что цитирует некое неизвестное мне «Установление» или «Положение»,— «Маги в ранге Учителя есть основные проводники политики Центра на местах, благодаря тому, что они выполняют заказ социально значимых групп населения». Ясно? Все очень просто.

— Да,— тяжело вздохнул я.— Все просто. Проще некуда...

— Х-хе!

Дуппель затянулся сигаретой, с сипением выдохнул дым и успокоил меня:

— Ты привыкай. Сюда попал — отсюда ходу нет. Ну не повезет — при монастыре оставят. До переэкзаменовки. Или вообще... До морковкина заговенья... Как неспособного. В любом случае — не пропадешь. При монастырях жизнь сытая... Ну, может, конечно, и неудача «обломится» — снова в Мир тебя выкинут. Назад. Как особо способного. Это, конечно, если сильно не повезет.

— Назад? — озадаченно спросил я.— Это называется «не повезет»?

— Х-хе!

Дуппель вновь с сипением выпустил дым:

— А, по-твоему, это везение, что ли,— вот так, как Трой, всю жизнь с *Теми* в прятки играть? На планете Земля, в пределах, как говорится, допустимых Правилами? Там, брат,— не тут!

На этой мудрой сентенции наша беседа прервалась. Тележные колеса испустили не скрип даже, а какой-то отчаянный визг, лошади недовольно заржали, нас основательно тряхнуло, накренило, и кибитка остановилась.

Сквозь ткань, натянутую на остов кибитки, светили тревожные багровые огни. Пахнуло дымом. Совсем рядом с нами палили костры. В кибитку просачивались звуки —

треск огня и какой-то гвалт. Вроде негромкий, но мощный. Заполнявший все пространство кругом.

Полог позади нашего экипажа резко откинулся, и в образовавшийся проем просунул голову капитан Сотеш. Он коротко молвил что-то — воинственное и вежливое одновременно — и застыл в позе ожидания, придерживая полог на весу.

— Приехали,— с облегчением вздохнул Дуппель, вставая с вороха сена и разминая затекшие ноги.— Рукав опусти. Вылезаем... пересадка, граница с племенами.

* * *

Спрыгнув на устланную опавшей хвоей землю, я не сразу сориентировался в том, что происходит вокруг. Вовсе не костры горели слева от нас — вверх по склону.

Горел лес. И уйма народу пыталась остановить огонь — багровые всполохи пламени выхватывали из темноты цепочки людей, человек по двадцать—тридцать. Все они активно работали лопатами и мотыгами, очищая землю от сухой травы и кустарника, ставили заслон «низовому» огню. Ветер помогал им, он дул навстречу огню. Стучали топоры — на пути пожара валили деревья. Целая армия билась с огнем.

И немало народу бежало от него. Дорога впереди была загромождена повозками, арбами и телегами. На одних виднелся второпях набросанный, плохо закрепленный скарб, на других — таких, пожалуй, было много больше— теснились люди. Дети — все лет до десяти. Те, что постарше, были составной частью толпы, тесно сгрудившейся вокруг погруженных во мрак застопорившихся телег. И невозможно было рассмотреть их лица. Только пламя отражалось во множестве глаз. Эта толпа и была причиной того самого мрачного гвалта, который служил незаметным сначала фоном для последних реплик нашего с Дуппелем разговора. Это выглядело жутковато.

При нашем появлении гвалт всплеснулся с новой силой. В нем стали различимы отдельные голоса. Я отчет-

ливо уловил в сбивчивой многоголосице взрыв кучерявого воронежского мата — словно отзвук залпа тяжелой артиллерии в пулеметной трескотне. Но, сколько ни силился, так и не смог вычленить из общей галдящей в темноте массы носителя «великого и могучего». Несколько человек из толпы сделали попытку зачем-то рвануться к нам, но их относительно легко удержала реденькая цепочка каких-то то ли надсмотрщиков, то ли ополченцев, наделенных, видимо, властью вносить порядок в образовавшийся хаос.

Сопровождавшие нас всадники спешились и перекинули автоматы на грудь. Стали в каре вокруг нас с Дуппельмейером. К ним, трусовато оглядываясь по сторонам, присоединился и давешний мужичонка с двустволкой, что приглядывал за Дуппельмейером, покуда того не освободили от пут. Оказывается, он продолжил путешествие с нами — на козлах, рядом с возницей. Сам же возница, взяв понурых кляч под уздцы, отошел с ними и с кибиткой в сторону, всем своим видом демонстрируя, что он — человек маленький и к происходящей заварухе непричастен.

Сотеш выступил вперед, и к нему тут же подбежал кто-то из распорядителей пожаротушения. Между ними завязался разговор — нервный, но как будто невраждебный. Дуппель, решительно отстранив сомкнувшихся вокруг нас охранников, присоединился к происходящему разговору в качестве слушателя. Тем временем с противоположной стороны дорожной пробки сквозь толпу к нам стали активно пробираться с полдюжины типов, одетых побогаче и вооруженных получше, чем сопровождавшая нас четверка всадников. Ни до мешавшей им толпы, ни до пылающих поодаль лесных гигантов им, похоже, не было никакого дела. Сотеш тоже заметил их и, резко оборвав разговор с распорядителем, отсалютовал приближающимся уполномоченным. Дуппель повернулся и направился ко мне. По дороге он глухо ругался последними словами.

— Опять у них война,— сообщил он мне.— Чтоб им!.. Нашли время...

— У кого война? — спросил я без особой надежды хоть что-то понять в происходящем.— С кем?

— Племена сцепились... — неопределенно махнул рукой в пространство Советник.— Лесные повздорили с озерными. А за озерных вступился еще кто-то... И все вместе запалили леса. В общем, это надолго. И нас не касается. Главное, запомни — нас это не касается. За тем исключением, что пробираться придется по горящей земле. И каждую секунду, пока будем идти по ней, мы будем рисковать схлопотать случайную пулю или нарваться на обезумевших идиотов, которым никакие законы не писаны. Но не принимай это близко к сердцу...

Советник Дуппельмейер невесело хмыкнул. Я промолчал.

А Сотеш уже отдавал распоряжения шестерым встретившим нас порученцам. Потом приказал что-то своей четверке, и все они — теперь уже десятка вооруженных и мрачных типов — плотно сомкнулись вокруг нас (меня и Советника) и решительно двинулись сквозь неохотно расступившуюся перед нами толпу. Сотеш повернулся и протянул мне какой-то сверток темной ткани. Этот подарок сопровождался коротким, но, видимо, ценным указанием.

— На голову надевай — быстро! — перевел мне Дуппель.— Не стоит твою физиономию всенародно светить. Раз уж тобой Враг интересуется, то лучше, как говорится, перебдеть, чем недобдеть...

Я угрюмо посмотрел на него и стал напяливать на себя черный балахон. Был он, слава богу, без спецпропитки и с прорезями для глаз. Ладно, к идиотизму происходящего мне было уже не привыкать. С тех самых пор, как я имел неосторожность попить пивка на халяву со случайным знакомым в кафе маленького речного вокзала. То лжементы на меня наручники надевают, то карлики отлавливают... Теперь вот в дурацком балахоне

приходится через толпу шествовать. Не очень дружественно настроенную, кстати говоря.

— Ну все обошлось, кажется... — пробормотал себе под нос Дуппель где-то у меня за спиной.— Смотри-ка: и карета подана. Опять же не пешедралом идти придется...

«Карета», ожидавшая нас на продымленной полянке у границы леса, за поворотом — подальше от глаз беженцев,— оказалась всего-навсего арбой, запряженной парой малорослых коров, и на вид еще менее комфортабельной, чем кибитка. Правда, имели место утепленный, из овчины сработанный полог и донельзя усиленная охрана. Кроме тех шестерых «спецназовцев», что обеспечивали наш проход через скопище беженцев, арбу стерегли еще трое угрюмых и вооруженных до зубов молодцев. Четвертым был возница. В отличие от первого — оставшегося при кибитке — далеко не унылое, подневольное существо, мечтающее избавиться от навязанных ему пассажиров, а, скорее, прямая ему противоположность. Был возница тот ярко-рыж и видом своим неистов. На груди у него крест-накрест болтались два ружья немаленького калибра. Увидев приближающуюся к нему процессию, он соскочил со своего насеста в передней части арбы и вразвалку направился нам навстречу. Как и на всех прибывших за нами охранниках, на нем поверх цивильной походной одежки был нацеплен вполне современный облегченный бронежилет. Похоже, что именно этот свирепый тип и был неформальным лидером среди встречающих.

Между ним и Сотешем тут же завязалась довольно бурная беседа, причем никакого пиетета в отношении господина капитана возница явно не демонстрировал. К из разговору присоединился и державшийся (если судить по осанке и возрасту) здесь за старшего охранник. Дуппельмейер мгновенно оказался тут как тут. Похоже, что никому здесь — в Странном Крае — не приходило в голову оспаривать его право присутствовать при беседах лиц, облеченных властью. Точно так же, как никому не приходило в голову спрашивать его мнения. Он, впрочем, и не особенно вмешивался в разговор. Более того, на

середине разгоревшихся горячих споров он досадливо махнул рукой, резко повернулся и направился ко мне.

— Они решили через перевал дунуть,— сообщил он мне таким тоном, что даже кретину должно было стать ясно, что решение принято просто идиотское.— А старики сказали,— продолжил он с прежней досадой в голосе,— что эта ночь долгая... Так что дуба мы дадим на перевале от холода. Запросто...

Развить эту мысль ему не дали: все наши проводники враз замахали нам руками и загомонили, призывая как можно быстрее занять место в недрах арбы. Сотеш вновь, уподобясь швейцару, откинул перед нами полог навеса, и первым в сумрак, царивший внутри нашего нового экипажа, торопливо шагнул Дуппельмейер. Тотчас же изнутри раздался его сдавленный крик, за которым последовал целый каскад отчаянных воплей и шумов непонятного, но явно гнусного происхождения. Вся наша охрана с видом одновременно и растерянным, и уверенным кинулась к проклятой колымаге и молниеносно сомкнулась вокруг нее, ощетинясь стволами и энергично оттеснив меня в сторону — подальше от неожиданно возникшей опасности.

Глава 3
ТАГАРА

Опасностью оказался всего-навсего незапланированный пассажир, зайцем забравшийся на арбу под носом у бдительной охраны. Заяц замаскировался среди наваленного в арбе багажа так ловко, что Советник обнаружил его лишь по случайности — споткнувшись обо что-то и обрушившись на нечто, оказавшееся вдруг живым и испуганным. Вытаскивали это живое и испуганное нечто из повозки вчетвером — Дуппель, Сотеш, рыжий возница и тот из охранников, кто был тут за главного. При этом наше транспортное средство не раз грозило перевернуться.

Зайцем оказался всего-навсего подросток лет четырнадцати, худющий и оборванный. Брыкался и извивался

он отчаянно, при этом норовил укусить кого-нибудь за руку. Выковырнуть-то его из арбы с грехом пополам все-таки удалось, но этим успехи карательной экспедиции против непрошеного попутчика и ограничились. В следующую секунду стервец вырвался из рук своих преследователей и юркнул под арбу. Достать его оттуда троим плотного сложения мужикам, упакованным в бронежилеты, было довольно затруднительно.

Компания, усиленная моральной поддержкой Советника Дуппельмейера, перешла в стадию позиционных сражений. Четверо ловцов, пыхтя и ругаясь, хороводили на четвереньках вокруг неказистого колесного экипажа и норовили ухватить свою дичь то за одну, то за другую неосторожно высунутую в зону их досягаемости конечность. Но не тут-то было! Парнишка оказался куда более проворным, чем его преследователи, и соответствующая конечность мгновенно исчезала в недоступном для них пространстве. Смотреть на эту сцену без смеха было нельзя. Но всем участникам происходящего действа было вовсе не до смеха.

Я не без удивления обратил внимание на реакцию остальной охраны, не задействованной в поимке мальчишки. Стоя поодаль от эпицентра событий, они как-то отрешенно созерцали происходящее, лишь изредка обмениваясь короткими репликами и критическими замечаниями. Тем временем Дуппель увещевал парнишку, Сотеш и охранники из его свиты грозились — насколько можно было понять по интонациям, сквозившим в их голосах,— стереть гаденыша в порошок, а свирепый возница, как ни странно, пытался наоборот подманить стервеца неведомо откуда взявшимся у него леденцом. Однако паренек оказался кремнем: ни на какие посулы он не покупался. Совершая свои молниеносные маневры под колесами арбы, он продолжал переругиваться со своими обидчиками: то огрызался, то поддразнивал их, то вдруг принимался что-то горячо объяснять, ожесточенно жестикулируя — насколько это позволяли ему весьма стесненные обстоятельства. И только тогда, когда, запыхав-

шись от изнурительной возни, он от отчаяния и от полного непонимания окружающих разрыдался, ему наконец удалось смутить своих противников. Сотеш и его оруженосец смягчились, сменили тон и от угроз перешли к увещеваниям, а Дуппельмейер и возница — от увещеваний и посулов к тому, что на дебильном языке политических комментариев именуется «конструктивным диалогом».

Тут что-то подсказало мне, что стоять в стороне и тупо пялиться на происходящее как-то не вписывается в выпавшую мне роль пусть недоделанного, но мага.

— Что говорит мальчишка? — спросил я Дуппеля, решительно шагнув вперед.

Стражник, до той поры прикрывавший меня от неведомой опасности, долженствующей исходить от малолетнего зайца, нерешительно воспротивился моему движению, но применять силу не стал. Это было неплохим признаком. Все-таки я, кажется, был не столько пленником, сколько оособо важной персоной, хотя и требующей присмотра, но сколько-то уважаемой. Дуппельмейер поднял на меня глаза. Он был порядком озадачен. Откашлявшись, он обменялся взглядами с Сотешем. Тот оторвался от переговоров с притихшим под арбой мальчишкой и, отряхиваясь от прилипшей к локтям и коленям хвои, приблизился к нам.

— Понимаешь, Сергей,— морщась и слегка запинаясь, стал объяснять Советник,— пацан оттуда, из-за перевала... Их здесь сейчас бьют. Сложно тебе объяснить... Словом, вроде он здесь с какой-то родней был на заработках, когда началась эта... заварушка. Похоже, что родителей его или каких-то еще родственников — того... Его и самого прибьют, если поймают... Вот он и забрался сюда — в телегу эту... Догадался как-то, что мы за горы отправляемся. Может, разговор солдат подслушал...

— Да ему же и шестнадцати нет... — озадаченно пожал я плечами, ощущая себя лицемером.

Дуппельмейер дал мне почувствовать это немного полнее.

— Сережа... — поморщился он, словно я сморозил большую глупость.— Тебе про то, что с русскими семьями в городе Грозном делали, рассказывали? Или про Карабахи-Барабахи напомнить? — Он махнул рукой. И добавил: — А далеко ему не уйти... Он — типичный дакла: глазищи — как уголь, волчьи, а в волосах — словно перья соломенные... И вообще... Их — тех, что там, за хребтом, здесь так называют почему-то... дакла... Не знаю, что это означает.

Я набрался духу и скорее утвердительно, чем вопросительно, произнес:

— Ну а если мы его... ну... с собой возьмем? Что тогда?

Дуппель пожал плечами:

— Мы — конвой Центра. На нас ни одна сволочь здесь не покусится — кого бы и что бы мы ни везли с собой... А если уж покусится, тогда не будет иметь никакого значения, кто из нас дакла, а кто не дакла... Но... От него же вшей наберемся. И потом...

Сотеш, видимо догадавшись, о чем идет речь, положил руку на плечо Дуппелю и, указывая на меня глазами, стал что-то убедительно втолковывать ему.

— Он говорит,— кивнул на него Советник,— что если мы пустим мальчишку к себе, то живым все равно его не довезем. Довезем его отдельно, а голову — отдельно... Это он про то, что сопрет пацан что-нибудь непременно. Дакла — они такие... А тогда придется его поймать и — секир-башка... Здесь у них с этим строго. Более чем... Племенам спуску не дают. А нам в этот монастырь со своим уставом лезть не стоит. Да и не дадут нам такой возможности.

— Так он же не сумасшедший? — возразил я.— Мы же его спасать будем...

Дуппель посмотрел на меня с жалостью.

— Тебе этого не понять, Сережа... Это же — дакла...

— Вот что,— сказал я как можно более решительно.— Парнишка пускай едет с нами... Если надо — привяжите его к чему-нибудь...

— Нет! Не надо привязывать! Я... Я ничего не возьму...

Мальчишка выскользнул из-под арбы, увернулся от рук двоих оставшихся в строю ловцов и кинулся к нам, выкрикивая обещания не подвести своих спасителей на вполне разборчивом русском языке. Мало того — на том вполне жаргонном его варианте, к которому мы привыкли на улицах больших городов России. Это было основательным сюрпризом не только для меня. Сотеш всего лишь оцепенел, уставясь на вцепившегося в меня парнишку, а Дуппельмейер, ухватив малолетнего даклу за плечо, развернул его лицом к себе.

— Ты что?..— спросил он растерянно.— Ты это почему? Ты откуда знаешь этот язык?

Подросток смотрел на него, как мышонок на удава. И дышал точно так же, как загнанный мышонок,— часто и испуганно.

— Я... У меня... — Он махнул рукой куда-то в неопределенном направлении.— У меня мать *оттуда*. От вот них.

Он указал на меня глазами.

— Она...

— Стоп! — оборвал его Дуппель.

Повернувшись к Сотешу, он заговорил с ним в повелительном, даже резком тоне. Потом коротко бросил мне:

— Считай, уговорил... Забираем шкета с собой... Надо расспросить его, откуда здесь люди с той стороны...

Капитан тем временем отдал распоряжения своим подчиненным. Они, явно разочарованные тем, что представление окончилось так рано, занялись делом — вскочили в седла и приготовились сопровождать арбу, которую возница расторопно вывел на дорогу, держа недовольных своей участью упряжных буренок под уздцы. В общем-то несмотря на свирепый вид, рыжий разбойник оказался довольно-таки любезным малым. Он вытащил из арбы и приставил к ее торцу грубо сколоченную лестницу и даже подставил руку — помочь мне забраться в этот довольно шаткий экипаж. Парнишку тоже поддержал и тут же приковал его за руку к бортовой жерди арбы вполне советского вида наручниками. Тот не возражал против этой меры.

По всей видимости, он почувствовал себя в полной безопасности.

Теперь у меня была возможность и рассмотреть шкета получше, и поговорить с ним. Тем более что других занятий у нас в ближайшем будущем не предвиделось. Был мальчишка довольно широкоплеч и круглолиц, но в то же время страшно худ и угловат, какими бывают только попавшие в беду подростки. Пожалуй, у него кто-то из предков и вправду происходил из того края — по Ту Сторону, где летнее тепло ненадолго приходит на промоченную дождями и истосковавшуюся под зимними снегами землю. Курносый нос, высокие скулы... Вот перья в коротко остриженных, прямых и черных, как вороново крыло, волосах действительно смотрелись не по-нашему. Были они не соломенные, а скорее золотые, довольно редкие, но заметные. Там — в земном мире — такого эффекта добиваются каким-то парикмахерским приемом. Мелированием, кажется. Глаза у парнишки были громадные, пронзительно-черные и необыкновенно подвижные. Дуппель сказал про них «волчьи». Это было не совсем точно. Вернее, это было бы совсем точно, если бы мне пришлось встретиться с веселыми, склонными к шуткам волками. Впрочем, такие волки, наверное, есть и называются они волчатами.

— Не ко времени это все,— раздосадованно заметил Дуппельмейер, поудобнее устраиваясь на сваленном на дно арбы багаже.— И война эта, и пал лесной... Привала даже устроить нельзя, чтобы пожрать по-человечески... Вот сухим пайком дали...

Он принялся развязывать объемистый мешок, что напоследок — перед тем как тронуться в путь — вручил ему рыжий возница. Мешок был набит съестным.

— Тебя как зовут? — спросил я мальчишку, вручая ему кус хлеба, намазанного чем-то довольно аппетитным.

— Тагара,— сообщил он и тут же впился в хлеб зубами.

Умял он свой бутерброд с рекордной скоростью. Дуппельмейер тем временем извлек из мешка самый натуральный китайский термос, пару деревянных чашек типа

пиал и принялся разливать по ним какой-то горячий травяной настой. Немного подумав, он и мальчишке налил этой дряни в крышку от термоса. В воздухе запахло летней степью. Для меня напиток этот — горьковатый и пряный — был непривычен, но пить хотелось жутко, и я глотал его, стараясь не обращать внимания на весь букет странных ощущений, сопровождающих это занятие. Мальчишка пил этот чудной чай привычно — маленькими глотками, сноровисто перебрасывая из руки в руку металлическую чашку-крышку, которая жгла ему пальцы. Дуппель чаем облился-таки при очередном крене, который дала наша неспешная в общем-то арба, тихо выругался и, отряхивая одежду (тот самый давешний милицейский камуфляж) от пахучего настоя, заметил:

— Тагара — риккейское имя. А сам ты — дакла. Наполовину, по крайней мере. И мать у тебя, говоришь — с Той Стороны... Интересный ты какой-то товарищ...

Тагара молча глотнул из крышки, сверкая из темноты своими глазищами, потом отер губы тыльной стороной ладони и объяснил:

— Мы при Убежище жили... Отец — там, на службе... Он и сам на ту сторону ходит...

— Ага... — прикинул что-то в уме Дуппель.— Ходит... Значит, жив он? С тобой здесь не влип?

Тагара принялся рассказывать свою историю, во многом мне непонятную. Кое-какие объяснения по ходу дела в этот рассказ вставлял Дуппель. Я же только — как уголь в топку — подбрасывал парнишке новые и новые куски съестного. Топка работала исправно, снедь в ней исчезала молниеносно и без следа, лишь ненадолго прерывая нить повествования, которое вел малолетка.

По-русски говорил он свободно, хотя и с довольно заметным, незнакомым акцентом. Акцент, впрочем, не мешал понимать его. Скорее забавлял. Но, кроме акцента, забавного в его рассказе было мало.

Была в нем в основном большая кровь. Кровь двух войн, уже успевших прокатиться по его судьбе. Убежище, о котором упомянул он в самом начале своего рассказа,

было, насколько я понял, чем-то вроде перевалочного пункта для тех, кто забрел с Той Стороны. Таких, оказывается, хватало. По крайней мере, Убежище было не единственным в этом мире. О нем Тагара с Дуппельмейером говорили как о чем-то достаточно редком, но все-таки обычном — вроде сумасшедшего дома. Это заведение было связано с возможностью путешествовать. Именно этими путешествиями, по словам Тагары, и занимался его отец. Из одного такого путешествия он и привез его мать. Как можно было судить по реакции Дуппельмейера, эта часть рассказа Тагары выглядела все-таки не слишком правдоподобно, но, возможно, была хотя бы отчасти правдой. Отец Тагары действительно был из дакла, но Убежище находилось на земле Рикк. Там он и прожил почти всю свою жизнь. Отсюда и риккейское имя мальчишки. Сам Тагара жил постоянно там — в доме отца, почти не видя его целыми месяцами, а в здешние края стал выбираться со своими двумя братьями на заработки. И теперешняя смута отсекла их от риккейского анклава. Это была вторая в его недолгой жизни война. До нее Тагара был еще слишком мал, чтобы помнить о тех временах что-нибудь, кроме детского ужаса. Люди из Рикка пережили еще одну — бессмысленную, как и все междоусобицы. Во время той войны бесследно пропала его мать. Скорее всего, сгинула в кровавой мясорубке отданных на разграбление городов, сел и Убежищ. Но сам Тагара был уверен (и, похоже, уверенность эту поддерживали в нем его отец и братья) в том, что мать его сумела уйти на Ту Сторону. Именно это и гнало отца Тагары снова и снова в те края, куда с такой радостью вернулся бы я.

Я уже говорил, что тогда, во время путешествия в тряской арбе по горной дороге, я очень многого не понимал из рассказа Тагары, и сейчас пересказываю лишь то, что стало мне понятно со временем.

Рассвет все не наступал и не наступал, и я начал терять нить повествования, и без того для меня темного и какого-то пунктирного. К тому же Дуппель — он сидел сбоку и чуть позади Тагары — выражением своей физионо-

мии, покачиванием головы, а временами и ироническим поцокиванием языка то и дело давал понять, что рассказ мальчишки большого доверия не заслуживает. Ирония его сошла на нет, пожалуй, только однажды: когда Тагара рассказывал о том, как погибли его братья.

— Мы глупо влипли,— шмыгнув носом, сказал мальчишка и на минуту смолк.— Мы последние два... нет, три сезона, ну, каждый раз, когда наступала такая осень, которая после лета наступает, сюда подработать мотали — на сбор «золотых яблок». Нет, мы не бедствуем... Просто хочется зарабатывать самим, хоть на карманные расходы. Ну а ночевать устраивались в поселке временных рабочих. Почти всегда можно устроиться без особого труда. Если не в одной долине, то в другой... В этот раз, как назло, сразу нашли заброшенный дом около Торонских плантаций. Две ночи перекемарили как люди, а на третью — очень длинную — в поселок принесло банду Госсов.

Нет, они нас не тронули — им два десятка небогатых ребят, которые не занимали лишнего места в поселке, были просто безразличны. Другое дело, что многие из нас были дакла, а дакла не все любят... Но это тогда не катило. Не было братьям Госсам никакого дела до здешних межплеменных разборок — у них в банде всякой твари по паре было. В том числе и дакла. («А как же без этого»,— ядовито буркнул себе под нос Дуппель.)

Беда из-за другого вышла... Госсы недолго думая учинили разбой в двух соседних селениях и тут же убрались восвояси. Оставшиеся в живых до нитки обчищенные селяне отрыли свои закопанные гроши и ими поклонились маркграфу Анатолию, а тот двинул на место дислокации лихого люда свои карательные отряды. Те прибыли на место действия с опозданием часов на двадцать, когда банды Госсов в поселке уже и след простыл, но шибко разбираться в положении дел не стали.

В ночной тьме озверевшие солдаты ворвались в поселок, принялись вламываться в дома и швырять внутрь гранаты. Тех, кто выбегал из домов, поливали автоматным огнем. Уцелели в поселке немногие.

Погибли оба старших брата Тагары. Сам он остался в живых в общем-то чудом — его на редкость вовремя потащил на ночную рыбалку приятель, которого он успел завести в здешних краях.

Пару ночей он провел у этого приятеля — скрывался от шастающих окрест вооруженных олухов,— а потом отправился лесными тропами в Рикк, где у него по крайней мере были друзья и, хоть и дальние, а все же родственники. Но к тому времени по всей территории племен уже полыхала война. Резня в селении была только маленьким эпизодом самого начала очередной вспышки вечно тлеющей в предгорьях междоусобицы. Пересечь границу предгорий стало делом смертельно опасным.

Тагара помаялся с неделю, прибиваясь то к цыганам, то еще к каким-то бродягам, то просто в одиночку прятался в лесных заброшенных скитах, а в конце концов увязался за караваном своих — риккейцев, пробиравшихся на родину с грузом скарба беженцев. С этим-то грузом они и влипли прямехонько в ту заварушку на перевале, к разгару которой столь вовремя принесло и нас с Дуппелем. Но если риккейским беженцам в общем-то не угрожало ничего, кроме возможности быть обобранными до нитки, то беспризорному дакла светило нечто совсем иное: в лучшем случае — выбитые зубы и переломанные ребра. В худшем — линчевание. Тут были возможны варианты. Только такие, из которых выбирать как-то не хотелось.

К концу своего рассказа Тагара, накормленный и сморенный многодневной усталостью, уже с трудом ворочал языком. Еще через пару минут его, погрузившегося в глубокий сон, накрыл одной из выделенных в наше распоряжение шкур Дуппельмейер. Совершив это доброе дело, он повернулся ко мне.

— Держи ухо востро, Сережа,— тихо бросил он.— Прямо скажу тебе: напрасно мы связались с парнишкой. Чует мое сердце: половина из того, что он наболтал нам,— сплошное вранье! Обдерет он нас. Что-нибудь да сопрет! Как пить дать — сопрет и даст тягу! И хорошо, если не

попадется. Я говорю «хорошо», потому что не люблю наблюдать здешний самосуд. К этому привыкнуть нельзя...

Он замолчал и некоторое время мы вглядывались в ночную темень. По обе стороны дороги сплошной стеной громоздился лес. Небо представало передо мной сравнительно узкой полосой, украшенной россыпями звезд. Я пытался разглядеть среди них контуры знакомых созвездий и тихонько клял то безразличие, с каким всегда относился к ночному небу у себя над головой.

— Послушайте,— обратился я к Дуппелю.— Здесь сутки сколько тянутся? Вроде бы пора и рассвету обозначиться...

Мой спутник только фыркнул в ответ:

— Здесь сутки столько тянутся, сколько захотят,— просветил он меня.— В среднем выходит, наверное, те же двадцать четыре часа. Но на часы глядеть нет смысла. Кстати, часы здесь приносят несчастье. И это не выдумки. Только очень крутые из магов позволяют себе роскошь иметь в своем хозяйстве настоящие часики.

— Этого мне не понять,— пожал я плечами.— Если вращение планеты неравномерно, так здесь бы сплошные катаклизмы творились...

— Это по-нашему неравномерно,— отозвался Дуппель.— Здесь другие законы. А что до катаклизмов, так этого добра и здесь хватает. Кстати, с временами года такая же петрушка, как и с сутками. Даже похлеще. Зима может затянуться на пару лет. А старожилы вспоминают, что было дело, когда чуть ли не десяток лет стужа длилась. Скорее всего, преувеличивают. Но мор и глад были нешуточные. А бывала и сушь великая. Я одну такую краешком зацепил. Когда меня впервые сюда забросили. Полный кошмар был. Леса горели...

— И как только здешняя живность и растительность уцелела? — задал я вопрос, явно не имеющий ответа.— Наверное, все эти... Вариации, что ли, все-таки в каких-то рамках держатся...

— Может быть,— отозвался Дуппель и зевнул, чуть не вывихнув челюсть.— Будет у тебя возможность на эти

темы с умными людьми потолковать. С такими, что на здешней науке собаку съели. Если, конечно, мы тебя до места назначения живым довезем.

Он снова зевнул, забрался поглубже в недра арбы, и скоро оттуда стало доноситься его осторожное похрапывание. Я тоже был не прочь отключиться от окружающего меня здешнего мира с его странностями хотя бы на короткое время. Я ощущал какую-то нервную усталость. В конце концов моим нервам было от чего устать.

Я зарылся в мягкую подстилку. Сон сморил и меня.

* * *

И во сне меня продолжал преследовать этот все никак не наступающий рассвет. Только мне снилось, что рассвет никак не наступит совсем в других местах. В тех, в которых остался мой дом. Мне снилось, что очередной раз Ромка не пришел домой ночевать — скорее всего, застрял у кого-то из приятелей, «геймясь» на компьютере или еще по какой-то причине.

Почему-то я был уверен, что на рассвете он появится. (Во сне часто бываешь уверен в совсем неочевидных вещах.) И уж тогда получит от меня по первое число. Но в том-то и дело, что рассвета все не было и не было. Я вертелся на своей койке, беспрерывно поправлял подушку и даже время от времени пытался заснуть и тем приблизить восход солнца. Но там, во сне, сон не шел ко мне.

Интересно, разве во сне может присниться бессонница?

Наверное, все-таки может. Мало того, я думаю, что очень многим из тех, кто жалуется на постоянную бессонницу, она большей частью снится.

Там — во сне — я то и дело садился на кровати, брал со стола будильник и рассматривал в полутьме его циферблат. Прислушивался к тому, как он с хрустом разжевывает улетающие секунды. Пытался понять, не остановился ли он. И не остановилось ли время вообще. Всякий раз стрелки будильника двигались, как им и по-

ложено. Но — как это бывает во сне — я все время путался с цифрами на циферблате. Все забывал, что показывали часы, когда я в последний раз смотрел на них.

Я ругал себя плохими словами и ворочался с боку на бок. Потом мне начали сниться телефонные звонки от разных моих друзей. Преимущественно от тех, которых я не видал давным-давно. Я каждый раз бывал страшно рад очередному такому звонку. Тому, что мы вспомнили друг о друге... Во сне мне казалось совершенно естественным, что всем нам пришло в голову созвониться именно в эту затянувшуюся ночь. Но, странное дело, я не запомнил почти ничего из того, о чем мы с ними говорили.

Потом мне вспомнился Яша. И я стал набирать его номер телефона. Не то чтобы я забыл о том, что его давно уже нет. Просто во сне это не было столь уж важным обстоятельством. Удивительно — при этом у меня было ощущение того, что я делаю что-то очень нехорошее. То, чего нельзя делать...

Похоже, Яша ждал моего звонка. И ждал он его, наверное, очень долго. Я, впрочем, не знаю того, как время тянется там, в небытии. Он узнал меня даже не по голосу — я еще не успел ничего сказать. Скорее всего, узнал он меня по дыханию. А может быть, он был уверен, что больше его тревожить некому.

— Хорошая мысль, Сергей, поговорить со мной,— добродушно, чуть хрипловато произнес он.— Есть проблемы?

— Да, есть,— нехотя ответил я.

— Знак? — спросил он.— Беспокоит?

Я на несколько мгновений задумался о том, как ответить ему. Интересно: там, в нереальном мире сна, мне совершенно нереальным казалось все то, что приключилось со мною в эти последние двое суток. Мне стало ясно, что ни Яша Шуйский, ни кто другой моему рассказу просто не поверит. Да я и сам как-то не очень верил теперь самому себе. И я принялся говорить какими-то обиняками, недомолвками, намеками... Я не помню точно, что я говорил тогда.

— Тебе трудно придется... — глухо проговорил Яшин голос в трубке.— И я теперь ничем не смогу тебе помочь. Постарайся... постарайся найти книги. Хотя бы ту, из которой мы взяли твой Знак. Я... Я, черт возьми, всю библиотеку спустил... По дешевке. Когда стал пить... — Он с трудом связывал слова.

Я помолчал чуть-чуть:

— Я давно хотел у тебя спросить. Давно хотел узнать, что с тобой случилось... Почему ты в последние годы слетел с катушек... И вообще...

Яков помолчал немного. Потом горьким каким-то голосом, в котором сквозила полнейшая безнадежность, стал как-то коряво объяснять мне:

— Это — от слишком большого знания, Сергей. Оттого, что начинаешь понимать, что живешь совсем не в том мире, в котором ты думал, что живешь. И оттого, что на самом деле все очень страшно устроено вокруг нас. И в нас самих. И оттого, что рано или поздно понимаешь, что ничего, ни-че-го изменить нельзя.

— О чем это ты? — не понял я.— Изменить... Что ты хотел изменить? И потом... — те, кто тебя... Кто сделал с тобой *это*?..

Тут я понял, что говорю нелепость. Да и сам наш разговор нелеп. Невозможен. Но у стихии сна свои законы. Я не мог остановиться и продолжал говорить дальше:

— Те, кто сделал с тобой *это* — они пришли к тебе *отсюда*? Или из Темного Мира? А?

Но теперь я уже не слышал никакого ответа. Трубка даже не шуршала обычным телефонным шорохом. Она молчала глухим молчанием мертвого телефонного аппарата. Словно этот черный эбонитовый ящичек никогда и не подключали к розетке телефонной сети. Я молча повертел трубку в руках и, кажется — тут воспоминания об этом сне становятся клочковатыми и обрывочными,— положил ее на рычаг.

Из этих сумбурных клочьев сновидения и пунктирной нити воспоминаний у меня в голове осталось мало чего

конкретного. Разве что воспоминания о странном шуме, который все больше и больше досаждал мне еще во время тех, призрачных, телефонных разговоров. Может быть, в моем дремлющем сознании так трансформировались скрип тележных колес, потрескивание плетеного кузова, разговоры и перекличка наших стражей...

И пока мое внимание все больше и больше отвлекали призрачные звуки этого странного оркестра, мне снилось, что я брожу по нашему с Ромкой дому. Тому дому, каким он был, когда я его покинул. И одновременно по тому, каким он был в ту пору, когда живы были еще наши родители. Странно: обычная двухкомнатная квартира в том сне превратилась в целый лабиринт комнат и коридоров. И каждое из этих бесчисленных помещений было когда-то мне хорошо знакомо, обжито и уютно.

Но сейчас что-то случилось со всем этим. Словно кто-то чужой поселился в этих стенах. Чужой и враждебный. Все вокруг как-то сразу постарело и обветшало. Даже фотографии родителей в простенке между окнами пожелтели и висели криво. На ставших облезлыми и ободранными обоях появились потеки. Кто-то небрежно, скотчем, прилепил на эти лохмотья какие-то картинки с жуткими сюжетами. Некоторые походили на неумелые подражания Босху или кому-то вроде него. Некоторые вообще ни на что не походили. И странное чувство владело мной — чувство навалившейся на меня осени. Она была там, за окнами, и ее дыхание царило во всем доме. Осень всегда была связана у меня с чувством прощания. С чем или с кем, не всегда было понятно мне, но чувство это было всегда очень острым.

Все изменилось в доме. Изменилось к худшему. На стенах появились знаки и надписи. Непонятные иероглифы. Чем они были написаны? Одни — вроде смолой и пеплом, другие — чем-то мерзким, чуть ли не нечистотами. А некоторые — кровью. Что-то мне эти иероглифы напоминали. Но вот что? Что?

Странный скребущий звук наконец окончательно сосредоточил на себе мое внимание. И я понял, что этот

звук идет от дверей. Что это наверняка вернулся из своих ночных блужданий Ромка и теперь — виновато и нахально — просится быть впущенным домой. Подобное с ним случалось разок-другой в месяц.

Из этого сна мне запомнились еще долгие поиски тех дверей, в которые скребся Роман. Родной дом упорно оборачивался запутанным лабиринтом таких знакомых и таких непонятных комнат, переходов, чуланов... Какое-то темное, немое отчаяние охватило меня. Мне стало казаться, что так и надо — так уж устроен мир этого моего сна, что мне не суждено никогда найти выход из этого непонятного лабиринта и увидеть Ромку.

Опять наступил провал во времени, а когда восприятие иллюзорной реальности сна снова вернулось ко мне, я, оказывается, уже стоял перед ней — такой знакомой мне до последнего мазка краски дверью — и через нее ругательски ругал припоздившегося Ромку.

Он не отвечал мне ничего путного, только молча посапывал там, за дощатой преградой, и переминался с ноги на ногу. И, как это всегда бывало со мной, я до конца спалил свое злое раздражение в потоке привычных уже слов и без особого переходного периода сменил гнев на милость. Буркнул: «Ладно уж...» — и принялся отцеплять цепочку и крутить рукоятку замка.

Почему-то я вовсе не удивился тому, что, когда я — резким рывком — отворил дверь, за нею стоял вовсе не Ромка.

Передо мной стоял Тагара. Мокрый и замерзший.

Я не стал спрашивать его ни о чем. Просто торопливым и дружеским тычком протолкнул его в прихожую и накрепко запер за ним дверь.

Тагара оглянулся вокруг, словно волчонок, оказавшийся впервые в жилище человека. Тревожно озираясь, пошел за мной следом на кухню. На нем не было той драной рубахи и потертых кожаных шортов, которые были на нем в реальности Странного Мира. Джинсы, свитер, кеды — он был одет как обычный городской подросток. Как Ромка, сообразил я уже много позже. А тогда, в этом

все тянувшемся и тянувшемся сне, я поил его крепким чаем и расспрашивал, расспрашивал, расспрашивал... Почему-то мне казалось само собой разумеющимся, что он непременно должен что-то знать о Ромке. Что-то необыкновенно важное.

Конечно, я ни слова не помню из этого привидевшегося мне во сне разговора. Помню только, что того Тагару, что приснился мне, вовсе не удивляли мои расспросы. И еще: что с него медленно, словно омертвевшая кожа с ожога, спадал какой-то испытанный им страх. И еще мне запомнилось необыкновенное чувство облегчения, вдруг охватившее меня после каких-то сказанных им слов.

Только вот самих этих слов я не запомнил.

Необычное воздействие оказал на меня этот странный, как и все в этих местах, сон. Я не верю снам да и нечасто их вижу. Но уже много времени спустя — наяву — во мне по-прежнему жила уверенность в том, что судьба моего брата Ромки каким-то непостижимым образом связана с судьбой туземного мальчишки, даклы по имени Тагара. И еще тогда — во сне — ко мне пришла уверенность, что нельзя, никак нельзя отпустить на все четыре стороны этого мальчишку, потерять его.

Впрочем, тогда, во сне, все было мне ясно, и все было просто. И все было хорошо. Помнится, я налил Тагаре еще чаю, пододвинул к нему сахарницу и плетеную корзинку с сухариками, а сам поднялся и подошел к раковине, чтобы напиться холодной воды из-под крана. И только когда не ощутил вкуса воды, понял, что происходящее — сон. И стал просыпаться.

* * *

Когда я наконец проснулся, здешнее солнышко соизволило-таки взойти. Арба стояла на скалистой площадке, преодолев за долгую ночь основательный спуск. Тагары в арбе не было, только пристегнутые к поручням пустые наручники напоминали о его существовании.

Горы теперь громоздились высоко над нами, а неразличимая раньше в темноте равнина простиралась совсем рядом — за невысокими уже, больше похожими на простые холмы отрогами оставшегося позади хребта. Пейзаж был в общем-то идиллический, почти пасторальный. Неподалеку к скале прилепился довольно цивилизованного вида домик каменной кладки, крытый черепицей. Где-то неподалеку журчал ручей.

Я соскочил с арбы, размял затекшие члены и, стряхнув остатки сонной дремы, потопал вниз, на звук ручья. Спускаясь по некрутой тропинке, присматривался к местности. Только теперь ко мне стала возвращаться способность замечать и сравнивать мелкие детали окружающего меня мира — листья деревьев, стебельки травы под ногами, странный, непривычный, неправильный рисунок переплетения ветвей кустарника по обочинам, странные песни странных птиц в ближних лесах на склонах гор. Нет, это, разумеется, была не привычная для меня Земля, но и вовсе не чужой мир. Все здесь было почти таким же, как на Земле, но именно *почти* таким же. Это «почти» было незаметно вблизи, но издалека — в массе — все эти мелкие различия и непохожести складывались вместе, умножали друг друга. И создавали в конце концов совсем непохожий на земной, какой-то сюрреалистический пейзаж.

«А если на все это взглянуть из космоса? — подумал я.— Вполне может статься, что это совсем не круглый, похожий на глобус шар, а какой-нибудь куб или цилиндр. Или вообще переплетение непонятностей — вроде внутренностей какой-нибудь глубоководной твари. Только совершенно непонятно, почему при такой причудливой астрономии сила тяжести здесь не выкидывает никаких фокусов? И геология внешне смахивает на земную. И состав воздуха... И все прочее в общем-то нормальное».

Я тряхнул головой — эти мысли явно слишком рано стали шевелиться в моей голове. В конце концов, жив буду, найду кого-нибудь, кто хоть что-то растолкует мне в этих материях. Ключевые слова — «жив буду». Так что

сейчас надо разобраться в простых вещах. В жизнеобеспечении...

На этой умной мысли меня прервали.

* * *

Снизу, от ручья, раздались суровые выкрики, звуки крепких затрещин и в ответ — жалостливые и задиристые одновременно то ли возражения, то ли оправдания. Возражал и оправдывался очень знакомый мне голос. Я ускорил шаг и успел. Успел к самой кульминации — обозленный, потный охранник за ухо тащил по тропинке отчаянно упирающегося Тагару. Тащил правой рукой. В левой он сжимал жестяное ведро и яростно потрясал им в воздухе. В ведре что-то отчетливо бренчало. Еще один охранник, вскарабкавшись на торчащее у тропинки сухое дерево, уже деловито перекидывал через сук крепкую веревку. Веревку украшала весьма выразительная и умело завязанная петля. Чуть в стороне, постукивая веточкой по голенищу, прохаживался капитан Сотеш. Все это настолько не понравилось мне, что с быстрого шага я перешел на бег рысцой.

Но Тагара, увидев меня издалека, уже сам порывался тащить своего конвоира навстречу мне. Теперь он указывал на меня свободной рукой и во всю мочь голосил нечто призывно-возмущенное. Стражник замедлил ход, остановился и озадаченно уставился на меня. Я махнул ему, подзывая к себе. Тот с сомнением во взоре сделал шаг-другой по тропинке. Мы остановились в метре-полутора друг перед другом. Сзади я расслышал — сквозь верещанье Тагары и матюги охранника — топот ног кого-то догонявшего меня. Я обернулся: разумеется, это был Дуппель. Злой, запыхавшийся Дуппель. Он тоже успел вовремя.

— Скажите им! — закричал Тагара, перейдя на русский и умоляюще глядя мне в глаза.— Скажите им — ведь правда, это вы меня послали за водой?! Ведь правда?!!

Охранник скривился в нехорошей улыбке, сунул руку в ведро и извлек на свет божий очень знакомую мне вещь. Давешний фиал. Я машинально схватился за нагрудный карман. Разумеется, он был пуст. Ну и глупая же в тот момент у меня должна была быть физиономия!

— Он говорит,— перевел Дуппель слова охранника,— что эту штучку господин, конечно, дал огольцу, чтобы тот его водичкой прополоскал...

— Гы! — прокомментировал этот перевод охранник.

Дуппель зло, ядовито заорал что-то, обращаясь к скисшему вроде Тагаре. Тот принялся перечить ему неуверенно, но озлобленно. Один из охранников, что был занят монтажом импровизированной виселицы, нетерпеливо окликнул своего замешкавшегося товарища, и тот снова повлек Тагару к высохшей коряге. Еще трое вооруженных парней, сидевших в тени придорожного кустарника, поднялись и стали подтягиваться к месту предстоящего действа.

— Они что — на самом деле?..— я встревоженно повернулся к Дуппелю.

— Нет! — зло отозвался тот.— Не на самом! В шутку! А если бы у нас ума хватило по дороге прогнать его взашей, так, глядишь, и живым бы остался парнишка...

— Стой! — крикнул я вслед охраннику.— Дуппель, объясните ему... Скажите ему, что я действительно послал мальчишку за водой! И этот... фиал я на самом деле дал ему. Поиграть. Что ты уставился на меня?! Скажи ему это быстро, а то они...

Дуппельмейер быстрым шагом догнал охранника и резким, неприязненным тоном начал что-то пенять ему. Я подошел к ним и стал придерживать парнишку за перебинтованное предплечье. Солдат остановился, выкатил глаза и минуты две переводил взгляд с Тагары на меня, с меня на Дуппельмейера, с Дуппельмейера на капитана Сотеша, а затем в обратном порядке. Сотеш прервал свое хождение в тени чахлых деревцов и, подойдя к нам, некоторое время прислушивался к сбивчивой речи Дуппеля. Потом он бросил охраннику несколько резких слов, оки-

нул нас сердитым взглядом, махнул рукой и зашагал прочь— к сгрудившемуся на дороге отряду сопровождения. Охранник скорчил страшную мину и, разочарованно махнув рукой своему напарнику, недоуменно торчащему под ставшей бесполезной петлей, зашагал вслед за командиром. Тут же остановился, сплюнул с досады и, вернувшись к нам, сунул мне в руки фиал, швырнул на землю и попинал жестяное ведро, после чего удалился уже окончательно.

Я молча определил фиал на прежнее (довольно ненадежное, как теперь выяснилось) место, вкатил Тагаре крепчайшего «леща» (несколько таких заработал от меня в свое время Ромка, когда был замечен мною в увлечении «колесами») и тоже пошел к арбе, которую явно готовили к тому, чтобы снова двинуться в путь. Ругаясь и сплевывая от злости, Дуппель присоединился ко мне. Мы не успели обменяться и парой фраз, когда наше внимание отвлекло отчетливо раздававшееся сзади побрякивание.

Тагара деловитым шагом догонял нас, подобрав покалеченное солдатскими пинками ведро.

— Катись отсюда к фигам! — заорал Дуппель, нагибаясь, чтобы поднять камень, словно отпугивал прицепившегося пса.— Ворюга чертов! Пошел с глаз долой и Бога благодари, что живым отпустили! Считаю до трех!

Тагара запнулся, подался в сторону и принялся активно канючить:

— Я же только посмотреть хотел... А потом вдруг день настал, и я сразу за водой побежал... Я бы сразу на место положил...

Мы молча повернулись к воришке спиной и стали взбираться вверх по тропинке. Тагара снова припустил за нами:

— Мне недалеко! Я буду пешком! Я за тележкой идти буду! Здесь до Рикка совсем близко!

Дуппель резко остановился. Повернул голову влево — туда, где за редковатым лесом начинало комкать воздух марево нагретого воздуха.

— Близко! — усмехнулся он.— Всего-то сотни полторы километров через плато столбов...

Он повернулся к Тагаре — тот стоял совсем близко и умоляюще глядел на нас.

— Мы не в Рикк идем,— хмуро объяснил ему Дуппель.— До моста топай с нами. Черт с тобой! Только через плато пробираться ищи себе попутчиков. Один ни за что не пройдешь.

Я молча махнул Тагаре — «ступай за нами!» — и зашагал к дурацкой арбе.

* * *

Пока мы потихоньку катили через пронизанный столбами солнечного света лес, Тагара и впрямь топал с нами— то шел, то бежал, придерживаясь за борт арбы загорелой исцарапанной рукой.

Наказан Тагара был скорее чисто символически — бег за арбой был ему явно не в тягость. Тем более что и бегом-то это назвать было, по существу, нельзя: арба ползла по заброшенной лесной дороге, как покалеченная в жизненных испытаниях черепаха. Временами мы даже и вовсе останавливались, поджидая возвращения высланных на разведку всадников. Сотеш чередовал своих людей— одних, вернувшихся из дозора, отправлял в арьергард, кемаривших в седлах по сторонам нашего неспешного экипажа верховых направлял им на смену и таким манером хоть как-то разнообразил себе и им дорожную скуку.

Что до меня, то я вовсе не скучал — мне этот неожиданно свалившийся на меня мир был еще внове. И здешняя дорога по лесу — предельно скучная для аборигенов — была для меня полна самых разнообразных открытий. Например, открытием стала перекличка здешних птиц, невидимых в редковатой листве, зверек, перебежавший дорогу прямо под ногами всадников охранения, сам вид диковинных деревьев и кустов вокруг.

Дуппель тоже не скучал в дороге. Но немного по-другому, чем я. Он озирал лес тревожным, сосредоточенным взглядом, фиксируя какие-то одному ему понятные и тревожные детали. Какие-то предчувствия явно донимали его. И, похоже, не зря.

Как раз к тому моменту, когда дорога наконец стала утомлять меня и проснувшийся голод напомнил о том, что не мешало бы и прервать меланхолическое созерцание плывущей мимо окружающей действительности чем-нибудь вроде обеда, кортеж наш слегка притормозил свое и без того неспешное движение, а там и вовсе остановился.

Причиной задержки послужила какая-то суматоха, возникшая немного дальше — впереди по курсу. Всадники дозора угрюмо разбирались с подозрительной кучкой из четырех-пяти уныло гомонящих бродяг. Со своего места я мог разглядеть только бесформенные — из мешковины, что ли? — балахоны, копошащихся всадников и желтоватые пятна уродливых лиц, то появляющихся, то исчезающих в просветах куколей, наброшенных на головы этих странных персонажей из какого-то дурного сна. Мою попытку соскочить с арбы, чтобы поближе посмотреть на происходящее, Дуппель пресек самым решительным образом, резко рванув меня за плечо назад.

— Сиди тихо! — негромко приказал он.— Здесь ничего случайного не бывает! И не высовывайся! А то в момент арбалетный болт в лоб влепят! Учти, ты сейчас — дичь. И за тобой идет охота!

Тем временем от препирающейся толпы отделился и как-то бочком-бочком подобрался к нам один из бродяг— главный среди них, судя по всему. Под брезентовый полог арбы свою физиономию он всунул совершенно неожиданно и порядком перепугал меня.

Пугаться было чего: более отвратительной рожи я не видел даже у нищенствующих проходимцев в Афгане. Лицо это было составлено из нарубленных глубоких горизонтальных морщин, забитых какой-то древней, вековой копотью. Из дряблой, словно выношенной, потертой кожи, скроенной вкривь и вкось. Складки щек падали

на тощую, жилистую и невероятно грязную шею. Сквозь эту жуткую рожу прорастали пучки пегой щетины. То ухо, которое позволял рассмотреть накинутый на голову урода куколь, было основательно порвано. Картину дополнял вытекший левый глаз и непередаваемо глумливое выражение физиономии, растянутой в каком-то подобии улыбки. Бродяга тянул к нам руку, вывернутую ладонью вверх. На ладони этой — закопченной и корявой — сверкала изрядная кучка монет. Судя по всему — золотых. Бродяга слащаво залопотал что-то.

— Просит взять его с собой... — злым голосом объяснил Дуппель.— Золото предлагает... Откуда у прощелыги золотишко-то?

Он принялся шарить рядом с собой, разыскивая, как я понял, чем шугануть бродягу. Тот тем временем свободной рукой уцепился за рукав, а там и за отворот моей куртки и принялся энергично теребить их, продолжая издавать отвратительные булькающие звуки. Удовольствие отрывать его пальцы от своей одежды было ниже среднего.

И тут, откуда-то сзади, я услышал горячий шепот:

— Нельзя! Его нельзя пускать к нам! Это не паломники! У них другая метка! Это очень плохие люди! И эти деньги тоже очень плохие!

Шептал это Тагара. Он тянул край тента, пришнурованный к борту арбы, и смотрел на меня в образовавшийся просвет — с тревогой и надеждой. Выразительные были у него глаза, что ни говори.

Дуппель, однако, и не собирался помогать подозрительному типу: он вытащил из-под кучи наваленных позади него одеял самый натуральный обрез, упер его в переносицу урода и заорал на непонятном мне языке. Урод и не подумал пугаться и продолжал лопотать свое, одновременно продолжая активно внедряться во внутреннее пространство навеса арбы.

Положение спас бравый капитан Сотеш, явившись неожиданно на коне в просвете отброшенного тента арбы. Он с плеча огрел бродягу плеткой. В ту же секунду Дуппель

пинком вышиб уже проникшую под тент часть незваного гостя вон.

Золотые монеты россыпью покатились по дорожной пыли.

Бродяга злобно — теперь уже далеко не заискивающе — глянул на нас и несколько мгновений явно разрывался между желанием вцепиться кому-нибудь из нас в физиономию и необходимостью подобрать с земли свой капитал. Он довольно грозно зашипел, решившись, кажется, на первое. Но дело поправил капитан. Он замахнулся плетью второй раз, и урод, не дожидаясь удара, упал на дорогу и пополз по ней, собирая и торопливо засовывая за щеку рассеяные на его пути золотые кружочки. Еще раз прошипел что-то и провалился в придорожный кустарник.

Судя по доносившемуся из головы колонны шуму, спутников нашего несостоявшегося пассажира тоже гнали взашей, и притом весьма успешно. Наш мини-караван снова двинулся вперед. Тагара продолжал бодро трусить за нами, придерживаясь рукой за край колымаги, а Сотеш следовал рядом, задумчиво прислушиваясь к нашему разговору. Мне даже подумалось: а не знаком ли все-таки капитан с основами русского языка?

— Что этот черт наколдовал? — поинтересовался я у Тагары, кивнув на кусты, за которыми исчез юродивый.

— Он сказал... — перевел Тагара, опасливо косясь на Сотеша,— ...сказал, что на нем (он кивнул на капитана) теперь проклятие. За то, что осмелился поднять руку на святого человека... Только это не святые... И не люди вовсе! Они только прикидываются, что живые... Их Ложный бог присылает... Эти приходили за мной!

Дуппельмейер реагировал на его слова весьма скептически.

— На фиг ты им сдался, воришка несчастный! — презрительно бросил он.— Богам дичь покрупнее нужна. Да и нет никакого Ложного бога — ерунда это все на постном масле!

Он повернулся ко мне:

— Самые обычные разбойники это. Только под паломников косят... Втираются в доверие, навязываются в попутчики. А ночью всех перережут и все вещички с собой упрут. Кого-нибудь могут и пожалеть. Увести в заложники. Или для продажи в рабство... А те, что нам повстречались — увечные,— среди этой мрази самая мерзкая порода... Под какой орден они там косят? — снова обернулся он к Тагаре.

— Под орден Благого Помысла! — с готовностью объяснил тот.— Он под свое крылышко действительно только больных и увечных собирает. Но не всех, а таких, у которых от болезни или увечья всякие чудесные способности появляются. Ну там воду чуют. Или зло. И восход предсказать могут... Или наоборот, если болезнь их и увечность от таких способностей приключилась... Таких и вправду с собой в дорогу — за компанию — брать стоит. Когда в караване есть такой, так даже лихой народ, прежде чем налететь, призадумается. Потому что тогда и впрямь на тебя проклятие лечь может. Вроде как живой оберег получается... Только, конечно, с большими странностями все они... И не всякий знает, как их от этих вот, что нам попались, отличить. От Отраженных...

— Ага,— кивнул Дуппель.— От Отраженных — правильно! Ты, оказывается, хорошо в таких делах смыслишь...

Тагара на бегу скромно пожал загоредыми плечами.

— Так вот, эти сволочи,— объяснил Дуппель,— и есть самые мерзкие из всей этой породы. Они даже не грабят, а заказы принимают... На головы. Иногда — на живых людей...

— Главное — они души к себе забирают! — со знанием дела дополнил его Тагара, чем снова вызвал взрыв дуппельмейеровского скепсиса.

— Взрослый, а в такую чушь веришь! — пожал он плечами.— Эти сказки они сами про себя сочиняют, чтоб боялись... А на самом деле просто разбойники и садисты. Самые обыкновенные...

Тут неожиданно в разговор вступил капитан Сотеш. Все ж таки смыслил он что-то в русском языке, смыслил...

Много позже я понял, что это образ жизни тут такой: каждый хорошо знает пару языков, но и о языках, сильно распространенных в Странном Крае, обычно имеет какое-то практическое представление... Заговорил капитан, правда, на своем варианте португальского, обращаясь главным образом к Дуппелю, но из того, что переводил тот, было понятно: общий смысл нашего разговора он ухватил.

— Он говорит,— объяснил тот,— что можно было сразу догадаться, что это были обманщики.— Настоящие паломники никогда денег за то, чтобы их сопровождали в дороге, не предлагают. Да их у них никогда и не бывает — денег-то. Другое дело, если бы они попрошайничали... Такое случается изредка. Чаще им без всякого попрошайничества жертвуют кто сколько сможет. Так бывает. Наоборот — никогда!

— А еще их вот как просто от настоящих отличать,— встрял в разговор Тагара.— У них никогда настоящая Метка на лицах нарисована не бывает. Для них тогда кара приходит — хуже смерти... И поэтому они хоть одну черточку, а не так нарисуют. Перевернут, как в зеркале. Поэтому их Отраженными и зовут! И еще: им, настоящим братьям Благого Помысла, здесь, на этих дорогах, делать нечего! У них все святые места там — за Старыми хребтами. А монастыри — далеко, там, где Холодный край...

— Ну ты — знаток,— иронически поощрил его Дуппель.

Сотеш глянул на паренька с неудовольствием и повторил Дуппелю — громко и разборчиво, словно глухому,— что-то из того, что высказал минуту назад. Тот посерьезнел и перевел:

— Тут капитан верно говорит: раз кто-то даже денег не пожалел, чтобы этих чертей к нам пристроить, то дело плохо. Заказали им кого-то из нас. Думает, что тебя. Больше некого...

— А вот мальчишка думает, что это по его душу с того света явились... — пожал я плечами.

Говорил я наполовину в шутку, наполовину всерьез.

— В самом деле, с чего это ты взял? — обратился к Тагаре Дуппель.

— Это из-за моего отца,— уныло отозвался тот.— Я же рассказывал... Он с Той Стороны Знаком Меченных приводит. А если меня там — у Врага, у Темных — будут в заложниках держать, то он им Меченых приводить будет, а не вам...

— Ерунда это,— отмахнулся от него Дуппель.— Просто ты со страху чуть в штаны не напустил и несешь сейчас первое, что в голову придет... Думаешь, это Темные были?

Мальчишка затряс головой.

— Нет! Такое уже было! Было... Темные, это точно! — Тагара запнулся на пару секунд, судорожно сглотнул слюну и быстро указал глазами на меня.— А он что — новенький? Совсем? Все вы ему объясняете и объясняете... И фиал у него...

— Много будешь знать — скоро состаришься! — сурово отрезал Дуппель.— Ты давай, давай — топай за нами, пока мы добрые... А станешь доставать...

* * *

На некоторое время мы смолкли. Сотеш поскакал вперед — командовать своими людьми, а я, от греха подальше, забрался поглубже под тент и устроился на импровизированной лежанке из мягкой рухляди. Птицы в кронах — до того довольно шумливые — притихли. Только скрип арбы, сопение Тагары да топот копыт нарушали наступившую тишину. Дуппеля сморило, и он задремывал.

Я же почти машинально стал приводить в порядок свою одежду, немного пострадавшую от вцепившегося в нее мертвой хваткой лжепаломника. Заодно проверил карманы — не сперли ли у меня снова (бог троицу любит) дурацкий фиал, спрятанный в глухо застегнутом нагрудном кармане.

Фиал не сперли. Зато в другом кармане, пониже расположенном, обнаружился совершенно неожиданный предмет — довольно крупная и вроде бы золотая монета.

Монета была, видно, старая и настолько затерта, что в полумраке я не сразу смог понять, где у нее орел, а где— решка. Сказать, что за тварь была выбита на гербе, украшавшем когда-то ее аверс, было совершенно невозможно. Что до реверса, то достоинство монеты мог установить только кто-то знакомый со здешними числительными — оно было означено чем-то вроде толкиеновских рун. А по окружности — неровно и совсем недавно — другими знаками, больше похожими на иероглифы, было выцарапано что-то, вдруг показавшееся мне знакомым. То, что я уже видел похожую надпись, не сразу дошло до меня — я уже засовывал монету обратно в карман. Но остановился и снова поднес монету к глазам. И тогда только понял, что именно эта надпись (не похожая, а — готов поклясться! — именно эта) была кровью намалевана над постелью моего брата. Тогда еще, целую вечность назад. Вчера или позавчера...

Я осторожно спрятал монету. Покосился на дремлющего Дуппеля и на равномерно трусящего следом за колымагой Тагару. Мои манипуляции с монетой — да и ее саму — кажется, не заметили. Почему-то мне показалось, что не нужно спешить ее кому-либо показывать.

Хотя, конечно, от вещей в этом крае можно было ждать всего чего угодно. Монета могла оказаться радиоактивной, ядовитой, заколдованной, наконец... Но для меня она была какой-то весточкой о судьбе Ромки. Хоть и чьей-то недоброй, видно, рукой написанной, из Темного Мира пришедшей, но весточкой!

И, значит, действительно не по душу Тагары приходил к нам черту подобный юродивый. Но и простым разбойником он не был. Он был посланником тех, других, враждебных Дуппелю с Ольгредом и Троем сил этого мира. Ладно, им-то пускай враждебных, но враждебных ли людям вообще? Откуда я знаю, что на самом деле случилось с братом? Пока что со мной хотят по секрету связаться.

Может, готовят ловушку. А может, и нет. Не буду спешить, пока хоть в чем-то не начал разбираться в Странном Крае...

* * *

Подарив нам это, хотя и не слишком приятное, приключение, дорога, вероятно, исчерпала свой запас сюрпризов и стала просто узкой просекой в густом лесу, изобилующей колдобинами и рытвинами всех известных конфигураций. Для меня дорога эта оставалась интересной, а вот Тагара — загрустил. Не то чтобы его сморила усталость. Похоже, он был просто неутомим. Ему было откровенно скучно трусцой тащиться следом за нашей арбой. Временами он пробовал заговорить со мной, но присутствие Дуппеля и еще что-то (непонятное мне) удерживало его от этого. Не давало быть откровенным. Поэтому мальчишка становился все более и более мрачен. Бросал направо и налево косые взгляды, явно хотел и одновременно боялся отделаться от этого докучного бега за арбой.

Но потом — у моста — судьба улыбнулась ему.

Высланный с дозором вперед человек Сотеша вернулся с каким-то донесением, взволновавшим всю нашу путевую охрану. Капитан энергичным жестом распорядился приостановить движение нашего небольшого отряда. Сам вместе с парой своих людей спешился, вооружился биноклем и отправился к близкой уже кромке молодой поросли, которой обрывался лес, что-то высматривать впереди, укрывшись за тонкими стволами поредевших деревьев.

Я и не заметил, как вслед за лазутчиками в подлесок нырнул и Тагара. Просто он вдруг как-то выпал из поля моего зрения и, сколько я ни крутил головой, никак не объявлялся нигде окрест.

Я машинально проверил, на месте ли чертов фиал. Тот был на месте, Тагара — нет. Он появился секунд через сорок, изрядно запыхавшийся и возбужденный.

— Ух ты! — сообщил он с каким-то даже восторгом в голосе.— Там танк!

По всей видимости, танки в здешних местах были изрядной редкостью. Тем не менее один — на нашу голову — сыскался.

Еще через минуту-другую к «обозу» вернулись Сотеш и его люди. Дуппель перебросил себя через борт арбы и поспешил им навстречу.

— Все в порядке! — сообщил он, вернувшись.— Это наши. Из риккейского филиала.

Танк, прибывший по наши души, оказался, впрочем, не совсем танком.

У реки — там, где ее пересекал мост, в том месте, что на языке военных называется «тет де пон», нас действительно ждали. Ждал нормальный защитного окраса бэтээр. Самый обычный — из тех, что можно каждый день видеть на экране телевизора в «Новостях», когда подходит время для очередного сюжета с Северного Кавказа. Только вместо бортового номера на пятнистой броне был начертан белый знак, видом своим напоминавший иероглиф. На той же броне и рядом с транспортером скучали с полдюжины вооруженных людей в более привычном моему глазу полевом камуфляже. Чуть поодаль виднелся далеко не последней модели крытый «лендровер». Рядом с ним на паре каких-то тюков кемарил бородач с банданой на черной как смоль лохматой башке. Должно быть, кто-то, кого вездеход подбросил сюда по дороге.

* * *

Наш отряд уверенно выбрался из леса, после чего, сигналя парой пестрых флагов и отчаянно чертыхаясь, стал спускаться вниз по довольно крутой дороге, размытой дождями и больше напоминающей русло временно пересохшей реки. С арбы нам с Дуппелем пришлось соскочить — проклятая колымага раскачивалась самым недвусмысленным образом и ясно давала понять, что не

упустит ни малейшей возможности загреметь колесами вверх при первом же удобном для такого дела случае.

Обогнав упряжку, мы настигли спешившихся людей Сотеша и вместе с ними вышли к мосту. Сам капитан первым подошел к поджидавшему его командиру встречающих — тому из них, что был постарше на вид, мрачному и бритоголовому — и коротко отрапортовал что-то. Пару раз он выразительно кивнул в мою сторону. Бритоголовый принялся о чем-то расспрашивать капитана с довольно неприязненной миной. Ни подозвать меня, ни подойти ко мне он, видно, и не намеревался. Дуппельмейер — по своей, как я понял, постоянной привычке (а может, обязанности) — тут же занял место рядом с дебатирующим начальством. Почти сразу его физиономия, и без того достаточно озабоченная, приняла окончательно кислый вид. Не дослушав разговор людей при оружии до конца, он круто повернулся и направился ко мне.

— Чтоб им треснуть! Нас заворачивают в Рикк. В наш филиал! Решили, что курс адаптации тебе лучше проходить там.

— Это плохо? — поинтересовался я.

— А как ты думаешь?! — вопросом на вопрос зло ответил Дуппель.— Есть разница между Высшими командными в Москве и ускоренно-заочными в Вышнем Волочке? В Центре к тебе живо бы приставили классного куратора. А тут я с тобой мучиться должен буду, пока не найду замену...

— Не один ты... — раздалось у него из-за спины.

Мы оба повернулись на голос и были в общем-то приятно удивлены. Хотя я затрудняюсь сказать, что уж такого приятного было для меня в новой встрече с Ольгредом. Он приблизился к нам со стороны бронетранспортера, растирая на ходу затекшие, судя по всему, в пути мышцы шеи и плеч.

— Не возбухай,— кивнул он небрежно Дуппелю.— Все, что делается, делается не с дури! Проще всего было бы вас, дурней, этапировать в Центр. Но, понимаешь ли, эта светлая мысль вряд ли пришла в голову одним нам.

Тем, кто на нас охотится, тоже не так уж трудно будет сообразить, куда и как мы повезем кандидата. Так что легко понять, что никуда бы мы его просто не довезли бы.

— Это, извини меня,— возразил Дуппель,— еще бабушка надвое сказала.

Ольгред скривился:

— У нас — серьезное задание, а не сеанс гадания на кофейной гуще! Теперь и дураку ясно, что те пасли парня задолго до нас. И решили сыграть на его братике. Но ждали до поры до времени... Так что прямые ходы здесь и теперь не проходят. А в риккейском филиале им,— Ольгред кивнул на меня,— займутся далеко не местные олухи...

— А кто же? — мрачно поинтересовался Дуппель.— Ангелы небесные?

— Довезем — узнаешь. А пока мне звон разводить на эти темы не с руки,— ответствовал Ольгред.— Перегружайтесь с ним в вездеход. Двинем прямо через плато. «Броник» будет нас подстраховывать. Кстати,— он повернулся ко мне,— командир экипажа полковник Горелов. Характер у него не сахар, но дело свое знает. Просто старайся с ним не пересекаться. По нашей четверке старший по экипажу — я. Перегружайтесь, повторяю. Давайте живенько...

Мы, не теряя времени, потопали назад, к арбе.

Я только теперь понял, что по дороге мы обросли багажом. Правда, весь наш путевой скарб (в основном запас съестного) умещался в двух объемистых вещмешках. Я уже примерился взвалить свой себе на спину, когда неведомо откуда рядом возник Тагара.

— Я тебе помогу! — радостно воскликнул он, подставляя плечо под мой багаж.

— Не стоит уродоваться! — отмахнулся я, закидывая мешок за спину.

— Но вы ведь поворачиваете в Рикк? — взволнованно спросил Тагара, поспевая за мной.— Скажите им... Скажите, чтобы взяли меня с собой!

Дуппель сразу понял, чего хочет от меня мальчишка, и, догнав нас, с самым суровом видом ухватил паренька за плечо.

— Не приставай к дяде! — произнес он шипящим голосом.— У нас для тебя места нет! Ищи себе других попутчиков!

«А где он их найдет? — подумал я.— Его до той поры успеют раз пять вздернуть на каком-нибудь суку...»

Тагара, разумеется, и не думал сражаться и насел теперь уже на Дуппельмейера — слегка, правда, косясь на меня,— с мольбами взять его с собой, хотя бы пристроить на бампере... Признаться, его мольбы как-то больше напоминали требования. Ольгред тем временем двинулся нам навстречу, жестами поторапливая и укоряя нас за нерасторопность.

— Сколько будет народу в машине? — спросил я его, когда расстояние между нами достаточно сократилось.

Вопрос несколько озадачил Ольгреда, но он, пожав плечами, ответствовал:

— Я — за рулем, Дуппель с автоматом — справа от меня, а ты, чтобы не светиться, на заднем сиденье, поглубже. И не высовывайся в окошки. На здешние пейзажи еще насмотришься.

— Для этого шкета места хватит? — Я кивнул на не отлипающего от нас Тагару.

Ольгред изумленно воззрился на меня. Потом на Дуппеля.

— Это что еще за чудо в перьях? — спросил он недоуменно.

К моему удивлению, Дуппельмейер ответил не сразу. И в голосе его вдруг прозвучали нотки сомнения.

— Знаешь,— сказал он.— Наверное, на какое-то время стоит прислушаться к тому, что этому парню моча шепчет в голову. Может, для этого есть свой резон...

Мы остановились, молча глядя друг на друга.

— Вспомни... — продолжил Дуппель.— Вспомни того итальянца... Тоже с виду казалось, что он просто в капризе

обвалялся. А потом все сошлось. Только уже поздно было...

Ольгреда перекосило. Похоже было, что ему напомнили о чем-то очень для него неприятном. Он переводил взгляд с Дуппеля на меня, с меня — на Тагару и так дальше в разных комбинациях. Потом воззрился на меня, словно видел первый раз в жизни.

— Ну ты даешь! — зло сказал он.— Ты хоть понимаешь, что нам не велено оставлять свидетелей. А этот,— последовало движение головы в мою сторону,— хочет, чтобы мы еще с собой прихватили какого-то блохастого щенка!...

И тут — совершенно неожиданно — меня охватил гнев. Безудержный, но далеко не беспричинный. Все эти странности и вовсе не нужные мне приключения наконец достали меня. И я сорвался. Не помню, что именно я орал тогда там, на дороге, ведущей к мосту. Помню только, что костерил обоих моих провожатых последними словами за то, что, не спросясь бросили меня в какой-то уродский мир, подставили моего брата, что везут меня неведомо куда и что не хотят даже помочь мальцу, у которого окрест все здесь враги... И еще, наверное, бог весть чего я наговорил им в тот раз.

Остановился я лишь тогда, когда встретился глазами с Тагарой. И глаза эти были полны удивления. Он ошарашенно смотрел на меня. Должно быть, моя реакция была и впрямь неожиданной и слишком бурной. Но в конце концов не беспричинной же!

Ольгред во время моего «выступления» задумчиво, склонив голову набок, смотрел на меня и не произносил ни слова. Потом, когда я смолк, похлопал по плечу и коротко бросил:

— Не горячись, парень. Пусть твой приятель едет с нами. Но только потом от блох отмывать машину будешь ты. И в дороге ты за него отвечаешь. Будешь присматривать, не спуская глаз. И притом имей в виду: если пацан выкинет какой-нибудь фокус, я его вышвыриваю из машины к чертовой матери. Тут же, посреди пустыни.

И пусть дальше добирается куда угодно и как угодно. Только уже без нас!

— Идет,— согласился я и кивнул Тагаре на открытую дверцу «лендровера».

Тот не заставил себя ждать. Перед тем как нырнуть в нагретую солнцем кабину, он ухитрился отряхнуть пятки — одну об другую, смешно задрав их в воздух. Я устроился рядом с ним и грозно спросил, понял ли он то, что сказал начальник. Тагара всем своим видом постарался заверить меня, что понял. Но доверия у меня к нему не прибавилось.

Ольгред и Дуппель заняли свои места на переднем сиденье, экипаж бронетранспортера залез в свою боевую колымагу, тип в бандане помахал нам рукой, и наш миникортеж тронулся в путь.

Глава 4
СЛОВО РАЗЯЩЕЕ

Я предвидел, что дорога через плато будет далеко не столь идиллической и благополучной, как лесная тропаколея, по которой мы добирались до моста. Не предвидел я лишь того, что она вообще не будет дорогой. Просто там — за мостом — доехав до неогражденного участка дороги, вившейся вдоль края ущелья, Ольгред свернул следом за бронетранспортером прямо на уходящую за горизонт плоскую долину, над которой тут и там высились циклопические каменные «грибы».

В стороне остался — только лишь силуэтом на фоне далеких гор, какой-то маленький, но с виду живописный городок и раскинувшаяся между ним и предгорьями новая громада леса. Но все это исчезло «в прекрасном далеке». С нами же осталась лишь пыльная плоскость плато с какими-то разбросанными по ней островками окаменевших следов ядерных взрывов.

Издалека я не оценил их громадных размеров. Только теперь до меня стало доходить, что даже самый маленький

из них раза в два превосходит по высоте здание Московского университета. Следы эти можно было принять за какие-то причудливые облака. Они были сложены из слоистого камня и искрились блестящими вкраплениями — то ли стекла или кварца, то ли какого-то металла. Можно было только гадать, какая природная катастрофа их породила.

Из-под колес бэтээра летел песок и поднимались тучи пыли. Большая часть, как мне представлялось, доставалась нам. Я был бы не прочь держаться подальше от проклятой колымаги, но Ольгред неукоснительно выдерживал положенную, видно, дистанцию до боевой машины. И дистанция эта была невелика. Мы гнали через плато почти точно по прямой. Временами только огибали крупные камни и выбоины. Трясло нас время от времени основательно, хотя местность издали казалась ровной, как стол. Все это — и жара, и тряская дорога, и тень взаимного недоверия, как-то не располагало к беседе, и мы вот уже который час коротали время в довольно угрюмом молчании.

Я иногда косился на Тагару. Парнишку могло и укачать. Но признаков морской болезни Тагара не проявлял. Зато все больше проявлял признаки какого-то подспудного беспокойства. Он то тревожно выглядывал из окна, что-то высматривая почему-то на небе. Признаки этой тревоги стали заметны сразу после того, как мы покинули дорогу.

— Зря они все-таки не через перевалы двинули,— высказал он наконец свое мнение.— Лучше бы день потеряли, зато...

— Зато что?

Тагара посмотрел на меня искоса и ответил как-то неопределенно:

— Сейчас на плато плохие дни...

Слова эти долетели и до ушей Дуппеля.

— Плохие дни? — переспросил он.— Ты только сейчас это говоришь? Что ж ты раньше молчал? И зачем напросился ехать с нами?

— Парень ерунду несет! — подал голос Ольгред.— Набивает себе цену. Здесь все через одного то маги, то ясновидящие, то великие лекари...

«То непроявленные маги»,— хотел было вставить я, но не стал накалять обстановку.

— Мне надо назад, в Рикк,— отозвался Тагара на слова старшего по экипажу.— Очень надо. Во что бы то ни стало. Я обещал! А сразу сказать вам не мог. Вы бы меня выгнали. Вы же мне не верите! — Он нервно сглотнул слюну.— А про плохие дни — это не я выдумал. Так говорили разные... В общем, такие люди, которые знают. У них свои приметы. И потом, люди, которые по плато бродят, видели. Следы...

Ольгред довольно долго переваривал эту информацию, не отрывая взгляда от колеи, которую оставлял за собой бронетранспортер. Видно было только, как ходят желваки на его скулах.

— Ты это серьезно — про следы? — повернулся к Тагаре Дуппель.

В голосе его прозвучала глухая тревога. Хотел бы знать, о каких следах шла речь... Но досаждать моим спутникам бесконечными вопросами уже порядком надоело. Мне уже стала привычной мысль о том, что ответ на каждый мой вопрос порождает не менее двух новых загадок. Я просто молча прислушивался к их сбивчивому разговору.

— Серьезно! — почти выкрикнул в ответ на вопрос Дуппеля мальчишка.— Серьезнее некуда! Это пустынники рассказывали. Дан Седой при мне говорил... Тогда еще, когда война только начиналась... Тогда наши, люди из Рикка, хотели тоже караваном двинуть через плато. Дан их отговорил. А такие люди, как Дан, не врут.

— Ну... — подумав, бросил Дуппель,— теперь поворачивать поздно. Будем Богу молиться, чтоб пронесло...

— Лучше «Стрелу» подготовь к бою,— оборвал его рассуждения Ольгред скрежещущим голосом, словно у него неожиданно заболели зубы.— И держи наготове.

Он притормозил машину и рукой из окошка просигналил бронетранспортеру. Тот тоже остановился и тут же

потонул в туче им же поднятой пыли. Дуппель выскочил из кабины и принялся деловито возиться в багажнике. Вернулся на свое место, уже основательно усилив свое вооружение. И наш караван снова тронулся в путь.

Ручную зенитную ракету «Стрела» я видел не впервые. На редкость неудобная штука для размещения в кабине «лендровера». Все равно: если что-то произойдет (я уже начал смутно догадываться что), то для того, чтобы произвести запуск, Дуппелю придется выскакивать из кабины. А перед этим машину надо будет тормозить. Невыигрышная ситуация. Очень невыигрышная.

* * *

Бэтээр тем временем принялся круто забирать вправо. Карманная рация, пристегнутая к поручню под потолком, ожила и захрипела какими-то невнятными существительными, глаголами и междометиями. Однако Ольгред похоже, превосходно разобрался в этой тарабарщине. Он снял рацию, поднес к уху и что-то более внятное произнес в трубку. Потом повернулся к нам и сообщил:

— Шатер впереди!

И, уставившись на Тагару, добавил:

— А ты говорил — плохие дни...

Тагара промолчал, с тревогой вглядываясь в запыленное окно. Вдалеке действительно маячил шатер. Не знаю уж, кому пришло в голову разбивать здесь, посреди пропитанного солнечным жаром, пыльного плато такой удушливо-черный, нелепого вида шатер. Да еще поднимать над ним тоже черный, украшенный какими-то белыми иероглифами флаг. Чем ближе мы к нему подъезжали, тем более чудным он мне казался. Где-нибудь на ярмарке или театральных подмостках это сооружение было бы, наверное, на своем месте. Здесь же, среди пыли и песка, на фоне словно колышущихся в струях разогретого воздуха исполинских каменных грибов выглядел шатер этот чем-то не от мира сего. Выдумкой какого-то местного Сальвадора Дали.

— Это не пустынники,— почему-то шепотом сообщил Тагара.— Это — кто-то из Сумеречного народа. Они такие — ничего здесь не боятся. И обо всем здесь знают. Они даже вроде как в дружбе с тварями... Знают, как с ними управляться...

Ольгред посоветовал ему заткнуться и переглянулся с Дуппелем. Тот кивнул ему в ответ на какой-то немой вопрос. Я не вмешивался в их беззвучную беседу и с молчаливым недоумением продолжал смотреть на приближающийся шатер. Каким образом это довольно громоздкое сооружение попало сюда, за много часов пути от ближайшей дороги, было еще одной из загадок, которыми изобиловали здешние края. Верблюдов или какой-нибудь тягловой скотины окрест не наблюдалось. Автотранспорта — тоже. Оставалось предполагать, что, довезя сюда шатер и его обитателя, транспортные средства, осуществившие это, куда-то убыли.

Метрах в двадцати от шатра Ольгред остановил «ленд-ровер». Бэтээр проехал подальше и притулился в сотне-другой метров от нас. Мне было не совсем понятно, почему, наговорив мне кучу слов о мерах безопасности, которыми была обставлена моя доставка по месту назначения, мои спутники решили вдруг завернуть к этому попутному шатру. Наверное, таков был здешний обычай.

Ольгред снял наплечную кобуру, оставил оружие на сиденье и выпрыгнул из кабины. Его примеру последовал Дуппельмейер. Свой акаэм и «Стрелу» он оставил в машине. Слегка повозившись в багаже, оба зашагали к шатру. Что до Тагары, то он не стал ни дожидаться приглашения, ни спрашивать какого-либо разрешения. Он ужом выскользнул из кабины и поспешил вслед за комсоставом.

Я, прикинув, что в оставленном на солнцепеке вездеходе сварюсь заживо, тоже выбрался из кабины и двинулся следом за остальными. В конце концов машина находилась под присмотром экипажа бэтээра. Да и кому было покушаться на наше оружие и барахло посреди пустыни? Я догнал всю троицу на середине пути.

Когда мы подошли к шатру почти вплотную, стало заметно, что его черная ткань расшита серебром. Этак скромненько и со вкусом. Должно быть, странные фигуры, в которые складывалось это шитье, означали что-то. Но, разумеется, только не для меня.

Пока Ольгред и Дуппельмейер топтались у входа в шатер и, по всей видимости, довольно косноязычно вели переговоры с кем-то скрытым за его пологом, Тагара моментально вклинился между ними и пологом и оживленно загомонил что-то на каком-то из местных наречий. Его демарш имел успех. Прежде чем Ольгред успел ухватить нахального шкета за ухо и оттащить в сторону, из-за полога вынырнула сухая коричневая рука и легла на плечо мальчишки. Другая, такая же сухая и темная, отвела полог в сторону и сделала всей компании, сгрудившейся перед шатром, приглашающий жест. Я отнес его и на свой счет и следом за тройкой, возглавляемой Тагарой, вошел в шатер.

* * *

Внутри этой удушливо-черной огромной палатки было, как ни странно, прохладно. Даже свежо, сказал бы я. Возможно, этому ощущению способствовал странный аромат благовоний, курившихся по углам шатра на высоких металлических «подсвечниках. Я не знал раньше, что существуют благовония с запахом приближающегося дождя.

Обитателей этого отрезанного от зноя плато, освещенного фигурными, матового цветного стекла фонариками шатра, было трое. Хозяином тут явно был встретивший нас у входа тип. Высокий, худой и словно бы иссушенный здешним солнцем. И был он довольно стар. И лицом, и одеждой напоминал араба. Только бурнус его был не бел, а черен и расшит серебром — теми же знаками, что и шатер. В моем сознании к нему тут же прилепилась почерпнутая из сказки об Аладдине и его волшебной лампе кличка «магрибинец». Двое других определенно были у

него в услужении. Один — коренастый малый в потертой полевой униформе. Он молча сидел в углу и особого интереса к происходящему не проявлял. Второй — ровесник Тагары, полуголый мальчишка, занятый приготовлением чего-то съестного. Откуда в шатре бралось электричество, питавшее красивые фонарики и вполне заурядную электроплитку, на которой кухарил парнишка, я не знаю до сих пор.

Представлять нам этих двоих хозяин шатра не стал. Сам же успел назвать себя еще до того, как я вошел в его сумеречное обиталище. Так что я не сразу понял, что его зовут легко произносимым и коротким, как икота, именем Ист. По всей видимости, наш визит не смутил его. Как я и предположил с самого начала, такое знакомство было обязательным обрядом для всех встречающихся на плато.

Тагара тем временем трещал, как пулемет, переводя и объясняя сказанное и нами, и хозяином. Хотя произнести обе стороны успели немного. Да, Ист был из касты Сумеречного народа — бродячих знатоков магии пустыни. Их многие и почитали за магов. Да, Ист подтвердил, что мы выбрали плохое время для того, чтобы пересекать плато. Он сказал — в предгорьях уже видели тварей. И уже поговаривают о том, что есть первые их жертвы...

Нам было предложено присесть к низкому расписному столику и угоститься травяным настоем. Не более того. Как выяснилось, угощали тут в основном не хозяева гостей, а гости — хозяев. Теперь я понял, зачем мои спутники потревожили наш багаж перед тем, как отправляться в гости. На стол было выставлено несколько банок консервов (все, похоже, отечественного производства из армейского энзэ). Выставлены были также буханки черного хлеба и пара бутылок спиртного. Ист осмотрел дары, со знанием дела поцокал языком и, не оборачиваясь, щелкнул в воздухе пальцами. Парнишка, кухаривший где-то за нашими спинами, тотчас вынырнул из небытия и молниеносно убрал со стола основную массу гостинцев. Для торжественной трапезы была оставлена лишь банка

шпротного паштета, хлеб и, слава богу, «Московская особая». Обслуга к столу не приглашалась.

Хозяин, впрочем, оказался не жаден до еды. Да и спиртное более смаковал, чем употреблял. Выкушав крошечную пиалку национального русского угощения, он поставил ее на стол и заговорил более ласковым, доверительным тоном. Тагара тут же пустился переводить и комментировать. Я не мог отделаться от ощущения, что на каждое сказанное нами или хозяином слово приходится не меньше дюжины слов перевода шустрого мальчишки.

Довольно долго Ист живописал трудности предстоящего нам пути и те опасности, которые нас ожидали. Произносил он свой монолог так, как делают это профессиональные экскурсоводы, которым в глубине души порядком осточертела их работа. То есть с деланными драматическими интонациями и заранее запланированными многозначительными паузами и «ударными» восклицаниями, равномерно распределенными по тексту. Я почти сразу, не успев еще вникнуть в смысл высказываемых хозяином шатра сентенций, стал догадываться, к чему клонит иссушенный пустынным солнцем «магрибинец».

И точно: вслед за этим, видно, наизусть заученным монологом последовало предложение помочь господам путникам в преодолении пространства плато. Особый упор был сделан на то, что в эти дни твари вышли, что называется, на тропу войны и только опытный человек, владеющий знаниями и навыками Сумеречного народа, может реально помочь путникам при встрече с этой опасностью.

После короткой паузы и обмена лаконичными и непонятными мне репликами между моими спутниками речь зашла о цене предлагаемой услуги. Насколько я мог понять, хозяин считал эту цену ну просто символической, но для нашего «комсостава» она представлялась просто неподъемной. Однако сойтись на чем-то определенном высокие договаривающиеся стороны таки сумели. Как я догадался, часть цены за оказываемые услуги Ист получал тут же, немедленно, а часть — по записке Ольгреда на

имя какого-то известного и ему, и хозяину лица. Записку Ольгред накатал тут же на вырванном из блокнота листке. Ист долго и внимательно этот листок изучал. Даже посмотрел на просвет, словно он был купюрой государственного банка, и, стараясь не помять, упрятал его в сложного устройства сумку, вовремя поданную ему коренастым слугой в камуфляже. Должно быть, расписка пришельца из нашего мира имела здесь какой-то вес.

Затем на столе была разложена нарисованная на тонкой, цвета закопченного апельсина коже карта. Хозяин шатра и мой «комсостав» склонились над ней. Необходимый для их взаимопонимания Тагара втиснулся между ними, и последовало детальное обсуждение предстоящего маршрута. Мне оставалось только тихо наслаждаться прохладой и относительной тишиной. Руководство почему-то считало нужным переговариваться между собой вполголоса. Оба слуги Иста не проявляли никаких признаков интереса к нашим занятиям.

Только раз всех отвлек на себя странный, гортанный завывающий звук, долетевший в шатер откуда-то с высоты. Словно там рвали листовую жесть. Я просто с любопытством глянул на потолок. Все остальные проявили явные признаки тревоги. Один лишь Ист остался абсолютно невозмутим. Только лицо его изобразило нечто означающее: «Я же говорил вам...»

Ольгред повернулся ко мне и многозначительно постучал по запястью — там, где должны были быть часы.

— Примерно полчаса на отдых,— распорядился он.— Прямо здесь. Потом — трогаемся. Придется потесниться. Этот тип,— он кивнул на хозяина,— поедет с нами.

Я пристроился в углу на ковре, выстилавшем полшатра, и честно попытался заснуть. В этом я не преуспел, но все-таки через эти самые «примерно полчаса» почувствовал себя изрядно посвежевшим.

Некоторое время я посвятил размышлениям о том, чем могут оказаться твари, о которых толковали мои спутники, и чем грозит встреча с ними. Определенные догадки у меня на этот счет были. Но вопросов задавать

я не стал никому. Мне уже доставляло какое-то необъяснимое удовольствие жить в этих Странных Краях, не задавая вопросов.

* * *

Тронулись в путь мы действительно без проволочек. Дуппелю пришлось переместиться с переднего сиденья к нам с Тагарой. Место лоцмана занял невозмутимый Ист. В чем заключался секрет выбранного с его помощью маршрута, мне было трудно постичь. Как мне представлялось, мы продолжали двигаться через плато по геометрически почти идеальной прямой. И движение это продолжалось довольно долго.

В первые несколько минут позади нас маячили, уменьшаясь с расстоянием, черный силуэт шатра и две согбенные в прощальном поклоне фигурки слуг Иста. Потом пейзаж практически перестал меняться. Впереди пылил бронетранспортер, позади уплывали вдаль однообразного вида камни. Мне начало казаться, что я смотрю бесконечно повторяющиеся кадры замкнутой в кольцо видеоленты.

Некоторые камни, встречавшиеся вдоль дороги, лежали, кстати, ближе чем остальные. Да и форма их была довольно своеобразна. Это были этакие в два неполных оборота закрученные темно-синие «бублики», покрытые странным узором белесых трещин. Величиной каждое такое образование было, пожалуй, с покрышку громадного грузовика — из тех, что вывозят грунт и руду из открытых карьерных разработок всяческих ископаемых.

«Это что за чертовщина?» — спросил я сам себя. Но Дуппель и Тагара, должно быть, перехватили мой недоуменный взгляд.

— Гадаете, что это за украшение? — иронически осведомился Дуппель, кивая на очередной «бублик», проплывающий за окном.

Я пожал плечами в том смысле, что «да, гадаю, а что тут такого?».

Тагара хихикнул. Дуппель откашлялся.

— Так вот, это — дерьмо тварей,— объяснил он.— Не более того. Пугаться не стоит. Этим «скульптурам» по многу лет. Удивительно прочная штука, в этом климате по крайней мере.

Я почти сразу утратил интерес к «бубликам» и заскучал.

Некоторое разнообразие в мои путевые впечатления внесла огромная, тянущаяся от горизонта до горизонта ступенька высотой метра в четыре, пересекшая наш путь. Она была ровной, словно искусственная постройка. Снова захрипела рация, Ольгред покосился на Иста (тот не проявил ни малейшего намерения давать какие-либо руководящие указания) и распорядился обходить препятствие слева. Теперь мы покатили фактически перпендикулярно предыдущему направлению нашего движения.

Чертова ступенька все тянулась и тянулась, не собираясь, похоже, делаться ниже. Ист оставался невозмутим, Ольгред с мрачным видом управлялся с рулем. Дуппель нервно крякал и бормотал что-то в том смысле, что приходится уж больно здоровый крюк делать. А вот Тагара нервничал все больше и больше.

— Столбы! — прошептал он мне.— Мы слишком близко подъезжаем к столбам...

Он указал в сторону исполинских слоеных каменных «грибов». Мы и в самом деле двигались по направлению к ним. Близость этих — неустойчивых на вид — громад как-то не прибавляла мне оптимизма.

— Ну и что, что столбы? — фыркнул услышавший его шепот Дуппель.— Стоят себе и стоят. Ни один пока не упал.

— Твари! — ответил ему Тагара тем тоном, которым объясняют очевидные вещи несмышленышам.— Твари всегда любят прятаться там! Не надо подъезжать близко!

Ист на секунду повернул голову и бросил на мальчишку быстрый косой взгляд. То ли не следовало Тагаре говорить этого, то ли, наоборот, он вовремя напомнил об опасности. Так или иначе, «магрибинец» серьезнее относился к мальчишке, чем наши командиры.

«Интересно,— подумал я,— удастся ли мне хоть когда-нибудь узнать об этом Странном Мире столько же, сколько о нем уже знает этот мальчишка?» Но эту мысль тут же перебила другая — о том, что нечего мучить себя завистью к обитателям этого мира. На то они и родились тут, чтобы знать свою часть истины. А всю истину не знает никто. Мне же всего-то и нужно было знать, где в этом углу Мироздания найти моего брата и как с ним вместе выбраться отсюда. Я неожиданно ясно припомнил тот странный сон, в котором вместо Ромки мне приснился Тагара. Вспомнив это, я подумал, что надо найти время и место для того, чтобы по-настоящему, без помех и свидетелей, расспросить мальчишку о том, что он знает о законах здешних мест, о связи между нашими мирами и о Темном Мире. Может, стоило бы показать ему странную монету, подкинутую мне на лесной дороге уродливым Отраженным.

Снова захрипела рация, и бронетранспортер начал резко тормозить. Ольгред тоже резко сбросил скорость, осторожно обогнул его и остановил вездеход рядом.

Половина экипажа бэтээра сгрудилась вокруг командира, который что-то объяснял «личному составу», тыча пальцем куда-то себе под ноги. Ольгред и все четверо его пассажиров покинули «лендровер» и присоединились к слушателям полковника Горелова.

— След! — повернулся ко мне полковник.— И не один! Твари потоптались основательно. И совсем недавно. Ветер здесь заносит любые следы за полчаса. Так что мы, считайте, удачно разминулись. Если вы и в самом деле чего-то стоите, то вам надо бы сейчас вспомнить кое-что из арсенала ваших боевых умений. И вспомнить как можно скорее. Они в любой момент могут оказаться тут как тут.

Скорее всего, у полковника сложилось неправильное представление обо мне. Но у меня не было никакого желания объяснять ему, что я в лучшем случае — всего лишь непроявленный маг. А если говорить начистоту, то никакой не маг вообще. Поэтому я, не ответив Горелову ни слова, протиснулся ближе к песчаной плеши и при-

нялся внимательно разглядывать отпечатки, оставленные на ней теми созданиями, которых здесь называли тварями.

Следы были основательные — чуть ли не метрового размера. И напоминали своими очертаниями следы каких-то птиц. Неужели твари были всего лишь чем-то вроде гигантских кур?

Ист отстранил меня и опустился около следов на колени. Тагара протиснулся к нему поближе и смотрел во все глаза. Старик согнулся над следами. Потрогал их. Даже зачем-то зачерпнул пригоршню песка с одного из отпечатков и просеял сквозь пальцы. Потом недовольно покачал головой.

— Это... Это не такая тварь, как все,— произнес он жестким голосом.

Поднявшись на ноги, он запрокинул голову и принялся рассматривать пустынный небосвод. Потом ссутулился и быстро зашагал к вездеходу. Но на полпути резко остановился, словно наткнувшись на невидимую стенку. Я догнал его и понял, что он вытаращенными и совершенно безумными глазами смотрит куда-то на горизонт. Я уставился туда же.

Если бы я не знал, что должен увидеть хоть что-то, я бы ни за что не увидел того, что так огорошило старого «магрибинца». Если бы я просто окидывал пространство взглядом — пусть даже и очень внимательным, то не рассмотрел бы там, вдали, эту кажущуюся отсюда тонкой струйку дыма, тянущуюся ввысь и в выси тающую.

— Мой шатер,— без всякого выражения произнес Ист.— Мой шатер... Его спалила тварь.

Я попытался мысленно прикинуть, на какое расстояние мы успели отъехать от жилища Иста. И на каком расстоянии может быть виден дым от его горящего хозяйства. Но, наверное, Исту было лучше судить о подобных вещах. Он стоял и не отрываясь смотрел на этот почти невидимый пожар.

— Но... — раздался у меня за спиной недоуменный мальчишеский голосок.— Но ведь твари не нападают на

Сумеречный народ? — растерянно спросил «магрибинца» Тагара.

Ист повернулся к нему вполоборота.

— Меня там не было,— бросил он глухим, погасшим голосом.— И потом... Это какая-то неправильная тварь.

* * *

Наконец-то скальная ступенька пошла на убыль и сделалась уже вполне преодолимой преградой, а там и вовсе сошла на нет. Но и проклятые каменные «грибы» были теперь очень близки. Казалось, нависали прямо над головой. Наш караван снова взял правильный курс, но движение продолжал уже в мертвом, напряженном молчании. На броне бэтээра теперь дежурили двое бойцов со «Стрелами». Тагара все время норовил высунуться в окно и обозреть небосвод. Ист словно превратился в изваяние. Даже причитавший недавно Дуппель точно онемел.

Молчал и я. В конце концов, если все вокруг взвинчены и ожидают беды, то вряд ли я успокою их своей бестолковостью. Хотя, конечно, было бы неплохо, чтобы меня хотя бы проинструктировали на предмет того, как следует вести себя при встрече с этими так всех перепугавшими тварями.

Я сосредоточился на окружающем пейзаже, уплывающем вдаль за окном, и обнаружил, что плато вовсе не абсолютно безжизненно. Основания «грибов» покрывал мох и какая-то вьющаяся растительность. Кое-где там же виднелись заросли кустарника и какие-то деревца. А разок-другой вдалеке промелькнули шустрые, приземистые тени неизвестных тварей, смахивающих на дикобразов. Судя по реакции моих спутников, они не представляли ни интереса, ни угрозы для нас.

* * *

И снова я увидел дым. Горело что-то лежавшее впереди по курсу. Ист неожиданно резко произнес что-то на своем

языке, словно отдавал приказ. И Ольгред этот приказ выполнил: резко затормозил и прокричал в рацию команду остановиться нашей группе сопровождения.

Ист молча выбрался из вездехода и торопливо зашагал к паре костров, чадящих впереди. Похоже, что он не нуждался в сопровождающих. Мы переглянулись и все-таки не торопясь двинулись за ним. Чем ближе мы подходили к дымящимся кучам тряпья, тем лучше понимали, что это вовсе не просто дымящееся тряпье.

— Гос-с-споди! — пробормотал Дуппельмейер и стал судорожно расстегивать воротник.

Всего там лежало пятеро. Но не успели догореть только двое. Ист постоял над каждым из них. К одному нагнулся и, достав из складок одежды устрашающего вида тесак, подцепил им в дымящихся останках что-то блеснувшее на солнце. Ольгред довольно осторожно приблизился к нему. С другой стороны так же осторожно к «магрибинцу» подошел бритоголовый полковник. Тагара, наоборот, кинулся к Исту бегом. Вид сожженных трупов, похоже, был ему не внове.

Они о чем-то говорили на местном наречии, а Ольгред терпеливо ждал поодаль. И только когда Тагара отошел от «магрибинца» с каким-то обескураженным видом, Ольгред глухим голосом о чем-то спросил Ист. Тот с минуту что-то отвечал ему. Один раз поднес к его лицу ту блестящую штуку, что выудил из чадящего пепла. Потом оба быстрым шагом вернулись к вездеходу, а Горелов к своему бронетранспортеру.

Тут только я обратил внимание на то, что рядом с нашей колеей приткнулся вездеходик незнакомой мне марки. Он был цел и невредим. Должно быть, он-то и доставил сюда тех пятерых. И, наверное, они покинули свою машину и опрометью бросились к пологим выбоинам, расположенным поодаль. Думали, наверное, укрыться в них. Вероятно, они считали, что для твари главной мишенью будет автомобиль. Но ошиблись. Вездеходик как раз, судя по всему, не представлял для неведомого мне чудовища ровным счетом никакого интереса. Дуппель

поймал мой взгляд и покачал головой с сочувствующим пониманием. Никто из нас не стал отвлекаться на осмотр осиротевшего вездехода.

— Трогаемся быстрее,— приказал Ольгред.— Как можно быстрее. Рвем на максимальной скорости и богу молимся о том, чтобы разминуться с тварями...

Он помолчал немного, крутя баранку. Потом коротко бросил:

— Здесь какая-то чертовщина началась. Твари на Сумеречных начали кидаться. Знаете, кто были те, которых поджарили там? — Он мотнул головой назад.— Это Крин, Сумеречник, и его слуги. Ист нашел там его амулет. Крин с ним не расставался... Я, кстати, Крина встречал пару раз. Однажды он меня провел через плато. Сроду никогда твари Сумеречников не трогали. А теперь, похоже рехнулись.

— Одна! — перебил его Тагара.— Наверное, только одна такая тварь. Больная или...

— Спасибо, сынок,— не оборачиваясь, отозвался Ольгред.— С нас хватит и одной. Притом, что, считай, без защиты едем. Солдатики против лихого народа — защита неплохая. Но вот против тварей, извини — увы!

— Надо было все-таки через перевалы двинуть,— пробормотал Тагара.

— Теперь все хороши советы давать! — отмахнулся от него наш рулевой.

— Слушай,— не выдержал я и таки начал задавать вопросы Тагаре.— Если эти Сумеречники знают секрет того, как можно от этих, как вы их называете, тварей защититься, то почему же они этим секретом не делятся? Или почему у них никто этого секрета не украл или просто не отнял? Тогда все было бы много проще у вас здесь.

Тагара удивленно уставился на меня. Образовавшейся паузой воспользовался Дуппельмейер. Он взял на себя труд объяснить ситуацию в понятных мне, по его мнению, терминах.

— Понимаешь,— сказал он,— это не какой-нибудь секрет вроде приспособления или химического вещества

типа репеллента от вредных насекомых или акул. Это врожденное свойство — находить общий язык с тварями. Как музыкальный слух, красивый голос, способность умножать в уме двадцатизначные числа или побеждать в шахматных чемпионатах. Этого нельзя достичь тренировками или какой-нибудь обработкой. Если это у тебя есть, то есть. Если нет, то нет.

— Это наследственное? — спросил я растерянно, так, словно это мне могло пригодиться в жизни.

— Все это плоховато изучено,— пожал плечами Дуппель.— Знаешь, есть такие специалисты, необязательно из Сумеречников, которые как-то могут эту способность у людей еще в раннем детстве определять. Ну, если удается уломать родителей... и если сами эти ребятишки на такое согласны, то их отдают в специальные школы... В общем-то они не бедствуют, Сумеречники эти. За то, чтобы с гарантией провести через плато караван, они берут неплохие денежки. Но только жизнь у них не слишком веселая. Общаются они в основном дру́г с другом. Народ с ними лишний раз старается не связываться...

Тут он скосился на безмолвного Иста и коротко махнул рукой. Должно быть, он не был так уж уверен, что тот совершенно не понимает нашего разговора.

— Просто некоторые думают... — тихо начал Тагара.

Но Дуппель торопливо перебил его.

— Слушай! — окликнул он Ольгреда.— Оно, конечно, хорошо, что мы прем во весь опор, но если у нас полетят рессоры или еще какая-нибудь хрень, то нам придется добираться до мест обитаемых или на броне, или на своих двоих...

— Не говори под руку! — огрызнулся рулевой.— Я как-никак не первый раз прохожу плато...

* * *

Но Дуппель уже не слушал его. Он напряженно прислушивался к чему-то снаружи. На несколько секунд наступила тишина. И ее разорвал далекий, но отчетливый

звук рвущейся жести. Уже знакомый звук. Ист заговорил быстро и жестко:

— Он сказал, что теперь надо наоборот... — торопливо стал переводить Тагара.— Надо жаться к столбам. Там твари будет сложнее маневрировать... Она снаружи идет, из пустыни. Забирайтесь прямо под них... А он... — Тут мальчишка кивнул на «магрибинца».— Он говорит, что справится... Он берет на себя. Он знает как...

Ольгред, который, видно, и без перевода Тагары понял слова Иста, закрутил баранку вправо. Физиономия его основательно перекосилась от какой-то бешеной смеси эмоций. Странно, что среди эмоций этих присутствовало и какое-то бесшабашное, мрачное веселье. Я, кажется, совсем ошалел, потому что, чуть ли не высунувшись по пояс из окошка, пытался разглядеть в небе или на земле приближающуюся опасность. Дуппель на пару с Тагарой втянули меня в кабину.

Бронетранспортер развернулся и теперь, оказавшись уже у нас в кильватере, тоже устремился под сомнительную защиту каменных исполинов. Жестяной крик из поднебесья повторился. Теперь его источник был уже заметно ближе. Похоже, что на Иста крик этот произвел куда большее впечатление, чем на нас. Мы-то были просто испуганы, а он — не только испуган, но и озадачен. Он явно не понимал чего-то. Но держался, явно стараясь сохранить лицо. Что-то указывал Ольгреду своей сухой рукой впереди. Бросал пристальные взгляды на небо и временами шептал про себя какие-то заклинания.

Тагара, похоже, впал в панику. Он казался зверьком, загнанным в ловушку. Ставшие круглыми и ужасно подвижными глаза его перебегали с одного из нас на другого.

— Я понял,— вдруг торопливо зашептал он.— Это за кем-то из нас. Я теперь не знаю — за мной или за тобой. Мутант... Управляемый. Таких Темные у себя выращивают...

Ольгред оторвал одну руку от баранки и сделал ею предупреждающий знак.

— Слышите? — негромко сказал он.

* * *

Мы замолкли. И действительно услыхали звук — какой-то привычный: ноющий и одновременно глухо тарахтящий.

«Вертушка»,— сообразил я.— Тяжелый боевой вертолет...»

— Это помощь? — спросил я.

Ольгред покачал головой:

— Нет... Это чья-то самодеятельность. Точнее, не чья-то, а наших — с ближней Базы. Гусарство чистой воды!

Звук вертолета приближался. Через несколько секунд мы уже видели его. «Вертушка» шла на высоте семисот — восьмисот метров к какой-то цели, которую я рассмотрел не сразу. А когда рассмотрел, то наконец понял, что вижу перед собой тварь.

Она была похожа на бабочку-бражника. Ее четыре крыла работали с такой быстротой, что почти сливались в одно радужное пятно. Но крылья гигантского насекомого несли «фюзеляж» сказочного дракона — ящера с ощеренной пастью. Издали трудно было оценить величину этого создания — уродливого и необыкновенно изящного одновременно. И только когда в поле моего зрения снова попал вертолет, я понял, что тварь превосходит его по размерам. Она, пожалуй, могла сравниться с межконтинентальным лайнером или крупным бомбардировщиком. И исполняла свою партию в той же тональности, что и оркестр, который звучал теперь с небес.

Это был звук низкий, воспринимаемый не столько слухом, сколько всем моим нутром — трепещущий и тревожный. Примерно тот, что издает мечущийся по комнате мотылек, залетевший в окно на свет свечи. Только этот трепет, что исходил от вибрирующих крыльев твари, был ощутимее в тысячи раз, чувствовался за километры, отделявшие нас от чудовища.

Этот тревожный трепет, звук винта и движка «вертушки», надсадный звук нашего мотора и скрежет камней под колесами обеих наших машин складывались в ка-

кую-то сумасшедшую какофонию, способную вывести из равновесия и покойника.

Ольгред, не отвлекаясь на происходящее в небе, сосредоточенно гнал «лендровер» к каменным гигантам. Нам же — мне и Дуппелю с Тагарой — ничего не оставалось, как пялить глаза на представление, разыгрывающееся уже почти над нами. Посмотреть было на что.

Теперь вертолет был уже в считаных сотнях метров от твари. Он стал набирать высоту и вдруг как-то неожиданно пыхнул тусклым огнем и облачком белесого дыма. На цель пошла пара ракет. Я успел подумать, что они, пожалуй, разнесут наконец чудище в клочья. Но надежда эта оказалась иллюзией: оба заряда легли мимо цели.

Зато вторую пару ракет «вертушка» выпустила чуть ли не в упор. На миг багровые вспышки взрывов и облако дыма почти скрыли тварь от наших глаз. Но уже через несколько секунд она снова была перед нами — целая и невредимая. Словно взорвались на ее шкуре не боевые ракеты, способные вывести из строя танк, а так — пара фейерверочных шутих.

Вслед за взрывами ракет с неба долетел гулкий вибрирующий стрекот крупнокалиберных пулеметов. Судя по всему, обстрел кусками свинца, величиной с хорошую сосиску каждый, летящими со скоростью, много превосходящей скорость звука, повлиял на чудище не больше чем легкий бодрящий массаж. Тварь круто взмыла ввысь. Похоже, что она вознамерилась атаковать вертолет сверху. Не знаю, сделал ли пилот «вертушки» роковую ошибку или попытался предпринять единственно возможный спасительный маневр, но все кончилось очень быстро.

Вертолет нырнул к земле, одновременно разворачиваясь на сто восемьдесят градусов, и попытался уйти, стелясь над ровным, как стол, плато. Но тварь спикировала на него почти вертикально и вдруг дохнула длинной ослепительной струей пламени. Струя эта дотянулась до удирающей от нее «вертушки», ударила в нее, окутала коконом огня и погасла. Вертолет несколько секунд про-

должал свой полет, чадя и оставляя за собой дымный шлейф, потом завалился набок, клюнул вниз и рассыпался пылающими клочьями обломков.

* * *

Казалось, наступила тишина. Только Дуппель загнул крепкое ругательство. И лишь сейчас я понял, что мы уже не мчимся по тряскому полотну плато, а стоим, почти упершись бампером в основание каменного «гриба». Он причудливым небоскребом высился над нами. Вокруг кучерявилась зеленью небольшая рощица, и сквозь заросли хилых деревцов и кустарника хорошо был виден притулившийся метрах в двадцати от нас бронетранспортер. Из него один за другим торопливо выскакивали солдаты и цепью рассыпались вдоль основания скалы. Только пулеметчик остался в машине да рядом с ней — бритоголовый полковник.

— Рассредоточиться! — скомандовал Горелов.— Прячьтесь в складках местности! В любой дырке, черт возьми! Не сбивайтесь в кучу, мать вашу! Все оружие — к бою!

Ольгред резко повернулся к нам:

— Вы что? Оглохли?! Делайте, как они!

Мы не заставили себя ждать и, вывалившись из вездехода, кинулись к скале. Ее, оказывается, рассекали глубокие вертикальные трещины. Виднелись и впадины, некоторые из которых вполне тянули на небольшие пещеры... Я оглянулся, чтобы сориентироваться: куда подались мои спутники и что там поделывает само чудище?

Тагара бежал прямо за мной. Куда делся Дуппель, было непонятно. А вот Ист с Ольгредом застряли около машины, препираясь. А что до твари, то она теперь была совсем рядом. Зависла прямо перед «грибной поляной» примерно на высоте метров двухсот. Нет, не было никакой тишины. Все вокруг содрогалось от мощной вибрации крыльев чудища. Теперь я имел возможность рассмотреть его как следует. Не могу сказать, что возможность эту можно было назвать счастливой.

На морде древнего ящера огромными полушариями выпирали фасеточные глаза исполинской стрекозы. А перед телом то ли змеи, то ли ящерицы были вскинуты и выставлены вперед — точно для защиты от чего-то — уродливые птичьи лапы с корявыми, заостренными пальцами-когтями. Не меньше чем в полтора человеческих роста каждый. Казалось, что тварь смотрит прямо на меня. И это парализовало. Я не мог заставить себя пошевелиться. Боялся выдать хоть одним движением.

Но тварь просто высматривала свои жертвы. Или делала выбор — с кого начать. Тагара уперся в меня руками и просто заставил двигаться дальше — к широкой расселине в скале. Я отступал туда почти что задом наперед и чуть ли не сворачивал себе шею не в силах оторвать взгляда от зависшего над нами монстра. Мною овладело — уже который раз в этих местах — чувство полной нереальности происходящего. Больше всего я желал в этот момент проснуться! Хотя бы в палате психиатрической клиники или в клетке вытрезвителя, но проснуться! И еще я наливался ненавистью к этой тупой гадине. На кой черт мы сдались ей? Неужели просто ненависть к роду человеческому двигала ею? Ведь те люди, оставшиеся лежать у дороги — теперь уже далеко позади,— не были съедены или ограблены. Нет, просто сожжены. Какого же черта?!

Пулеметчик, оставшийся в бэтээре, был, видно, отчаянным смельчаком. Или, может быть, просто сумасшедшим. Пулемет, нацеленный в брюхо твари, захрипел сбивчивыми очередями. Я зажмурился, ожидая нового смертоносного фейерверка. Но твари, кажется, не было дела до такой пустяшной щекотки. Она продолжала сотрясать воздух трепетом своих крыльев и высматривать или выжидать чего-то.

Почти одновременно в чудище полетели две «Стрелы». Одна прошла мимо, другая угодила в корпус твари и полыхнула огнем разрыва. Нет, оказывается, ракетный обстрел был монстру не совсем как с гуся вода. Взрыв придал твари такой толчок, что она чуть не зацепилась

крыльями о землю. Плато огласил новый жестяной крик чудовища. Он был теперь настолько оглушительным, что я на несколько секунд буквально лишился слуха. И все, что в эти секунды происходило, смотрелось как немой фильм без музыкального сопровождения.

За какие-то доли секунды тварь выправила свое положение в воздухе, развернулась в том направлении, откуда пришли ракеты, и вскоре фейерверк все-таки последовал. Струя пламени дважды брызнула в подножие «гриба», скрытое от меня зарослями и скальным выступом. В мои оглохшие от металлического крика твари уши пробился чей-то нечеловеческий крик. И очень быстро смолк. Только шипящее потрескивание наполняло дрожащий от вибрации крыльев чудища воздух. Черный торопливый дым спешил выбраться из скрытой от моих глаз расщелины на гладь плато и рассеяться над нею, хотя я не ощущал вокруг ни малейшего ветерка.

У меня свело скулы, и что-то противно-кислое заполнило рот. Я с каким-то не то чтобы трудом, а просто преодолевая начавшиеся у меня спазмы, стал пятиться туда, куда меня упорно толкал Тагара,— в расщелину скалы.

Но в это время события опять — в который уж раз — приняли новый оборот.

Ист (про него я, кажется, и забыл вообще) все-таки взял инициативу на себя. От вездехода, у которого оставался до сих пор, он вдруг развернулся лицом к твари и, расставив руки в стороны, двинулся ей навстречу. Он так мне и запомнился — растопыренным крестом, бесстрашно идущим навстречу своей погибели.

Кажется, он запел. Впрочем, нет. Запел — не то слово... Он стал, скорее, говорить с тварью на ее жутком скрежещущем языке. Повторяя что-то одно и то же снова и снова. В этом было что-то невероятно жуткое — в нечеловеческом пении, нечеловеческой речи человеческого на вид существа. Я даже не мог понять, как обычные голосовые связки могут издавать эту хрипящую смесь звуков — высоких и низких. И в этой кошмарной какофонии присутствовала тем не менее какая-то гармония.

Нечеловеческая, выворачивающая душу, но все-таки гармония.

И какое-то действие этот ритуал возымел. Тварь замерла, словно прислушиваясь, снова развернулась в нашем направлении. Точнее, в направлении смело движущегося к ней Иста. Но в том-то и было дело, что я и Тагара находились почти точно у него за спиной. Как говорится — на линии огня.

На какое-то время — довольно долгое в масштабе молниеносно протекающих событий этого сражения — мне даже показалось, что этот безумный подвиг «магрибинца» не был напрасным. Тварь вроде бы замерла, остановилась в воздухе, словно задумавшись. Потом начала забирать вверх, будто вознамерилась отправиться отсюда восвояси. Но это оказалось иллюзией.

Чудовище всего лишь набирало высоту, чтобы спикировать на свою новую жертву. Я и глазом не успел моргнуть, а когтистые птичьи лапы уже сомкнулись на теле Сумеречника. Его речь мгновенно оборвалась с каким-то булькающим звуком. И опять все заглушил крик чудовища. Я мог только тупо смотреть на то, как тварь со своей добычей свечкой ушла в небо и на какие-то считаные секунды зависла на высоте, где она казалась действительно просто диковинным насекомым.

И там она разжала когти.

Я не знаю, был ли Ист еще жив, пока проделывал свой последний путь до древних камней плато. Скорее всего, хватка когтистых лап была для него смертельной. Летел он к земле, вращаясь и по-прежнему раскинув руки в стороны, словно воплощенный символ христианской религии. Казалось, этот сделавшийся крестом человек летит прямо на меня. Но, конечно, это только казалось. И через несколько секунд нелепая фигура исчезла из моего поля зрения, скрывшись за ближними зарослями. Я еле ощутил удар о землю где-то неподалеку.

И снова ящер-мотылек царил в воздухе.

— Вот и взял на себя... Вот и справился... — услышал я позади себя полный досады голос Дуппеля.— Лучше б мы у него и не задерживались, идиоты!

Неудивительно, что, как ни вглядывался я в стороны и в даль, не мог его обнаружить. Оказывается, он все время находился в двух шагах у меня за спиной. Уж не знаю, потому ли, что считал необходимым продолжать присматривать за мной, или потому, что считал эту позицию наиболее надежной. Я смог только выразительно посмотреть на него. Причитания в момент опасности всегда донимали меня больше, чем сама опасность. Мне было что вспомнить на этот счет. Я показал Дуппелю кулак.

— Мать вашу так... — простонал он.— Черт нас понес на это плато...

* * *

Теперь мы — все трое — вжались, впечатались в глубину расщелины и скрючились там, стараясь сделаться невидимыми в жидковатых зарослях трав и колючего кустарника, прикрывавших эту щель в каменной стене, высившейся над нами. Надежным укрытием эту поросль назвать было нельзя. Собственно, наше убежище было не столько убежищем, сколько ловушкой. Утешало лишь то обстоятельство, что ловушкой было и все пространство в радиусе досягаемости проклятого летучего огнемета.

Дуппель умудрился втиснуться в каменную щель глубже нас всех, я устроился, упершись спиной в его колени, а в мои колени, в свою очередь, уперся своими острыми лопатками Тагара. Мальчишка, похоже, совсем сник. Откинув голову, он опустошенным взглядом смотрел перед собой в небо, забросив узкие в запястьях расслабленные руки на выставленные перед собой коленки. Кто-то из нас мелко дрожал. Может, Тагара, может, Дуппель, может, я сам. А может быть, все трое.

Я положил руку Тагаре на плечо и процедил сквозь зубы единственное, что смог:

— Спокойно, мальчик, спокойно...

Почему-то меня особенно бесило и наполняло злобой именно то, что в эту смертоубийственную ловушку вместе с собой взрослые вроде дядьки, которые должны были разбираться, что здесь к чему, затащили парнишку, который всего и хотел-то — выжить в этом идиотском Мироздании. Собственный близкий и вполне ужасный конец как-то не сильно беспокоил меня. Страх во мне заглушала быстро растущая, слепая ненависть.

Тварь на какое-то время скрылась из виду. Только звук ее крыльев постоянно преследовал меня. Он то затихал, то нарастал снова. Больше в мире, похоже, ничего не происходило. Ничего не взрывалось. Никто больше не стрелял, не подавал команд. Все замерло в ожидании развязки.

* * *

И она — развязка эта — не заставила себя ждать.

Первыми ее вестниками появились в поле зрения Ольгред и бритоголовый полковник — один за другим. Оба двигались короткими перебежками вдоль стены, которой теперь служило основание ножки каменного «гриба». Оба опасливо поглядывали в небо. И оба пока что не замечали друг друга. Похоже было, что они искали кого-то из нас. Скорее всего, меня. Первым обнаружил наше убежище полковник.

Теперь, и не думая прятаться и маскироваться, выпрямившись во весь рост, он двинулся ко мне с таким видом, словно собирался тут же свернуть мне шею. Ольгред наконец заметил и его, и нас и тоже, забывая о всяких предосторожностях, кинулся ему наперерез. Кажется, с целью предотвратить назревавшее смертоубийство.

— Ну ты, колдун х...ев! — заорал Горелов, проламываясь через кустарник ко мне.

Был он до предела взбешен и вещал в основном кучерявым матом. Поэтому его слова я привожу здесь еще

более приблизительно, чем слова других моих знакомых по Странному Краю.

— Какого черта все мы нянчимся с тобой, если ты, оказывается, ни на что не способен? Мы все рискуем жизнью. Сейчас четверо моих ребят остались калеками на всю жизнь! — орал он.— А двоих из них мы просто не довезем до базы. А ты, вместо того чтобы помочь хоть чем-то, прячешь свою задницу здесь в камушках! Или ты сейчас же крикнешь твое Заклинание, твое Слово... Или я раньше, чем тварь спалит всех нас, сделаю из тебя решето!

Он самым недвусмысленным образом вытащил из расстегнутой кобуры свой ПМ. Тут подоспевший Ольгред успел ухватить его за локоть.

— Вы не понимаете! — закричал он сорванным голосом.— Он не может! Он своего Слова не знает! Это еще непроявленный маг! Понимаете? Не-про-яв-лен-ный! Думаете, ему самому не хочется жить? Думаете, он что — полный идиот?

Но полковник находился уже не в том состоянии, когда человек бывает восприимчив к доводам логики.

— Если он у вас не-про-яв-лен-ный,— продолжал он орать, передразнивая Ольгреда,— то пусть быстрее проявляется! Раньше чем я сосчитаю до трех! Вы все это поняли? Ну! — крикнул он мне.— Где твое Слово?! Где твое разящее Слово?!

Зрачок пистолетного дула оказался прямо напротив моей переносицы.

— Одну секунду! — почти взвизгнул Дуппель.— Только одну секунду! Он вспомнит... Он сейчас вспомнит...

Он вопросительно воззрился на Ольгреда. И Ольгред кивнул. Тяжело и со значением.

— Да... — произнес он тем тоном, которым в кино говорят судьи и прокуроры.— Да. Пришел момент. Надо *это* сделать! Ты уж извини... — добавил он, обращаясь ко мне, и развел руками.

У Дуппеля зуб на зуб не попадал. Он торопливо, дрожащими руками отстегивал что-то от пояса. Какой-то

футляр рассмотрел я, скосившись. Такой белый пластиковый футляр. А из футляра, торопливо развинтив его, он достал довольно большой шприц и стал сдирать с его иглы защитное покрытие. Шприц был уже готов к действию. Золотистая, янтарная жидкость, наполнявшая его, зловеще блеснула, попав в солнечный луч. Тагара еще сильнее прижался ко мне, и глаза его вконец округлились от страха.

— Н-н-не-э-э... — выдавил он из себя.

Но его просто никто не слушал.

— Т-теперь,— прошептал мне Дуппель,— или пан или пропал! Или начнешь вспоминать... С-свою суть... Или, прости — загнешься... Но только мы все здесь испечемся сейчас. Так что терять нечего... Вспомни Слово! Слово разящее!...

— Шансы? — спросил я, стараясь имитировать полное хладнокровие.— Хотя бы половина на половину?

Дуппель не ответил. Видно, не смог выдавить из себя ответ. Только отрицательно затряс головой, и глаза его наполнились безнадежным отчаянием. Стальная игла нащупала мою вену, и содержимое шприца горячей, обжигающей волной покатилось по моим сосудам.

А терять и действительно было нечего: над верхушками невысоких деревцов, честно пытавшихся скрыть нас, уже поднималась трепещущая крыльями гигантского бражника громадная туша твари.

«Финиш! — подумал я.— Сейчас узнаю, что значит сгореть заживо!»

И в тот момент, когда горячая волна, рожденная зельем, вырвавшимся из шприца, добралась до моей головы и охватила мозг, я выкрикнул в такую близкую морду чудища единственное, что оставалось у меня в голове.

— Чтоб ты сдохла, тварь!!! — заорал я.— Чтоб ты сдохла!!! Подавись!!!

То, что произошло дальше, было, наверное, самой большой неожиданностью, которую мне довелось и доведется когда-либо испытать в жизни.

Пламя, яркое и слепящее, просто разорвало тварь в пылающие клочья. И они, кувыркаясь и продолжая рваться на все более мелкие куски, полетели жутковатым фейерверком в разные стороны.

Я оглох, а потом чуть было не ослеп. Если бы бритоголовый полковник не набросил мне на мое лицо свой бушлат, я точно лишился бы зрения.

* * *

Потом случился небольшой провал в памяти, из которого я вынырнул, уже сидя на заботливо подостланном под меня брезентом и ощупывая опаленные брови и ресницы. Волосам, видно, тоже досталось. Зеркала окрест не было, но, судя по виду присутствующих Дуппеля и Ольгреда, внешность моя производила не лучшее впечатление. У меня еще была потом возможность убедиться в том, что множественные ожоги и шрамы не украсили мою физиономию. Как, впрочем, и другие открытые части тела. Но что до впечатления, которое я производил на присутствующих в целом, то сейчас его явно определяла не внешность.

Все, кто мог держаться на ногах, окружили меня и рассматривали с явным уважением. Среди прочих тут был и Тагара. Только его уважение больше походило на тревогу.

— Возьми,— сказал Дуппель, протягивая мне открытый коробок,— это заживляющая штука.

Коробок был наполнен то ли мазью, то ли глиной преотвратительного вида. Но, судя по тому, как щедро Дуппельмейер покрыл ею свои ожоги, какими-то целебными свойствами эта субстанция обладала.

— Уф-ф-ф! — добавил он.— Рад, что ты остался живым. С-считай — счастливчик!

— Очень жаль, что вы с ним припозднились,— мрачно бросил Горелов.— Только после того, как мы начали терять людей...

Он перебросил свой подпаленный бушлат через плечо и, молча кивнув своим людям, зашагал к своему бронетранспортеру. Мы помогли солдатам донести до машины раненых.

* * *

— Теперь уже недалеко,— сообщил Ольгред, усаживаясь за руль вездехода.— Но пока не расслабляйтесь. Впрочем...

Он помолчал, выводя «лендровер» на крейсерскую скорость, в хвост бэтээру.

— Впрочем, тебе,— он кивнул мне,— может быть, полезно будет вздремнуть...

Я решил тоже перейти на «ты».

— Что это была за дрянь, которую ты мне вколол? — поинтересовался я у Дуппеля.— Что, я и впрямь мог от нее загнуться?

— Еще как! — усмехнулся тот.— Можно сказать, в девяти случаях из десяти. Правда, была у тебя еще возможность просто дурачком остаться. Но, согласись, это был оправданный риск. Эту смесь разработали наши умники, как говорится, методом тыка. Называется обычно — «Пробуждение-3». Так вот, когда она действует на такого, как ты, непроявленного, «латентного», как говорят, мага, то просто случайно ломает всякие тормоза, которые блокируют его способности, и чаще всего маг сам себя разрушает. Себя всего или собственный разум. Просто потому, что, сам того не понимая, начинает командовать силами, о которых не имеет ни малейшего представления. Нам разрешено применять эту штуку только в критических ситуациях. Не думал, что в такой окажусь. Но, как говорится, от тюрьмы и от сумы...

— А если человек не маг? — полюбопытствовал я.

— А вот тогда ему ничего особенного и не сделается,— пожал плечами Дуппель.— Для простых смертных это не более чем сильное снотворное с некоторыми побочными

эффектами, и все. Магов убивает собственная магия. Но тебя бог миловал.

Мне было над чем задуматься. Одно было ясно: само по себе пятнышко красителя, введенного в вену, никаких необычайных способностей мне сообщить не могло. Однако вопреки этому совершенно логичному соображению своими глазами я только что видел вполне недвусмысленное подтверждение своих магических способностей.

Мысли мои начали путаться, тихо накатывался сон, выключая одно за другим все чувства и желания, кроме одного — наконец выспаться.

* * *

Проснулся я оттого, что Ольгред тряс меня за плечо. Я с трудом разлепил веки и увидел, что ландшафт вокруг успел разительно измениться. Наш мини-караван спускался по уже вполне приличной на вид дороге в поражающую обилием зелени долину. И уже недалеко от нас — посреди этой долины — виднелись крыши и башенки городка, казавшегося игрушечным.

— Ну, теперь я могу наконец сказать тебе: «Добро пожаловать в Странный Край, господин Меченный Знаком!» — с торжественным видом произнес Ольгред.

— Так вы и сами называете это место Странным Краем? — наконец-то додумался спросить я.

— По-твоему, этот край — вполне обычный? — меланхолически отозвался Ольгред.

Спорить с ним было трудно.

Часть II
ПРОМЫСЕЛ БОЛЬШИХ ДОРОГ

Глава 5
УБЕЖИЩЕ И УЧИТЕЛЬ

В моих записях наступает некий перерыв. Как ни странно, он вызван не какими-то новыми чрезвычайными событиями, обрушившимися на меня, а как раз наоборот — тем, что мне выпал определенный тайм-аут для отдыха и осмысления всего происшедшего и происходящего со мной.

Тайм-аут этот назывался периодом адаптации и протекал в стенах здешнего Убежища. Это был, по-моему, самый спокойный период в моей жизни в Странном Мире. Может быть, и во всей моей жизни вообще. Хотя и в Убежище ждали меня кое-какие приключения. Я бы, правда, назвал это место монастырем, но это тоже было бы не совсем верным определением. Ну хотя бы потому, что монастырю положен некий устав и более или менее постоянный контингент пребывающих в нем монахов, послушников и тому подобного народа. Положена также, по всей видимости, и некая иерархия, определяющая отношения между обитателями подобного заведения.

Ничего подобного пока не потрудились довести до моего сведения. Единственные два человека, которым меня представили более или менее официально, были Старейшина Убежища Ван Верден и мой Учитель — мэтр Герн. Всех остальных узнавать и устанавливать их роль в здешнем микрокосме мне приходилось уже в рабочем порядке.

Все законы Убежища были, как видно, неписаными, а его статус — в моем понимании — весьма неопределен-

ным. Однако жизнь здесь была весьма четко регламентирована, и любое нарушение заведенного порядка вещей тут же ставилось нарушителю на вид — реакцией окружающих и немым укором старших.

Собственно Убежище находилось в черте небольшого провинциального городка земли Рикк. Городок, носивший название Коонр, только тем и был примечателен, что в нем располагалось Убежище, и откуда-то из его окрестностей тайные тропы вели к порталам — Вратам в Иные Миры. Кроме того, в городке имелась Школа Грамотеев, что-то вроде филиала столичного университета, и отменно зловонное кожевенное производство. К счастью, его цеха располагались с учетом розы ветров, и в сторону самого городка их ароматы долетали нечасто.

Про городок можно было бы рассказывать долго, он был весьма своеобразен, но я оставлю это на потом. Достаточно сказать, что напоминал он средневековый европейский городишко, властвовали в нем искаженный до неузнаваемости португальский и английский говоры, а имена его обитателей с неукоснительным постоянством оканчивались на «ра», «га», «ча»... Фамилий в Странном Крае, как я понял, почему-то не признавали.

Но так или иначе, а Убежище — несколько самостоятельных кварталов на окраине, напоминавших студенческий кампус,— было отрезано от самого городка невидимой стеной. Видимую преграду, невысокую, потихоньку разваливающуюся со временем каменную стену да русло неглубокого ручья преодолеть мог каждый желающий. Как в ту, так и в другую сторону. Однако особенно много таких желающих не замечалось. Не то чтобы обитатели Убежища были все как один затворниками. Нет. Просто у них были свои занятия и связанные с ними интересы, а у горожан — свои.

И если кому-то надо было отправиться в город, за провиантом, отсутствующим в местной лавке, или к портному, никто этому не чинил препятствий. Так же, как и редким посетителям Убежища, являвшимся, как правило, издалека посоветоваться со здешними Учителями или по

другим не слишком понятным мне — нуждам. Иногда из городка или из мест по соседству наведывалось этак с полдюжины энтузиастов и любопытствующих чудаков. Состав их был почти постоянен, и лица их скоро примелькались мне.

Какого-либо главного корпуса да и административных зданий вообще в Убежище не было. Кроме разве что нескольких часовенок разных вероисповеданий да пары площадок для проведения каких-то действ. Мистерий или спектаклей, может быть. Да, были еще и библиотеки. Но каждая из них была скорее всего епархией того или иного Учителя. Посещать их не возбранялось, впрочем, и лицам, в ученичестве у этих мэтров не состоящим. В основном здания Убежища составляли жилой фонд, в котором и обитал его сменный состав — ученики и относительно постоянный — Учителя. Что до встреч с лицами явно вышестоящими и влиятельными в здешней, ничем не обозначенной табели о рангах, то они назначались и происходили где угодно. Старейшина обычно проводил «встречи в верхах» в своем жилище — немного более просторном по этой причине по сравнению с апартаментами простых Учителей. Апартаменты эти если и отличались от жилища простых смертных, так только наличием некоего гибрида лаборатории и классной комнаты на одного-двух учеников.

Было еще несколько лавочек, торговавших всякой всячиной, необходимой для жизни, и даже предметами искусства. Последние были весьма интересны и зачастую не слишком дороги. Впрочем, я выразился не совсем правильно. Не надо думать, что речь шла о каких-то художественных салонах. Скорее это были отдаленные родственники диккенсовской «лавки древностей», в которой только что нарисованные полотна могли соседствовать с какими-то корабельными астролябиями вековой давности. Особняком, правда, располагались три или четыре лавки букинистов. В которых, кстати, можно было обнаружить и вполне современный компакт-диск или целый «винчестер».

Но ощущение средневековой старины не покидало на узких, мощенных то брусчаткой, то причудливой мозаикой улочках Убежища и двориках, упрятанных в глубь крошечных кварталов. И улочки эти, и дворики весьма располагали к неспешным прогулкам и неторопливым размышлениям на отвлеченные темы.

* * *

Впрочем, располагали они к такому времяпрепровождению только ласковыми и мягкими риккейскими летом и осенью. Мне же пришлось повидать и тамошнюю зиму (очень короткую, но изобиловавшую снежными штормами), и мокрую, ненастную весну, довольно затянувшуюся в тот раз, по словам старожилов.

В течение этого капризного года не было лучше места, чем стены ставшего мне на время родным дома. Это была, собственно, келья, но довольно уютная. Расположена она была в не слишком большом трехэтажном доме-квартале, сложенном из прочного, смахивающего на гранит камня. Внутри же комнаты немногочисленных жильцов были выложены мягким светлым камнем, довольно приятным на ощупь. Камень этот обладал весьма полезным свойством: теплый и сухой зимними вечерами, он был прохладным, чуть влажным, каким бывает мох на стволах вековых деревьев в жаркий летний полдень.

Предметы мебели — в привычном понимании этого слова — в моей келье были представлены, пожалуй, только не слишком удобной и увесистой каменной скамеечкой. Роль всех остальных предметов обстановки выполняли каменные полки и ниши — таков, как я потом понял, был вообще здешний стиль. Полка — подоконник, она же — письменный и обеденный стол. Под ней — батарея парового отопления. Ниша — лежанка, она же в застланном виде — кровать. Несколько многоярусных ниш для личных вещей, книг, одежды.

В потолке, в выдолбленном в камне гнезде, обычная электролампа, закрытая плафоном из какого-то матового,

полупрозрачного камня. Правда, выключателя при этом осветительным приборе не было предусмотрено. Зажигалась и гасла она, как и все лампы в доме, по воле дежурного (иногда эту роль исполнял я). Обычно хватало света и из широкого — почти во всю торцевую стену кельи — окна с рамами вагонного типа. Кажется, эти дубовые рамы да и само оконное стекло были единственными не каменными предметами обстановки. Нет, вру: была еще дубовая же дверь отхожего места, вполне современного по своему оборудованию и ужасно тесного. Собственно, из-за наличия этого удобства я и остановил свой выбор на этой комнатенке.

Нельзя сказать, что жилище это мне выделили. Выделили мне пригоршню разнокалиберных монет, на несколько из них я и арендовал келью. Выбрать его мне помог один из новообретенных знакомых — Мюнц. Как я понимаю, был он человеком на подхвате сразу у нескольких Учителей и специализировался по даче полезных советов вновь прибывшим. Слишком большой благодарности он за эти услуги не требовал и обходился соучастием в трапезе то одного, то другого ученика, когда-то осчастливленного его вполне бескорыстным и, как правило, довольно толковым советом. Что до меня, то Мюнцу нравилось выпить со мной кружечку-другую местного пива, очень духовитого и совсем слабого.

Впрочем, такая возможность представлялась ему редко. И я, и другие ученики имели не так уж много времени на то, чтобы болтаться по харчевням, а тем более угощаться чем-либо хмельным. Здешних Учителей медом не корми, а дай им назначить своим ученикам тот или иной пост или какое иное ограничение — то для подготовки к очередной серии магических упражнений, к углубленной медитации, а то и просто для профилактического укрепления и возвышения духа.

А в плохую погоду было и вовсе не до шатаний по Убежищу. В лучшем случае трапеза для меня сводилась в такие дни к разогретому на спиртовке чаю (точнее, травяному настою) или местному кофе и бутербродам.

Эти последние бывали порой фантастической конструкции — слепленными на основе снеди, закупленной в ближайшей лавке.

И эта снедь, и другие покупки (в основном кое-что из одежды), и само мое жилье оплачивались из денег, которые разносил дежурный «почтальон», тоже рекрутируемый из числа учеников. Поскольку эта роль ни разу не выпала мне, то оставалось только строить догадки относительно того, кто и как определял размеры наших стипендий. Не говоря уже о первоисточнике этих пособий.

Изобилие видов и номиналов здешних монет (бумажные купюры мне ни разу не попадались) сначала обескураживало. Но довольно быстро (опять-таки не без помощи всезнающего Мюнца) я начал составлять кое-какое представление о здешней монетарной системе. По крайней мере о ее практической стороне.

Самой ходовой монетой в этих краях были восьми- и десятигранички с выбитым в качестве герба изображением уже слишком хорошо знакомой мне твари, а решку украшали выполненный арабскими цифрами номинал монеты и ее наименование на латыни. Вполне недвусмысленное слово «DRACO». «Дракон». Ни больше ни меньше.

* * *

Я не заметил никаких особых оборонительных сооружений или скоплений войск и военной техники ни на границе Рикка, ни вокруг Убежища. Тем не менее все обитатели городка были полны спокойствия и уверенности в завтрашнем дне. Здешний быт разительно отличался от дерганого, чреватого опасностями существования, которое вели совсем неподалеку обитатели гор и территорий племен.

То ли власть здешних магов была столь велика, что внушала эти спокойствие и уверенность жителям городка, то ли их безмятежное существование обеспечивалось

мощными вооруженными силами здешней центральной власти. Об этом можно было только гадать.

* * *

Говоря об Убежище, было бы глупо ни словом не обмолвиться о народе, населявшем это место. Он был странен, как и все здесь. Уже в дороге мои спутники-конвоиры успели растолковать мне, что Убежище населяли в основном три категории существ, связанных со здешней магией.

И в первую очередь, конечно, заслуживает рассказа сословие, которое и было тем «наследственным материалом», который обеспечивал работу всего механизма Убежища и его самовоспроизведение. Членов этой касты вряд ли во всем риккейском Убежище было больше сотни. Их именовали здесь Учителями.

Учителя были народом относительно дружным. В их среде незаметно было склок, интриг или стремления козырять академическими заслугами. Впрочем, возможно, так только казалось извне. Учителя, при всем их ненавязчивом внимании и готовности всегда помочь любому, кто к ним за такой помощью обращался, были кастой замкнутой, сор из избы выносить не любившей. Если они и состязались в своих знаниях и умениях, то, наверное, только по гамбургскому счету, при закрытых дверях.

Никто из них не смотрелся затворником. Никто не чурался многолюдных сборищ, и никто не прочь был побалагурить как с себе равными, так и с народом попроще. Но забавная вещь — почти все свои разговоры эти «носители вековой мудрости» вели по пустякам. Со стороны могло показаться, что свои — чисто житейские — проблемы обсуждают не слишком далекие селяне, коротающие уютный вечерок за неторопливым переливанием из пустого в порожнее. Для научных бесед и обмена серьезной информацией существовали иные места и иные каналы. Иной круг общения. Это не было секретом, но не было и чем-то обидным для непосвященных.

В здешнем обществе бытовало мнение, что знание, данное Учителям, это что-то вроде болезни, которая простому народу ни к чему. Примеров того, что знание это не делает людей ни богаче, ни счастливее, приводили тьму. Да и сам образ жизни Учителей — довольно скромный и демократичный — был веским аргументом в пользу такой точки зрения. В общем, Учителя были предметом уважения, но никак уж не зависти.

Не вызывали зависти и Ходоки по Иным Мирам. Но и располагали они к себе заметно меньше. Это была разношерстная и гораздо менее дружная компания. Да и состав ее менялся быстро и непредсказуемо. По большей части это были люди, основательно битые жизнью, молчаливые и часто имеющие друг к другу какие-то давние и не понятные посторонним счеты. Одни из них отсиживались затворниками, выжидая каких-то им одним известных событий или известий. Другие сразу же отбывали куда-то в иные места или назад к здешним Вратам. А некоторые в компании таких же, как они, бродяг, а то и вообще посторонних и подозрительных личностей — уходили в загул. Загулы эти были молчаливыми и ожесточенными, словно поминки по лешему.

Впрочем, я, пожалуй, возвожу напраслину на Ходоков. Со временем у меня появились среди них знакомые, от которых, при известном умении строить разговор, можно было узнать немало интересного. И о Странном Крае и о других пространствах бесконечного Мироздания.

А самой симпатичной частью населения Убежища были, конечно, ученики и недоучки. Учеников было немногим больше, чем Учителей. Редко у кого из мэтров набиралось больше двух-трех обучаемых. Недоучек — самых разных возрастных категорий — было куда как больше. Это были те, кому общение с Учителями пошло не впрок, но зато, зная все и вся про Убежище, смогли пристроиться здесь — в большинстве своем на птичьих правах и, судя по всему, пожизненно. Типичным представителем этой категории был уже помянутый мною «квартирмейстер» Мюнц.

Встречались здесь и другие категории жителей. Напрямую не связанные ни с магией, ни с блужданием между Мирами. Убежищу как-никак нужно было осуществлять полный цикл своего жизнеобеспечения. Так что представлено было и торговое сословие, и всяческие мастерские, и служители различных вер и конфессий (о некоторых из которых я слыхом не слыхивал).

А были и такие, которые к роду людскому отнесены быть никак не могли.

Своих теперь уже старых знакомых Привратников я встречал на улицах Убежища не так уж и часто, но регулярно. Передвигались они всегда группами, по пятерошестеро. Вечно куда-то торопились, и вид всегда имели чрезвычайно деловой и озабоченный. Были, видимо, и какие-то иные жители не нашего мира, присутствовавшие в Убежище. Время от времени мне попадались то своего рода паланкины, влекомые дюжими слугами, то автомобили весьма странного вида. И те и другие больше смахивали на некие батискафы, и как выглядели их обитатели, оставалось только гадать. Никто из этих внеземных созданий не вызывал у местных жителей ни особого интереса, ни каких-либо эмоций. Они, видно, были здесь обычным явлением.

Мне неизвестно, были ли среди учеников (и учениц) местные жители. Я таких не знал. Как правило, это были отобранные в далеких краях, а то и в Иных Мирах, как я, ребята. И почти все были значительно моложе меня.

Одни ученики — Меченные Знаками — должны были иметь дело с магией. Другие, народ попроще и покрепче, готовились в Ходоки. Все они пребывали в разной степени эйфории от разного. Оттого, что оказались Избранными, оттого, что каждый день им представлялась возможность познания все новых и новых тайн, от неизведанных дорог, по которым им предстояло теперь идти по жизни... Мы быстро сходились друг с другом, несмотря на разницу в языках, возрасте, привычках и внешности. В нечастые часы нашей «вольницы» собирались по харчевням и, как правило, грузили друг друга веселым враньем и расспро-

сами. Я с удивлением отметил, что становлюсь каким-то полиглотом-самоучкой.

* * *

Единственный, кто не давал мне забыть родной язык, это мой Учитель — Герн. Конечно, русский не был его родным языком, и это чувствовалось, но знал он его в совершенстве. Должно быть, работа с выходцами с моей родины была его профилем.

Как я понял, Герн и двое его учеников, точнее, уж скорее подмастерьев, были в риккейском Убежище «приглашенными специалистами». Приглашенными именно ради того, чтобы разобраться с моей скромной персоной.

Вернее, с украшавшим мой локтевой сгиб Знаком. Теперь краситель, которым его замаскировал Дуппель, был тщательно смыт и сам Знак с превеликой тщательностью изучен целым консилиумом здешних авторитетов в области магии тату. Упоминание мною книг Якоба Левого произвело на консилиум почти такое же впечатление, как гибель твари над плато на моих тогдашних спутников.

С рук на руки я был передан Герну моими «крестными» — Ольгредом и Дуппельмейром. Первоначально мне пришлось провести несколько томительных часов в ожидании «вызова на ковер». Несколько раз на меня выходили посмотреть оба ученика-подмастерья Герна — тогда еще неизвестные мне. За это время Герн, как я понимаю, выкачивал из «крестных» исчерпывающую информацию об истории моего явления в Странном Краю. И уж только после этого я предстал пред светлым ликом Учителя лично.

Я, со своей стороны, на всякий случай тоже подготовил некоторые вопросы к предстоящей встрече. Например, я срисовал одну за другой руны с монеты, подкинутой мне на лесной дороге. Но не в том порядке, как они были расположены по часовой стрелке или против нее, а просто в порядке возрастающей сложности. Бумажку с зарисовками я прихватил с собой на встречу. Монету оставил

среди своих вещей в «гостевой» комнате, куда был поселен на первые дни своего пребывания в Убежище.

С легкой руки Толкиена, мои представления о магах воплощены были в образе кинематографического Гэндальфа. Так вот: общим у Герна с Гэндальфом была лишь первая буква их имен. Ну и разве что оба считались служителями Добра.

Меня еще с первых моих опытов знакомства с классикой фэнтези изрядно раздражало, что добро в них всегда потому лишь добро, что оно доброе. Зло же является злом, естественно, потому, что оно злое. И злой гений только тем и озабочен, что бы такого сделать плохого. Ну а добрые герои, если помышляют о каком-то благе для себя лично от своих подвигов во имя добра, то те неудобства, которые они терпят по ходу дела, с лихвой все это благо перекрывают.

Для жителя страны, в которой за время одной человеческой жизни добро и зло успели поменяться ролями по нескольку раз, очень тяжело воспринимать черно-белую мораль сказок для взрослых. Но ладно, это я так — к слову.

Герн, встреться я с ним при других обстоятельствах, был бы принят мною за человека из сферы бизнеса. В лучшем случае — за декана какого-нибудь престижного юридического или экономического факультета. Для мага он был слишком хорошо одет. Не наблюдалось ни остроконечного колпака с астрологическими знаками, ни мантии, ни даже козлиной бороды. Бородка у Герна была шкиперская, скобкой. В сочетании с импозантным платиновым окрасом тщательно ухоженной шевелюры, очками в тонкой золотой оправе и подогнанным по еще довольно спортивной фигуре костюмом от кого-то из «не наших» модельеров все это впечатляло. Но и наводило больше на мысль о преуспевающем и слегка молодящемся франте, чем о хранителе вековечных тайн Мироздания и повелителе потусторонних стихий.

* * *

Впрочем, это впечатление стало понемногу рассеиваться, когда разговор между нами вышел из колеи официального представления друг другу и мирно потек по неровной колее и колдобинам обстоятельств моего попадания в здешние места. Не то чтобы я сразу проникся безмерным уважением к своему будущему наставнику. Нет, просто я достаточно ясно понимал, что деваться мне сейчас просто некуда. А потому отношения надо строить, по возможности избегая конфликтных ситуаций.

Учитель основательно знал не только русский язык, но и обстоятельства теперешней жизни на постсоветском пространстве. Притом и события самых последних дней. Это приободрило меня. Я ощутил надежду на то, что не намертво отрезан от родины.

Снова последовал осмотр моего Знака, снова была выслушана уже навязшая у меня в зубах история этого моего сомнительного приобретения, снова я отвечал на кажущиеся мне довольно бессмысленными, но, наверное, важные для моих теперешних хозяев вопросы. Я почти сразу понял, что Герн выслушивает мою историю уже не в первый раз И, скорее всего, даже не в третий или в четвертый. Так что меня он понимал с полуслова. Его гораздо больше интересовали не факты в моем изложении, а мое к этим фактам и его вопросам отношение.

Поговорили мы и на более общие темы. О том, например, как мне понравились здешние края и как я устроился на первое время. Потом Учитель тихо обменялся парой слов с моими «крестными» — попросил оставить нас с ним наедине.

Некоторое время мы сидели молча, затем Герн позвонил в небольшой колокольчик, его подмастерье принес самый настоящий чай с лимоном и сухарики, и мне был сделан приглашающий жест к накрытому журнальному столику.

— Вы — очень тяжелый случай, Сергей,— сообщил Герн, усаживаясь напротив меня, глаза в глаза.— До сих

пор даже я не видел, чтобы магическим действием обладал искусственно нанесенный на тело Знак. Не врожденный, а именно вот как у вас — нанесенный с помощью татуировки.

— Я так понимаю,— пожал я плечами,— что это, должно быть, фальшивый, не такой Знак. Не знаю, как получилось у меня там, на плато... Наверное, это какое-то совпадение...

Герн тихо рассмеялся. Смех, надо сказать, у него был приятный, заразительный.

— По определению, Сережа... Разрешите мне перейти с вами на «ты?

Я кивнул.

— Так вот: по определению все случаи магических происшествий — это чистой воды совпадения. Никакого вмешательства высших сил, только совпадение событий, имеющих каждое вполне естественные причины... Но ты прав,— Учитель посерьезнел,— большинство здешних магов средней руки сочли бы твою татуировку фальшивым Знаком. Но...

Учитель поднялся и, держа чашечку с чаем, подошел к окну и стал приглядываться то ли к переплетению побегов плюща на решетке окна, то ли к рисунку облаков в далеком небе.

— Но дело в том, Сергей, что природа Знаков — предмет темный... Чем, собственно, твоя татуировка отличается от настоящего родимого пятна точно такой же формы? И в том и в другом случае мы имеем практически одно и то же — группу клеток кожи, окрашенных стойким пигментом. В одном случае этот пигмент выработал твой собственный организм, в другом — его ввели тебе извне. Поверь мне, других различий между этими вариантами нет. Никакой особой иннервации этого пятнышка. Никаких особенных генов и хромосом... Пятно и пятно — только и всего. Знак.

— М-м... Я не очень хорошо понимаю, к чему вы клоните, господин Герн,— признался я.

— Если хочешь, чтобы наши беседы продолжились,— быстро прервал меня мой собеседник,— обращайся ко мне на «ты». Я для тебя учитель, не более того.

— Хорошо... — обескураженно согласился я.— Я все равно не понял, что т-ты хотел сказать, Учитель...

— Смысл Знака, Сергей,— повернулся ко мне Герн,— в том, что он Знак. Ни больше и ни меньше. Знак — это информация. Команда. А теперь подойди сюда.

Он кивнул на письменный стол, на котором стоял небольшой, порядком устаревший компьютер. Явно из наших краев. Типичная «желтая» сборка. Дисплей компьютера тускло мерцал.

— Смотри! — коротко бросил он.— Вот перед тобой,— он кивнул на слегка потертую клавиатуру,— Знаки. Для нас с тобой они имеют смысл. Для микропроцессоров, с которыми связана клавиатура,— тоже. Если я прикоснусь к определенному набору клавиш, то вот тут, на экране, начнут происходить чудеса. Ну, например, возникать тексты, картинки...

Он быстрым, мимолетным движением пальцев запустил какую-то давно уже устаревшую, наверное, игру. По экрану проползли титры и меню, а потом и впрямь начались чудеса. Там, за экраном, действительно помчались всадники. Зазвучала музыка и раскаты грома. Вдали выросли крепостные стены.

— Это,— пояснил Учитель,— модель того мира, в котором ты очутился теперь. Мира, который понимает Знаки. Не важно, откуда у него взялась такая способность. У нас будет время поговорить на эту тему. И на многие другие. Пока считай просто, что в эту реальность, окружающую тебя, встроен процессор, который опознает кое-какие Знаки и команды. Будем называть такие команды заклинаниями. Какая, в сущности, разница? А вот это,— он быстрым, решительным движением отсоединил клавиатуру от системного блока,— модель того мира, из которого пришел ты. Этот мир Знаков и Заклинаний не понимает. По крайней мере тех, которые понимает мир

здешний. Они, миры эти, говорят на разных языках, если так можно выразиться.

Он демонстративно побарабанил по отсоединенной клавиатуре. Разумеется, на экране не произошло ровным счетом ничего.

— Ты, кажется, улавливаешь мысль? — через плечо спросил меня Герн.

— Только в общих чертах, Учитель,— признался я.— Все это немного необычно для меня.

Герн снова рассмеялся и отхлебнул чаю из своей чашки.

— Поверь мне, Сергей. Я большую часть своей жизни потратил на изучение всех этих тайн и чудес. И могу только повторить твои слова, мой ученик. Все это осталось для меня необычным. И с каждым новым фактом, который я узнаю, этот мир становится для меня все необычнее и необычнее.

Он вернулся к столику и жестом пригласил меня снова присесть. (Я, оказывается, и не заметил, когда успел вскочить на ноги.)

— А теперь давай выясним, пожалуй, самый главный для тебя вопрос, Сергей,— уже более деловитым, сухим тоном сказал он.— Ты догадываешься, какую силу тебе может дать твой Знак, если, конечно, нам удастся активировать его. И, разумеется, понимаешь, что одни люди будут хотеть от тебя одного. А другие — их здесь называют «темными» — совсем другого. Но важно сейчас не то и не другое.

Я постарался глядеть на Герна прямо и не отводить глаза.

— Нужно, чтобы ты понял и ясно объяснил мне,— продолжал Учитель,— чего ты хочешь от Знака и от себя самого. Без этого наши с тобой дела не пойдут.

Мы помолчали секунд пять-шесть.

— Я думаю,— произнес Герн наконец,— что ты уже размышлял на эту тему. Или на очень близкую. Но я еще плохо знаю тебя. Может, тебе нужно время на раздумья? Имей в виду: его у нас не так много.

Я чуть-чуть покивал головой. Действительно, поразмышлять мне в этих краях пришлось довольно много. В том числе и над тем, чего же мне здесь, собственно, надо.

— В принципе, Учитель,— ответил я Герну,— я могу объясниться с вами уже прямо сейчас. Не знаю, получится ли это у меня и как вам понравится то, что я скажу.

Герн еще раз отхлебнул чаю и отставил чашку на стол.

— Не беспокойся,— тихо, вызывающим доверие тоном произнес он.— Думаю, нам удастся найти с тобой общий язык... Надо только правильно понять друг друга.

— Я хочу только две вещи,— сказал я, стараясь не сморозить какой-нибудь глупости.— Во-первых, я хочу знать: что произошло с моим братом? И во-вторых, если он жив, я хочу вернуться в наш с ним мир, в котором нет никаких чудес, никаких Знаков и заклинаний... Вот и все. Я готов для этого сделать все то, что вы от меня потребуете. Но лично я не нуждаюсь ни в колдовстве, ни в магии. И этот Странный Край мне тоже не нужен.

Герн глянул на меня, как мне показалось, с любопытством.

— Гм... — склонил он голову набок и стал на миг похож на какую-то озадаченную птицу.— Не каждый день приходится выслушивать подобные заявления от кандидатов в маги. И даже не каждый год. Хотя ты не первый. Тебе страшным кажется могущество, которое может дать тебе Знак?

Я покачал головой. Правильно выразить свою мысль я затруднялся.

— Мне кажется... — выдавил я из себя наконец.— Мне кажется, что Странный Край ничуть не счастливее тех мест, где никакой магии нет. Или даже, что здешним людям приходится чересчур дорого платить за всякие эти Знаки и Заклинания. Я в конце концов к вам сюда не напрашивался.

— Хм... — сказал Герн.— С одной стороны, спорить с тобой трудно. С другой — мы уже стоим перед фактом. Ты уже здесь — хотел ты этого или нет. И главное — давай расставим все точки над «i»... Твоего брата уже ищут. Но

когда имеешь дело с Темными, то такие поиски — дело далеко не простое. Точно так же, как и отправить даже одного из вас назад, в родные края. Ты понимаешь, что мы вправе ожидать от тебя помощи...

— То есть,— постарался определиться я,— поиски Романа и наше возвращение я должен отработать?

— Ты просто будешь принимать в них участие,— пожал плечами Герн.— Конечно, по мере сил. И по мере того как твои способности станут мне ясны. А пока что... Пока не согласишься полчасика побыть под гипнозом? С этого будет начинаться каждое занятие.

Не могу сказать, что эта перспектива сильно порадовала меня. Но поскольку я давно уже не был допущен к государственным тайнам, то нанести кому-то вред своей болтовней под гипнозом я просто не мог. Потом я понял, что был довольно наивен. Но в освоении умения объясняться на здешней тарабарщине гипноз мне помог, и довольно сильно.

* * *

Учитель не стремился как можно скорее ввести меня в курс здешних дел. Скорее, он просто предоставлял мне возможность самому составить впечатление о жизни Убежища и Странного Края вообще. А занятия наши с ним на первых порах посвящены были многочисленным тестам, сеансам гипноза (к которому я оказался предельно малочувствителен) и тренировкам разных странных умений. Ну, например, умения угадывать намерения человека по его походке и речи. Или погоду на завтрашнее утро. Всем этим я занимался с утра до вечера, и поэтому сама собой напрашивалась мысль о том, что небольшое количество свободного времени, которое оставалось в моем распоряжении, надо было употребить с наибольшей пользой для достижения тех двух целей, которые я поставил себе.

Для этого мне требовалось найти ответы на кое-какие вопросы попроще. Например, надо было уяснить, кто

такие Темные и что им надо от меня и моего Знака. Кто из Ходоков посещал за последнее время наш земной мир, что там творится сейчас, и главное — каким образом проникает туда этот бродячий народ и что может простой смертный вроде меня предпринять, чтобы нащупать свою дорожку домой?

Присматриваясь к Ходокам и размышляя о них, я припомнил, что у меня среди этих странников есть или вполне может найтись не то чтобы просто мой знакомый, но, по крайней мере, хороший знакомый моего знакомого. Отец Тагары.

Здешний обычай держать в секрете свою родословную и не иметь фамилий, а уж тем более отчеств далеко не облегчал мне поиски этого человека.

Скорее всего, чтобы добраться до него, проще было бы для начала отыскать самого Тагару. К этому меня подталкивал не только его рассказ об отце, ходившем *туда*, но и странное чувство, которое оставил у меня тот нелепый, как и все сны, сон о ночном явлении мальчишки в мое земное жилище. Чувство, что его судьба какой-то странной ниточкой связана с судьбой моего брата. Странно, но далеко не всем, что связывало меня со странным парнишкой, мне хотелось делиться с мэтром Герном. Да и ни с кем другим, впрочем. Именно с идеей найти мальчишку дело обстояло совсем не просто.

Что до самого исчезновения Тагары из нашего «конвоя», то оно произошло почти сразу после того, как, плавно спустившись с плато, мы вступили в благословенные просторы края Рикк. Здесь он явно чувствовал себя как рыба в воде. Правда, у нас с мальчишкой успела состояться пара разговоров с глазу на глаз (в довольно относительном понимании этих слов). Если моим проводникам-конвоирам случалось задремать или отвлечься на какие-то разговоры или другие занятия, требовавшие их внимания, то Тагара не упускал возможности воспользоваться таким случаем.

Он принимался шепотом предупреждать меня о том, с кем и с чем в Убежище не следует иметь дела, а с кем —

стоит. Понять эти сбивчивые, торопливые слова было, наверное, трудно даже любому коренному обитателю здешних мест. Ну а уж мне и подавно. Запомнились только особенно страшные предостережения против черных Ходоков и постоянно повторяющаяся просьба не искать его самого в Убежище. «Я потом найду тебя сам!» — каждый раз обещал Тагара. Но что-то не торопился с этим. Кроме того, если у меня еще были причины для поисков мальчишки, то зачем ему сдался случайный спутник по дороге из горной территории племен в родной Рикк, было мне не слишком ясно. Только потом я понял, что оба раза он был прав: и когда просил не искать его, и когда предупреждал, что найдет меня сам.

Ничем помочь мне не могли и мои «крестные». Как мне кажется, оба они всерьез рассчитывали, сбагрив меня, благополучно убыть в родные края — на привычное поприще изыскания и вербовки носителей Знаков Судьбы. Если, конечно, тот край, в котором нас впервые свела судьба, был и впрямь их родиной. Но какие-то обстоятельства, возможно связанные с моей персоной, продолжали удерживать их в риккейском Убежище. Вскоре стало понятно, что большой радости от встреч со мной ни тот ни другой не испытывали. И уж чем-чем, а судьбой шкодливого даклы Тагары интересовались в последнюю очередь.

Следующие ходы в поисках нужных мне людей и информации тоже не отличались большой оригинальностью. Я решил хоть в малой степени, но довериться Мюнцу и паре Ходоков, которые не чурались разговоров с местными. Конечно, я и не думал ставить их в известность о том, что намерен как можно быстрее покинуть Странный Край, прихватив с собой брата. Для чего, пожалуй, придется ввязаться в сложные взаимоотношения с Темными. Я просто прикидывался лопухом, подружившимся по дороге с интересным попутчиком, наобещавшим ему с три короба и вот теперь разыскивающим его самого или его отца.

Что и говорить: Мюнц был одним из самых осведомленных проныр в Убежище. Если он и не знал каким-то чудом чего-то о ком-то, то уж точно знал, где это чего-то можно разузнать. И вскоре мне уже было известно, что в Убежище действительно жил парнишка Тагара с двумя своими братьями. Но их давно не видели. Еще я узнал, что отца Тагары зовут вполне земным именем Григорий, или Грегори, и что он уже давно, с прошлой войны, не появлялся ни в Рикке, ни в Убежище. Но были люди, которые от него регулярно получали весточки. В том числе и весточки для детей. По крайней мере до недавних пор получали.

* * *

Те двое Ходоков, которых я успел узнать более или менее хорошо, были людьми разными.

Крикмор (ей-богу, в каком-то из миров это слово было его фамилией, но здесь стало именем) был сух и педантичен, словно священнослужитель какой-нибудь особо аскетической секты. Вполне возможно, что именно эту роль он и играл. В его глазах постоянно читались подозрительность и суетное беспокойство о том, что что-то не в порядке со строгим, умеренно потертым нарядом. Или невероятно всегда чистыми ногтями. Никто из не знавших его близко никогда не заподозрил бы в нем любителя побалагурить и рассказать во время неспешной пешей прогулки историю-другую. Правда, рассказать по-особенному, на свой манер. Никогда не называя ни имен, ни точных мест.

В тот вечер, когда я принялся расспрашивать его о Тагаре и его отце, я, конечно, нарушил это его неписаное правило. Но, как ни странно, это не сильно испортило наш разговор, который происходил, кстати, по сложившейся у нас за пару недель традиции по дороге от кофейни «Мокко», по периметру Убежища, до моего или его жилища. Обычно мы делали два или три круга по этому

маршруту, прежде чем окончательно разоитись по домам. В этот раз задержались немного дольше.

Перед тем как расстаться, Крикмор сделал нечто для него необычное. Он взял меня за застежку куртки — так, как обычно берут собеседника за пуговицу, желая привлечь его внимание.

— Я лишь немного знал Грегори,— произнес он тихо, словно не желая, чтобы нас услышали.— И практически совсем не знал его сына. И мне нечего рассказать про них такого, что помогло бы тебе. Но... Но пару слов сказать все-таки хочу. Понимаешь ли... Грег занимался особой работой. Ходил, если так можно выразиться, по лезвию... А в такие вещи мы стараемся нос не совать. Я вижу, у тебя, парень, свой интерес в этом деле. Ты человек здесь новый. Я не хочу для тебя неприятностей... Если это просто блажь, то брось ее и забудь. Если это серьезно, то... То десять раз подумай, прежде чем с этим делом подъезжать к таким вот старым болтунам вроде меня. Среди нас много опасного народа.

Я не стал уточнять, кого он имеет в виду. Может быть, напрасно. Но думаю, что в такие подробности Ходоки посторонних не посвящали никогда.

* * *

Теренс — второй из моих Ходоков — был не то чтобы прямой противоположностью Крикмору, но порядком отличался от него и внешностью, и темпераментом. В целом он гораздо больше располагал к себе. Он не был вызывающе щепетилен и строг к себе и окружающим, но был не менее осторожен, чем его педантичный собрат по странствиям в Иных Мирах.

С ним мы встречались — с подачи всеведущего Мюнца— в единственной в Убежище табачной лавке. Курение здесь было привычкой немногих. Я завязал наше знакомство, угостив его табаком какого-то особого класса, который — каюсь — приворовал из запасов Учителя. Сам Учитель тоже прикладывался к трубке, но только в период

напряженных размышлений. После того как Теренс пополнял свой запас курева, мы с ним доходили до небольшой рощицы здешних странноватых деревцов — почти в черте Убежища — и посвящали немногим более часа разговорам о разном.

Мой рассказ о том, как я свел знакомство с Тагарой, он выслушал вполне доброжелательно. Естественно, я не стал говорить ему лишнего. Лишним мне представлялась роль фиала в нашем знакомстве и история о встрече с Отраженными на лесной дороге. Теренс не задавал лишних вопросов и только заметил, что он знает просто уйму Ходоков, но практически никто из них не имел детей. А если и имел, то держал их подальше от Убежища и особенно от такой штуки, как Врата.

— Грегори — тип уникальный,— заметил он, раскуривая трубку.— Исключение. Таких на нашего брата, Ходока, один на миллион. Только вот не знаю, за все время в этих местах удалось бы наскрести таких миллион-то?

Я заключил из этих его слов, что об этих двоих — Тагаре и его отце — Теренс осведомлен получше, чем щепетильный Крикмор. Но форсировать разговор в этом направлении повременил. У Теренса была такая привычка— к концу разговора неожиданно возвращаться к какой-то теме, проскользнувшей в самом его начале и оставшейся вроде незамеченной. А вернувшись, выдать по этой теме нечто, как говорится, нетривиальное. Так вышло и в этот раз.

— Знаешь,— рассеянно бросил он, когда мы уже направились к близким зданиям Убежища.— Я вижу, тот паренек... Как его... Ну сын Грегори. Он тебе зачем-то нужен. А может быть, тебе нужен сам Грегори... Ладно, не буду совать нос не в свое дело. В общем, я постараюсь для тебя вычислить, ну не их самих, а кого-нибудь из тех, через кого они держат связь. Это будет полегче. Тогда, может, ты сможешь и свою весточку кому надо передать. Только...

Он пригладил волосы — а были они весьма непослушны расческе — и косо посмотрел на меня.

— Ну, что вообще на этот счет распространяться не надо, ты и без меня понимаешь. А про другое... Ну ты знаешь: ученик для Учителя — душа нараспашку и секретов между ними быть не должно. И это очень правильно! Но...

Он снова отвлекся, на этот раз чтобы выбить свою трубку об случившийся на пути ствол чахлого деревца.

— Если мэтр Герн не будет задавать тебе вопросов насчет вот этих наших дел, то и не надо его по этому поводу тревожить. А уж если спросит, то, конечно, будь добр говорить все как на духу. Уж не подумай, что я к чему-то плохому тебя склоняю... Просто, понимаешь, никогда не стоит людей лишний раз поминать, как говорится, всуе...

У меня от этого разговора осталось смутное впечатление, что из-за какого-то своего каприза, родившегося из ощущения, охватившего меня после вздорного сна, я пристаю к людям, занятым серьезными и опасными делами, с какими-то глупыми просьбами.

И еще одно чувство не покидало меня: что я со своими бестолковыми расспросами и метаниями между людьми, причастными к здешним тайнам, просто подталкиваю кого-то поставить для меня капкан или раскинуть ловчую сеть пошире.

* * *

Успехами в освоении магического ремесла я похвастать не мог. Это, правда, не повергало мэтра Герна в отчаяние, но явно и не прибавляло ему хорошего настроения. Одиночная вспышка моих, от меня же скрытых, способностей тогда, во время сражения с тварью, оставалась единственным и упорно не воспроизводящимся доказательством того, что подобные способности у меня вообще присутствуют.

Мне кажется, что Учитель попроще, чем Герн, сосредоточил бы на том — весьма драматическом — эпизоде все свое внимание и без конца разбирал бы каждую его

деталь по косточкам. Чем скорее всего довел бы таки меня до умопомешательства или чего-нибудь в этом роде. Но Герн словно бы и забыл про эту историю.

Он, видимо, недели за две упорной работы со мной пришел к выводу, что лобовой атакой: наращиванием времени тренировок, гипнозом, медитацией и всем тем, что мне приходилось принимать внутрь, вдыхать и пробовать на вкус, к магическим способностям моим прорываться не стоит. Все больше времени он стал уделять обсуждениям со мной всяческих текстов, которые предлагались мне для общего развития, и беседам на темы несколько отвлеченные.

Тут-то я и подкинул ему давно тлевший во мне вопрос о рунах. Теперь я уже знал, что они называются «руны Темных». Я, слава богу, нашел достаточно много всяческих рисунков и довольно длинных надписей, в которых встречались знаки, очень похожие на те, что были выцарапаны на тщательно хранимой мною монете-послании и которые воспроизводили послание, кровью намалеванное над смятой постелью Ромки. Я так до конца и не понимал, что удерживало меня от того, чтобы показать эту монету мэтру.

— Знаешь, Учитель,— осторожно начал я в один из выпавших нам ненастных вечеров у камина в его жилище.— Мне очень хочется узнать, что же там было написано... В моем доме. Кровью. Чего от меня хотели те, кто увел брата... Жаль, что те двое, что были со мной, не смогли этого прочитать. И совсем не запомнили... — добавил я, слегка напрягшись, чтобы подавить такую услужливую нотку лицемерия в своем голосе.

Мэтр вертел в руках редко извлекаемую им на свет божий трубку с каменной чашечкой и мундштуком из дерева причудливой фактуры. Бросив на меня короткий взгляд, он покачал головой.

— Даже если бы у них была фотографическая память,— усмехнулся он,— и они перерисовали бы мне ту надпись, как говорится, один к одному, вряд ли от этого было бы много толку. Прочитать ее как надо смог бы только ты,

если бы изучал эти письмена с детства и если бы ты был в курсе дела. Тебя за такого и приняли.

— За кого? — не понял я и добавил: — Учитель, ты очень мало со мной говоришь о единственном деле, которое меня здесь интресует. Я до сих пор не понимаю, кто такие эти Темные. Если это, конечно, они забрали брата и охотятся на меня...

Учитель смотрел на меня поверх своей трубки оценивающим взглядом:

— Понимаешь... — Тут он описал трубкой неопределенную кривую в пространстве.— До некоторого момента тебе самому надо было из разговоров с равными тебе, из россказней, слухов... из всяческих недостоверных писаний... — Он повел трубкой в сторону полок с книгами и рукописями, разложенными на них.— Из всего этого составить свое впечатление о том, с чем ты имеешь дело. Сразу узнавать много о таких вещах просто опасно. Раннее и непереваренное знание всегда толкает к гибели — через поспешные, необдуманные поступки. А иногда и к худшему.

— Ты имеешь в виду... — начал я.

— Я имею в виду,— уже не задумчиво, а четко и со значением произнес Учитель,— то, что часто осознание реальной силы противника опаснее невежества. Оно порой лишает воли. И еще я имею в виду — это еще важнее,— что осознание реальных движущих мотивов противника может на определенном этапе породить к нему некую симпатию. Толкнуть в его объятия. Особенно того, кто имел целью бороться с ним отнюдь не добровольно.

— Ты думаешь, что я смогу предать, Учитель? — задал я риторический вопрос.

Задал его только потому, что сказать в ответ на слова мэтра было абсолютно нечего.

— Что значит предать?

Мэтр встал из кресла, подошел к камину и принялся набивать трубку смесью разных сортов табака из кисета, лежавшего на каминной полке.

— Предать,— сказал он,— может только тот, кто добровольно присягнул на верность общему с тобой делу. Ты же открыто и честно признался, что ты, Сергей, этому миру чужд. Что мечтаешь его покинуть, рука об руку с братом. Я ценю твою честность. И поэтому не назову твой уход от нас — пусть даже к нашим врагам — предательством и изменой. Хотя все это, конечно, всего лишь моральная сторона вопроса. В любом случае я должен помешать такому... И не только я, но и все, кто к тебе приставлен. И в выборе средств никто, поверь, стесняться не будет. Впрочем, к чему мне запугивать тебя? Ты и сам все прекрасно понимаешь. Давай я тем и ограничусь, что только попытаюсь ответить на твои вопросы.

Он закончил свой ритуал и принялся неуклюжими щипцами искать в камине подходящий уголек — разжечь трубку.

— Ну, во-первых: за кого тебя принял наш противник? Считай, что почти за своего союзника, за уклоняющегося мага. Есть такая категория. Как правило, из провинившихся и сбежавших в вашу Вселенную. Так что ты, с их точки зрения, был достаточно загадочным явлением. Хотя и не очень.

Необходимый уголек нашелся, и клубы ароматного дыма начали наполнять комнату.

— Ты, надеюсь, внимательно прочитал те места в книге, которую перевели для вашего покойного приятеля, что относились к тому Знаку, которым столь легкомысленно решили украсить себя. По крайней мере, этот Шуйский должен был хорошо объяснить вам его смысл и значение. Да и те выдержки из наших источников, которые я тебе дал, тоже должны были помочь в понимании того, что тебе должен дать такой Знак. И всяческие досужие сплетни, которые не могли не доходить до твоих ушей. Итак, расскажи мне для начала, что тебе самому удалось узнать обо всем этом.

Этот вопрос не был для меня неожиданным. Наоборот, я давно ожидал его.

— Насколько я понял, Учитель,— ответил я, стараясь выдерживать принятый здесь стиль общения,— этот Знак придает тому, кто с ним родился, способность использовать зло во благо. Вот про тех, кому Знак достался не от рождения, во всех этих книгах и текстах не говорится ровным счетом ничего. Кроме разве что той книги про татуировки...

— Вот именно,— кивнул Учитель почти одобрительно.— Это сочинение Якоба Левого — очень важный узелок на той нити, что связывает твой мир и этот. Но об этом чуть позже. Сейчас — о главном. Ты выбрал очень двусмысленный Знак. Знак, который воплощает в себе саму идею соблазна. Ведь именно соблазном и силен Лукавый. По крайней мере тот, что имеют в виду ваши библейские иносказания. Поэтому помеченные этим Знаком притягивают к себе силы, ставящие перед собой совершенно противоположные цели. В любом конкретном раскладе сил их всегда очень удобно делить на плохие и хорошие. Светлые и Темные.

Он замолчал. И поглядел на меня, иронически склонив голову набок.

— Насколько я помню, Сергей, у вас были свои соображения насчет того, что добро и зло слишком часто меняются местами, чтобы поверить, что и то и другое существует в чистом виде?

Я припомнил, что и впрямь говорил нечто в этом духе, и кивнул.

— Это, по-моему, очевидно.

— Гм... — Учитель провел ладонью между глазами и огнем камина.— И высказывания одного из популярных у вас авторов о том, что не бывает света без тьмы, тебе, наверное, тоже близки?

— У Булгакова сказано как-то немного по-другому,— постарался припомнить я.

— Но смысл его слов примерно такой,— улыбнулся мэтр.— Кстати, ты не забыл, что один из его героев именно за неудачную шутку о свете и тьме был наказан тем, что

довольно долго подвизался в свите того, кого автор окрестил Воландом?

— Это, Учитель, предупреждение, чтобы я не слишком увлекался такой философией? — осведомился я.

— Да нет... — снова улыбнулся Учитель своей всегда чуть сдержанной улыбкой.— Я веду речь к тому, что Темные не так уж и беспросветно темны, как их рисуют в ходячих байках. А Светлые — не так уж и светлы, как хотели бы выглядеть. В конце концов, они лишь видят в нас опасность для своего мира и для самого своего существования и стараются эту опасность устранить. Можно ли за это винить? Ты можешь мне изложить в двух словах, как тебе представляется расстановка сил в этом мире? Разумеется, из того, что ты узнал о нем самостоятельно.

Эта задачка была, конечно, посложнее.

— В основном,— начал я,— все, кто желал вообще поговорить о Темных...

Я замялся, и мэтр подтолкнул забуксовавший маховик моих откровений, вставив с едва заметной иронией:

— И, верно, таких желающих было не особенно много?

— Да,— признал я.— У меня как-то сложилось впечатление, что чем больше человек знает о Темных и их проделках, тем меньше он обо всем этом распространяется...

— Так со многими вещами обстоит дело... — пожал плечами Учитель.— И все-таки, что же ты получил в сухом остатке?

— Просто все сходятся на том, что эти самые Темные были когда-то хозяевами этих мест,— стал я излагать то немногое, что мне удалось уяснить в здешнем раскладе сил.— У них была своего рода монополия на здешнюю магию, но... Но, кажется, не на всякую. Затем сюда стало проникать все больше народу с Земли или из похожих на нее мест. Притом у них с магией дело обстояло много лучше, чем у Темных. Ну... в общем, они отступили в свой мир и занялись тем, что стали утаскивать туда землян, Меченных Знаками, и как-то так их обрабатывать, что

они превращались в наших э-э... в ваших врагов. Таким образом они пытаются остановить землян, а в конечном счете всех их здесь или уничтожить или подчинить себе. Вот в общем-то и все, что я понял, если в двух словах.

Я развел руками в знак того, что добавить особенно мне нечего.

— Ну... — произнес Учитель, рисуя дымом своей трубки какую-то сложную загогулину,— можно считать, что джентльменский набор сведений о здешнем противостоянии нас и Темных ты получил. И уже понял, что не все так просто, как кажется. Собственно, происходит достаточно простая вещь: борьба за узел, связывающий между собою несколько миров. Несколько Вселенных, если можно так выразиться. Они, эти Вселенные, между собой немного различаются. А узлом, который их связывает, является Странный Край. Скорее всего, только в нем и существует магия — по крайней мере та, которая нам известна.

— Учитель,— осторожно спросил я,— когда мне пришлось перебираться из нашего мира в этот, мне показалось... Да не показалось даже... Я был твердо уверен, что двигаюсь через... Ну, через внутренности какого-то живого существа. Громадного и... В общем, странное это было ощущение и в то же время...

Я не нашелся чем завершить свой вопрос. Учитель сурово глянул на меня через облако табачного дыма.

— Ну, вообще говоря, ты уводишь наш разговор немного в сторону... — проворчал он.— Но не буду оставлять твои вопросы без ответа. Да. Те измерения пространства-времени, которые соединяют между собой миры, это еще и логово монстра. Ты, наверное, не слишком интересовался физикой пространства-времени и, например, вопросом о том, сколько всего на самом деле существует измерений?

— Ну... — пожал я плечами.— Вузовская физика и популярные статейки... Всегда считал, что измерений три. Плюс еще время, с которым не поймешь, измерение оно или не совсем...

— В других мирах с этими вопросами обстоит получше,— бросил Учитель небрежно, словно говорил о чем-то само собой разумеющемся.— В общем, их — измерений— будет побольше, чем известная нам четверка. Но во все другие нам ход закрыт. Поэтому все наши органы чувств и не настроены, чтобы воспринимать информацию оттуда. Только в некоторых местах происходит пересечение измерений, в котором возможен контакт,— это Врата, порталы...

— А по-другому проникнуть туда мы не можем потому... — стал догадываться я.

— Потому что тамошние обитатели препятствуют этому,— кивнул мэтр, уже поняв, что я хочу сказать.— Это, повторяю, логово монстра. Или многих монстров. Я все-таки думаю, что одного-единственного. Но зато бесконечно разветвленного. Его иногда называют Червь Мироздания или Создатель миров. Последнее потому, что, возможно, Странный Край — это искусственный мир, как раз этим монстром и созданный. В отдельной четверке измерений. Почти все, кто касался этого вопроса, допускают, что Червь разумен. Хотя и не совсем так, как разумен, допустим, человек.

— Что-то вроде лемовского Соляриса? — попробовал уточнить я.

— Что-то вроде... — пожал плечами Учитель.— Польский философ настолько в общих чертах описал свой разумный океан, что его можно сравнивать с очень многими вещами сразу. А наш Червь до такой степени плохо поддается изучению, что тоже допускает очень широкое толкование своей природы. Но вот от Привратников, от этих забавных недомерков, можно порой узнать интересные вещи о нем.

— Они — это что-то вроде... Что-то вроде существ, которые приспособились обслуживать этого Червя? — попытался я уточнить свои расплывчатые представления о существах, встретившихся мне первыми в Странном Краю.

— Они — часть самого Червя,— ответил Учитель.— Одновременно его, так сказать, внутрикишечные то ли паразиты, то ли симбионты и его порождения. У них нет собственных органов размножения. Их яйца отпочковываются от тканей Червя и дозревают, потихоньку двигаясь к Вратам. И по дороге приобретают разную форму и разные функции. Это очень напоминает пчелиную семью или то, как обстоит дело в муравейнике. Червь в данном случае — гигантская «матка» в этаком улье-муравейнике, которым сам Червь и является.

Я потер лоб:

— Я, наверное, в этом никогда не разберусь до конца, Учитель. Но кое-что начинает становиться на свои места... Только вот... Откуда на Земле, где магия, говорите, не действует, взялись люди, Меченные Знаками? Там-то зачем это надо?

— Инкубатор... — снова как нечто, что должно было быть понятно с самого начала, бросил Учитель и пристроил трубку в тяжелой керамической пепельнице.— Меченные Знаком рождаются и выживают только в других мирах. Таких, в которых эти знаки ничего не значат. А здесь их губит магия. Еще в раннем детстве, а то и до рождения. Это в точности так, как обстоит дело с препаратом «Пробуждение», который ты уже на себе испытал. Когда несформированное еще сознание начинает командовать силами магии, то оно почти всегда разрушает само себя. Те, кто не погибает физически, становятся ущербным психически. Из них те, кто остается на свободе, крайне опасны. Да и те, кого содержат взаперти, тоже способны преподносить сюрпризы самого ужасного свойства. Раньше их просто повсеместно уничтожали. Когда могли с ними справиться, конечно. Теперь времена считаются куда более мягкими. Но не строй себе иллюзий. Если им и сохраняют жизнь, то только для того, чтобы как-то использовать. И редко когда во благо. За такими— ущербными магами — тоже идет охота. И Темные в первых рядах охотников.

— Так... — Я постарался вернуться к вопросу менее запутанному. По крайней мере более важному для меня.— Значит, моего брата Романа уволокли к себе Темные. Наверное, чтобы и меня переманить к себе. Убивать его им незачем... Уж тогда от меня им ничего хорошего ждать не пришлось бы... Разве что это у них вышло случайно... Ну и чего теперь от них ожидать мне?

— Весточки,— коротко бросил Учитель.— Удивительно, что к тебе с этим еще не подкатывались. Кстати...

До этого момента он неторопливо расхаживал по кабинету, а теперь остановился и внимательно пригляделся ко мне.

— Скажи, Сергей... — спросил он ласково.— Ты уверен, что не получал чего-нибудь в этом роде? Письма? Какого-нибудь странного м-м... сувенира... Никто не заводил с тобой странных, скажем так, очень странных разговоров?

— Здесь много приходится слышать странного,— ответил я несколько неопределенно.— Тем более что со здешними языками я не совсем «на ты»... Но мне казалось, что никто не намекал на мои... На историю с братом.

— Ну что ж... Может быть, ты чего-то не замечаешь,— как-то подозрительно быстро согласился со мной мэтр.— А может, у них там не заладилось что-нибудь. Ну что ж,— повторил он,— будь внимателен, жди... И, пожалуй, действительно, займись рунами. Я напишу мэтру Лиману. Это мой хороший знакомый и хороший специалист по письменам Темных. Тебе будет невредно позаниматься с ним.

Мэтр ничем не выразил своего недоверия ко мне. Но тот периметр, который очертили вокруг меня его слова «ты уверен, что не получал чего-нибудь в этом роде?», «странный сувенир», «действительно — займись рунами», подсказывал мне, что Учитель о многом догадывается и сейчас просто ведет со мной какую-то игру. Причем ведет ее, кажется, с моего согласия. В конце концов не так уж трудно было незаметно обыскать мой нехитрый скарб и найти в нем потертый золотой кругляк. Впрочем, и без

этого я много раз мог выдать себя чем-то. Здешние учителя могли быть кем угодно, но только не плохими психологами.

— Мне, пожалуй, пора двигаться домой,— сказал я, поднимаясь из кресла, с которым уже успел основательно сжиться.— На сегодня у меня уже есть о чем основательно подумать на сон грядущий.

— Размышлениям лучше посвятить утренние часы,— посоветовал мне мэтр.— В тишине и покое. А вечерние на ветреной улице удели лучше заботам о своей безопасности. Хотя Убежище и защищено многими уровнями магии да и обычными мерами от проникновения враждебных влияний... Все-таки не пренебрегай, Сергей, и такой мерой, как простая осторожность в ночное время.

* * *

Этот совет Учителя, данный мне на прощание, настроил меня на несколько нервозный лад. Поэтому, подходя под моросящим холодным дождем пополам со снегом к своему жилищу, я замедлил шаг, заметив нечто вызвавшее у меня беспокойство. Под навесом, у слабо освещенного входа в небольшой трехэтажный корпус моей «общаги» притулилась к косяку незапертых дверей крепко сбитая коренастая фигура.

Только когда огонек зажигалки высветил бородатую физиономию ночного незнакомца, а затем перед ней засветился дымный огонек раскуриваемой трубки, я сообразил, что незнакомец этот мне хорошо знаком.

— Привет, Теренс! — окликнул я его.— Уж не меня ли тут дожидаешься?

Наверняка в моем голосе слишком отчетливо прозвучало облегчение.

Старый Ходок окинул меня ироническим взглядом и, хмыкнув, тихо заверил:

— Именно тебя, Серж. Именно тебя...

— Ну так пошли ко мне,— кивнул я на тускло светящиеся стекла входной двери.— Ты вообще-то сразу бы

заходил и ждал меня где-нибудь внутри. Там места хватает...

Теренс покачал головой и поднес палец к губам.

— Ну, во-первых, сегодняшний дежурный очень косо смотрит на курящих в его зоне ответственности. А во-вторых, не надо мне «светиться» здесь. А тем более с тобой вместе.

— Что так? — поинтересовался я, прислоняясь рядом с ним к успевшей отсыреть стене пансиона.— Случилось что-нибудь?

— В общем-то да,— кивнул он и затянулся табачным дымом так, что трубочка его засипела.

— Удалось найти Тагару или его предка? — поинтересовался я с деланным равнодушием.

— Не только,— нервно бросил он и снова засипел трубкой.— Ты интересовался Тагарой, его отцом... Но ты ведь и своим братом еще интересовался... Правда, как-то отдельно...

Адреналин — или что там выбрасывается в кровь в таких случаях — кольнул меня в кончики пальцев. Невзирая на холодный ветер, пот мелким бисером выступил у меня на лбу.

— В общем,— торопливо пробормотал Теренс,— вычислил я одного из наших... Такого, который письма от Ходоков сюда передает. И наоборот... Кто, что, чего — не суть важно. Главное, что у него как раз письмецо было. От твоего Тагары к отцу его — Грегори. Ну, в общем— о каких-то здешних делишках, но и о тебе и твоем брате пара слов. Я все это переписал от руки — по-другому наш «почтовый голубь» не позволил. Прочитаешь дома.

Он сунул мне в руку скомканный листок бумаги:

— Тогда поймешь, почему я слегка вибрирую... Дело завязано на Темных. Завтра, ближе к закату, лови меня где обычно.

Ох уж эти здешние «сразу после рассвета», «около полудня» и «ближе к закату»... Заклинания мира, живущего в разладе с часами.

— Это... — неуверенно спросил я.— Это стоило тебе денег?

Теренс презрительно фыркнул:

— Ничего. Угостишь меня табачком от своего мэтра и, считай, мы в расчете.

Он зашелся кашлем заядлого курильщика, прикрыл трубку полой кожаной куртки и провалился в ночь, ветреную и дождливую.

* * *

Торопливые каракули Теренса я прочитал, еще не добравшись до своей кельи. Пристроился в одном из небольших зальчиков-рекреаций, где здешние жители перебрасывались в кости и картишки, тихо болтали друг с другом или просто отдыхали от четырех стен своих келий. В зависимости от настроения очередного дежурного здесь не возбранялось (или, наоборот, возбранялось) курение — редкий здесь грех или употребление пива — грех более частый. Но в эту ночь здесь, в выбранном мной зале, было пусто.

«...Оказалось,— писал Тагара своему отцу,— что тот человек, который помог мне добраться в Рикк с территории племен (я тебе писал о нем), ищет здесь своего брата. Должно быть, это тот паренек, которого теперь ищут черные Ходоки. Темные потеряли его где-то в Рикке. Если ты, на своей стороне Червя, узнаешь что-нибудь об этом парне, я очень хотел бы связаться с этим Сергеем. Но его плотно охраняют Учителя. А ты сам знаешь, что и у тебя, и у меня с Учителями отношения сложные. Да и не могу ему пока помочь ничем. Но я думаю связаться с ним через Баума из Подземной Часовни. Он, конечно, парень трусливый, но я знаю к нему подход, а он знает, как обойти Учителей. Может, он вскоре поможет мне встретиться с этим Сергеем...»

По всей видимости, это было все, что имело в письме отношение ко мне, грешному. Я как можно аккуратнее свернул записку и упрятал ее в карман. Подойдя к своей

двери, я снова ощутил укол тревоги и не сразу понял его причину. Только через секунду-другую, уже ища в кармане ключ, я сообразил, в чем дело, из-под двери тянуло сырым сквозняком.

А ведь уходя, еще при виде дождевых облаков, собирающихся в небе, я плотно прикрыл окно... Подумав немного, я вернулся в комнату отдыха и прихватил оттуда предмет, который мог хоть как-то сойти за оружие — тяжелый декоративный подсвечник, потом вытащил из кармана ключ и, держась в стороне от проема двери, вставил его в скважину и тихонько повернул. Замок, слава богу, был неплохо смазан.

Рывком я открыл дверь.

Не последовало ровным счетом ничего. В комнате было холодно и сыровато. Лампа под потолком уже была отключена дежурным, но свет, падавший из коридора, помог мне различить худенькую фигуру, клубком свернувшуюся на моей лежанке. Непрошеный гость крепко спал. Я потрепал его по плечу и тихо позвал:

— Вставай, Тагара...

Глава 6
МАГИ И ЛАБИРИНТ

Тагара проснулся и принял положение «сидя» молниеносно. Словно и не думал спать. Он одновременно был готов радоваться мне, драться с неожиданно подкравшимся недругом и пуститься наутек от неведомой опасности.

— Чай пить будешь? — осведомился я, затепливая припасенную в качестве меры супротив капризов дежурного свечу.

При свете этого нехитрого осветительного прибора я рассмотрел мальчишку повнимательней. Он явно нуждался не только в чае. Ребра у него стали выпирать гораздо заметнее, что было нетрудно определить по обтянувшей его поношенной футболке, щеки порядком ввалились.

Ноги, прикрытые сильно вытертыми и драными джинсами, были босы и исцарапаны. Я молча достал с полки свой энзэ — кус ветчины местного копчения и порядком зачерствевшую горбушку здешнего хлеба.

— Ты чего окна не закрываешь? — спросил я, ставя на стол-подоконник термос с крепко заваренным чаем и начиная кромсать хлеб и ветчину недавно выигранным в кости штыком.

Мальчишка покосился на отворенное в осеннюю ночь окно, в которое порывы ветра время от времени вбрасывали холод и водяную пыль. Перед окном на полу образовалась уже порядочная лужа.

— Если бы пришли за тобой... Или за мной... Я бы не успел открыть... — сбивчиво объяснил он.

— А что — могут прийти? — осведомился я, двигая к нему тарелку с накромсанной едой и кружку с чаем.

— Могут! — тряхнул головой Тагара и впился зубами в сделанный мною на скорую руку бутерброд.

Он попытался объяснить мне еще что-то, но я с трудом понимал его, поскольку рот его был набит едой и к этому добавлялось еще бульканье глотаемого чая. Чтобы не терять зря времени, я в двух словах пересказал ему все, что только что узнал от Теренса и из его записки, скопированной с письма Тагары. Мальчишка удивленно выпучил глаза. Секунду-другую мне казалось, что он сейчас выплюнет недожеванные хлеб и ветчину, дабы словами выразить что-то смертельно удивившее его. Но для этого он был слишком голоден и только протянул руку — схватить записку, которую я прочитал ему. Пока он читал, глаза его все больше и больше расширялись.

Прожевав-таки и проглотив еду, Тагара наконец выпалил:

— Я... Я не писал этого. Я вообще сейчас не знаю, как написать отцу. И потом... Я ведь даже не знал, что у тебя где-то здесь есть брат...

Тут пришла очередь делать большие глаза мне. Но удивляться приходилось пока что лишь собственной доверчивости. Ведь я действительно ни словом не обмол-

вился Тагаре о существовании Ромки. Впрочем, из записки и не следовало, что он узнал об истории с похищением брата именно от меня. «Выписка» была составлена достаточно хитро.

— Ну в таком случае, почему ты пришел ко мне? — спросил я и плеснул чаю и себе.

— Я хотел тебя п-предупредить... — слегка заикаясь от охватившего его волнения, выдавил из себя Тагара.— Тебя могут украсть. Или убить. Темные Ходоки.

Я уставился на него испытующим взглядом, который уже успел перенять от мэтра:

— Это ты о ком?

— О тех двоих, с которыми ты ходишь по вечерам... Теренс и Крикмор... О них говорят плохо...

— О них обоих? — уточнил я.

Тагара затряс головой:

— Я не знаю — кто из них... Но есть люди, которые в таких вещах разбираются... Они сказали, что есть приметы... В общем, тебя, кажется, хотят заманить...

Я взял мятый листок у него из рук и чуть-чуть помахал им в воздухе.

— Вот этим?

Тагара судорожно кивнул:

— Да! Наверное...

— Тагара,— спросил я, выливая в его кружку остатки чая из термоса,— а почему ты вот так исчез и не появлялся? Я уж думал, что ты забыл про меня. А вот теперь оказывается — вовсе и нет. Даже про черных Ходоков что-то узнал...

Мальчишка завертел головой так, словно вдруг воротник стал ему тесен:

— Там... — Он ткнул рукой в записку Теренса.— Там правильно сказано... Мне нельзя здесь часто показываться Учителям. У отца с ними действительно сложные отношения. Ну получается, что и у меня тоже...

— Значит, тот, кто это писал,— я снова пошевелил бумажкой,— хорошо о твоих делах осведомлен?

Тагара как-то безразлично пожал плечами, словно речь шла о чем-то само собой разумеющемся.

— Вот что... — сказал он.— Я понял. Тебя как раз и хотят свести с этим Баумом...

— С Баумом из Подземной Часовни?

— Ага... — кивнул Тагара.— Тут есть такая — в холмах, неподалеку. О людях оттуда дурная слава... Может, эти твои дружки — Теренс и Крикмор... Может, они и не темные Ходоки вовсе. Может, им специально такую штуку подкинули... — Он кивком указал на помятый листок.— Чтобы тебя заманить. Ты... Не ходи, в общем, туда...

Я сунул записку во внутренний карман куртки.

— Знаешь, Тагара... — вздохнул я.— Я обо всем этом посоветуюсь с Учителем...

Мальчишка судорожно затряс головой, пристально уставившись мне в глаза.

— Понимаешь,— извиняющимся тоном объяснил я,— у меня не должно быть секретов от... Ну, ты понимаешь... О тебе я не буду говорить. В смысле — о том, что сегодня мы встречались.

Тагара нервно сглотнул, потом кивнул.

— Я буду рядом,— звонким шепотом пообещал он и, вскочив на стол, за какие-то три-четыре секунды исчез в окне.

Я задвинул раму на место и тяжело шлепнулся на лежанку. Задул свечу. В темноте легче было думать. Сон пришел незаметно, и проснулся я оттого, что во сне снова услышал звонкий шепот Тагары: «Ты... Не ходи, в общем, туда...»

* * *

И все-таки на закате следующего дня — а день этот оказался отменно длинным — я ждал появления Теренса в лавке табачного торговца. Этому, разумеется, предшествовала далеко не легкая беседа с мэтром Герном с глазу на глаз.

— У тебя, однако, прорезался нюх, ученик,— пробормотал Учитель, выслушав меня и повертев перед глазами записку Теренса.— Кажется, этот твой знакомец из Ходоков не так уж прост и не так уж светел, если ты усмотрел в нем какое-то темное пятнышко? Или тебе кто-нибудь подсказал мысль о черных Ходоках?

— Можно сказать, что и подсказал,— дипломатично ответил я.— Точнее, подсказали. Стоит с кем-нибудь словом обмолвиться о Ходоках, и тут же вам расскажут одну-две байки про Ходоков черных... Трудно эти россказни не примерить к своему случаю.

— М-да... — заметил мэтр, извлекая из ящика стола свой кисет.— Ты задал мне задачу на пару трубок табака... Так, кажется, любил говаривать один литературный герой? Ну что ж... Не стану снова травить тебя дымищем. Поработай лучше с головоломками в мастерской. Ко мне подойди... Впрочем, я сам позову тебя...

«Работа с головоломками» была сущей мукой. Хотя бы потому, что примерно треть из них принципиально не могла быть разгадана иными методами, кроме магических. Однако мэтр считал, что это занятие очень хорошо развивает. Он очень гордился тем, что некоторые из этих дьявольски хитрых, хотя и простых на вид устройств, усовершенствовал или даже придумал он сам. Нового вызова пред светлы очи Учителя мне пришлось ждать, как мне показалось, вечность. На самом же деле, я думаю, мэтр предавался размышлениям не более часа-полутора. Просто время в Странном Крае было субстанцией весьма субъективной.

* * *

Так или иначе когда я вошел в кабинет мэтра, то накурено там было основательно. Узкого, забранного причудливым витражом окна Учитель не открывал — из соображений конспирации, что ли? Кроме табачного духа в комнате присутствовал еще один дух. Дух этот воплощал строго одетый — по всем канонам Ордена Светлых Сил —

тип. Тип был основательно согбен годами, хитер на вид и наделен внушительной бородавкой на носу.

— Будь знаком, ученик,— коротко представил типа мэтр.— Мэтр Цокки — второй человек в системе обеспечения безопасности Светлых Сил. Очень удачно, что дела привели его в риккейское Убежище именно в эту пору. Я уже коротко пересказал ему суть твоих проблем. И мы обсудили их немного. Теперь я хотел бы знать твое мнение о тех решениях, к которым мы пришли...

— Как я понимаю,— вступил в разговор мэтр Цокки,— вы не обделены такими качествами, как смелость и решительность, молодой человек?

— Мне случалось быть под пулями,— ответил я.— Случалось самому принимать решения, от которых зависела не только моя жизнь. Вы все это обо мне знаете. Но это было не в этом мире... Здесь играют как-то... не по тем правилам, что там.

— И как ты смотришь на то, что мы рискнули предложить тебе все-таки шагнуть в эту ловушку?

— Шагнуть просто так — в качестве живой приманки? Без подстраховки? — ответил я вопросом на вопрос.

Вопрос был, конечно, вполне риторическим. Оба мэтра позволили себе слегка улыбнуться. Но многого их улыбки не обещали. Учитель подошел ко мне и положил руку на плечо.

— Конечно, мы будем тебя подстраховывать,— серьезным и даже поскучневшим голосом заверил он меня.— И на обычном, и на магическом уровне. Как только появятся признаки реальной опасности, мы выдернем тебя из ситуации, как морковку из грядки. Можешь быть спокоен. Но...

Он присмотрелся к выражению моих глаз.

— Но раз уж тебе приходилось бывать под пулями и принимать решения... ты хорошо понимаешь, что никакая, самая лучшая страховка никогда не избавляет от риска. И только пройдя испытание, ты можешь понять, каким на самом деле был риск, на который ты пошел.

Он снова присмотрелся ко мне:

— Ты уверен, что ни с кем больше не поделился своими подозрениями относительно той «весточки», что тебе передали? Или что Теренс ни с кем этой информацией не поделился?

Я пожал плечами. Приходилось врать напропалую. Хотя в конце концов подозрениями делился не я с Тагарой, а Тагара — со мной. Я, как водится в таких случаях, ответил на заданный вопрос, но не совсем:

— Разумеется, в курсе дела тот, у кого он эту весточку переписывал. Если он, конечно, не сочинил ее сам. Но Теренс не назвал имя этого «почтового голубя».

— Это уже наша забота,— неопределенно махнул рукой мэтр.— Твоя задача сейчас не накачиваться адреналином и быть совершенно спокойным. Как перед атакой.

Быть спокойным и в то же время готовым ко всему... Этому меня учили не только маги Странного Края, но и — еще давно, в конце детства — темные пасти подворотен. А потом — уже по-настоящему — пыль бесплодных склонов гор чужой страны... Так что Учитель мог на меня положиться.

— Мой брат... — тихо спросил я его.— Не получится так, что это ему придется платить за тот риск, на который пойду я? Если противник поймет, что он обманут...

— Это исключено! — резко вмешался в разговор мэтр Цокки.— Мы обеспечим такое прикрытие, что на тебя не сможет пасть даже тень подозрения, что действуешь в сговоре с нами.

Он даже поднялся с кресла и подошел ко мне вплотную.

— Зато если ты сыграешь свою роль хорошо, ученик,— произнес он, подкрепляя каждое свое слово выразительными взмахами правой руки (левой он вцепился мне в локоть),— то сделаешь для своего брата очень многое!

— Тогда не стоит меня уговаривать дальше,— остановил я его.— Просто объясните мне, что, по-вашему, я должен делать.

— Во-первых, молчать о нашем сегодняшнем разговоре,— усмехнулся Учитель.— И во-вторых, вступить в

переговоры непосредственно с представителем Темных. А теперь — садись и слушай...

* * *

Я, разумеется, не стал торчать в лавке Прокуренного Вана, привлекая к себе внимание всех встречных и поперечных. Я выбрал небольшую кофейню по диагонали от табачной лавки и принял первое же предложение сразиться в шахматы за чашечкой крепкого кофе.

Кофейня эта определенного имени не имела и являлась более шахматным клубом, нежели заведением общественного питания. Впрочем, нарды и даже кости здесь были в ходу. Только вот карт тут не признавали. Противником моим в этот раз был смуглый и усохший от беспрерывной игры тип по имени (или прозвищу) Туркеш. По отзывам знатоков игрок он был невеликий, но многоопытный, и игра была его заработком. Тоже невеликим, но гарантированным. Впрочем, с новичками вроде меня играть на деньги Туркеш брезговал.

Присмотр за входной дверью и витриной табачной лавки отвлекал на себя основное мое внимание, и я профукал Туркешу уже не одну партию, когда наконец потертая куртка и непокорная шевелюра Теренса не возникли в поле моего зрения. Туркеш к этому времени успел порядком разочароваться во мне как в сегодняшнем партнере. Удерживать меня за доской он не стал и только вздохнул с облегчением, когда я оборвал партию на середине своей полной и безоговорочной капитуляцией.

Я дал Теренсу поболтаться в лавке и перехватил его снова уже на улице, когда он свернул за угол.

— Конспиратор! — бросил он, покосившись на меня.— Я уж думал, что ты сам отправился на поиски обоих мальцов... Или что тебя застукал твой мэтр...

— Ни то ни другое,— буркнул я.— Просто Учитель заметил, что я немного вибрирую сегодня. А я заметил, что он заметил... И поэтому осторожничаю. Но давай — по делу.

— По делу так по делу,— согласно кивнул Теренс и повернул в сторону «нашей» рощицы.

Некоторое время мы шагали молча, косо поглядывая друг на друга. И уже на подходе к роще Теренс возобновил наш разговор.

— Я думаю,— произнес он,— что у тебя, как парня головастого, уже созрел свой план. И, кажется, я догадываюсь какой. Знаешь почему?

— Ну... — иронически развел я руками.— Должно быть, по причине вашей исключительной догадливости, Ходок.

— Ценю твой юмор,— отозвался он снисходительно.— Да нет, дело не в моей сообразительности, а в том, что план при таком раскладе может быть только один. Впрочем, я тебя слушаю. Может, ты перещеголял и Господа-Бога и Мать-природу и изобрел какой-нибудь новый финт...

— Никаких финтов,— отмахнулся я.— Все очень просто. В письме назван был только один человек из тех, кто может мне помочь связаться с Тагарой. Некий трусливый Баум из Подземной Часовни. Тагара хочет к нему найти подход. Может, и я найду?

Мы уже были в роще и остановились у пары уютно расположенных пеньков, сидя на которых мы и вели обычно наши беседы. Вот и сейчас мы заняли свои привычные места. Где таились те зоркие глаза и чуткие уши, что были моими спутниками в этот раз («А только ли в этот?» — подсказал демон подозрительности), я не знал.

— Все верно,— кивнул мне Теренс.— Так я и думал.

Он принялся хлопать себя по карманам в поисках только что прикупленной пачки табака.

— Ну а раз думал, то и придумал кое-что,— продолжил он.— Так, поговорил слегка с Баумом этим. Почву прощупал. Еще вчера. До того, как с тобой встретиться. В общем, он к тому готов. Но пара ночей еще потребуется, чтобы тебя свести с ним... Постарайся придумать подходящую причину для того, чтобы в одну из ближайших двух-трех ночей отлучиться из своей комнатушки. Сам

знаешь — за такими, как ты, здесь присматривают... Постарайся не вызывать лишних подозрений. И главное — чтобы никто не увязался за тобой.

— Ты думаешь, мне так легко придумать что-нибудь толковое и объяснить мэтру, что я делаю на свежем воздухе по ночам? Я, честно говоря, не понимаю этих тайн мадридского двора...

— В конце концов, тебе это надо больше, чем кому-либо,— пожал плечами Теренс.— И секретить все на свете в этой истории — тоже не моя выдумка. Люди просто не хотят отмечаться в таких делах, вокруг которых крутятся Темные.

Я согласно кивнул. Действительно, не стоило разыгрывать из себя слишком уж осторожного парня. Так, значит, мне предоставляется пара-тройка здешних «неоднозначных» суток на подготовку. Интересно, зачем им такой тайм-аут? Хотят, чтобы все выглядело естественно? Или есть желание за это время проверить меня? Ладно, не будем гадать.

— Вот что,— несколько неожиданно предложил тем временем Теренс, слегка почесав в затылке.— Отчего бы тебе не увлечься астрономией, парень? Таких новичков, как ты, здешние небеса просто сводят с ума. Даже странно, что тебя это как-то не волнует.

Нельзя сказать, что движение здешних небесных тел не повергало меня в изумление. По всей видимости, они — тела эти — были своего рода «филиалами» украшений нашего, земного неба. Так же, как Странный Край был «филиалом» родной Земли. Я уже не говорю про капризное солнце этого края. По крайней мере луна не забывала показываться на его небосклоне. Хотя, похоже, не очень стремилась оставаться повернутой к зрителям все время одной стороной. Узнаваемы были также Венера и Марс. Вот Млечный Путь здесь был странен и немного даже жутковат на вид.

Не будучи ни Кеплером, ни даже просто астрономом-любителем, я бы не взял на себя смелость утверждать, что здешние миры вращаются вокруг светила именно по

эллиптическим орбитам, а не, скажем, по грушевидным или еще каким-то. Так или иначе, все эти особенности здешнего Мироздания не были для меня первоочередным делом. Мысли о них я просто выбрасывал из головы. Мир Странного Края я без лишних премудростей принимал как данность, не мной и не для меня выдуманную.

Впрочем, предложение заняться делами небесными удивило меня только на пару секунд.

— М-да... — понимающе ответил я.— И в самом деле, странно, что я так редко запускаю глаз в небеса. А ведь хорошее занятие. Ночью, в тишине... Устроиться с каким-нибудь биноклем на лоне природы и попутешествовать по здешним звездам. Должно быть, успокаивает нервы, как рыбалка.

— И главное,— заметил Теренс,— хороший повод забраться подальше от освещенных улиц. Свет окон, фонарей, он, знаешь ли, мешает...

Теренс озаботился тем, чтобы «раскочегарить» свою трубочку, и добавил:

— А насчет бинокля можешь не волноваться. В лавке Джи-Джи всякого оптического хлама — навалом. Я недавно у него даже «Квестар» видел старенький, с Большой Земли привезенный. Если дороговато запросит, возьми только на недельку-другую попользоваться. Ну и мэтра своего порасспрашивай о том о сем... Чтобы твои ночные прогулки его не особо удивили...

* * *

Что ж, Теренса бог фантазией не обидел. Возможно, что в других обстоятельствах мэтр и впрямь проглотил бы выдумку о моем неожиданном увлечении астрономией Странного Края. Но в рамках наших с ним планов он, разумеется, был хорошо осведомлен об истинных целях предстоящих мне ночных вылазок.

Впрочем, тема устройства здешнего Мироздания не оставила его равнодушным. Он даже похвалил выбор «крыши» для моих встреч с Баумом.

— В конце концов, должна же у тебя быть в голове хоть какая-то картина здешнего мира,— заметил он, выслушивая мой утренний доклад о наших с Теренсом планах.— Если ты думаешь, что мы, Учителя, всеведущи в этих вопросах, то как и все здесь, ошибаешься. Мы ведь всего лишь потомки таких же выходцев с Большой Земли. Учились у Привратников, друг у друга... Даже — было дело — и у Темных учились. Что-то теперь понимаем, а чего-то и нет. И почти каждый из нас понимает этот мир по-своему.

Он подошел к окну и приоткрыл его, впустив в кабинет утреннюю свежесть. Даже ночную еще... Сегодняшний рассвет был затяжным. Мэтр некоторое время смотрел на узкий серп луны и россыпи звезд, еще не успевшие исчезнуть с темного небосвода.

— Вот я, например,— продолжил он,— представляю себе дело так, что Странный Край — это еще и модель... Этакая смешанная модель нескольких миров, в которые выходят «ветви» Червя Мироздания. И в этой модели он и устанавливает свои законы. В каких-то ему одному ведомых целях. Если, конечно, у него есть вообще цели. И в целом эти законы не очень совпадают с теми, что правят «земным» Космосом. Мне кажется, что различия тут возрастают по восходящей в зависимости от масштабов явлений.

Элементарные частицы и радиоактивные атомы здесь распадаются и живут в точности так же, как и в Москве или в Беркли. Химические реакции, если и чудят, то редко. Вирусы, микробы, клетки и ткани отличаются от своих земных братьев и сестер неощутимо. Вот целые организмы... те из них, что наделены сложным поведением, а особенно разумом, как мы с тобой, порой ведут себя странно. Могут взаимодействовать со здешней магией. Это ты имел возможность заметить...

А вот там, где уже начинается строение планеты, ее география... Тут всякое встречается из того, что на матушке-Земле просто невозможно. А уж когда речь идет о масштабах космических, остается только развести ру-

ками. Скорее уж эта планетная система подчиняется каким-то законам, близким к квантовым, чем привычной тебе механике Ньютона... Время от времени все здесь меняется. Скачками. Разительно. Одно только и могу сказать: система эта устойчива, существует она если не миллионы лет, то сотни уж наверняка... По крайней мере, этот самый Якоб Левый, которому ты обязан своим Знаком, уже застал здесь вполне развитое Средневековье — со своей историей, культурой, искусством...

— Так он побывал здесь? — спросил я.— Этот самый Якоб? Знаешь, Учитель, ты мне очень мало рассказывал про этого человека. Я как-то не понимаю, что он делал со здешней магией там, как вы здесь все говорите, на Большой Земле, где никакой магии нет. И вообще...

— И вообще у нас основное время уходит на тренировки и тесты, вполне пока безрезультатные,— кивнул Учитель.— Честно говоря, просто не хочется забивать тебе голову всякой всячиной, не нужной тебе там, куда ты так хочешь вернуться.

Я уже давно догадывался, что причиной исключительной экономии Учителя по части выдаваемых мне сведений о Странном Крае были нежелание или запрет на утечку информации — со мной вместе — на Большую Землю. Но за последнее время это нежелание или этот запрет порядком ослабли — судя по темам, на которые все чаще переходил Учитель. Это и нравилось мне, и тревожило одновременно. Может быть, конечно, причиной возросшей откровенности мэтра было то, что мы с ним вступили в какое-то подобие заговорщицких отношений — против затеи Темных. Но, может быть, у него просто все более крепла уверенность в том, что на Большую Землю мне вернуться просто не суждено.

— Да, Якобу суждено было — правда, только к концу его жизни — побывать здесь. Но жизнь эта, практически вся, была посвящена отысканию пути в Странный Край. Ему еще в ранней молодости выпало сомнительное счастье найти зашифрованные дневники своих предков. А среди них было несколько Ходоков по Мирам. И великой тайной

его существования был поиск тропинок, ведущих в эти места. Он зарабатывал на жизнь, скажем честно, мошенничеством и трюками, шатаясь по всей Европе и побывав в разных частях Азии и Африки. Некоторое время он слыл самым таинственным из алхимиков и знатоков тайных наук в подлунном мире. Впрочем, в искусстве татуировки и ее символике Якоб разбирался действительно лучше, чем кто-либо до него и после. Но почти весь свой заработок он израсходовал на поиск Ходоков, скрывавшихся среди его живых современников.

Учитель покопался на одной из полок и вытащил из горы бумаг пару ксерокопий старинных, довольно примитивных гравюр. Разложил их на столе передо мной. На гравюре был изображен бородатый мужик. На одной он был в камзоле, на другой — в каком-то балахоне. Может быть, в мантии. Искусство художников не отличалось изысканностью, а сами рисунки — большим сходством.

— Вот так его изображали современники,— пояснил мэтр.— Впрочем, слава о нем была недолгой. Скоро он был почти полностью предан забвению. Во многом стараниями конкурентов и проходимцев, которые основательно нажились на нем. Но по крайней мере одного Ходока, который провел его в Странный Край, он таки нашел. И пробыл здесь довольно долго, облазив все доступные для человека уголки этого мира. Здешние маги сначала бойкотировали его, но потом ему удалось привлечь их к себе. И свою книгу о магии тату он составлял именно для здешнего мира. Для того чтобы закончить ее, ему пришлось снова вернуться в «земной» мир. Но он выбрал для этого неподходящее время. То был период эпидемий. Во время очередного шествия бубонной чумы по Европе он и сгинул.

Учитель сложил портреты Якоба и вернул их на полку.

— Считается,— вздохнул он,— что сохранилось всего лишь три экземпляра его книги. Все три — неполные. Но перекрывающиеся. Охотники за Знаками, конечно, досконально изучили их. А твой Яша Шуйский каким-то образом умудрился раздобыть копию четвертого. Он —

очень сложный персонаж во всей этой истории, этот тезка Якоба Левого. Явно он знал много больше, чем рассказал тебе.

— Я в этом никогда не сомневался,— отозвался я.— Только в то время его тайны меня не волновали. Я не принимал всего этого всерьез.

— Таких людей у вас там никто не принимает всерьез,— понимающе кивнул мэтр.— И может быть, это к лучшему. Яша... — задумчиво повторил он.

В его устах это имя звучало как-то на иностранный манер.

— Похоже, что он крутил какой-то роман с Темными,— продолжил Учитель. Или, скорее,— с черными Ходоками (Сами Темные слишком заметны в вашем мире). И мы этот роман проглядели. Только когда твои «крестные» вышли на тебя — совершенно случайно, кстати,— стало ясно, что мы кое-чего не знали о двух Яковах...

— Кстати... — повторил я в духе как-то прихотливо вьющегося русла нашего разговора.— Эти мои «крестные»... Все-таки они — кто? Ваши они или земляне? И как у них обстоит дело с магией?

Учитель улыбнулся чему-то:

— Такие, как Трой и его люди, можно сказать, просто наемники. Я уже упоминал охотников за Знаками. Вот они из таких. Среди них есть и земляне и наши. Там у них, конечно, не те имена, которыми они называют друг друга здесь. Это — посольство Светлого Ордена на Большой Земле. Среди них есть и опытные Ходоки, и решительные оперативники, и высоколобые эрудиты. Работа у них деликатная и специфическая. Но нам есть чем с ними расплачиваться. Магия — штука прибыльная.

Мэтр снова подарил мне одну из своих невеселых улыбок.

— Конечно, они не очень-то нежно обошлись с тобой, но в целом охотники — народ вполне безопасный. Однако есть и другие. Из тех, что нашли дорогу сюда сами... Они появились тут не так давно и зарекомендовали себя так, что от них стараются держаться подальше. Впрочем, пока

мы терпим их, а они — нас. Иногда даже помогаем друг другу. Но они потенциально опасны.

— О ком ты, Учитель? — с тревогой переспросил я.

— Ты с ними немного пообщался,— снова улыбнулся мэтр.— Там, на плато. Военщина. У них свои цели и задачи. Они пытаются создать здесь что-то вроде плацдарма. Запасной базы, на которой можно накопить оружие, боеприпасы, целую армию... И с этим снова прийти на Землю. Вернуть себе то, чего их лишили за последние десятилетия.

Мэтр снова замер у окна, за которым все никак не кончался сумеречный рассвет. М-да, чтобы переварить такую информацию, требовалось время. Мэтр мне на это выделил несколько минут. Потом он отбарабанил по подоконнику короткую дробь и коротко бросил:

— Были и раньше такие попытки. Но не столь масштабные и последовательные. Похоже, что этих бравых вояк поддерживает кто-то с той стороны. Кто-то очень сильный и влиятельный.

Он резко отвернулся от окна и энергично потер замерзшие, наверно, на утреннем ветру сухие ладони.

— А теперь — ближе к делу! Как ты понимаешь, мы в эту ночь тоже времени зря не теряли. И наш общий знакомый, знаешь ли, ничем себя не обозначил. Никаких попыток установить контакт с Темными он не предпринимал. Это, правда, ни о чем еще не говорит. А вот Баум и Подземная Часовня — это нечто более сложное. Очень закрытая система. Сам в нее не суйся. Каждый твой шаг мы будем дублировать.

— Послушай, Учитель,— встревоженно спросил я.— Как я понимаю, вокруг меня будут ошиваться и Темные, и ваши люди. Как мне отличать одних от других?

— Ты просто не заметишь никого из них,— вяло махнул рукой мэтр.— Пока забудь обо всем этом, и займемся твоим непосредственным делом — учебой на мага.

Он решительно глянул мне в глаза и сделал жест «отбрось все». Потом, уже спокойно и ровно, добавил:

— Сегодня до обеда у тебя будут обычные занятия со мной. А затем с тобой поговорит довольно интересный человек. Мэтр Лиман. Специалист по рунам Темных. Я тебе говорил о нем... Он счел возможным по дороге завернуть ко мне на недельку-другую в ответ на мое письмо. Хотя эти несколько дней и не сделают из тебя профессионала в этой области, он определит направление, в котором тебе надо будет двигаться, если сможешь изучать эту премудрость самостоятельно.

За окном наконец начал заниматься день.

* * *

С мэтром Лиманом мне пришлось общаться не два-три дня, как я предполагал, а немного подольше. Ну, во-первых, потому, что Теренс порядком затянул свой «выход» на таинственного Баума. Потом на это наложились и другие обстоятельства, на которых остановлюсь позже.

Сам мэтр оказался человеком суховатого телосложения, добродушного характера и белесым, словно выцветшая на солнце ткань. В тон своей негустой шевелюры он был облачен в аккуратнейшие одежды, фасон которых наводил на мысли о начале суматошного двадцатого века, а цвет — об известной нам по учебникам биологии бабочке — березовой пяденице, или просто о платяной моли. Вся эта внешняя блеклость вполне компенсировалась его бурным темпераментом и могучим фонтаном эрудиции.

Собственно, знакомство со мной мэтр соизволил начать весьма нетрадиционно — потребовав меня к столу, за которым он вкушал обед. Следом были востребованы для меня тарелка и сопутствующие ей приборы. Этот обед, как мне показалось, продолжался все последующее время моего знакомства с мэтром Лиманом.

В старину, говорят, определенного рода мыслителей называли бродячими или ходячими философами. В самом деле, некоторым лучше думается на ходу, вот они и меряют шагами свои кельи, кабинеты или более обширные про-

странства, вынашивая мудрые мысли. А вот мэтр Лиман принадлежал к другой категории титанов разума, для которых стимулятором мыслительной деятельности служит работа челюстных мышц. Наверное, таких следует называть жующими философами.

Свои занятия со мной мэтр проводил, не отходя от стола, и отнимали они довольно значительное время. Во всяком случае, до наступления за окном полной темноты, а то и дольше. Впрочем, иногда мэтр поднимался из-за стола, чтобы начертать на висящей тут же доске еще с полдюжины знаков и их сочетаний.

Два качества этой примечательной личности до сих пор поражают меня. Во-первых, мэтр способен был беспрерывно поглощать всевозможную снедь, не прерывая ни гладкого течения своей речи, ни выразительных своих жестов. Во-вторых, интенсивное поглощение ростбифов, паштетов и сопутствующих им гарниров ничуть не сказывалось на комплекции мэтра. Последнее еще было хоть как-то объяснимо; калории расходовались на кипучую активность специалиста по рунам.

Правда, такой же активности требовал он и от своего ученика — единственного и поначалу достаточно растерянного от бурного натиска его эрудиции. Так что для меня все гастрономическое изобилие «обеденных уроков» пропадало втуне. Как только я успевал сунуть в рот кусок пищи, на меня обрушивался очередной заковыристый вопрос, требующий немедленного ответа. Так что в весе я за эти дни не прибавил ни грамма.

Что касается сопутствующих в этих краях принятию пищи возлияний, то тут мэтр Лиман, как и почти все знакомые мне Учителя, был к себе строг. Бокал его перед началом трапезы, конечно, бывал неукоснительно наполнен каким-нибудь из здешних вин, но так до темноты и не опустошался до конца.

Помнится, первым вопросом, который задал мне мэтр, был: «Сколько рун существует в языке Темных и сколько из них ты знаешь?» Я к тому моменту искренне полагал, что различаю и догадываюсь о смысле полудюжины рун.

Что до общего их числа в природе, я готов был признать свое полное неведение в этом вопросе. Последовал мой полный разгром. Правда, для меня не явилось неожиданностью то, что число знаков, которые, за неимением лучшего, называют «рунами», в письменах Темных не определено. Каждый, знакомый с основными принципами языка Темных, мог в случае необходимости «сконструировать» свою, подходящую для выражения его мыслей руну. Более удивительным было то, что о фиксированном смысловом значении этих знаков не могло быть и речи. Все определяли контекст и обстоятельства написания рунного послания и его прочтения.

Впрочем, по мере того как я все больше и больше узнавал нового о цивилизации Темных, тем меньше удивлялся странностям такой детали их бытия, как письменная речь. Те, кто вел с нами игру на выживание, были существами удивительными.

* * *

На какое-то время ураганный натиск мэтра Лимана настолько оторвал меня от текущей реальности, что я как-то и думать забыл о сложной игре, которую разыгрывали Баум, Теренс, мэтр Цокки, Учитель и я. Вспоминал я о ней только тогда, когда ночной порой выбирался с «Квестаром» за черту Убежища и старательно делал вид, что надуваю Учителя Герна своими «астрономическими» прогулками. Слава богу, погода тому способствовала. После нескольких ненастных дней установилось сухое лето, и сон на свежем воздухе мог пойти мне только на пользу. Но большую часть времени я отдавал не сну и не разглядыванию небес, а попыткам понять смысл нацарапанного на монете послания, адресованного мне Темными. Кое-что у меня начало получаться.

Теренс напомнил о себе позже чем через неделю — условным знаком, начерченным мелом на обломке колонны, у выложенной мозаичной брусчаткой дорожки, условно обозначавшей границу Убежища. Я, честно го-

воря, к тому времени уже считал, что я или люди Учителя прокололись на чем-то, что заставило черного Ходока затаиться и не показываться. Мэтр, однако, не проявлял признаков особого беспокойства и оказался прав.

Встретились мы не в табачной лавке, а сразу в «нашей» роще. Теренс окинул ироническим взглядом мои телескопчик и треногу. Этими декорациями я вооружился, блюдя условленную конспирацию. Их дополнял еще спальный мешок.

— Сложи это хозяйство хотя бы здесь, под кустами,— посоветовал он.— До утра, чувствую, далеко. Да днем сюда мало кого заносит, так что все останется в целости и сохранности. Нам надо двигаться налегке.

— Идем к Бауму? — осведомился я.— В Подземную?

— К Бауму,— мрачноватым тоном подтвердил он.

В тот момент я не оценил некоторую неопределенность его ответа.

* * *

Что означало двигаться налегке, я понял через несколько минут, когда мы спустились к проселку, уходящему в горы. Там, в еще одной — совсем небольшой, деревца на три-четыре — придорожной рощице был привязан самый настоящий пони. Запряжен он был в тележку о двух колесах, сколоченную, как мне показалось, всего из двух-трех досточек. Предназначено это сооружение было не иначе как для транспортировки попугаев или канареек.

Теренс тем не менее бодро вскочил на это сооружение и заправски ухватил вожжи. Я не без опасений пристроился рядом с ним, и наш экипаж двинулся к близким отрогам гор и скоро уже, подозрительно поскрипывая, петлял по извилистой дороге, уходящей все дальше и дальше в ущелье.

Дорога с каждой своей извилиной принимала все более непотребный вид. А у меня возникали все более глубокие сомнения, что этак мы доберемся целыми и невредимыми до ближнего перевала, за которым, по моим сведениям,

и располагался вход в Подземную Часовню, место сборищ страшно таинственных, но — по данным здешних «органов правопорядка» — вполне безобидных сект. Но портилась не только дорога. Я понял это, когда начал меркнуть свет луны и ветер стал дуть порывами, сильными и холодными.

Теренс обозрел небо, видневшееся над нами — между двух отвесов скал, норовивших сомкнуться над нашими головами, помянул ядрену вошь (знакомство с русской лексикой было его сильной стороной) и, орудуя вожжами, попытался ускорить наше продвижение по дороге. Мои сомнения относительно достижимости нашей цели переросли в уверенность, что мы оба (и пони тоже) основательно влипли в этом ущелье. Которое того и гляди превратится в русло бурной реки.

Ночную темень прорезала молния — воистину ослепительная. Уже хотя бы потому, что ударила она не далее чем в полусотне метров от нас. Я оглох и ослеп на минуту-другую и пропустил второй грозовой разряд, полыхнувший не дальше первого. Странно: среди огненных всполохов и огненных фейерверков, заполнивших мое поле зрения, мне померещилась сутулая фигура в монашеском куколе, воздевающая руки к небесам.

Мой провожатый, однако, и не думал терять присутствия духа. Он всматривался орлиным взглядом во тьму, ставшую после вспышек молний кромешной, и временами даже приподнимался с сиденья, по-прежнему выискивая что-то впереди. Что именно, стало мне ясно как раз к тому моменту, когда на наши головы обрушились сначала первые капли, а затем и первые ведра начинающегося ливня.

Теренс соскочил с сиденья и энергично потащил пони под как по заказу случившийся рядом скальный козырек. Мы поместились под ним так, словно его специально для нас построили. Почти мгновенно стена воды отрезала нас от окружающего мира.

— Ну и как? — спросил я, стараясь перекричать шум дождя.— Кукуем здесь до утра?

— Не до утра,— глухо буркнул Теренс.— До тех пор, пока за нами придут. Мы, понимаешь, уже на месте...

Я удивленно воззрился на него. Но в темноте можно было рассмотреть только неясный профиль его лица. Вспышки молний, что одна за другой били, казалось, в нас прицельно, только ослепляли, мешая видеть даже то, что глаза еще могли различить в темноте. Спросить: «Что значит на месте?» — я не успел. За моей спиной послышался негромкий, но как-то умудрившийся перекрыть шум ливня голос:

— Преподобный Баум — к вашим услугам. Следуйте за мной.

Я обернулся, чуть было не подпрыгнув как ужаленный. Позади меня, на фоне черного провала в стене (только что его не было) еле угадывалась человеческая фигура. Невидимая во мраке рука взяла меня за кисть. Довольно неприятная, холодная рука.

— Пойдемте,— сказал все тот же негромкий голос.— А ты, Теренс, обожди нас здесь.

* * *

Некоторое время мой спутник был невидим во мраке узкого скального коридора, которым он вел меня. Потом мрак этот стал наполняться светом, напоминающим трепетный свет свечей. Но его источник был скрыт от глаз за каменной полкой, тянущейся под потолком.

Мой спутник был одет на монашеский манер. Только что привидевшийся мне во всполохе молний куколь почти скрывал его лицо. Да и сама фигура его была плохо различима в складках бесформенного одеяния, заретушированных к тому же сумраком. Впрочем, шаг его был не шаркающим шагом монаха. Скорее уж это был упругий и торопливый шаг человека делового, не привыкшего терять время понапрасну. Мы повернули за угол. Еще раз за угол. Я поймал себя на том, что по части углов я начинаю сбиваться со счета. Это окончательно переставало мне нравиться.

— Вы и будете Баум из Подземной Часовни? — спросил я, нарушив молчание.

— Именно я,— любезно отозвался монах и откинул капюшон.

Под капюшоном скрывалось довольно приятное на вид, еще молодое скуластое лицо. Щеки и нос Баума усеивали еле заметные в призрачном свете веснушки. Он приглашающе кивнул мне и нырнул в боковой ход. Мы спустились по неровным каменным ступенькам и оказались в небольшом зале, освещенном получше, чем лабиринт коридоров, который мы только что миновали. Прихотливо изваянные из неровного светлого камня, а может быть, созданные самой здешней природой колонны подпирали его озаренный скрытыми источниками теплого света потолок.

— Я ожидал, что нам придется добираться до вашей Часовни... — бросил я недоуменно.

— Хм! — отозвался Баум, жестом приглашая меня присесть на край небольшого круглого бассейна, располагавшегося в центре зала.

Бассейн был выложен желтым камнем, и вода в нем казалась подсвеченной солнцем. И она кипела, эта вода. Кипела, оставаясь холодной, ключевой.

— Так вам нужно было встретиться со мной или вам нужна была Подземная Часовня? — усмехнулся монах.

— Мне нужно, чтобы вы помогли мне найти моего брата,— ответил я.

— Ну вот мы и определились...

Баум положил свою руку мне на колено в точности так же, как делал это временами мэтр, успокаивая меня.

— Вы просто не должны придавать большого значения тем мерам предосторожности, которые приходится принимать в такого рода делах. Ведь вы не можете поклясться, что ваш Учитель, а точнее те, из Светлого Ордена, кому это вменено в обязанность, не присматривают за вами. А сейчас вы поймете, что это совершенно ни к чему. Жизнь вашего брата висит на волоске, и, если мы с вами не будем осторожны, нить эта оборвется. Поэтому мне

пришлось немного запутать следы. Повторяю: вас это не должно беспокоить. Мы находимся в безопасном, надежно укрытом месте. Мы — люди Часовни — часто используем этот лабиринт для конфиденциальных переговоров. Он защищен нашей магией.

— Послушайте,— начал я уже более уверенно, следуя заранее намеченной схеме,— прежде всего я хотел бы знать, насколько верно все то, что я знаю о судьбе брата только с чужих слов. Могу ли я встретиться с ним? Передать ему письмо? Получить письмо от него самого?

— Видите ли,— снова успокаивающим, почти елейным тоном начал объяснять Баум.— Если бы ваш брат находился в руках у Темных, то говорить можно было бы только о том, чего они хотят от вас. О выкупе. Конечно, не о том, который исчислялся бы в звонкой монете. От магов только полные дураки хотят получать деньги. Речь пошла бы о том, какой работы от вас ждали. Кстати...

Он зачерпнул ладонью воду из бассейна и пропустил ее между пальцев.

— Ведь *они* направили вам свое послание. Вы оставили его без ответа. Почему? Неужели догадывались, что ваш Роман ускользнет от них?

— Я не провидец,— пожал я плечами.— Просто не хочу быть обманутым, поэтому должен точно знать, где мой брат и что с ним.

— Вы не все сказали,— опять с мягким нажимом в голосе возразил монах.— Ведь, кроме всего прочего, вы, как поклявшийся служить Светлому Ордену, не можете пойти на компромисс с Темными — никогда и ни в чем. Даже если близкого...

«Вот это номер! — подумал я.— Эти типы, оказывается, не знают, что никаких клятв я пока никому не давал. Не знают, наверное, и того, что я если и маг, то маг непроявленный. А скорее всего и не маг вообще!»

— Так вот, послушайте меня внимательно,— продолжил Баум.— Ситуация сложилась так, что никаких компромиссов от вас не потребуется. По той простой причине, что ваш брат находится не в руках Темных. Строго говоря,

сейчас никто не может точно сказать, где он находится. Но до недавнего времени он был жив и пытался связаться с людьми, которые помогли бы ему вернуться в ваш мир. Вы знаете, что такие люди существуют. Кроме того, есть люди, которые готовы найти вашего родственника и переправить его сюда, в Рикк. Но вы так же хорошо, как я, сознаете, что эти люди потребуют за свои услуги ответных услуг с вашей стороны. Это будет справедливо, учитывая, что они пойдут на риск. И, разумеется, вы понимаете, что речь идет об оказании услуг с использованием ваших возможностей.

Теперь ясно стало, с какого бока ко мне подъезжают люди Подземной Часовни. Мне предлагали смягченный вариант измены Светлому Ордену. Измены не с Темными, а с некими третьими лицами, готовыми прийти на помощь.

— Я должен вам верить на слово? — спросил я как можно более неприязненным тоном.— Вы можете организовать мне встречу с людьми, которым я доверяю?

Баум пожал плечами, изобразив на лице ироническое недоумение:

— Кого вы имеете в виду? Насколько я знаю, здесь не слишком много людей, которых вы хорошо знаете.

— Ну, например, сына Ходока Грегори — Тагару.

— Послушайте, это совершенно несерьезно. Вы своим доверенным лицом называете сопливого мальчишку, который к тому же уже не первый месяц бездомный бродяга и нечист на руку...

Я только хрустнул пальцами в ответ. Это было правдой. И неправдой в то же время.

— Это вопрос субъективный,— сказал я как можно суше.— Если вы устроите нам встречу, то мое доверие к вам сильно возрастет.

Монах долго не отвечал мне ни слова. Только молча смотрел на бурлящую в бассейне воду. Потом поднялся и задумчиво побрел между причудливых колонн, подпиравших невысокий потолок зала, в котором мы вели нашу не слишком толковую беседу.

— Придется по-другому поставить вопрос,— наконец произнес он с сожалением в голосе.— Вы не можете выдвинуть логичных условий. Мы не можем предложить вам ничего, кроме того, чтобы вы поверили нам на слово. Это тупик. К сожалению, нам придется действовать не по-джентльменски, чтобы из него выйти.

Он остановился у одной из колонн и провел рукой по украшавшему ее рельефу так, словно ему жалко было именно его.

— Вы уже должны были понять, что находитесь в Магическом Лабиринте,— уже более жестко продолжил он.— Я предоставляю вам возможность разгуливать в нем ровно до тех пор, пока вы не примете наше предложение и не пойдете на переговоры с нами. Выход из Лабиринта не под силу найти даже вашему почтенному Учителю. Поэтому не советую вам упрямиться. Здесь, как вы заметили, есть вода, но, к сожалению, нет ровным счетом ничего съестного. Да и от воды не отходите далеко. Можете не найти обратный путь. Уморить вас жаждой в наши планы не входит.

Я вскочил на ноги, в бешенстве уставившись на него. Злиться сейчас, собственно говоря, следовало только на самого себя. Так попасться в дешевую ловушку мог только идиот, который сам хотел в нее попасть.

— Когда у вас возникнет желание возобновить наш разговор,— продолжил Баум,— то вам просто надо будет разжечь одну из свечек, что здесь воткнуты на каждом углу, от любой другой, что горит. Они горят вон там, за полкой под потолком. Достаточно будет всего одной зажженной свечи. Впрочем, я время от времени попробую навещать вас в вашем уединении. Когда почувствую потребность в общении с вами. Хотя общительным собеседником вас не назовешь.

Он сделал шаг назад и исчез. Растаял. Я только потом, немного спустя, сообразил, что в какой-то момент из-за одной из колонн, подпиравших свод зала, вынырнул не сам преподобный Баум, а, должно быть, его голографический образ. Подвижный и озвученный. Магия...

А тогда я просто растерянно озирался вокруг. Потом, конечно, начал действовать самым глупейшим из возможных в сложившейся ситуации способом. Я принялся искать выход из Лабиринта. Хотя, конечно, я уже знал ту простую истину, что из Магического Лабиринта может вывести — даже мага — только тот маг, который завел туда свою жертву.

Сколько времени заняло это бесплодное занятие? По крайней мере многие часы. Чувство времени в Странном Крае и без того не раз шутило со мной разные шутки. В Лабиринте это были шутки злые.

Сперва мне было просто дьявольски неуютно среди этих изломанных и причудливо переходящих один в другой туннелей и коридоров. Потом пришло и стало нарастать ощущение того, что я вовсе не один брожу здесь. Шаги... Тихие и осторожные, они раздавались то за одним поворотом, то за другим. Замирал я — замирали и они. Это могло показаться эхом, но эхом не было. Скорее уж слуховой галлюцинацией. Иногда мне мерещился звук чего-то упавшего и покатившегося. Иногда — прерывистое дыхание какой-то твари.

Видимо, я просто пытался чем-то занять себя, чтобы утихомирить тот ералаш, который воцарился у меня в голове. Похоже, что моя «страховка» не срабатывала. Или я просто слишком сильно перепугался, а все на самом деле идет по плану? Я прекратил свои блуждания и присел на едва различимый в сумраке валун, лежавший на перекрестке двух туннелей, каждый из которых вел в никуда. Прикинул свои шансы на освобождение. Потом поднялся и попробовал вернуться к залу с бассейном. Но, как меня и предупредил мой тюремщик, не смог найти к нему дороги.

Убедившись в этом, я приуныл основательно. Наверное, и впрямь мне оставалось только одно из двух: либо принять смягченные условия работы на Темных (в том, что за Баумом стоят не некие добряки, готовые пойти на рискованные поиски Романа, а именно они, Темные, я не сомневался), либо вступать в борьбу с незримым про-

тивником, опираясь только на собственные силы. Вся беда была в том, что оба эти варианта были полностью нулевыми. По той простой причине, что магом я себя не чувствовал. Ни выкупить брата честным колдовством, ни нанести противнику хоть какой-нибудь вред я не мог. Точнее, не представлял себе, как бы я справился с любой из этих задач.

Кажется, я даже истерически захихикал, в сотый раз прокручивая в мыслях эту простую истину. Но делать было нечего. Опустившись у стены на корточки, я принялся вспоминать всю премудрость, которую пытался вложить в меня мэтр Герн. Занятие это было вполне бессмысленным, но... Но не сдаваться же без боя? Я пытался вспомнить все, что ассоциировалось у меня со словосочетанием «Магический Лабиринт». Как ни странно, мэтр словно в воду смотрел: довольно многое успел наговорить мне именно на эту тему.

Пытаться найти заклинание Выхода было ни к чему. Такового не было. Положение, конечно, выглядело как безвыходное. Да и на самом деле было безвыходным. Но именно это слово — безвыходность — и дало какое-то новое направление ходу моих мыслей. Я вспомнил одну из первых заповедей мага. Учитель сообщил ее мне в первый же день нашего знакомства.

«Если ты запутался в колдовстве — разрушь его!»

Эта заповедь и заклинания, которые в устах мага должны были вызвать это разрушение, были штукой опасной. Ну хотя бы потому, что последствия разрушения колдовства считались вещью принципиально непредсказуемой. Разрушаясь само, колдовство могло разрушить еще много чего. Например, самого колдуна.

Впрочем, мне, пожалуй, ничего не угрожало — как лицу в искусстве магии бездарному. К тому же совершенно неясно было, подпадает ли магия Лабиринта под круг явлений, на которые в Странном Крае вообще действуют хоть какие-то заклинания.

На то, чтобы вспомнить разрушающее заклинание и пассы, которые должны были его сопровождать, у меня

тоже ушло немало времени. Я принял нужную позу, расслабился, постарался ввести себя в медитативный транс. Это состояние одурения, по словам Учителя, не слишком-то помогало мне, но все же должно было служить своеобразной дверью в «комнату с кнопками», из которой управляется здешняя магическая машинерия.

И я начал повторять разрушающее заклинание. Снова и снова. Много раз подряд. Стараясь проделывать в такт издаваемым мною бессмысленным звукам дурацкие движения руками и ногами. Самое смешное состояло в том, что заклинание и пассы действительно не имели ни малейшего смысла сами по себе. Они предназначались только для того, чтобы привести психику мага (в данном случае меня) в контакт с магией Странного Края. В одних случаях такой эффект достигался легко, в других — никакого эффекта не было. Поэтому в вопросе о выборе заклинаний царили самые различные точки зрения. Разные Учителя использовали в одних и тех же целях разные заклинания. Главным были не звуки, их составляющие, а именно психологическое воздействие. А для того чтобы это воздействие произошло, необходимо было присутствие веры в то, что ты и вправду маг. Мне же поверить в это не удавалось.

Но сейчас надо было поверить! От этого зависело многое. Собственно говоря — все.

И я старался как мог вытолкнуть из себя это неверие, которое, наверное, и было причиной неудач мэтра Герна в его попытках снова заставить меня совершить чудо. Но каждая из этих неудач крепко оседала в моей памяти. Усиливала неверие в себя. И старания от него избавиться были почти ни на чем не основаны. И, само собой разумеется, эти мои старания только усиливали мою уверенность в том, что никак не могло наделить меня колдовским могуществом крохотное пятнышко краски, втертой мне в кожу. В этом я не мог переломить себя.

«Но ведь было же... Было там, на плато, чудо, сотворенное твоей волей! — твердил я себе.— Я, и никто другой, победил тогда тварь!»

От злости на себя самого я перешел в обращении с собой на «ты».

«Значит,— спросил я себя, словно кого-то чужого,— именно тогда, в минуту смертельной опасности ты смог вспомнить, как надо колдовать. И где теперь эта твоя память? Какую струнку в твоей душе пробудила та битва в тени каменных «грибов»? Какую кнопку в тебе нажала? Чего не хватает тебе теперь? Может быть, именно этой смертельной опасности?»

Собственно, я уже давно понимал это. То, что я еще слишком слабо напуган. Что, наверное, только острый и смертельный страх может снова сделать меня магом. Какой там, к черту, медитативный транс! Какое, к шутам, расслабление! Страх — вот что мне нужно сейчас! Страх!

Я плюнул на пассы, плюнул на транс. Только само заклинание на автомате крутилось у меня на языке. Вжавшись спиной в шершавую стену, плотно зажмурив глаза, я вдалбливал себе: «Это не важно, что здесь на тебя не несется огнедышащая тварь. Все равно тебе угрожает смерть! Тебе и твоему брату! Оба мы в руках Темных. А Темные — это не благотворительный фонд. И как только они поймут, что ты маг фальшивый, они просто выкинут вас обоих из жизни! А они поймут это почти сразу. Удивительно, что не поняли еще. Сосредоточься. Собери все свои силы! Сейчас или никогда! Взорви! Разрушь проклятый Лабиринт!»

И в этот момент снова послышались шаги. Осторожные, но теперь гораздо более уверенные, чем в прошлый раз. И теперь уж точно они не были галлюцинацией. Я не стал открывать глаза. Черт с ними — с теми незримыми монстрами, что бродят по Лабиринту! Кем бы они ни были, мне нельзя сейчас отвлекаться от главного. От своей — может быть, последней в жизни — попытки наколдовать себе свободу.

Шаги были где-то рядом. За ближайшим углом. Шаги и хрипловатое дыхание. Я напрягся, стараясь не прислушиваться и вообще забыть обо всем, кроме жгучего желания уничтожить Лабиринт. Но слух не подчинялся мне.

Он словно рыболовный крючок впился в доносившиеся из-за угла звуки. Впрочем, уже не из-за угла. Я понял, что их источник здесь. Он должен был находиться где-то в прямой моей видимости. И он двигался ко мне! Мне почудилось, что ноздри учуяли странный запах — запах зверя. Что нужно этой твари от меня? Пора было открывать глаза. Ведь не сидеть же, дожидаясь неведомо чего с этак вот зажмуренными глазами, словно перепуганный ребенок!

Шаги приблизились и замерли, как мне показалось, на расстоянии вытянутой руки. Я теперь отчетливо слышал дыхание и ощущал тот самый запах, который сперва лишь чудился мне. Дыхание было прерывистым, а запах— тревожным.

Я почувствовал, что ледянящий холодок начал пробираться по моей спине. Во рту пересохло, и, что самое скверное, веки мои не желали разжиматься. Это уже само по себе испугало меня. Неужели я до такой степени струсил, что потерял контроль над собой? Да пропади все пропадом, если оно — это «все» — сделало меня таким трусом! Я стиснул кулаки и заставил себя открыть глаза.

И в них сразу же хлынул необыкновенно яркий свет.

Я моментально ослеп, так ничего и не успев рассмотреть. А заодно и оглох. Потому что неожиданная вспышка сопровождалась еще и дьявольским грохотом. А когда способность воспринимать окружающее вернулась ко мне, то первое, что я ощутил, были ветер, дождь и темнота. И темноту эту разрывали беспрерывные вспышки молний.

Я поднялся на ноги, провел рукой по мокрому лицу, огляделся. Молнии, очень и очень близко и часто бьющие в землю, не самый лучший источник освещения. Я не сразу понял, что нахожусь в том же месте, что и пару минут назад — на одном из перекрестков Лабиринта. Но только Лабиринта теперь разрушенного. Превращенного в бессмысленную гору камней. То, что ни один из каменных обломков, в изобилии наваленных вокруг, не обрушился на мою голову, было, конечно, чудом. А чего, собственно, ожидать от магии, кроме чудес?

«Кажется, у меня что-то получилось!» — сказал я себе, и некоторое время это было единственной мыслью. Следующей была мысль о том, что надо поскорее уносить ноги отсюда, с территории противника. Стараясь не производить шума и не поломать ноги, я стал выбираться из развалин. Определить, где пролегает дорога, по которой мы с Теренсом добрались сюда, было делом нелегким. На нашу таратайку я наткнулся вообще случайно. Собственно, от таратайки осталась только груда досок. Их почти полностью накрыли обломки обрушившегося скального «козырька». Еще раньше, чем наткнулся на мертвых пони и Теренса, я понял, что оба они где-то здесь. И дождь, и порывистый ветер не помешали мне ощутить, увы, знакомый запах сожженной плоти. Получалось, что свое черное дело сделала молния.

Молния, которую призвал я? Но я же не хотел этого!

Там, в Лабиринте, я и думать не думал об оставшемся ожидать конца наших переговоров Ходоке. Я силился только привести в действие разрушающее заклинание. Так что же убило его? Неужели именно то, что я о нем как раз и не подумал... Вторая демонстрация моих магических способностей принесла человеческие жертвы. По крайней мере одну. Как на это посмотрят в здешних краях?

— Ты победил в этот раз,— произнес глухой голос почти у меня за спиной.— Тем лучше для нас. Ты, оказывается, многое можешь...

Я обернулся. В тени полуобрушившейся стены стояла фигура, еле заметная в только еще начинающем редеть мраке. Ее, как и моего тюремщика, облекал бесформенный балахон. Но это был не Баум. Я присмотрелся к новому персонажу, явившемуся на сцену словно из ниоткуда. Всполох грозового разряда — теперь уже вдали — высветил лицо посланца Тьмы. Я узнал его — такие лица не забываются. Хотя мы и встретились всего на несколько секунд на лесной дороге, по которой пробирались через территории племен.

— Я уже начал сомневаться,— все тем же глухим голосом пробубнил урод.— До сих пор для мага ты был слишком экономным на чудеса. Но сейчас неплохо показал, на что способен. Ну что ж, как я понимаю, в самое ближайшее время ты отправишься на поиски брата. Ты будешь искать его, а мы всегда будем рядом. И нам представится случай поговорить снова.

Бесформенная тень отступила за обломки стены, и я услышал звук шагов: кто-то поднимался по ступеням. Я остался один. Молнии все реже сверкали над головой. Дождь сходил на нет, гроза уходила в горы.

Я выждал немного и двинулся к дороге. Мне наконец-то удалось ее вычислить. Дождь прекратился, и среди облаков проглянула луна. Молнии били теперь где-то далеко — в ущельях. Из тени придорожного дерева меня тихо окликнул знакомый голос.

— Господи, как ты сюда попал? — спросил я, ныряя в тень и с трудом высматривая скорчившуюся у корней фигурку.

Тагара не отвечал. Он насквозь промок под прошедшим дождем, и у него зуб на зуб не попадал. Но, скорее всего, не от холода. В его глазах стоял ужас.

«Наверное, парнишка стал свидетелем того, как сработало заклинание,— мелькнуло у меня в голове.— Должно быть, фейерверк был неслабый... И Ходок погиб на его глазах. Есть от чего трястись как в лихорадке».

Я взял мальчишку за плечи и помог ему подняться на ноги. Он, похоже, быстро взял себя в руки. Его дрожь почти сошла на нет.

— Как ты сюда попал? — снова спросил я.

— Я же сказал тебе, что б-буду рядом... — ответил он слегка прерывающимся голосом.

* * *

Нам не пришлось долго шлепать по раскисшей дороге к Убежищу. Собственно, нам не удалось даже толком

поговорить. После первой сотни метров Тагара дернул меня за рукав.

— Дальше иди один,— тихо произнес он.— Т-тебя встретит Учитель. А мне с ним лучше не встречаться. П-потом я тебя найду... А сейчас не бойся. Темные тебя трогать не будут... Они будут бояться.

— Ты... — начал было я, но осекся.

Говорить этому мальчишке о том, что ночная дорога — место опасное и нечего ему в одиночку шататься по ней в темноте, не имело смысла. Если уж он сумел как-то незаметно выследить меня и не побоялся дожидаться у самых ворот Лабиринта под дождем, то не мне его учить уму-разуму. Скорее уж наоборот. Я просто посмотрел ему в глаза и только и смог выдавить из себя на прощание:

— Ты обязательно найди меня. Я никуда прятаться пока не собираюсь, но теперь всякое может приключиться... А нам, наверное, надо с тобой поговорить. Обязательно надо.

Мальчишка кивнул и нырнул в придорожные кусты. Я окинул взглядом дорогу и небо. На небе обозначился ранний рассвет, а по дороге издалека скакала ко мне пятерка всадников. Еще немного, и я узнал обоих, двигавшихся впереди. То были мой Учитель и мой не слишком проявивший себя ангел-хранитель мэтр Цокки. В тройке всадников, поспевавшей за ними, выделялась слегка сутулая фигура мэтра Лимана. Остальными двумя были ученики-подручные Учителя — Кунни и Жозеф. К стыду своему, я до сих пор путал их друг с другом. Еще одна лошадь, без всадника, очевидно предназначенная мне, следовала за ними в поводу. Да, Тагара был прав относительно того, что мне предстоит скорая встреча с Учителем. Только скакала его кавалькада не навстречу мне — из города, а наоборот — со стороны гор. Должно быть, от Подземной Часовни.

Кавалькада приблизилась ко мне. Учитель торопливо спешился и бегом кинулся мне навстречу. Схватил меня за плечи и уставился в глаза.

— Ты здорово перенервничал, ученик? — спросил он.

Легкая хрипотца в голосе выдавала, что эту ночь мэтр провел тоже не в беззаботном сне.

— Я до конца был уверен, что вы меня подстрахуете,— тихо ответил я.

Неожиданная мысль посетила мою слегка задурманенную всем происшедшим голову. Ведь разрушить Лабиринт могло вовсе и не мое заклинание. Вполне вероятно, это могло быть заклинание Учителя или кого-то из невидимых опекунов, приставленных ко мне.

— Вы вовремя пришли мне на помощь,— добавил я.— Я старался как мог, чтобы сработало разрушающее заклинание. Но у меня не получалось...

Лицо мэтра Герна стало суровым. Продолжая удерживать меня за плечи, он немного отодвинулся от меня.

— Если бы я хотел тебе соврать, ученик,— сказал он сухо,— то сейчас для этого самый подходящий момент. Этим я, конечно, немного спас бы нашу репутацию. Повысил бы свой авторитет... Но нам — Учителю и ученику — не полагается врать друг другу. Мы, мэтры, прокололись. Ждали тебя у Подземной Часовни. И ты оказался в Лабиринте без надежды на нашу помощь. Но ты справился. У тебя получилось! — Теперь он позволил себе улыбнуться и повторил снова: — У тебя — получилось!

Глава 7
УЧЕНИК МОШЕННИКА

Мэтр оказался слишком большим оптимистом в отношении моих дальнейших успехов в овладении практической магией. Ровным счетом ничего не изменилось после моей «экскурсии» в Лабиринт и его разрушения. Никто из простых смертных не обратил внимания на приключившуюся в горах «разборку» между Светлыми и Темными. На какое-то время опустела Подземная Часовня. Трибунал Светлых Сил объявил бесследно исчезнувшего Баума причастным к связям с Темными. Гибель Теренса просто прошла незамеченной. Обо мне вообще —

как мне казалось тогда — не заходила речь. И слава богу: я оставался по-прежнему полностью бесперспективной пробкой, которой ознакомление с теоретическими основами магии не прибавило ни малейших способностей влиять даже на такие примитивные процессы, как вероятность выпадения тех или иных карт или костей в игре.

Точно так же обстояло дело с предсказанием будущих событий, какой бы временной период и масштаб этих событий мы ни выбирали. Ну и с видением через непрозрачные преграды и телекинезом никаких успехов не наблюдалось. Постепенно разочарование мэтра во мне становилось все более заметным, хотя он честно и старательно силился никоим образом не задевать моего самолюбия. Однако какие-то соображения, понятные только тем, кто лучше меня разбирался в сложной жизни Странного Края, не давали ему возможности просто махнуть рукой на бесталанного ученика. Возможно, к этим политическим соображениям примешивалось и обычное самолюбие.

Правда, была область, в которой я все-таки проявил известные способности. Под руководством мэтра я начал неплохо овладевать искусством гипноза, хотя сам с большим трудом поддавался ему. Но это не слишком радовало ни меня, ни мэтра. Гипноз, собственно говоря, к сфере магии не относился. Он был разделом обычной, «земной» психофизиологии. Не более.

Я все больше ощущал необходимость предпринять хоть что-то решительное и самостоятельное, чтобы выйти из тупика, в котором оказался. Вот только кто бы мне подсказал, что же именно.

Мэтр Лиман закончил свои занятия со мной и убыл в родной Карнасский анклав так же неожиданно, как и появился. Впрочем, он успел довольно тепло проститься со мной и великодушно сообщил, что, конечно, звезд с неба я не хватаю, но если не заброшу систематических занятий, то смогу — раз уж мне придется иметь дело с Темными — извлечь из знания рунных знаков ощутимую пользу. Мне была также явлена его высочайшая милость

в виде приглашения в любой удобный для меня момент посетить мэтра в его уединенном имении и продолжить наши занятия ровно столько, сколько позволит время.

Мэтр Герн даже соизволил проводить своего приятеля до границ Риккейского анклава. Отправляясь в путь, он подозвал меня и распорядился навестить его в его кабинете как можно раньше с утра. Для себя я определил назначенное время формулой: «как только продерешь глаза» — и действовал в соответствии с ней.

* * *

Похоже было, что мэтр не ложился спать этой ночью. Когда, выслушав в ответ на свой стук его усталое «Войди!», я вошел в кабинет, Учитель стоял перед окном и, казалось, всецело был сосредоточен на созерцании звездного неба. На нем была все та же дорожная одежда, в которой он отправлялся провожать мэтра Лимана к границам Рикка.

— Пришла пора познакомиться с мэтром Касси, Сергей,— произнес Учитель, повернувшись ко мне.

На лице его застыла неопределенная какая-то улыбка. Конечно, как всегда, слегка хмурая, но... Что-то в предстоящем знакомстве с неизвестным мне мэтром явно забавляло его.

— Это тоже специалист по рунам? — осведомился я с напускной наивностью.

— Нет,— улыбнулся Учитель.— Мэтр Касси — наш великий разоблачитель. Он специалист не по рунам, а по фокусам. Причем один из самых лучших специалистов. По фокусам и по всему, что с ними связано. По мошеннической магии, если хочешь...

— Мне, за неимением лучшего, придется ловить и разоблачать мошенников? — продолжил я разыгрывать полное непонимание ситуации.— Думаете, что Темные укрываются среди них?

— Ничуть! — покачал головой Учитель.— Тебе придется не разоблачать обман, а обманывать самому.— Да-да,— ответил он на мой недоуменный взгляд.— Именно

этим тебе и придется заняться — мошенничеством. Будешь немного дурачить здешний народ. Но главным образом — Темных. Если они поймут, что мы с тобой буксуем на месте... Терпим откровенное фиаско... То тогда... Тогда ни ты, ни твой брат сделаетесь им просто не нужны. Наверное, мне не стоит тебе объяснять, что это будет означать для вас обоих. Особенно для Романа.

— Значит, вы выпускаете-таки меня на поле боя? — осведомился я, не особенно уязвленный той ролью, которая мне была предложена.

— Точнее, на «большую дорогу»,— усмехнулся Учитель.— Ты будешь у меня стажироваться в роли бродячего мага. С этого многие тут начинали. Это даст тебе наибольшую свободу рук. Ну а мы, само собой, будем присматривать за тобой.

Для меня вопрос состоял лишь в том, кто все-таки будет «присматривать за мной» лучше. Светлые или Темные? Кроме того, разочарование в своей полной неспособности к практической магии уже стало меня раздражать. Хотя совсем недавно я был полностью безразличен к тому, что карьера колдуна мне не по плечу.

— Ну,— заметил я,— надеюсь, что роль живой приманки сыграю без особых проколов. Если, конечно, окажусь более способным учеником мэтра Касси, чем это получилось у меня с вами.

— Я пока что не отрекся от тебя как ученика,— усмехнулся мэтр Герн, подходя ко мне.— Мало того, я считаю, что в этом отношении у нас все впереди. Но сейчас нет времени на то, чтобы дожидаться, когда Темные сделают слишком далеко идущие выводы. Никто не обязывал нас играть с ними честно.

«А тога Светлых не обязывает вас ни к чему такому? — хотел было спросить я.— Не жмет в плечах, когда приходится браться за крапленые карты?» Но, естественно, это не могло быть темой нашего разговора.

— Скажи мне честно, Учитель,— спросил я.— Неужели так важны для вашего дела две наши жизни — моя и брата,— что вы затеваете довольно сложную комбинацию

с привлечением специалистов высокой квалификации, тратите свое время и...

Мэтр остановил меня, прикоснувшись к моей руке.

— Во-первых, ты не представляешь, что означает заполучить — даже на короткое время — мага с такими возможностями, которые дает твой Знак, мальчик,— произнес он с каким-то металлом в голосе.— И что значит, отдать такого мага врагу. Во-вторых, занятия магией вообще напоминают добычу радия. Но дают результат намного более весомый. И наконец...

Тут он устало повернулся и пошел к своему столу. Мне даже походка его показалась вдруг какой-то шаркающей.

— И наконец,— закончил он, усаживаясь в громоздкое кресло,— вся эта история с твоим Знаком и похищением твоего брата нам показала, что прямо под носом у нас — и в земном мире, и здесь — действует целая ветвь агентуры Темных. О которой мы, кстати, ровным счетом ничего не знали. Уже одно только раскрытие этой ветви оправдывает те смешные затраты труда и средств, которые тебя так смутили.

Он меня утешил. Контрразведывательная операция. Это ясно. Это понятно и объяснимо. Вот если бы мне продолжали твердить, что все делается только для моего блага и Ромки, я бы окончательно перестал верить всему, что мне тут наговорили. Нет ничего на белом свете подозрительнее, чем безграничный альтруизм.

Выдержав паузу, которая, видимо, должна была обозначить смену темы разговора, мэтр оторвал взгляд от поверхности стола и снова воззрился на меня.

— Итак, мэтр Касси. Он, разумеется, не сотворит чуда и не сделает из тебя за несколько недель даже такого виртуоза, как средненький из его учеников. Но для работы на публику тот уровень, что он даст тебе, вполне сойдет. У тебя неплохие способности к концентрации внимания, и ты умеешь задавать вопросы. Не всегда, правда, по существу. Но такие, которые говорят о том, что уровень понимания тех вещей, которым тебе предстоит научиться,

вполне достаточен. Вы — ты и мэтр Касси — должны быстро найти общий язык. Но, чтобы ваше взаимопонимание сохранилось, тебе нужно запомнить и никогда не забывать одну важную вещь.

Я молча изобразил на лице наводящий вопрос: «Какую же?»

— Ты очень часто будешь слышать от Касси разные самоуничижительные высказывания. Он постоянно — по сто раз на дню — будет повторять, что никакой он не маг. Никакому колдовству не обучен. Он-де лишь фокусник, иллюзионист. Мошенник. Последнее определение он обычно приберегает на закуску, каждый раз смакуя его.

Мэтр откашлялся и взглянул на меня — на предмет проверки степени моего понимания сути дела.

— Так вот, я надеюсь, что тебе никогда не придет в голову соглашаться с ним в этом вопросе? Эта сторона дела для тебя очевидна?

Я с трудом удержался от того, чтобы не фыркнуть со смеху. Как раз на эту тему я мог бы рассказать пару-тройку баек из военной жизни.

— Менее очевидно другое,— продолжил мэтр, не тратя времени на ожидание ответа.— Не стоит ему и перечить. Как только ты начнешь доказывать мэтру Касси, что он не прав и ни в коем случае мошенником не является, ты попадешь в такой капкан, что и врагу своему не пожелаешь. Или он заставит тебя признать его правоту и после этого будет ненавидеть всю жизнь... Или ты запомнишься ему как подхалим и лицемер.

Приятная перспектива выбора из двух зол, из которых оба — наихудшие, меня, конечно, радовала.

— Так что же,— поинтересовался я,— мне прикинуться глухим и немым?

Учитель впервые улыбнулся не так хмуро, как это обычно у него получалось.

— Ты знаешь, ученик,— произнес он почти весело.— Единого рецепта здесь не существует. Считай это первым

своим экзаменом на пути к искусству практической магии. А сейчас...

Он поднялся и подошел к тяжелой дубовой двери, ведущей в соседнюю с кабинетом комнату, и энергично постучал в нее. Из-за тут же отворившейся двери выглянул один из его учеников (кажется, Жозеф) и, выслушав короткое, энергичное распоряжение, снова скрылся за дверью и через пару минут появился опять, с почтительным видом пропустив в кабинет впереди себя довольно грузного на вид господина. Господина, облаченного в прочного сукна дорожный костюм, неуловимо напоминающий о чем-то средневековом. Господина, вооруженного дорогой тростью-посохом с яхонтом, вделанным в набалдашник. Вообще-то слишком крупным, чтобы быть настоящим. Господина, производящего впечатление на всех окружающих своей окладистой бородой и львиной шевелюрой.

Я встал и поклонился вошедшему как научился, на здешний манер.

Впустив гостя в кабинет, ученик мгновенно исчез за дверью, оставив нас втроем.

* * *

Следуя приглашающему жесту Учителя, гость занял место в почетном, надо полагать (а потому особо громоздком), кресле для дорогих гостей.

— Я думаю,— прогудел он убедительным низким голосом,— что не стоит тратить время на взаимные представления. Мы с вами, мэтр, знаем друг друга как облупленные. А молодой человек, столь учтиво и столь неуклюже приветствовавший меня, безусловно, тот самый Сергей с Земли. Меня же, грешного, вы, конечно, ему уже представили — заочно. Так что перейдем сразу к делу.

— Я не против,— согласился мэтр Герн, занимая место за своим столом.— Целиком и полностью передаю слово вам, Искуснейший...

Искуснейший зыркнул на Учителя подозрительным взглядом, проверяя, не является ли это относительно редкое в среде магов титулование скрытой издевкой, и снова вперил свой взгляд в меня.

— От тебя хотят многого,— произнес он так, словно произносил приговор высшего суда. Потом вздохнул и добавил: — А еще большего — от меня.

Лицо его выражало самое глубокое сочувствие нам обоим.

— От нас хотят, чтобы я уже через пару-другую недель выпустил тебя на простор больших дорог,— продолжил он.— Надеюсь, что хотя бы эти четырнадцать суток окажутся здесь длинными.

Он принял чашку чая из рук Учителя. Другая была поставлена передо мной. Ну и про себя мэтр, конечно, не забыл.

— Обычно,— продолжил гость,— для обучения таких, как ты, своему искусству я забираю учеников в свое поместье. Должно быть, тебе приходилось уже слышать о Хитрых Прудах. Это как раз там. Но мэтр Герн решительно против того, чтобы кто-то узнал, что ты проходишь стажировку у такого пройдохи, как всем известный хитрец Касси... У него на этот счет другие планы.

Он подмигнул моему Учителю, и тот подмигнул в ответ — с достоинством, еле заметно. Мэтр Касси отхлебнул чаю и поднял вверх толстый, покрытый седыми волосками палец, призывая меня ко вниманию.

— Поэтому постоянно имей в виду, ученик,— наставительно произнес он.— Я здесь нахожусь инкогнито. Инког-ни-то! Это обязывает тебя ко многому. Занятия мы начнем немедленно. И длиться они будут с рассвета до глубокой ночи. Я выжму тебя за эти две недели, как лимон. Насухо! Но!..— Его указующий перст снова поднялся к потолку.— Но ты должен не подавать виду, что что-то в твоей жизни изменилось! Для всех окружающих твоя жизнь течет прежним чередом. Ты ни шатко ни валко усваиваешь премудрость мэтра Герна, кое-чему уже научился — такому, чем можно по секрету похвастать в

кружке приятелей за закрытыми дверями... И у тебя еще остается время перекинуться с ними в кости за кружечкой пива... Для этого я время от времени буду выпускать тебя в город. Но запомни: отдыхом для тебя это не будет! Это будет работой. Игрой на сцене! И зрители... — Он наклонился ко мне поближе.— Зрители твои не будут простаками! Таких нет среди тех, кто служит Темным!

Он откинулся в кресле и окинул меня оценивающим взглядом. Глазки у него были несколько заплывшие жиром.

— Считай,— снова взял он торжественный тон,— что это будет твой первый серьезный экзамен на пути мага!

«Кажется, все-таки вторым»,— подумал я, вспомнив недавние слова мэтра Герна.

— Ну что же... — произнес я вслух, вставая со стула.— Раз надо приступать к делу немедленно, то я, с позволения Учителя, в полном вашем распоряжении.

Мэтр Касси нахмурился, произнес «гм-м!» и прочистил горло громоподобным кашлем. На этот кашель, словно на зов, осторожно выглянул из-за дубовой двери еще один подмастерье — на этот раз мне незнакомый. Видимо, прибывший сюда вместе с мэтром Касси.

Не ожидая особых распоряжений, он положил к ногам своего Учителя грубого холста мешок, прочно затянутый тонким кожаным ремешком. Справившись с этим делом, парнишка бесшумно сгинул за дверью. Мэтр же, подхватив эту поклажу, не глядя, бросил мешок мне. Зазевайся я чуть-чуть, и остановил бы его в полете своей физиономией. Впрочем, и в этом случае ничего страшного не случилось бы: мешок был относительно легок и мягок.

— У вас здесь, конечно, есть душевая? — осведомился мэтр Касси, ставя пустую чашку на столик и поднимаясь из кресла.

И, получив, разумеется, утвердительный ответ, повернулся ко мне.

— Там,— он ткнул пальцем в сторону мешка,— одежда. Твой теперешний наряд не годится для предстоящих тренировок. Иди ополоснись, переоденься в это и спускайся

в подвал. Ведь ваш э-э... тренировочный зал находится там? — повернулся он к Герну.

Герн кивнул, а мэтр Касси бросил мне: «Жду тебя там» — и покинул кабинет следом за своим подмастерьем. На какое-то — довольно короткое — время мы с мэтром Герном остались с глазу на глаз.

— Послушайте, Учитель,— осторожно спросил я.— Так все-таки мэтр Касси — настоящий маг? Может творить чудеса? Или...

Учитель усмехнулся:

— Касси — человек сложной судьбы. После того как его однажды чуть было не линчевали, сочли за благо отдать Трибуналу Светлых Сил... Трибунал же, вместо того чтобы изгнать его или наложить какое-либо покаяние, наделил его титулом Искуснейшего и определил ему роль разоблачителя обманной магии и карателя всяческой лжи, сопутствующей подобной магии. С этой ролью мэтр Касси превосходно справляется уже далеко не один десяток лет. Ни разу вопрос о его истинных способностях к колдовству и о его знании природы магии не ставился на обсуждение.— Он помолчал и добавил: — Я дал тебе исчерпывающий ответ, ученик.

Я поклонился и вышел — готовиться к тому, что мэтр Касси будет выжимать меня, как лимон. Досуха.

* * *

И мэтр исполнил свое обещание-угрозу. Что только не входило в многообразную и сумбурную программу подготовки мага-мошенника. И искусство «отводить глаза». И умение на глазок определить, где и что у первого встречного разложено по карманам. И умение незаметно в эти карманы запустить руку. Извлечь их содержимое или, наоборот, подбросить туда нечто необходимое для того, чтобы произвести надлежащий эффект.

Важным было умение определять, с кем именно из встречных ни в коем случае не стоит связываться. Наука читать жесты и позы людей занимала в программе моего

обучения почетное место. Так же, как наука отразить нападение разъяренного клиента, почуявшего неладное. Причем отразить так, чтобы по возможности не нанести ему заметного вреда и тут же мгновенно исчезнуть с глаз долой.

И еще были «чудеса». Строго говоря, вполне годящиеся для ярмарочного балагана, но поистине гениально аранжированные мэтром Касси. В чем я убедился вполне, так это в том, что это искусство у мэтра было возведено поистине на высочайший уровень. Даже простое передергивание карт или извлечение «джокера» из рукава обставлялось им так, что ни малейшее подозрение не могло закрасться в душу наивного партнера.

Кроме того, терпение и педагогические способности мэтра были поистине безупречны. Уже к концу первой недели наших занятий я мог считаться довольно квалифицированным карманником. В сочетании с навыками гипнотизера и некоторыми другими умениями, которых я успел набраться у мэтра Герна, это давало мне некоторые шансы на скромный заработок в дальнейшей жизни в Странном Крае.

Большую роль в организации «магического» действа играла незаметная помощь учеников-подмастерьев мэтра. Их, оказывается, было у него великое множество. В доме Герна они появлялись большей частью поодиночке — то один, то другой. Все они тщательно скрывали в повседневной жизни связь со своим мэтром. Иначе им никак не удалось бы исполнять роль статистов в зрелищах, которые устраивал на публике Касси.

Нет, сам он не зарабатывал мошенничеством и медного гроша. По крайней мере, никто и никогда не ловил его за руку за подобным занятием, после того как ему случилось иметь дело с Трибуналом Светлых Сил. Но он время от времени — после некоторого подпольного расследования — вызывал на состязание кого-нибудь из особо зарвавшихся псевдомагов, бродивших по Странному Краю.

Обычно такой вызов, если противнику не удавалось от него уклониться, кончался для очередного жулика полным поражением. Мэтр буквально выворачивал его мошенничество перед собравшимися поглазеть на турнир магов ротозеями наизнанку. Демонстрировал свое могущество. А уж когда дело заканчивалось торжественным изгнанием вывалянного в смоле и перьях конкурента (редко кому удавалось ускользнуть от бдительного разоблачителя), собирал с присутствующих благодарственную дань. Она, впрочем, составляла далеко не основную часть доходов мэтра.

От себя ему приплачивали конкуренты разоблаченного жулика и Трибунал. Поговаривали, что и «магическое» жулье иногда кланяется ему солидной суммой, чтобы держать разоблачителя подальше от себя.

Впрочем, на выбранной им стезе мэтру Касси приходилось ходить по лезвию ножа: от братии магов-мошенников можно было дождаться не только солидного откупа, но и ножа в спину на темной тропинке или неожиданного «компромата», умело и вовремя преподнесенного в высшие инстанции края и Ордена.

От клинка мэтра спасала собственная осмотрительность, а от клеветы — его собственный, постоянный самооговор. Постоянные сетования на свою порочность и мошенническую сущность своего искусства были непременным присловием к любой его речи. Как мне кажется, я выбрал неплохую тактику реагирования на эти стенания. Я посмеивался над ними. Посмеивался, бросая время от времени на мэтра понимающий, немного заговорщицкий взгляд. В таком режиме наши отношения поддерживались на некоем оптимальном уровне неопределенности.

* * *

Первое испытание оба мэтра решили обрушить на меня уже менее чем через месяц. Испытание называлось подагрой прокурора Лессажа.

Вообще-то к тому времени я уже понял, что в Странном Крае существуют судейские власти и прокуроры. Не новостью было и то, что любого прокурора может постичь такая хворь, как подагра. Но то, что мне предстояло выступить в роли мага-целителя, вселило в меня ужас. Этот мой ужас изрядно позабавил обоих Учителей.

— Да, я порекомендовал тебя прокурору провинции как моего лучшего ученика,— усмехнулся мэтр, окидывая взглядом мое дорожное одеяние, которое я примерял по его распоряжению.

Оно придавало мне сходство с бродячим проповедником с какой-нибудь околобиблейской олеографии. Разговор происходил в своего рода примерочной — уголке тренировочного зала, отгороженного от посторонних глаз временной занавеской. Мы втроем (третьим, естественно, был мэтр Касси) обсуждали предстоящую мне миссию без свидетелей.

— Ты совершаешь свое первое турне по Риккейскому анклаву,— продолжил он.— И завернешь к нему по моей просьбе. Можешь не особенно переживать за дефекты своего медицинского образования,— махнул мэтр рукой.— Многие из окончивших околовсяческие медкурсы не справятся с тем, с чем приходилось справляться тебе. Тогда — под пулями...

— Как-никак,— пожал я плечами,— медицинский мой опыт сводится в основном к набору способов оказания первой помощи в полевых условиях. Но никак не к знанию методов лечения хронических заболеваний.

— Ну,— усмехнулся мэтр,— это само по себе немало. Да, кроме того, ты немного расширил свои познания за время нашего с тобой знакомства. Но главное не в этом. Главное в том, что господин Лессаж — мой старый пациент. Его болезнь не так уж тяжела и носит более невротический, чем органический характер. Ты уже не первый из моих учеников, который пользует этого больного. Я хорошенько проинструктирую тебя. Дам препараты — обыкновенные, с Большой Земли, и кое-какие лично мной заговоренные. Или взятые у магов высокого полета.

А в помощники тебе дам Кунни. По возрасту он как раз подходит на эту роль. Он в основном будет изображать из себя мальчика на побегушках. А в случае чего подстрахует тебя. Он уже умеет кое-что.

Мне очень не понравилась перспектива ходить надутым индюком, делая вид, что тот, кто будет настоящим лекарем, всего лишь мелкая сошка, призванная таскать за мной по следам мой багаж и растирать в ступочках магические порошки. Но я промолчал. Цель все еще продолжала оправдывать средства.

— Твоя задача сейчас,— продолжил за Учителя мэтр Касси,— это хорошо сыграть свою роль. Не важно, что прокурор не столько подагрик, сколько неврастеник. И мы слегка приувеличим значение той помощи, что ты окажешь почтенному олдермену. Главное, что на тебе обозначится клеймо качества. Всяк знает, что мэтр Герн не пошлет кого попало пользовать господина провинциального прокурора.

Мэтр повернулся к Касси и добавил:

— Ну а в случае какого-нибудь прокола... Даже если возникнут хоть малейшие подозрения... Ведь тогда за авторитетным заключением можно будет обратиться к специалисту. Всяк знает, что мэтр Касси слов на ветер не бросает и никого зря не оклевещет...

Оба мэтра понимающе улыбнулись друг другу.

— Кстати,— заметил Касси, поправляя узел на веревке, служащей мне поясом,— по пути до имения господина прокурора ты снова будешь иметь возможность пополнить свой опыт по части того, что представляют собой здешние дороги и здешние путники, что ходят по этим дорогам. Не пренебрегай этой возможностью.

* * *

И в этом он был прав. Знакомство с местными дорогами было занятием бесконечным и увлекательным. Тем более если ты защищен иммунитетом мага и если в спутники тебе достался такой всезнающий и говорливый хит-

рец, каким оказался Кунни. Я наконец получил возможность поближе познакомиться с *настоящим* учеником мага. Парнишкой, Меченным настоящим Знаком. Грудь Кунни украшал Знак Оков. Он и вправду наводил на мысль о наручниках. И происходил Кунни, как и я, с Земли. Только откуда-то из Штатов. Предаваться воспоминаниям о тех временах он не любил. Зато о местных делах и делишках говорил много и увлеченно. Кое-какие свои магические умения вроде способности разжигать костер дуновением или оставаться сухим под редким дождичком он продемонстрировал мне сразу. Некоторые обнаружились потом — по ходу дела. Самое удивительное, что именно он, Кунни, был больше, чем кто-либо, уверен в том, что мои способности — не миф, а вполне объективная реальность и не проявляются они только потому, что надо мной тяготеет заклятие. Заклятие, следов которого никак не может почему-то обнаружить мэтр.

Господин Лессаж, оказывается, был на пару с губернатором царем и богом аграрной провинции Точь, составлявшей добрую треть Риккейского анклава. Правда, на пару городов, расположенных в пределах Точи, его власть не распространялась. У городской вольницы здесь были свои законы. Зато сельская местность являлась его вотчиной. Здесь, вдалеке от мест чересчур цивилизованных, его превосходительство обитал в своем имении, там же и вершил дела, изредка наведываясь в официальную резиденцию при дворе губернатора. Тронулись мы спозаранку и добрую часть пути проделали по утренней прохладе. Царило снова здешнее лето — сухое и почти безветренное.

Должно быть, страдания господина прокурора были не столь жестокими. По крайней мере, он не выслал за предложенным ему целителем отдельного экипажа. Так что нам с Кунни приходилось двигаться к месту назначения с помощью двух неплохих, судя по всему, коней. Что до Кунни, то он был вполне опытным наездником. Я же искусство верховой езды только осваивал и то и дело спешивался и вел своего Россинанта под уздцы.

Россинанта, впрочем, звали на самом деле Нельсоном. Должно быть, из-за черного пятна-«повязки», как бы закрывающей левый глаз.

Двигаясь таким образом, мы должны были добраться до имения его превосходительства где-то наутро после второй ночевки. Конечно, с поправкой на относительность длины здешних суток. Уже через два-три часа после того, как мы вышли за пределы Убежища и Коонра, к нам стали прибиваться весьма разнообразные попутчики. Оказалось, что странствовать под прикрытием попутного мага — очень популярный в Странном Крае способ передвижения. И в то же время сопряженный со специфическим риском. На этот счет меня инструктировали достаточно подробно — и мэтры, и говорливый Кунни. А позже я набрался в этой области и собственного опыта.

Да, лихие люди нападать на такие караваны избегали. Зато постоянными их спутниками, как блохи у бездомных псов, были охотники поживиться за чужой счет. Как правило, они маскировались под народ порядочный, «государевых людей», путешествующих по казенной надобности, купчишек, поспешающих до ярмарочных мест — как правило, при каком-то товаре, который при ближайшем рассмотрении мог оказаться обычным фальшбагажом, состоящим из бросового тряпья, а то и просто из придорожных камней. Были и такие, которые плели незатейливую чушь про умирающих дядюшек и тетушек, на похороны к которым они поспешали в надежде успеть сказать им свое последнее «прости».

Обычно вся эта публика состояла в основном из профессиональных картежников, карманников и шарлатанов. Шарлатаны бывали разными — от тех, что втюхивали кому-нибудь из попутчиков фальшивые брюлики, талисманы и карты неотрытых кладов, «выходящих» из земли в одни им известные дни, но только для избранных, явственными приметами коих непременно оказывался наделен одурачиваемый субъект,— до тех, что умудрялись брать у попутчиков взаймы под немыслимый процент все их сбережения для основания баснословно прибыльного

гешефта. Были и такие, что выдавали себя за знаменитостей разного масштаба, были и лжелекари, и продавцы лечебных снадобий. Но последние опасались связываться с компанией, в которой присутствовал маг.

Не надо думать, что странствовать магам приходилось исключительно в обществе одних только проходимцев. Большинство попутчиков, собиравшихся под крылышко странствующих колдунов, были вполне порядочными людьми. Притом достаточно прижимистыми, чтобы не клевать на наживку нечистых на руку спутников. А эти последние тоже избегали собираться во множестве и действовали согласно своему неписаному уставу: будучи предупреждены о том, что место занято, не претендовали на то, чтобы втиснуться в караван, уже взятый под опеку. Для таких предупреждений и тому подобного тайного общения существовали и тайный язык, и система сигналов, известных только посвященным.

После полудня в состав нашего каравана вошло немало разнообразного народа. Две довольно тяжело груженные арбы, каждая при экипаже в два-три человека, тройка всадников в мундирах разных реджиментов и с полдюжины неопределенных путников — при мулах и ишачках, навьюченных туго набитыми тюками и седельными сумками. Кунни стал проявлять признаки беспокойства.

— Ты не заметил,— тихо спросил он, приблизившись ко мне,— кто прицепил вон ту желтую бечеву сзади той арбы, что идет справа?

— Не заметил,— признался я.— Но, должно быть, ее кучер. Или хозяин. Кому еще это нужно?

Кунни с сомнением покачал головой.

— Нет, не они... — задумчиво бросил он.— Эти — честные... Честный извозчик и честный сопровождающий. Я проверял, у них товар настоящий. Мануфактура, специи... Везут от одного хозяина другому.

— Угу... — неопределенно пробормотал я.— А веревку эту — что, мог подвесить туда только нечестный человек?

— Это знак,— вздохнув, объяснил Кунни.— Для шулеров. И для всякого такого народа. Он означает, что у

нас в караване уже есть «свой» картежник-специалист. Скорее всего — на пару с ассистентом. На обеденном привале они обязательно дадут о себе знать.

* * *

И они действительно проявили себя. Только тогда я понял, как осмотрительно выстроил свое поведение Кунни. Он ни разу не обнаружил себя как приданный мне мэтром подмастерье. По предварительной договоренности — не совсем тогда мне еще понятной — перед своими попутчиками мы разыгрывали роль посторонних друг другу людей. Кунни был для них просто еще одним спутником, так же, как и они, притулившимся к путешествующему в одиночестве магу.

Теперь эта невинная мистификация сработала.

Карточная игра началась еще в дороге. Играли сначала на одной арбе — раскладывая карты на тюках, потом — на обеих... На обеденном привале играла уже вся честная компания. Со вздохом дал уговорить себя на партию-другую и я. Вне игры остались только трое почитателей какого-то местного культа, жрецы которого косо смотрели на азартные игры.

По тому, как везло новичкам и как сокрушались проигравшие по мелочи, пара «специалистов» вычислялась легко. Один — рыжий и длинный как жердь — беспрерывно косил под простака. Другой — более упитаный, лысый как коленка и вооруженный пенсне — строил из себя знатока, но невезучего, сыпал карточными терминами и поговорками, но на первых порах то и дело оказывался в пролете. Надо сказать, что примазались они к каравану по всем правилам — поодиночке, на разных участках пути, и своего знакомства ничем не выдавали. Спустив для затравки несколько стопок монет, они принялись повышать ставки и вот уже начали аккуратно вычищать карманы вошедших в азарт попутчиков. Время от времени возможность сорвать куш предоставлялась кому-нибудь из маловеров, все-таки принимавших участие в игре, не-

смотря на свой скептицизм. Надо сразу сказать, что оба жулика, взявших в работу наш караван, далеко не были виртуозами своего дела. Оно и понятно: виртуозы работают в казино и дорогих отелях. В крайнем случае — в приличных постоялых дворах. У костра на привале делают свой бизнес не слишком поднаторевшие любители легкой наживы.

Те двое, что достались нам, наглели с каждой минутой. Ничего не стоило поймать их за руку, но устраивать душераздирающие сцены с мордобитием и потенциальной поножовщиной не входило в мои планы. Просто пришло время проявить свои умения, полученные от обоих мэтров, и мне, и Кунни.

Нет, конечно, участвующему в игре магу нельзя было постоянно оказываться в числе выигравших. Я потихоньку оставался внакладе, но не слишком демонстративно о том сокрушался. А счастье в игре вдруг перестало улыбаться Жердю и Знатоку. Сначала стало помаленьку везти всем другим, а затем финансовые потоки недвусмысленно направились в карманы Кунни. Первыми, как можно было ожидать, признаки недоверия проявили именно оба шулера. А когда сомнение обозначилось на лицах уже почти всех, участвовавших в игре, Кунни бросил карты на стол и заявил, что дальше играть не будет, а каждому, кто хочет с ним объясниться, может рассказать, как надо честно выигрывать в карты. И если тот, кто получит такое объяснение, захочет после этого получить свои деньги назад, то Кунни их тут же ему вернет с извинениями.

Я было подумал, что дело идет к выяснению отношений на кулаках, но ошибся. Порядком продувшиеся игроки собрали комиссию из четырех человек (от фракции шулеров в нее вошел Знаток). Комиссия уединилась под тентом выбранной для совещания арбы вместе с Кунни, и с полчаса оттуда доносился глухой бубнеж, недвусмысленно свидетельствовавший об интенсивно идущей там словесной разборке.

Затем все ее — разборки этой — участники выбрались снова на свет божий и разбрелись среди остальных спутников. Те сбились в кружки вокруг каждого из них и принялись оживленно перешептываться. При этом все они то и дело со значением косились в мою сторону. Исключение составлял только сам Кунни, отошедший к костру и принявшийся не спеша доедать остатки походного варева из котелка.

Мне ужасно хотелось спросить его, что именно он наплел честной компании, но не стоило афишировать наше с ним близкое знакомство. Так что я и сам принял значительный вид и начал готовить своего Нельсона к продолжению пути.

* * *

Вечер, а затем и стремительно опустившаяся на Странный Край ночь застали нас на подходе к основной цели путешествия всех (кроме меня и Кунни) путников нашего каравана — к городу больших ярмарок Маддикешу. Этот путь мы проделали в почти торжественном молчании. У ворот города наши спутники торжественно попрощались с нами, вручив некие свои дары, считавшиеся символическими. Почти никто из них не произнес ни слова, кроме общепринятой здесь формулы благодарности и прощания. Попрощался со мной для проформы и Кунни. Попрощавшись, отправился в город уточнять виды на ночлег.

Один только Знаток, пожимавший мне руку последним, еле слышным шепотом осведомился:

— Это правда — то, что рассказал ваш парнишка?

Ответом ему послужило мое величественное молчание. Чем же еще я мог ему ответить?

— Это правда,— уточнил Знаток,— что вы продали ему магию везения в игре?

Я чуть не поперхнулся. Вот что, оказывается, наврал им хитрец Кунни! И себя защитил от обвинения в при-

митивном шулерстве, и мой «политический капитал» умудрился приумножить.

— Да,— с достоинством в голосе ответил я так, как будто речь шла о чем-то само собой разумеющемся.— Я оказал молодому человеку эту услугу...

Знаток склонил голову набок и из этого положения заглянул мне в глаза. Напоминал он при этом озадаченного попугая, заглядывающего в пасть удава.

— И правда,— продолжил он свои еле слышные расспросы,— что платить за это так страшно?

Разумеется, я не имел ни малейшего представления о том, что там наврал Кунни про цену карточного счастья, но опыт построения неопределенных ответов у меня накопился уже солидный.

— Страшно — понятие относительное,— ответил я с предельно умным видом.— То, что страшно для вас, оказалось вполне приемлемо для этого юноши...

Знаток сокрушенно покачал поблескивающей в свете звезд головой.

— Молодой человек, должно быть, еще ничего не понимает в жизни... — произнес он с горечью в голосе.— Ни-че-го! Я бы,— добавил он, помолчав немного,— никогда не согласился на это... Ни-ког-да!

Сообщив это свое мнение, он печально повернулся ко мне спиной и, прихрамывая, заспешил к воротам. На память он тоже оставил мне свой подарок — карту из местной колоды с изображением зеленеющего дерева. В земных колодах игральных карт такой нет. Карта была крапленой.

* * *

Я дождался возвращения Кунни в рощице у ворот Маддикеша. Тут собралась целая компания таких прибывших на ночь глядя путников. Одни собирались провести ночь прямо здесь, на лоне природы, другие, как я, отправили гонцов в город побеспокоиться о ночлеге. Первые уже раскладывали спальные мешки, разбивали па-

латки и договаривались между собой о ночном дежурстве у костра. Вторые в ожидании гонцов перебрасывались отдельными фразами, знакомились, травили дорожные байки.

Ждать пришлось довольно долго. Появился Кунни, встревоженный и помрачневший. Основной новостью, которую он привез, было то, что в городе пахло Темными. Основные места постоя проезжих магов были сейчас покинуты и, похоже, стали напоминать собой ловушки. Кто-то из магов, побывавших в городе прошедшим днем, оставил на этот счет свои знаки-предупреждения.

Немного посовещавшись, мы с Кунни решили миновать город стороной и заночевать подальше от слишком многочисленной и разношерстной компании, собравшейся в роще у ворот Маддикеша. У Кунни на этот счет было присмотрено неплохое местечко в стороне от главных дорог и трактов. Судя по всему, ему немало пришлось поколесить по Риккейскому анклаву, выполняя разнообразные поручения мэтра, и он неплохо знал особенности здешних мест.

Место, им выбранное, было и впрямь неплохим. Располагалась эта крошечная полянка не так далеко от реки, чтобы быть заметной в прибрежном кустарнике на фоне темной стены камыша, но и не так близко, чтобы нас протягивало речной сыростью и холодом. Кроме того, Кунни усмотрел в здешней почве некую «магическую грибницу» и остался этим очень доволен. Некоторое время он колдовал, посыпая периметр нашего ночлега порошками и спорами из припасенных для такого случая кожаных кисетов, потом — опять-таки не без помощи магии — разжег небольшой костерок, который давал очень уютное, какое-то надежное тепло и совсем не дымил. Светлое пламя его было на редкость прозрачным, не заметным издалека.

— Будем дежурить по очереди,— сказал Кунни.— Но можешь не очень вибрировать: место само нас защищает. Если надо — спрячет. Если надо — разбудит.

«Хорошо, если так...» — подумал я. Но внутренне приготовился к прерывистому сну, от какого уже успел отвыкнуть за годы мирной жизни. А вслух спросил:

— Слушай, Кунни, так какую же все-таки цену я запросил с тебя за магию удачи в игре?

Кунни рассмеялся:

— Я стравил этим чудакам байку, что теперь, после того как купил у тебя удачу, я после смерти стану колодой карт, послушной тебе. Нравится выдумка?

Странно: дневной переход был довольно утомителен, но в сон нас не тянуло. Мы уселись у костра, поставили на него один котелок с заготовленным на ужин варевом, другой — с водой для настоя, именуемого в здешних краях чаем, и тихо разговаривали обо всем и ни о чем. Разговор наш спугнул шум, раздавшийся в камышах.

* * *

Мы оба — чисто автоматически — заняли круговую оборону. Стволы, не магические, а самые настоящие, десантные, укороченные АКМ были у нас наготове. Я взял на прицел предполагаемый источник шума, Кунни — противоположное направление. На тот случай, если шум был отвлекающим маневром.

— Это не могут быть *они,*— тихо, одними губами прошептал мой спутник.— Это не враг...

Это и не был враг. По крайней мере, источник шума и не думал таиться от нас. Еще не появившись перед нашими глазами, он окликнул из камышей:

— Маг Серж!... Эй, маг Серж...

Голос незнакомца был уверенным и хрипловатым. Я переглянулся с Кунни. Откашлялся.

— Кому я нужен? — отозвался я негромко.

Из зарослей, нарочито неуклюже приминая высокую траву и ветки, появился рослый тип в кожаной куртке — такой же, какую носил покойный Теренс,— и в потертых брезентовых брюках. Обут тип был в тяжелые альпинистские ботинки. Был он коротко стрижен и почти совер-

шенно сед. Считать ли растительность, украшавшую его лицо, дошедшей до предела своего роста щетиной или небольшой бородкой, видимо, было делом вкуса. Никакого оружия при незнакомце не наблюдалось. Небольшой потертый рюкзак, болтавшийся на одном его плече, угрожающего впечатления не производил. Он с некоторым сомнением переводил взгляд с одного из нас на другого.

— Это вы,— наконец произнес он, остановив свой выбор на мне,— тот колдун, что торгует игорным счастьем?

Н-да... Быстро распространялись слухи в этих краях.

— Вам это в Маддикеше рассказали? — поинтересовался я, стараясь не спускать глаз с неожиданного гостя.— Эта информация устарела. Весь запас карточного счастья на сегодня распродан. Нового еще не завезли со склада... Кстати, как это вам удалось так быстро отыскать нас?

— Х-хе! Это длинная история,— криво ухмыльнулся незнакомец и выразительным взглядом указал на все еще направленный на него автомат.

— Если вы не против, то присаживайтесь и расскажите ее, историю эту,— предложил я, приводя оружие в менее угрожающее положение и делая приглашающий жест.

— Если хотите хлебнуть чаю, то он будет готов через минут пять-шесть,— включился в разговор Кунни, тоже принимая более миролюбивую позу.— Да и рагу, если это у нас рагу, вон там, в алюминиевом котелке, тоже на вас хватит. Вот только с посудой у нас...

— Насчет посуды не беспокойтесь,— усмехнулся незнакомец, проворно занимая место у костра.

Он сбросил с плеча свой рюкзак и сноровисто добыл из него джентльменский набор — миску, кружку, ложку. Потом кус хлеба, завернутый в полиэтилен. В дополнение ко всему этому фляжку и предложил нам отведать ее содержимое. («Прекрасный дурификатор»,— выразился он.) Содержимым оказался коньяк — не знаю, чьего производства, но явно не суррогат. Хлеб гость поделил на всех, в миску себе плеснул черпачок нашего варева и уже затем, слегка расслабившись, расстегнул «молнию» куртки, оперся спиной о высившийся позади него пень и

снова обвел нас взглядом, видно проверяя нашу готовность выслушать его.

Под курткой, кстати говоря, на нем был потертый свитер с высоким воротом — словно на дворе была зима. Но не это привлекло мое внимание, а золотая на вид цепь с плоскими звеньями на шее незнакомца. На цепи этой болтался довольно любопытный медальон — похожая на какую-то кустарную ювелирную поделку, неправильная и к тому же разорванная около одного из острых углов пентаграмма. За то время, которое мне пришлось рассматривать ее, я успел сообразить, что это вовсе не примитивная поделка, а скорее странный каприз какого-то сумасшедшего ювелира, с большим искусством воплощенный в золоте.

Так мы и поглощали ужин — присматриваясь друг к другу и прикидывая, кто есть кто...

— Видите ли, ребята,— произнес незнакомец, почесывая белый шрам над бровью.— Что касается торговли удачей, так это я услышал не в городе — я туда не заходил,— а вот сейчас от вас самих. Я, с вашего разрешения, позволил себе немного посидеть тихо в камышах, пока вы тут разговаривали на разные темы. Это, конечно, не по-джентльменски, но... Но уж простите великодушно — мне приходится встречаться с разным народом, и всегда лучше составить представление о людях, с которыми предстоит иметь дело...

— А мое имя вы тоже узнали из разговора? — осведомился я.

Я точно был уверен, что за последние час-полтора Кунни и не думал называть меня по имени.

— А это,— усмехнулся он,— был просто случайный камушек в кусты. Я как раз ищу мага Сержа... Сергея. Ученика мэтра Герна. Ну и решил проверить — не вы ли это? В конце концов не так уж много бродит по одной дороге в одно и то же время...

— Ну что ж,— пожал я плечами.— Приятно, что мы с вами встретились. Ну а место, где нас можно было найти этой ночью, вам, конечно, подсказали духи этих мест?

И, кстати, раз уж можете теперь обращаться ко мне по имени, то почему бы и вам не представиться?

— Что ж, вы правы,— признал наш гость.— Что до вашей дислокации, то тут все просто. От ворот города я всего-навсего шел за вами... Слава богу, вы шли своим ходом. Вскочи вы в седла, я бы вас упустил. А что до моего имени...

Он снова выставил на стол фляжку.

— В разных местах меня называют по-разному. Если хотите навести обо мне справки в городе, то спрашивайте менял о Шоне Бородаче... А кстати, как зовут вашего юного спутника?

— Кунни,— отозвался тот.— Подмастерье мэтра Герна. А среди Ходоков вы под каким именем фигурируете? Ведь вы из них будете?

— Я знаком со многими Ходоками,— ответил гость с большой степенью неопределенности.— Вы судите по тому, как я одет?

Кунни пожал плечами:

— Не только. Одежда не главное. Каждый может одеться под Ходока или под моряка... А вот идти по следам людей, защищенных магией, и остаться незаметным, может либо человек, знакомый с навыками Ходоков, либо маг. Но вы не маг...

— Давайте остановимся на имени Шон,— нахмурился гость, отвинчивая крышку фляги.— Не желаете еще немного моего дурификатора за знакомство — перед чаем?

Мы подставили кружки и молча хлебнули еще по паре глотков коньяка.

— Вы говорите, что знаете многих Ходоков,— осторожно поинтересовался я.— Среди них нет человека по имени Грегори... Григорий? Он, по всей видимости, из русских, как и я...

Гость с интересом глянул на меня.

— У вас к нему дело? — спросил он.

— В некотором роде,— ответил я.— Если вы знаете, как связаться с ним...

Гость задумчиво потер лоб.

— Я постараюсь это узнать для вас,— коротко бросил он.— Нам с вами потребуется взаимопонимание... В ближайшем будущем.

— Значит, вы искали именно меня по какому-то делу... — перешел я к дальнейшим попыткам уяснить для себя ситуацию.— Ну так по какому же?

Незнакомец почесал свой шрам.

— Ну, допустим, я хотел... — начал он, внимательнее присматриваясь ко мне.— Допустим, я хотел перебросить ся с вами в те же, например, картишки. Ставлю вот эту игрушку...

Он снял с шеи свою цепь со странным медальоном и бросил ее на брезентовую «скатерть», вокруг которой мы сидели. Меня это удивило. Мне непонятна была игра, которую мне явно навязывали. Я отодвинул цепь с пентаграммой в сторону гостя, предпочитавшего называться на ирландский манер Шоном.

— Мне нечем ответить на такую ставку...

Шон покачал головой:

— Вы заблуждаетесь. У вас есть что поставить на кон. Вы ведь всегда носите с собой очень редкую монету. Она, правда, сильно потерта и поцарапана, но она уникальна.

Меня чуть не подбросило на месте. Все карты разом спутались. В игру явно вошел кто-то третий. Кунни почувствовал мою растерянность. Назвавшийся Шоном был, судя по всему, доволен произведенным эффектом.

— И давайте так... — сказал он, доставая из кармана рюкзака засаленную колоду карт.— Чтобы не было, как говорится, корыстного интереса. Если выиграю я, то заберу вашу монету только на время. Не больше чем на три дня. Чтобы,— тут он криво улыбнулся,— только удовлетворить свой интерес коллекционера... А потом вы получите ее назад в целости и сохранности. Ведь вы будете возвращаться в Коонр через Дождевой перевал?

Я скосился на Кунни. Тот кивнул.

— Допустим,— согласился я.— Маги никогда не возвращаются тем же путем, по которому пришли.

— Там есть постоялый двор,— сообщил Шон.— Или гостиница, если хотите... Называется «Ночной привал». Ее содержит мой хороший приятель — Старый Лайнус. Скажете ему, кто вы и что вы от меня. От Шона... Он вернет вам вещицу. И наверное, у него будет мое письмо для вас. Думаю, что оно вас очень заинтересует...

Он принялся раздавать карты.

— Ну а если мою вещицу выиграете вы, то у меня будет к вам одна лишь просьба... Условие. Вы эту вещь не продаете. Вы носите ее открыто. И отдадите ее только тому, кто имеет на нее право...

— И как я узнаю этого человека? — поинтересовался я, разглядывая свои карты.

— Узнаете,— заверил меня Шон.— У вас не возникнет никаких сомнений... А если они возникнут, то оставите для меня письмо у Старого Лайнуса. Ваш ход...

— А если такой человек вообще не появится? — резонно поинтересовался я, выкладывая свою карту.

— Это очень огорчит меня... — мрачно буркнул Шон и взял прикуп.— Тогда вы просто оставите вещь у Лайнуса. И если сочтете нужным приложите к ней письмо...

Кунни все с большей тревогой прислушивался к нашей беседе. Похоже, что он ничуть не оскорбился тем, что не был приглашен к игре. Его волновало другое.

— Почему бы нам просто не обменяться этими... предметами? — спросил я.— А потом вернуть их друг другу на тех же условиях? Вам не кажется, что так будет надежнее?

Шон отрицательно покачал головой.

— Мы еще слишком плохо знаем друг друга... — ответил он.— И если просто доверимся друг другу, риск будет больше в два раза, чем если сначала проверку пройдет один из нас... Давайте не обсуждать эту тему больше. Или играем или нет.

Он принялся складывать свой «сервиз» в рюкзак, вытирая каждый из трех предметов, его составлявших, широким листом какого-то лопуха, росшего чуть поодаль.

— Играем,— сказал я, подумав.

И, меняя тему разговора, добавил:

— Так вам приходилось бывать в Других Мирах?

Снова последовал довольно уклончивый ответ:

— Я узнал о них многое... Только в некоторых из них может выжить человек...

— А в Мире Темных?

Шон усмехнулся:

— Как ни странно, их Мир довольно похож на земной... Некоторые даже думают, что это Земля и есть — только через тысячи лет. После разных войн и катаклизмов... И Странный Край был тоже когда-то срисован с Мира Темных... Они ведь были его первоначальными хозяевами...

— И вы думаете, что они правы, когда хотят вернуть его себе?

— Хм... — отозвался Шон, разглядывая свои карты.— Кто, по-вашему, прав — волки или овцы? Фаг или бактерия? Вопрос в сфере морали ответа не имеет. Наше дело — просто выжить в предлагаемых обстоятельствах.

Я кивнул в знак согласия и принялся внимательно оценивать сложившийся расклад карт. Меня мучило подозрение или догадка о том, кем на самом деле является наш ночной гость. Но, видно, еще не время было ставить вопрос ребром. И я просто произнес двусмысленное:

— Может быть, откроем карты?

Это могло быть отнесено и к реальным, бумажным картам, которые мы оба держали в руках, и к тем — воображаемым,— которые разложила перед нами Судьба. Но Шон перечеркнул оба этих толкования.

— Я продул! — резко сказал он, поднимаясь и накидывая рюкзак на плечо.— Вещь,— он кивнул на цепь с пентаграммой,— остается у тебя. Носи ее даже в бане. И запомни: «Ночной привал», Лайнус...

Он бросил свои карты на брезент «рубашкой» вверх. Повернулся и исчез в кустах, на этот раз не произведя ни малейшего шума.

С минуту мы с Кунни сидели молча и только переглядывались с недоумением. Потом подмастерье мэтра взглядом попросил у меня разрешения и взял в руки

доставшуюся нам на время причудливую цепь. Он повертел ее в руках, присмотрелся к ее узору и даже — опять с моего молчаливого согласия — примерил ее. Потом протянул тускло поблескивающую золотую змейку мне.

— Это — оберег,— определил он.— Магия... Но только не твой оберег. И не мой. Это оберег, рассчитанный на кого-то определенного. И еще — эти письмена... Видишь узор? Это руны... Узнаешь?

— Думаешь, это от Темных? — тревожно спросил я.

— Нет... — покачал головой Кунни.— Здесь многие пользуются их рунами. Это непонятно для посторонних. Тебе вреда эта штука не должна причинить. Просто этот тип уверен, что тебе очень скоро встретится тот, для кого этот оберег предназначен и кому это письмо адресовано.

Я ожидал, что он спросит меня теперь, о какой монете говорил назвавшийся Шоном. Но то ли он просто не хотел совать нос не в свое дело, то ли боялся вспугнуть меня. Он принялся собирать с брезента карты, которые, по всей видимости, ночной гость оставил нам на память. Заглянул в его расклад и удивленно присвистнул.

— Ты знаешь,— воззрился он на меня,— у этого типа был вовсе не проигрышный набор... Если бы вы раскрыли карты, то...

— Он явно приходил сюда не в карты играть,— махнул я рукой.

* * *

Наутро после ночи, показавшейся мне на редкость короткой, нас ждал сюрприз. Мы и двух километров не одолели еще по проселку, который после множества поворотов и перекрестков должен был привести нас где-то к следующему утру в имение его превосходительства, как обнаружили, что нас уже встречают.

У обочины пустынной дороги был приткнут вполне современный внедорожник, а рядом с ним высился детина, наряженный а-ля ковбоем, и махал нам своей ши-

рокополой шляпой. Еще пара — менее нарядных, но в том же стиле одетых чудил толклись неподалеку, выказывая умеренные признаки радости и гостеприимства.

Как выяснилось, за предыдущую ночь по причине сырости и многотрудного головоломного процесса, к которому, не щадя сил и здоровья, готовился их превосходительство Лессаж, его прокурорская хворь усилилась и уложила его в постель. В связи с чем прибытие миссии целителей решено было самым существенным образом ускорить. Для чего за нами и был выслан экипаж повышенной проходимости с командой встречающих, возглавляемой шерифом Монти. Имен остальных двух членов этого отряда я не запомнил, поскольку они остались далеко у нас в кильватере, чтобы позаботиться о наших лошадях и вовремя доставить их в прокурорское имение.

В дороге нам пришлось выслушать развернутое изложение точки зрения шерифа на все аспекты жизни всего Странного Края и провинции Точь в частности. Ввиду моей слабой осведомленности о здешних делах и того, что последние несколько недель мой слух был избалован хотя и слегка ломаным, но родным русским языком в исполнении мэтра и Кунни, я ощущал себя почти глухонемым и боюсь, что часто отвечал невпопад на обращенные ко мне реплики и вопросы. Тем не менее благодаря исключительной продолжительности этого дня прибыли мы на место назначения еще засветло, живыми и здоровыми.

Само имение и сам господин прокурор произвели на меня впечатление, прямо противоположное ожидаемому. Вместо дряхлеющего древнего замка, окруженного средневековой деревенской идиллией, предо мной предстало довольно современного вида ранчо, оснащенное электропастухом, парой тракторов и целым автопарком — от легковушек до грузовиков. О том, что я нахожусь не просто на ферме, а в имении провинциального прокурора, говорила только табличка на застекленной двери трехэтажного особняка, в котором и находилась «домашняя резиденция» господина Лессажа.

Сам прокурор оказался не желчным и сухим стариком, каким он представлялся мне на расстоянии, а довольно упитанным и добродушным на вид жизнелюбом средних лет, обеспокоенным сверх меры только двумя вопросами: делами своей фермы и состоянием собственного здоровья. Пока мы с Кунни создавали в его спальне обстановку, необходимую для проведения сеанса магической терапии, господин Лессаж, погруженный в инвалидное кресло, вел с нами неторопливую беседу. Речь шла в основном о трудностях ведения хозяйства в природных условиях Странного Края и о слухах касательно новейших методов лечения суставного отложения солей, доходящих сюда с Большой Земли.

* * *

Собственно прокурорские заботы стали темой наших разговоров неожиданно и в самый неподходящий для этого момент. К тому времени снаружи уже стемнело. Его превосходительство был умащен экстрактами подходящих для его исцеления трав, принял необходимые пилюли и тинктуры и был загружен в раскладную ванну с горячим «каменным настоем», когда плавный ход всей процедуры был нарушен шерифом Монти, который был отряжен дежурить в прокурорском кабинете. У меня сложилось впечатление, что этот веснушчатый и ширококостный тип был у Лессажа правой рукой.

Шериф влетел в спальню в состоянии явного возбуждения и, наклонившись к прокурорскому уху, выпалил в него нечто такое, отчего его превосходительство едва не выскочил из ванны в чем мать родила и не устремился в таком виде руководить какой-то срочной и грандиозной операцией. Нам едва удалось погасить этот его порыв.

Справившись с первым наплывом эмоций, прокурор принял в ванне начальственную позу и принялся диктовать распоряжения Монти, застывшему рядом с ним с телефонной трубкой в руке. Трубку эту его превосходи-

тельство временами вырывал и в бешенстве выкрикивал в нее нечто весьма круто закрученное.

Мы — как лекари — не изгонялись из спальни, превращенной одновременно в процедурный кабинет и в кабинет прокурора. Но и присутствие наше явно не было самой желательной декорацией к происходящей сцене. Я постарался просто внимать происходящему и уловить, в чем же состоит его суть. На это ушло некоторое время, но вычленить нечто связное из всей этой неразберихи мне таки удалось.

Недобрым словом поминали некоего Сизого Хирама и его людей.

— Что это за Хирам? — тихо спросил я у Кунни.— И какое отношение он имеет к Лессажу и его компании?

— Хирам — атаман очень опасной банды, что куролесит по всему краю,— столь же тихо ответил тот.— Они с Лессажем относятся друг к другу примерно так же, как Робин Гуд к шерифу ноттингемскому...

Собственно, дело состояло в том, что под самым носом у резиденции его превосходительства сразу после наступления темноты объявилась давно досаждавшая всему состоятельному народу здешних мест банда Сизого Хирама. Появившись же, занялась своим, как я понял, обычным делом — реквизицией излишков собственности у первых попавшихся под руку состоятельных граждан. Таковыми оказались владельцы двух граничащих с прокурорским имением «фазенд» — тоже «государевы люди», занимающие немалые посты в провинции и в анклаве. По какому-то стечению обстоятельств только расположенные между их владениями имения самого прокурора избежали этой участи. У меня сложилось впечатление, что их превосходительство был особенно оскорблен именно этим оказанным ему невниманием.

Грозные приказы и вопли в адрес подчиненных сводились в общем-то к хорошо знакомым и на Большой Земле мерам. Начать патрулирование дорог, привести в готовность блок-посты, сообщать шерифам о любых подозрительных лицах, случившихся окрест.

Примерно через час всей этой суеты наконец-то вспомнили и о нас. Нам позволили наспех завершить сеанс лечения, обещали завтра предоставить возможность снова осмотреть больного, поклялись не беспокоить его лишний раз и выставили в приготовленные для нас гостевые спальни на втором этаже особняка. Поскольку все происходившее имело слишком косвенное отношение к моим заботам и хлопотам, а день выдался до крайности длинный, я почти мгновенно заснул сном праведника.

* * *

Впрочем, если это выражение подходило случаю, то стоит признать, что сон праведников отличается все-таки определенной чуткостью. По крайней мере, раздавшиеся в ночной тьме хлопки выстрелов, отрывистые команды и истошные вопли «Держите суку!!!» оказались достаточной причиной для того, чтобы я вылетел из постели как ужаленный и осторожно — дабы не схватить случайную пулю — приблизился к окну и осторожно выглянул из него.

По ферме метались огни фар и огоньки фонариков. Через освещенное пространство порой пробегали контрастно высвеченные фигуры здешних ковбоев — кто с винтовкой в руке, кто с револьвером... В целом походило на то, что пришла пора и их превосходительству принять в гости Сизого Хирама. Непонятно было только — где, собственно, находятся нападающие?

Я принялся шарить под кроватью, где среди прочего багажа должен был находиться и мой ствол, и тут же вспомнил, что, как назло, все наше оружие было — от греха подальше — отдано на хранение шерифу Монти.

«Ладно,— сказал я самому себе,— в конце концов я, как маг и целитель, вместе с Кунни не должен опасаться разбойных нападений. Другое дело, что совпадение вышло не в пользу того, чтобы моя личность вызывала в дальнейшем приятные ассоциации. Как-то там Кунни?»

Я шагнул к двери. И в этот момент в нее постучали.

— Кто там? — осведомился я.

— Не беспокойтесь, мистер, свои... — тихо, едва слышно отозвался довольно нежный, хотя и с легкой хрипотцой голос.— Отворите, не бойтесь...

Все это мне страшно не понравилось — и то, что постучавший в мою дверь явно старался быть неуслышанным со стороны, и это «свои», и вообще что кто-то ломится ко мне посреди ночи под аккомпанемент стрельбы.

— Что вам надо?! — зло прошипел я.

Но голос однако же понизил.

— Живой остаться — вот чего я хочу! — ответил мне не менее злой шепот.

Почему-то этот аргумент подействовал на меня. Я подхватил за ножку довольно тяжелый табурет, составлявший, к счастью, часть меблировки моей спальни, стал сбоку от двери и отодвинул шпингалет.

В комнату проскользнула девушка лет шестнадцати-семнадцати, наряженная в защитное хэбэ, худая и угловатая. Лицо у нее было измазано то ли просто сажей, то ли спецпастой, которую используют коммандос. Это мешало оценить степень ее фотогеничности. Оружия при ней всего-то и было, что армейский штык, пристегнутый к поясу.

Она судорожно захлопнула за собой дверь и пристально уставилась на меня. Покачала головой...

— Нет, ты совсем не похож на брата,— сказала она.

Глава 8
ПИСЬМО ОТ БРАТА

Я молча, стараясь не производить лишнего шума, поставил тяжелый табурет на место, задвинул шпингалет, отошел от двери и уселся на жесткую кровать. Просто чтобы не стоять столбом перед невесть откуда взявшейся гостьей. Вспомнив вчерашнего ночного незнакомца, взял с тумбочки брошенный туда перед сном амулет-оберег и накинул его на шею.

Незваная гостья молча наблюдала за моими действиями. Вид у нее был суровый. Даже осуждающий. Она присела на корточки и заглянула под кровать.

— Черт! — прошептала она.— У вас здесь даже не спрячешься!... Навалено черт-те что!

— Вы прячетесь от охраны? — спросил я.

— Нет! — иронически фыркнула она.— От поклонников! От кредиторов! От ревнивых жен моих любовников! Вы скажете, ей-богу!

— К сожалению, не могу вам предложить ничего, кроме вот того шкафа,— кивнул я на узкий, встроенный «пенал» в торце комнаты.— Он тесный, зато пустой. И в нем нет тараканов.

Она с сомнением подошла к шкафу, сдвинула в сторону его дверцу и провела рукой внутри. Потом уселась на дно «пенала» и снова уставилась на меня.

— В плечах не жмет? — осведомился я.

— Завязывайте с шутками, мистер! — оборвала она меня.— Не до шуток. Я головой рискую только для того, чтобы с вами поговорить... Так что вот и будем говорить. Только говорить тихо! Как можно тише!

Я как можно тише переставил табурет к шкафу и уселся на него нос к носу со своей гостьей. Странным запахом наградило меня мое обоняние: от девушки пахло не только пропотевшей амуницией, не только порохом, но и еще чем-то, в чем угадывались обыкновенные духи. Не знаю — «Диор» или какая-нибудь дешевка. Не разбираюсь. Факт, что в таком сочетании этот аромат поразил меня.

Разорванная золотая пентаграмма болталась прямо перед лицом странной ночной посетительницы. Никакого впечатления на нее этот амулет явно не произвел.

— Вы сказали,— прошептал я,— что я не похож на брата... Чьего брата? Не вашего, надеюсь?

— Вы не похожи на своего брата,— раздраженно ответила она.— На Романа. Ромку.

— Вот как... Вы его видели? Когда? Где?

— Видела — как вас сейчас! Много раз. В последний— еще днем. В бункере, у папы...

— В каком бункере, у какого папы? — слегка обалдело спросил я.

В этот момент в здании — где-то внизу — начался гвалт. Кто-то по какому-то поводу негодовал. Кто-то отдавал энергичные распоряжения, кто-то просто с грохотом бегом поднимался по лестницам. До меня доносились обрывки фраз: «Не может быть, чтобы проникла...», «Позаботьтесь о безопасности прокурора! Он должен быть в...», «Перевернуть все вверх дном! Если...» В двери — дальше по коридору — забарабанили.

Гостья поднесла палец к губам и в мгновение ока полностью скрылась в «пенале». Даже дверцу умудрилась за собой задвинуть. При всей ее угловатости было в ней что-то плавное и стремительное, как в движениях дикой кошки.

Вслед за стуком из коридора донесся звук открываемой двери и голоса. Затем то же самое — стук и голоса — повторилось ближе. Еще ближе... Сомнений в том, кого искала охрана, быть не могло. Я тихо привел комнату и себя в надлежащий вид. Дождался нового стука, выждал немного и осведомился, кто меня беспокоит.

* * *

Естественно, беспокоила меня охрана в лице двух подтянутых молодцев, которым я, разумеется, отворил дверь по первому требованию, но без лишней спешки, как и полагается разбуженному посреди ночи законопослушному субъекту. Не давая им перехватить инициативу, поинтересовался, в чем, собственно, дело? И знают ли они, с кем имеют дело? Уж чему-чему, а умению смущать собеседников своим авторитетом оба мэтра меня научили.

Тот из охранников, что был постарше, откашлялся и вежливо объяснил, что еще в начале ночи разбойному нападению подверглись две соседние «фазенды». А несколько минут назад на территории прокурорского имения засекли бандитку из людей Сизого Хирама. Есть подозрение, что она успела спрятаться где-то в центральном

особняке. Возможно, банда задумала покуситься на самого провинциального прокурора... Не побеспокоили ли сегодня ночью господина мага? И нельзя ли посмотреть, все ли в порядке у него в комнате?

Я не успел еще и рта открыть, чтобы ответить, как за спиной охранников раздался тихий смех. Оба молниеносно повернулись, словно услыхали не смех, а звук взводимого затвора. Перед собой они увидели Кунни. Чем-то они его явно позабавили. Правда, судя по его виду, он всячески старался скрыть это под маской серьезности. Это ему, однако, не удавалось. Когда он подкрался к месту действия, я не заметил. Но сделал он это вовремя.

— Простите,— вымолвил Кунни.— Простите, господа... Но вы понимаете, что не только комната, в которой находится маг, но и все имение его превосходительства прокурора сейчас находится под магической защитой. Раз уж маг является его гостем... Разве вы не поняли, почему пострадали два соседних имения по обе стороны от имения господина прокурора, а на его собственное имение рука преступников не поднялась? Вы-то, ваше превосходительство, надеюсь, поняли это?

Он повернулся налево, и мы действительно увидели его превосходительство, энергично идущего к нам по коридору. Облачен его превосходительство был в белый пушистый купальный халат, тапочки на веревочной подошве и на вид был свеж как огурчик.

— В самом деле,— произнес он, благоухая экстрактом ночных трав,— господин маг и его помощник не нуждаются в ваших услугах, господа офицеры. Хотя, конечно, я ценю вашу бдительность... Займитесь обследованием других помещений...

Оба стража не замедлили последовать его распоряжению и стремительно покинули место действия.

— А вам, маг Серж, я благодарен от всей души,— прокурор с чувством пожал мне руку.— Я словно заново родился! Можно сказать, починили на ходу!

— Этот лечебный эффект требует закрепления! — поспешил я охладить его энтузиазм.— Завтра мы обязательно

должны повторить лечебный сеанс по полной программе. Полной и углубленной...

— Разумеется, разумеется! — заверил меня его превосходительство.— Я полностью в вашем распоряжении. В конце концов я имею право пожертвовать несколько часов на поддержание своего здоровья. «Сгореть на работе» — х-хе! Это легче всего. Провинции нужен энергичный, полный сил слуга Закона, а не подагрическая развалина! Скажите... — Тут он несколько помрачнел.— Скажите, это действительно так, что ваше присутствие само по себе могло — как сказал ваш помощник — защитить мои э-э... пенаты от осуществления преступных замыслов этих негодяев, которые... Или вы что-то предвидели и приняли соответствующие меры?

Я постарался преисполниться максимально убедительной силы и с поучительным видом провозгласил:

— И могло и, как видите, защитило! Сам маг, его жилище, постоянное или временное, жилище того, чьим гостем он является, находятся под магическим щитом. Его прочность не бесконечна, но, как правило, достаточна для того, чтобы не отвлекать мысли мага на заботы об элементарной безопасности! А вот что касается предвидения... Неужели вы думаете, что я бы не принял самых действенных мер для того, чтобы обезопасить от разбойников не только себя и вас, но и ваших уважаемых соседей? Вообще всех, кто мог стать их потенциальной жертвой?

— Мне не дано судить... — развел руками его превосходительство, явно впадая в некое самоуничижение.

— Очень даже дано! — позволил я себе сурово прервать его.— Маг, даже самый искуснейший, не получает права быть непорядочным человеком. И вы вправе судить наши поступки по самым обычным человеческим меркам. И если бы обладание магией делало наши силы безграничными, то уже давно не было бы в мире ни зла, ни несправедливости. Однако они по-прежнему существуют. Делайте выводы.

— Что ж... В любом случае... В любом случае...

Их превосходительство обмякал на глазах.

— В любом случае моя благодарность вам не знает границ... — произнес он, тряся мою руку.

Теперь его ладонь напоминала на ощупь слегка недоваренный капустный лист. Это даже встревожило меня, и я помог прокурору, подхватив его под увесистый локоть, развернуться на сто восемьдесят градусов и направиться в том направлении, откуда он появился.

Как только он скрылся из виду, я повернулся к Кунни, который скромно стоял у стенки, лишь легкой улыбкой провожая пошатывающуюся фигуру их превосходительства.

— Надеюсь,— предположил я,— прокурора сюда принесло не случайно?

Кунни пожал плечами:

— Немного магии, немного предварительного внушения... И вот — нужный человек приходит в нужное место и в нужное время. И главное — говорит и делает именно то, что от него требуется.

Он вздохнул:

— Единственное, что плохо, так это то, что мне не удается долго удерживать эффект. Пять-шесть минут от силы. Дальше идут непредсказуемые эффекты. Но то, что было в эти пять-шесть минут, господин прокурор будет воспринимать как свои собственные слова, мысли и поступки...

— Как ты догадался, что мне нужно помочь?

Кунни пожал плечами:

— Ты же знаешь, что Учитель поручил мне тебя подстраховывать...

— Спасибо,— только и мог сказать я.— Ты меня выручил...

Кунни лишь кивнул — этак скромненько — и заторопился по коридору к двери выделенной ему для ночлега каморки. Он и виду не подал, что его как-то интересуют мои дела. Хотя я готов был поклясться, что знал он, знал про ту, что пряталась в шкафу моей спальни. И я не сомневался — случись что, он снова тут же окажется на месте.

* * *

Заперев дверь, я сел на кровать, чувствуя себя просто мешком с картошкой, норовящей сгрудиться в бесформенную кучу. Я сидел таким манером и потихоньку приводил в порядок свои мысли и чувства. Спустя немного времени почти бесшумно съехала в сторону дверца встроенного шкафа, и из темного провала вынырнула перемазанная копотью и едва различимая в сумраке физиономия моей гостьи. Она вопросительно глянула на меня. Я просигналил ей: «молчок!»

Мы выждали еще минут пять-шесть. Суета и шум в доме постепенно улеглись окончательно. Тогда я снова переставил табурет в удобное для конспиративной беседы место, и мы тихо ее продолжили — с того момента, на котором нас прервали.

— Вы что, и правда не поняли, кто я? — шепотом выразила свое удивление юная незнакомка.— Я была о магах лучшего мнения.

— Я не волшебник,— ответил я словами из «Золушки»,— я только учусь.

Но моя собеседница Шарля Перро не читала и восприняла мое оправдание совершенно серьезно.

— Ах вот что... — пробормотала она.— Хотя вы ведь с Ромкой здесь недавно... — Она вздохнула. И продолжила чуть иронически: — Разрешите представиться: Аманеста, дочь Хирама Сизого.

— Стало быть, Аманеста Сизая?... — тоже с ноткой иронии осведомился я. Но опять был принят абсолютно всерьез.

— У нас нет наследных фамилий,— пояснила она.— А постоянного прозвища я еще не заработала. Если уж на то пошло, то меня надо бы звать Аманеста Проклятая. К тому же я не родная дочь Хираму. Приемная. И вообще, давайте по делу, мистер...

— Давай,— согласился я.

— Понимаете,— быстрым шепотом заговорила дочь атамана,— ваш Ромка сейчас при моем отце состоит. Не

то чтобы в заложниках, но — сами понимаете — и не в почетных гостях. Отец рассчитывает с вами и вашим Учителем насчет него кое о чем договориться.

«Все тот же сон,— сказал я себе.— Всем нужна моя магия. А магии-то у меня и нет!»

— И он прислал тебя, чтобы ты со мною вела переговоры? — высказал я наиболее правдоподобную догадку.

— Так и не так... — с легкой запинкой отозвалась она.— Пока что я здесь только по своей воле. Мне надо об одном с вами договориться, а папаше — о другом...

— Я пока что не очень тебя понимаю... — признался я.— Давай, может быть, по порядку — ну, хотя бы начиная с того, как Роман попал к вам? И если можно, то давай на «ты».

— Давай на «ты»,— согласилась она.— И давай по порядку. Ромка,— она упорно называла его именно Ромкой,— к нам попал от Бездомных. А они хотели его продать Зеппу — Болотному Графу... А, черт! Ты вот лучше его письмо прочитай!

Она достала из внутреннего кармана своего — великоватого ей — бушлата и протянула мне несколько плотно свернутых в трубку листков желтоватой бумаги. Я жадно схватил их, но сдержал свой порыв — тут же развернуть их и углубиться в чтение.

— Там он все тебе объясняет... — уточнила Аманеста.— А я только то скажу, что на словах надо...

Она нахохлилась и вроде очередной раз собралась с мыслями:

— В общем, так... Ромка знает, что ты ходишь в учениках у козырного мага. И знает, что ты его ищешь. Он хочет... Он просит, чтобы ты помог ему вернуться туда— на Большую Землю. И меня он хочет забрать с собой... Я тоже хочу отсюда убраться. С ним. Куда угодно! Только это — очень большой секрет. Если Хирам узнает про то, что я хочу от него смыться...

— Тебе не по душе твой приемный отец? Он...

— Да нет! — махнула она рукой.— Вам... Тебе не понять. Он отличный мужик. Они с отцом были большие друзья.

Пока отца не повесили... Он, Хирам, вместо отца для меня стал. Как родной. Только я не хочу здесь жить. Не могу. Ничего мне тут не светит. Дочь атамана — это клеймо. С ним никуда не деться.

— Вот что... — начал прикидывать я.— Я тоже здесь задерживаться не собираюсь. Только пути отсюда не знаю. У вас с Романом... с Ромкой есть какой-нибудь план? Он может уйти от твоего папаши? Ну сбежать...

Аманеста невесело усмехнулась:

— Сбежать? Может. Только вместе со мной.

— Это как? — не понял я.

— А так,— объяснила она,— если Ромка убежит, Хирам меня прирежет. Он это обещал, и свои обещания он выполняет.

Я присвистнул:

— Здорово же тебя любит твой папочка...

Девушка пожала плечами:

— Просто он уверен, что этого не случится. Ромка не такой человек... У нас с ним особые отношения...

Я уже начал догадываться, что за отношения сложились у них там, но пока можно было потерпеть и постараться проглотить побольше полезной информации.

— Сначала Хирам Ромку держал в бункере под замком,— продолжила свои откровения Аманеста.— И если водил его куда, то на цепочке. На наручнике у него цепочка была. Потом ему стало очень нравиться с ним разные беседы вести. По ночам — особенно. Он у нас философ, старик Хирам.

«На каком же языке вели разные беседы хулиганистый парнишка из большого среднерусского города и атаман бандитской шайки из Странного Края?» — подумал я. Ответ на этот вопрос был явно непростым.

— А еще позже,— вздохнула гостья,— когда отец понял, что мы с Ромкой типа подружились...

Это «типа подружились» меня добило. Подобному жаргону в Странном Крае мог обучить свою подругу действительно только мой брат.

— Когда мы подружились,— продолжала она,— Хираму это сперва очень не понравилось. Но старик умеет все повернуть в свою пользу. Ну вот он больше и не водит Ромку на цепочке — уверен, что тот теперь не убежит.

— А в том, что не захочешь убежать ты, почему господин атаман так уверен? — попытался уяснить я.

Опять Аманеста невесело усмехнулась:

— Старик никогда не поверит, что я убегу от своего наследства...

— Оно такое большое? — поинтересовался я.

— Меньше, чем об этом говорят,— дернула плечом девушка,— но больше, чем нужно, чтобы остаться нормальным человеком, когда тебе его обещают. Старик знает, где лежат денежки и куда их можно с умом вложить... Но я не хочу оставаться здесь — ни с этим наследством, ни без него.— Она помолчала и добавила: — К счастью, старому Хираму этого не понять. И потому он верит в меня железно.

Я потер виски:

— Что же ты от меня хочешь сейчас?

— Чтобы ты знал все это, пока не встретился с Хирамом. Выполни все его условия — черт с ним! Только кроме того, что он даст свободу твоему брату, он обязательно должен выполнить еще одно условие...

— А он пойдет на это? У него и так слишком большой козырь на руках — жизнь Ромки.

— Я сделаю так, что он на это пойдет. И это условие для него выгодное. Ты должен потребовать от старика, чтобы он устроил для вас с братом возвращение на Большую Землю.

Я удивленно уставился на Аманесту:

— А что, он может и такое?

Гостья иронически хмыкнула:

— Он и не такое может. А сбагрить вас обоих подальше после того, как ты поработаешь на него, ему прямой интерес! Чтобы конкуренты до вас не дотянулись. И чтоб при случае снова с тобой связаться можно было.

— Вот этого, последнего, лучше уж не надо! — заметил я.

— Ясно, что не надо! — снова дернула плечом дочь атамана.— Только пусть у него сохранится такая иллюзия... Ты уж постарайся.

Пришла пора развеять или, наоборот, усугубить кое-какие мои сомнения в отношении роли Темных в том деле, с которым ко мне подкатывался Сизый Хирам.

— Ну,— поскреб я в затылке,— если твой папаша так уж крут, то признайся, только без фокусов: как у него сложились отношения с Темными? Или скажешь, что вы их не трогаете, а они вас не трогают?

— Ах, вот ты про что... — протянула Аманеста разочарованно.— Значит, и тебе в уши надули, что Хирам продал душу Темному Миру?

— А что? — сурово отозвался я.— Это все враки?

Девушка презрительно фыркнула.

— Здесь, в Странном Краю,— произнесла она таким тоном, каким объясняют всем известные вещи маленьким детям,— только ленивые не валят все беды на Темных. А уж пачкать каждого, кто кому-то не угодил, всякими слухами о связях с Темными — так это здесь любимый вид спорта у местных начальничков. «Продал душу Темному Миру»,— снова фыркнула она.— Он бы, может, и продал бы. Да кто ее у него купит? Только не Темные. Они для того умны больно. Знаешь, почему старик так богат? Да потому что всегда продает тех, кто его покупает!

Я усмехнулся про себя. Должно быть, в Сизом Хираме была какая-то талейрановская струнка, если в разные века и в разных мирах он и покойный граф Перигор вписались в одинаковую анекдотическую характеристику.

— Да ты сам увидишь,— вздохнула она,— какой магии он от тебя попросит. Такой, чтоб самому уцелеть и денег иметь в неограниченном количестве...

Я тихо рассмеялся:

— Если он меня путает со всемогущим Господом Богом... Тогда пожалуйста. Только я такого ему пообещать не смогу...

— Однако все ж таки — пообещай,— то ли попросила, то ли приказала Аманеста.

И скрипнула зубами, подчеркивая необходимость повернуть дело именно так, как сказала она. Я тяжело вздохнул:

— Но ведь ты не знаешь точно, что потребует от меня старик в обмен на свободу брата?

— Точно — нет. Но догадываюсь, что он хочет, чтобы ты «расколол» ему хоть один из секретов, которых он накопал превеликое количество. Он, понимаешь ли, верит в Тайные Силы, Призраков Времени, во власть над демонами и тому подобные штуки. И переубедить его невозможно. Вот к этому и будь готов...

Мы помолчали.

— Старик не назначил мне место встречи? — спросил я больше на всякий случай, чем всерьез.

Аманеста покачала головой:

— Хирам сам находит того, с кем хочет поговорить. Он уверен, что только потому, что никто и никогда не знает, где его искать, он и дожил до своих чуть ли не девяноста лет.

— А зачем тебе было забираться сюда, в дом прокурора?— спросил я.— Не проще ли было встретить меня где-то по дороге?

Дочь атамана иронически хмыкнула.

— По дороге тебя пасут,— объяснила она.— И пасут очень плотно. И Темные, и Светлые, и наши... Только здесь можно было поговорить без свидетелей...

Я пересел к стоящему у окна столику и затеплил обнаружившуюся на нем свечку.

— Можешь ложиться на мое место,— предложил я гостье.— Я прочитаю письмо и уйду спать к Кунни. Это мой напарник. Так сойдет?

(В конце концов не оставлять же мне было подругу Ромки ночевать в стенном шкафу?)

— Сойдет,— устало согласилась та, но из шкафа выныривать не спешила.

Я развязал тугие стебли какой-то сухой травы, стягивавшие листки письма, и взялся за чтение корявого Ромкиного почерка. Писал он вроде карандашом на чем-то неровном. Местами грифель прорывал бумагу, местами не был виден. Но я упорно двигался вдоль этих неровных строчек. Для меня очень важно было понять их смысл.

* * *

«Здравствуй, Сергей! — писал мне брат.— Я только недавно узнал, что ты жив и что ты у нас, оказывается, маг. Я вообще очень долго не мог сообразить, где я оказался и зачем. Только недавно хозяин, у которого я нахожусь в гостях, кое-что объяснил мне.

Я не обижаюсь на тебя за то, что ты вроде втравил меня в эту историю. Ты ведь сам не знал, кто ты и чем это нам всем угрожало. А может, все это какая-то дикая ошибка. Хозяин, однако, говорит, что никакой ошибки нет. И вообще тут рассказывают про тебя всякие басни— такие, что я иногда думаю, что они тебя с кем-то путают. Говорят, что ты взглядом сбиваешь огнедышащих драконов, какие-то подземелья взрываешь и все такое...

Если хоть десять процентов из этого правда, то, наверное, у нас с тобой есть шансы отсюда выбраться. Из всего, что мне о тебе рассказали, самое для меня главное — это то, что ты ищешь меня. Если это так, значит, тебя ни с кем не путают.

Тот, кто принесет тебе это письмо, расскажет, где я сейчас и почему не могу сам прийти к тебе. Он же расскажет, какие у нас планы уйти отсюда. А теперь в двух словах о том, что со мной произошло за это время.

После того как тебя забрали эти липовые менты (я-то тогда думал, что они настоящие), я, конечно, не заснул и даже пытался позвонить в ментовку. Но телефон у нас сдох. Ну и другие странные явления были. А потом началась полная чертовщина. Мне даже до сих пор кажется, что это какой-то дикий бред.

Вдруг отовсюду в комнаты ударил страшно яркий свет, и в окна и двери стали ломиться какие-то уроды. Причем в такие окна и двери, каких в нашей квартире сроду не было. Я только одно и мог подумать, что или «колес» каких-то очень крутых наглотался, или вообще дал себя ширнуть чем-то таким, отчего у меня крышу сорвало напрочь. Только не мог понять: когда успел?

Но сопротивление этим уродам я оказал, и еще какое! Однако все это вылилось в то, что меня отметелили так, что я думал — больше не встану. И вдобавок чуть не зарубили чем-то вроде катаны. Я тебе потом шрам покажу— есть на что посмотреть. А после и вправду ширнули чем-то таким, от чего я стал просто никакой. С этого момента довольно плохо все помню. В общем, это напоминало путешествие через какую-то канализацию. Только живую.

А потом меня тащили через лес связанным по рукам и ногам. Надевали на голову мешок и то заставляли глотать какую-то дрянь, то снова вкалывали совершенно черную дурь. Мне потом разъяснил теперешний хозяин, что в этом мире (здесь все говорят — Странный Край, но ты это и без меня знаешь) мои уроды (в смысле те, которые меня уволокли сюда) «вынырнули в очень неудачном для них месте. Во владениях какого-то Болотного Графа Зеппа. А этот Граф их, этих уродов (их называют здесь Темными, но ты и об этом знаешь), гнобит со страшной силой всюду, где они только ему попадутся. У него с ними какие-то особые счёты. Поэтому они и сами прятались, и меня скрывали. Боялись, что их вычислят. И в конце концов они допрыгались.

Мы вроде налетели на засаду. В общем, наверно, несколько мужиков из укрытий стали поливать нас из «калашей» или чего-то типа этого. При этом не особенно разбирали, кто есть кто. У меня все-таки при этом хватило ума и — главное — силенок свалить в кусты и сначала спрятаться, а потом, когда все кончилось, уйти.

Я не помню, сколько в том лесу проболтался. Здесь, как ты уже знаешь, и с сутками какие-то чудеса творятся,

и, главное, после всего того ширева, которое мне вкалывали, и всей другой химии, которой меня накачивали, у меня начался типа отходняк. Ну и, в общем, когда на меня наткнулись тутошние Бездомные, я находился (тут было тщательно зачеркнуто очередное «типа») в коме.

Эти Бездомные — что-то вроде наших цыган, но только, сдается мне, что покруче. Одним словом, я скоро снова был с мешком на голове и с веревкой на шее, и меня куда-то тащили. Как ты понимаешь, такие дела мне к тому времени уже страшно осточертели. Тем более что я был порядком избит, поранен и от дури еще не до конца отошел. Из всех разговоров этой братии — хоть они все и болтливые, и горластые — я не понимал ни слова. Хозяин говорит, что они меня собирались этому самому Зеппу запродать. Не знаю, что тогда было бы. Может быть, было бы лучше.

Но все получилось иначе.

Эти Бездомные в свою очередь тоже напоролись. Напоролись они на хозяина и его людей. В общем, он меня у них отобрал без особого побоища, и теперь я его гость. Тут все почти по-военному. Ну, тебе расскажет тот, кто принесет это письмо. С хозяином мы научились разговаривать на очень ломаном английском. А с остальными приходится разговаривать «по-попугайски» (дальше шло тщательно зачеркнутое слово, похожее на «кроме»). А иногда он приводит одного-двух мужиков, которые вполне сошли бы за русских. Только непонятно, кто они и откуда. Не из людей хозяина — точно. Замкнутые они и зажатые какие-то.

В общем, хозяин разобрался, кто я и откуда. И, главное, вычислил, что я — твой брат. Ему хоть и в обед сто лет, но он, похоже, обо всех все и вовремя знает. В ближайшее время он тебя найдет и будет торговаться насчет меня. Тот, кто принесет тебе это письмо, расскажет про наши планы на этот счет. Если ты не сможешь сделать для хозяина то, что он от тебя потребует, то дай знать и тяни время до последнего!

Это письмо никто не должен видеть. Когда прочтешь его, сожги. Все-таки здесь кое-кто умеет читать по-русски. Все, что хочешь сказать мне, передай на словах тому, кто принесет тебе это письмо.

Удачи тебе!

Твой брат Ромка».

* * *

Я закончил чтение, аккуратно, один за другим спалил листки и через плечо оглянулся на неподвижно скорчившуюся в шкафу Аманесту.

Мы помолчали еще немного.

— У Ромки как со здоровьем сейчас? — спросил я.

— Ничего, его солидно подлатали,— ответила дочь атамана.

— Вот сейчас,— сказал я,— пока ты здесь, Роман мог бы сбежать?

— Да,— подтвердила девушка.— Если бы было куда нам бежать вдвоем дальше.

— Уйти от твоего старика или как-то спрятаться от него здесь никак не получится.

— Никак,— согласилась она.— На такие вещи только дурачки рассчитывают. Даже если я просто к утру не буду в бункере, Хирам прирежет Романа. Или покалечит...

— Как ты думаешь выбираться отсюда? — спросил я.

— Мое дело,— отмахнулась она и откровенно зевнула.

Я поднялся, вытащил из-под койки спальный мешок и направился в каморку Кунни.

Кунни ничуть не удивился, терпеливо снес мое появление и дальнейшее пребывание в его спальне и не задал ни одного вопроса. Остаток ночи выдался довольно продолжительным и спокойным. Ни криков, ни стрельбы. Я даже успел выспаться.

Утром моя комната была пуста. Только запах пороховой гари и неизвестных мне духов еле заметно ощущался в воздухе.

* * *

Покидали мы гнездо его превосходительства с триумфом. Вовремя пущенный слух о том, что именно мое присутствие спасло имение прокурора от визита грабителей, произвел на здешних обитателей гораздо большее впечатление, чем само благополучное исцеление его хозяина. Повторный сеанс лечения прошел без особых эксцессов, в честь моего дебюта на поприще мага-целителя был дан банкет. Нам было предложено провести под гостеприимным кровом прокурора и следующую ночь. Но мы мы с Кунни не были настроены тянуть время и после полудня двинулись в путь, рассчитывая до темноты добраться до Дождевого перевала.

Перевал вполне оправдывал свое название, он встретил нас премерзким моросящим дождиком и — хуже того — ранней темнотой. Впрочем, это как-то скрасило непритязательный уют «Ночного привала». После холодной темени, царившей снаружи, тепло и свет в слегка облупившихся стенах тесноватой гостинички казались просто граничащим с роскошью комфортом. Старый Лайнус — дед, напоминавший своим видом многоопытного облысевшего селезня,— моментально засек выглядывавшую из-под плаща золотую пентаграмму и кивнул мне быстрым, незаметным со стороны кивком.

Его нервозность меня насторожила. Хозяин «Привала» явно чего-то опасался и на что-то намекал своим поведением. Я подошел поближе к стойке и стал выкладывать на нее монеты.

— Сергей, странствующий маг,— представился я.— Привет вам от Шона Бородача. Мне нужно два места. Если можно, то...

— Да, для вас и вашего помощника свободная комната найдется,— торопливо прервал меня хозяин. Он удивительно бесшумно смахнул в выдвижной ящик монеты и двинул ко мне по столу конверт из грубой коричневой бумаги.

Я принялся стаскивать с шеи золотую цепь, но Старый Лайнус остановил меня движением руки.

— Не спешите с этим,— тихо предупредил он.— Сначала прочитайте это.— Он указал глазами на конверт.— Не отходите от стойки. Когда прочтете, верните письмо мне.

Эти меры предосторожности просто поразили меня. Тем более что, судя по всему, если в «Приюте» и были другие постояльцы, они никак себя не проявляли. Тем не менее подыгрывая хозяину, я осторожно вытянул из конверта листок бумаги и прочел короткое послание:

«Мое доверие к вам, маг Серж, возросло. Не надо возвращать ваш выигрыш сегодня. Продолжайте носить то, что выиграли у меня, на виду у всех. Тот, кому он предназначен, должен появиться скоро. Если вам будут сделаны новые деловые предложения, не спешите отвечать на них, пока не переговорите со мной. Вам недолго придется ждать меня.

Шон».

Я вложил листок в конверт и пододвинул его Лайнусу. Конверт — точно так же, как и монеты,— молниеносно исчез со стойки.

Неожиданно для себя, действуя по какому-то наитию, я достал из-под плаща и положил на стол перед Лайнусом кожаный кисет, в котором таскал давешнюю полученную мной из рук урода на лесной дороге монету.

— Передайте это Шону,— прошептал я.— И скажите ему, что мое к нему доверие тоже возросло.

— Вас хочет видеть один старый джентльмен... — тихо, почти бесшумно зашептал хозяин «Приюта», жестом фокусника убирая кисет в ящик.

— Ну что ж... — пожал я плечами.

— Проблема лишь в том,— продолжал шептать старый селезень,— пожелаете ли вы встречаться с этим джентльменом? Он весьма опасен. Даже то, что вы маг...

— Боюсь,— вздохнул я,— что речь идет о предложении, которое отклонить нельзя. Где я могу видеть этого человека?

— В зале,— ответствовал хозяин, всем своим видом показывая, что снимает с себя всякую ответственность за дальнейшее.

Он широким жестом указал на завешенную деревянными бусами дверь и пригорюнился у себя за стойкой. Я кивнул Кунни, чтобы он занялся нашим устройством на ночь, и шагнул за дверь.

* * *

Залом помещение, находившееся за дверью, назвать можно было только с большой натяжкой. Это была не слишком просторная и скудно освещенная комната, вмещавшая, однако, три довольно тяжеловесных деревянных стола и сработанные под стать им лавки.

Человек, который явно ожидал меня, занимал место в самом темном из углов зала. Он был сед как лунь, но смотрелся весьма бодро. Глубоко посаженные глаза его острыми буравчиками выглядывали из-под кустистых бровей. Прямая, как линейка, спина не обнаруживала признаков старческой сутулости. По одежде он мог быть принят за человека судейского или за лицо духовное, но не при исполнении ритуала, требующего специального наряда.

Троих других посетителей старыми джентльменами назвать никак нельзя было. Это были просто типичные телохранители большого криминального авторитета.

Я обратил к старику слегка вопрошающий взгляд, получил в ответ утвердительный кивок и присел за стол предполагаемого собеседника. Тот указал мне на выставленный перед ним кувшин и два керамических стакана рядом. Еще наличествовала закуска — блюдо с сухариками. Что и говорить, угощение было предельно аскетическим.

— Мятный настой на молодом вине. Отличное питье на ночь,— сообщил мой собеседник.— Угощайтесь, маг Серж.

— Благодарю вас, господин Хирам,— отозвался я, наполняя свой стакан.

Особенно гадать о личности старого джентльмена мне не приходилось. Оттенок его бугристого, неровного лица не оставлял сомнений в том, что судьба свела меня именно с Хирамом Сизым.

— Ну что же, вот мы и познакомились,— вяло улыбнулся старик и пригубил свой — уже наполненный — стакан.— Думаю, мы не будем терять времени зря.

— Я понимаю,— начал я,— что вы собираетесь поговорить со мной о судьбе моего брата?

— Вас уже информировали о том, что он гостит у меня? — без особого удивления произнес старик.— Вот уж воистину — земля слухами полнится. Так ведь говорят у вас там?

Я не стал развивать эту тему. Вряд ли стоило засвечивать источник моей информации. Отношения старика Хирама и Аманесты были далеко не ясны для меня. Вместо ответной реплики я забросил в рот сухарик и хрустнул им.

— Я думаю, ты понимаешь, маг,— несколько неожиданно перешел старик на «ты»,— что мы с тобой сейчас кое о чем договоримся. И ты знаешь мои условия.

Я снова выдержал паузу. Старик еле заметно пожевал губами. Очевидно, он ожидал, что я буду более разговорчив. Я же не намерен был оправдывать его ожиданий.

— Ты получишь своего брата целым и невредимым,— наконец пообещал Хирам.— Получишь, как только выполнишь те условия, которые выставлю я.

— Это не совсем точно сказано,— покачал я головой.— Ни я, ни мой брат не будем ни свободными, ни целыми и невредимыми, пока не выберемся из Странного Края. Вот это и будет моим настоящим условием.

— Ого! — усмехнулся старик и тоже закинул сухарик в рот.— Тебе не кажется, маг, что ты сейчас не в той ситуации, чтобы диктовать условия?

— Мне просто нужны настоящие, реальные условия, а не их видимость,— пояснил я.— Здесь мы оба — я и

брат — находимся не по своей воле. Мы — пленники Странного Края. Поэтому согласен выполнить любую работу, с которой смогу, конечно, справиться, за ключик от двери, которая даст нам возможность уйти отсюда домой. Кстати, подумайте хорошенько, не в ваших ли это интересах?

Хирам отбил по столу кончиками пальцев тихую замысловатую дробь.

— Покажи свой Знак, маг,— распорядился он требовательно и с минуту-другую изучал предъявленное ему свидетельство моей причастности к обладателям магического дара.— Почему ты думаешь, что тот самый ключик от двери на Большую Землю у меня есть?

— У вас самого — необязательно,— пожал я плечами.— Но у кого-то, кого вы знаете и на кого имеете влияние, он обязательно есть.

— И ты, маг, согласился бы быть моим человеком на Большой Земле?

— Признайтесь, господин Хирам, что такое взаимодействие могло бы оказаться очень и очень перспективным,— отозвался я таким тоном, словно только что прозвучавшее предложение исходило не от старого джентльмена, а от меня самого.

Господин Хирам усмехнулся:

— Ты ловишь мысль на лету, маг. Вот только не пойму: на каком шаге ты собираешься сделать пас в сторону?

— Это зависит от вас, господин Хирам,— произнес я как можно тверже, глядя в его глаза-буравчики.— Если мы оба будем играть честно, то имеем шансы пройти наш путь до конца без всяких пасов в ту или иную сторону. Я своих целей не скрываю...

— А как насчет преданности твоему Учителю? — криво улыбнулся старик.— Ты с легкой душой подведешь своего мэтра, если понадобится? Или даже сможешь запустить ручонку в его закрома?

— От мэтра Герна я никогда не скрывал, что моя главная задача — это выбраться отсюда,— прежним твердым тоном ответил я.— И я не давал ему никаких клятв и не

заключал с ним никаких договоров. Ему придется не обижаться на меня.

Снова тихо прозвучала замысловатая дробь.

— Хорошо говоришь,— кисло улыбнулся Хирам.— Ну что же: будешь играть со мной честно, получишь то, что просишь. Но только работать тебе придется на пределе возможностей. Теперь слушай.

Он поманил меня пальцем и нагнулся над столом. Приблизил к его лицу свое и я.

— Мне не нужны от тебя мелкие услуги,— еле слышно прошипел старик.— Холуев я смогу найти много. В том числе и из числа магов. Мне не нужны и крупные гадости для моих врагов. Я могу их устроить и сам. Мне нужен мак-си-мум возможностей, которые может дать только твой Знак!

Он молча в упор сверлил меня своим пронзительным взглядом. Вероятно, по его мнению, я должен был догадываться о смысле того условия, которое он собирается выдвинуть. Но у меня, естественно, не было ни малейшей догадки на сей счет. Поэтому я мог ответить ему только прозрачным, твердым и — насколько я в силах был его таким сделать — честным взглядом.

— Мне нужно,— четко вышептывал слова старик,— чтобы ты открыл для меня Темный Арсенал. Я — один из трех смертных, кто знает, где он находится!

* * *

С тем же успехом старик мог бы потребовать от меня, чтобы я проводил его, скажем, на Западный полюс или в тридевятое царство. Я в равной мере не имел представления об этих материях.

— Тогда вам придется рассказать мне все про этот Арсенал,— кротко заявил я.

— Ну,— усмехнулся атаман,— в таком случае мне пришлось бы остаться здесь с тобой надолго. А я нигде надолго не задерживаюсь. Да тебе и не надо знать много. Там, в Коонре, найдешь в библиотеке Лизарда толстенный ма-

нускриптище. Называется он «Апокриф Буркхардта». Там есть все, что тебе надо будет знать про Темный Арсенал. Поторопись книжищу эту одолеть. А там и я объявлюсь — скоро. Сейчас скажу тебе только главное. Ключ от Арсенала есть у кое-кого из Учителей. У мэтра Герна — точно есть. Но послушаться этот ключ может только таких, как ты — людей со Знаком Лукавого. Теперь ты понял, почему вокруг тебя здесь творятся такие танцы-званцы? Твой-то мэтр небось ни полсловом не обмолвился про Арсенал?

Вместо ответа я только почесал нос и закусил очередной глоток мятного настоя еще одним сухариком. Потом спросил:

— А что, этот Арсенал очень много значит в здешних краях?

Старик рассмеялся беззвучным смехом:

— Все! Арсенал значит почти все. И не в одном Странном Крае. Он еще в двух Мирах открывает безграничные возможности. Впрочем, об этом как-нибудь потом...

— Ну что ж,— согласился я.— Пока я во всем этом не разобрался, лучше заняться практической стороной вопроса.

— Вот то-то! — поднял к потолку сухой палец старый Хирам.— Ты вот что имей в виду: когда придет пора Арсенал открывать, то придется ключик тот у твоего Учителя на время забрать. Но с этим не торопись. Мэтра не спугни. Осторожно прощупай и разведай, где он у господина Герна хранится. И как его без лишнего шума и пыли можно будет забрать. Сможешь — сделай слепок, зарисовки. Заготовим копию и подменим, чтобы раньше времени мэтр шум не поднял...

— Постараюсь справиться с этим до нашей следующей встречи,— пообещал я и хотел было уже разогнуться, но не тут-то было.

Хирам, словно клещами, ухватил меня за плечо левой рукой, а правой вплотную притянул к себе за воротник.

— Но учти! — прошипел он.— Если ты со своим Учителем надумаешь играть со мной в хитрые игры, то горько

об этом пожалеешь Не было еще человека, который бы не пожалел о том, что пытался надуть старину Хирама! У меня есть глаза и уши в таких местах, о которых ты и понятия не имеешь.

Он буквально отшвырнул меня на лавку, резко, словно распрямляющаяся пружина, встал, бросил на стол пару монет и, не оглядываясь, вышел. Трое безмолвных персонажей, дежуривших за соседним столом, молниеносно последовали за ним. Мальчишка, обслуживавший столы, моментально уволок со стола деньги и вместе с ними еще наполовину полный кувшин.

Я допил свой стакан, вздохнул поглубже и решил и в эту ночь выспаться во что бы то ни стало.

* * *

Ночь выдалась на редкость короткой. Дождь и не подумал заканчиваться на следующее утро и проводил нас почти до самых ворот Коонра. Надо сказать, что проклятый престарелый атаман все-таки хоть немного, но преуспел в своей попытке запугать меня. Тень сомнения шевельнулась во мне. Тень сомнения в том, что на самом деле стоит ставить мэтра в известность о нашей с ним— Сизым Хирамом — встрече и о том, о чем мы с ним на встрече этой говорили.

Но сомнение только сомнением и осталось. Я, разумеется, доложился Герну по всей форме и во всех деталях. Как ни странно, большого впечатления на него этот доклад не произвел. Гораздо больше впечатлила его история с нашим ночным гостем из камышей. Единственное, о чем он не спросил меня ни разу, так это об исцарапанной редкой монете, фигурировавшей в наших переговорах с Шоном. Промолчал о ней и я. Но чувство от этого взаимного умолчания осталось гадкое.

Разорванную золотую пентаграмму мэтр вертел в руках долго и задумчиво. Потом молча вернул ее мне. Прошелся по кабинету и коротко подвел итоги моего первого выезда в свет:

— Что до заработанного тобою, Сергей, авторитета, то дело обстоит тут неплохо, но эта задача теперь отступила на второй план. На первом месте сейчас то, что на тебя, извини за такое выражение, начался «сумасшедший клев». Не считая, собственно, Темных, тобою интересуются, по крайней мере две различные группы заинтересованных лиц — назовем их так... Но свои намерения ясно и недвусмысленно обозначил пока только Сизый Хирам.

Мэтр хрустнул пальцами и, склонив голову набок, остановился передо мной.

— Во всем этом,— продолжил он,— неплохо только одно. То, что ты можешь пока своим поведением удовлетворить всех, кому хоть что-то надо от тебя. С сегодняшнего дня ты продолжишь свои занятия с мэтром Касси. Но их продолжительность придется ужать на несколько часов. Их ты будешь тратить на изучение «Апокрифа Буркхардта». Когда начнешь что-то смыслить в истории с Темным Арсеналом, мы поговорим с тобой на эту тему. И обсудим наши дальнейшие планы.

* * *

«Апокриф Буркхардта» удалось получить на прочтение не без проволочек. Вокруг этого толстенного тома явно ощущалась хоть невидимая, но темная и тяжелая аура. Написан он был, к моему изумлению, не на латинской тарабарщине и не на немецком (как можно бы было судить по фамилии автора). Он был составлен на чистом, выразительном и — главное — хорошо знакомом мне современном французском языке. Другое дело, что события, о которых шла речь в этом талмуде, были мне абсолютно неизвестны, да к тому же многие из них излагались настолько иносказательно, что такому постороннему в Странном Крае человеку, как я, становилось просто непонятно, о чем же в конце концов идет речь.

Тем не менее меньше чем через неделю я сидел перед мэтром в его запертом наглухо кабинете и подводил итог

своим бдениям над сочинением историка Магической войны Жозефа Буркхардта.

— Итак, что же ты понял из того, что понаписал этот компилятор? — осведомился мэтр.— Про Темный Арсенал. Арсенал Темных...

Видимо, он не слишком жаловал автора «Апокрифа». Однако, по всей вероятности, мэтр все-таки считал наш разговор весьма серьезным и даже испросил у меня разрешения затянуться пару раз крепким табачком.

— Ну, во-первых, я узнал, что лет этак пятьдесят—семьдесят тому назад Темные собирались совершить попытку взять реванш в Странном Крае и вторгнуться на Большую Землю, чтобы прекратить вмешательство землян в жизнь Странного Края и избежать их вторжения в Темный Мир. Они тогда почему-то считали такое вторжение неминуемым.

— Ну, это всего лишь точка зрения Буркхардта,— заметил шеф, набивая трубку.— Другие авторы считают, что то была попытка большего масштаба — попытка вообще превратить Большую Землю или крупную территорию на ней в «питомник магов». Но это опять же только еще одна точка зрения. Объективные факты свидетельствуют, что где-то в пределах Странного Края было создано хранилище, в котором Темные накапливали вооружение для предстоящего удара и по Большой Земле и по Странному Краю... Как-никак пропускная способность каналов, соединявших Миры, была и есть ограничена, и для создания сильной вооруженной группировки требовалось немало времени.

— Да,— подал я голос, чтобы напомнить, что это я здесь сдаю экзамен по Темному Арсеналу, а не сам мэтр.

Учитель откашлялся и принялся раскуривать трубку.

— По воспоминаниям тех, кто имел дело с оружием Темных, это даже по теперешним временам была просто фантастическая техника,— торопливо продолжал я.— Плазменные огнеметы, что-то вроде лазеров, режущих любую броню, много типов летательных аппаратов и танков. Самодвижущихся устройств, в общем. Таких, что

двигались по любой поверхности и преодолевали любые преграды. Все это автоматическое, самонаводящееся, дистанционное и неуязвимое... Судя по всему...

— Ты хочешь сказать, что, по всей видимости, вся история Земли могла оказаться переписанной совсем по-другому в первой половине двадцатого века,— усмехнулся Учитель и выпустил клуб ароматного дыма.— Там это были двадцатые—тридцатые годы...

Я представил себе на мгновение мир Сталина, Гитлера, Муссолини... Мир кризисной и послекризисной Америки... Дремлющий, полуголодный мир колоний... И вдруг — вторжение почище «Войны миров», почище всех вторжений, которые знала планета... Чудовищные уроды-поработители, человечество, загоняемое в подполье и катакомбы... Будущие маги, Меченные Знаками, угоняемые в чуждый им, невероятный мир... Нет, воображение отказывалось рисовать мне эти картины. Так... Получалось что-то вроде наспех снятого фантастического триллера.

— Но всего этого не произошло,— с некоторым облегчением продолжил я.— Как я понял, в тот момент против этих планов объединились наиболее могущественные маги Странного Края. В том числе и Мятежные маги, служившие до этого Темным. Они ударили первыми и сделали невозможным его мгновенный захват Темными. Странный Край перерезали невидимые и непроходимые для Темных стены. Земная твердь превращалась под их ногами в трясину. Невидимый огонь жег их. Правда, и сами маги не смогли добиться окончательной победы над темными. Это было время лихолетья, которое унесло больше самых искусных магов, чем пара предыдущих столетий. Примерно около трех лет в Странном Крае царило равновесие войны. Ни Темные, ни маги не решались развернуть свои силы на полную мощность, чтобы не разрушить хрупкий мир вообще. Но в конце концов наступила пора Великого Заклинания. Магам удалось снова, объединившись, нанести Темным сокрушительный удар. Я не совсем понял, каким образом им удалось это, но Темный Арсенал стал недоступен ни для самих Темных,

ни для простых смертных, ни для большинства магов, ни для пришельцев из других сопряженных Миров.

— Ты понял только это? — осведомился Учитель из глубины облака табачного дыма.

— Только то, что Темные каким-то образом утратили после этого все свои позиции в Странном Крае. Стали тут чем-то вроде подпольной секты...

— Дело обстоит чуточку сложнее,— улыбнулся мэтр.— Заклятие здесь оказалось наложено на все, что создано Темными, даже на их самые простейшие приспособления. Те из них, которые уже находились здесь, исчезли или перестали действовать. И проникать в Странный Край Темные теперь могут только сами по себе. Без каких-либо вспомогательных средств. Даже без одежды. Понятное дело — им совсем хотели закрыть путь, но не получилось... Им удалось «оживить» — подручными средствами — кое-что из своей боевой техники. Из того, что осталось незапертым в Арсенале. Для большой войны этого, разумеется, не хватит, но для того, чтобы время от времени чинить нам неприятности,— вполне. В общем, полностью обезоружить Темных не удалось. Точно так же, как не удалось закрыть Арсенал навсегда и для всех.

— Он может открыться для... — начал я.

— Да, именно,— кивнул мэтр.— Для носителя Знака Лукавого. Это не лазейка, которую оставили специально. Это просто дыра, которую не смогли залатать. Но, принимая во внимание то, что количество ключей к Арсеналу ограниченно...

— С любого ключа можно сделать копию,— напомнил я.

— Только не с магического,— усмехнулся мэтр.— Так вот учитывая то, что ключей к Арсеналу только двенадцать, а людей, которые хранят тайну местонахождения самого Арсенала, не должно быть больше трех, то... — Он украсил пространство над столом еще одним фигурным клубом сизого дыма.— То вероятность того, что Арсенал «распечатают», всегда считалась ничтожно малой. Но при этом масса людей не теряла надежду все-таки сделать это.

— Как я понимаю, Орден стремится не допустить этого? — осторожно предположил я.— Ведь если кто-то завладеет этим скопищем всякой смертоубийственной техники...

— Один ваш драматург написал в какой-то пьесе,— ироническим тоном прервал мои излияния Учитель,— что лучший способ избавиться от драконов — это иметь своего собственного.

Он подчеркнул сказанное легким движением указательного пальца. И резюмировал:

— Вот и Орден Светлых Сил только тогда сможет быть уверенным в безопасности Странного Края и Большой Земли, когда Темный Арсенал будет открыт для него. Что ж... Старик Хирам считает, что он каким-то чудом вошел в число Трех Посвященных. Если это действительно так, то тем лучше! Ему, уголовнику — пусть даже уголовнику экстра-класса — никогда не справиться с тем, что он встретит там, внутри, за Вратами Темного Арсенала. Поэтому ты безбоязненно можешь исполнять все, что он от тебя требует. Всю ответственность за то, что призойдет, когда Врата откроются, мы — Светлые — берем на себя. И постараемся, чтобы все вышло по-нашему, а не так, как хочется ему.

Мне очень хотелось бы уточнить, что именно имеет мэтр в виду под словами «по-нашему». И еще одно сомнение мучило меня. Достопамятный эпизод с моим визитом в Лабиринт никак не забывался среди прочих моих впечатлений от Странного Края. Но я промолчал.

— Ты рассчитываешь на чудо, Учитель? — спросил я.— До сих пор моя магия сработала только два раза. Причем один раз помогло только «Пробуждение-3». Но я вовсе не обещаю, что не отдам концы, если меня еще раз накачают этим ширевом...

— Ну... — описал мэтр трубкой в воздухе довольно замысловатую кривую,— там, на плато, тебе вкатили варварскую смесь, разработанную всякими остепененными знахарями с Большой Земли. У специалистов Светлого Ордена есть куда более мощные и более надежные средства

активировать магическую память. И более безопасные, заметь. Я просто опасался до сих пор прибегать к таким радикальным мерам. Но если на то пошло, то мы можем решиться и на то, чтобы совершить обряд снятия заклятия. Шансы на победу у нас весьма велики.

Он положил трубку на край массивной пепельницы и поднял на меня взгляд — тяжелый и серьезный как никогда.

— Ты еще не отказываешься от участия в нашей игре, ученик?

— Нет, не отказываюсь,— ответил я каким-то никаким голосом.

— Ну тогда нам надо очень четко определить план действий на ближайшее время,— произнес он, поглаживая пустую поверхность стола перед собой так, словно на ней были разложены какие-то невидимые моему глазу бумаги.— Пока что обсудим первые два хода,— определил он...

* * *

Первый ход из этих двух пришлось сделать в довольно скором времени. Мне пришла весточка от Сизого Хирама. Пришла прямо-таки из ниоткуда. Просто, очищая карманы своего дневного наряда, перед тем как лечь спать (есть у меня такая привычка), я обнаружил совершенно неизвестно откуда взявшуюся в боковом кармане куртки записку.

«Старый джентльмен,— гласила она,— ставит тебя в известность: если ты готов к встрече с ним, то дай ему знак: переложи желтый камень, что лежит у стены Сада Трав — в самом ее начале,— на верх этой стены. И жди встречи с ним».

В общем-то, учитывая контингент людей Хирама, удивляться «волшебному» появлению этого послания, написанного слегка корявым, но с претензией на каллиграфичность почерком, не приходилось. За время тех немногих вылазок из дома, которые я совершил в эти сутки,

карманник с квалификацией чуть повыше моей вполне мог «отоварить» меня этим письмом. С этого момента от меня требовалось быть уже не просто очень осторожным, но сверхосторожным.

Я решил не медлить и, спустившись на улицу, тут же направился к Саду Трав — своего рода плантации лекарственной и магической флоры, которую заботливо поддерживали Учителя и старожилы Убежища. Желтый камень находился на положенном ему месте и был благополучно водворен на условленное место. Никаких сигналов Учителю я подавать не стал. Между нами было оговорено, что я теперь нахожусь под неусыпным наблюдением людей Ордена и не совершаю в отношении старого джентльмена ни малейших подозрительных действий.

Два дня после этого прошли так, как будто и не случилось ровным счетом ничего. И лишь только на третьи сутки поздним вечером, когда я, обнаружив, что мои запасы заварки подошли к концу, выбрался из дому и зашел за пачкой местного травяного настоя в «Чайный домик Юня», я неожиданно услышал за спиной деликатное покашливание.

— Старый джентльмен ждет вас в задней комнате чайной... — тихо, себе под нос произнес невзрачного вида мужичонка, пристроившийся рядом со мной у витрины и тщательно изучавший сорта заварок, выставленных на витрине лавки, предварявшей вход в чайный зал.— Пройдите за мной,— добавил он в той же манере.— Только не идите по пятам.

* * *

Много раз побывав в лавке Юня, я и не догадывался до сих пор, что невзрачная дверь за бамбуковой занавеской в глубине «чайного зала» ведет не на кухню и не на задний двор домика, а в еще один зал — размером поменьше, но обставленный побогаче. Народу здесь было немного, и народ этот был с виду непрост. У некоторых из сидевших за столиками глаза напоминали рыбьи, стек-

лянные и ничего не выражающие глаза нарков. Эти здесь пробавлялись явно не чаем. Старик Хирам, видно, по своей стародавней привычке расположился в самом темном углу зала, а неизменная тройка его телохранителей — точно так же, как и в прошлый раз,— поодаль, за одним из соседних столов.

Старик был сух и лаконичен. Впрочем, чаю он мне предложить не забыл. Чай, на удивление, был именно чаем. По всей вероятности, недавно вывезенным с Большой Земли, Майским листовым чаем. Прилагавшимся к чаю сухарикам я уже не удивился.

— Итак, ты готов к тому, чтобы побеседовать со мной,— осведомился Хирам, изучая дымящуюся поверхность напитка в чашке с таким видом, словно намерен был рассмотреть на ней некие знаки грядущего.

— Да,— отозвался я, наполняя свою чашку и отыскивая глазами сахарницу.— Иначе не стал бы подавать вам знак. У меня приготовлены два слепка ключа от Врат Арсенала. И его снимки «Поляроидом». Если бы вы меня предупредили заранее, то я принес бы их с собой.

— Я не имею привычки никого ни о чем предупреждать,— то ли поморщился, то ли улыбнулся атаман.— Дай моему человеку ключ от твоей комнатенки и скажи, где у тебя там лежат эти вещи...

— Они лежат не там,— пояснил я, отметив про себя, что не так уж и тщательно вели за мной наблюдение люди Хирама.— Пусть заберет все это из тайника в роще... в первой роще при выезде из города по направлению в горы. Там есть пара валунов... Все необходимое зарыто под тем, на котором есть пятно мха. Такое... Похожее на лицо с козлиной бородкой. Так вот — под самым острием этой бородки пусть ваш человек и копает. Или, если хотите...

Хирам остановил меня коротким повелительным жестом.

— Джош,— сказал он в пространство.— Ты слышал?

Джош, тот самый невзрачный мужичонка, что проводил меня в потайной зал, словно материализовался из воздуха у меня за спиной.

— Я слышал, господин,— лаконично ответил он на вопрос атамана.

— Отправляйся и принеси то, о чем мы говорили,— тихо распорядился старик, прихлебывая чай.

После маленькой паузы (за время которой Джош так же молниеносно дематериализовался, как и материализовался перед тем) он поднял глаза на меня.

— Ты быстро управился, маг... — все так же тихо констатировал он.— Только не слишком ли быстро? Ты уверен, что мэтр не надувает тебя? Или в том, что вы оба не пытаетесь надуть бедного старого Хирама?

Я только поморщился в ответ. Мне уже стали надоедать кривляния старого клоуна.

— Скоро, господин Хирам, я буду в полном вашем распоряжении. И с ключом от Врат Арсенала. Думаю, что с самым настоящим. Тогда и будем решать, хотим ли мы надувать друг друга или играем честно.

— Скоро — это как понимать? — резким голосом спросил атаман.— Когда ты, господин маг, вознамеришься сделать ноги от своего мэтра?

— А вот это зависит теперь в основном от вас, господин Хирам,— тоже довольно неприязненным тоном ответствовал я.— Самый удобный момент наступит на следующей неделе. Мэтр отправляет меня в очередную самостоятельную «ходку»...

— Разумеется, под наблюдением кого-то из своих подмастерьев? — не столько спросил, сколько определил старик.

— Разумеется,— согласился я.— Думаю, что моим спутником будет все тот же Кунни... Он практически полностью доверяет мне. Предполагается, что я приму участие в борьбе с Болотной порчей — на границе с Термским анклавом.

— Болотная порча... — повторил старик, словно пробуя эти слова на вкус.— Термский анклав... Это ведь со-

всем рядом с владениями Графа Зеппа? Хорошее место и хорошее время... Где же нам встречать тебя?

Я подумал немного и сказал:

— Лучше всего подойдет наша вторая ночевка. Первая должна быть в Дорожной обители. Оттуда трудно выйти незамеченным, особенно ночью. И там шатается много досужего народу. А вот вторая ночевка будет в Белых скалах. Скорее всего, мы останемся вдвоем и будем дежурить у костра поодиночке. К тому времени бдительность у Кунни сойдет на нет, и мне просто надо будет встать и уйти от костра. Туда, где вы назначите мне встречу, господин Хирам.

Господин Хирам пожевал губами и согласился.

— Твой план неплох, маг. Что ж... Мы будем ждать тебя после полуночи немного дальше по дороге. У последней из скал — если двигаться к границе с Термом. Считай, что мы договорились. А сейчас помолчим. Молчание, говорят, золото... Подождем, пока Джош вернется с твоими сувенирами.

И Джош вернулся — еще через пару чашек чая и через целую вечность взаимного многозначительного молчания. По сигналу атамана все трое его телохранителей собрались вокруг нас, образовав живую ширму. Джош положил атаману на колени извлеченный из-под древнего валуна холщовый сверток, сдувая с него последние крошки земли. Атаман неторопливо этот сверток развернул.

Пред нами предстали два более или менее прилично сделанных слепка и полдюжины снимков ключа, который на деле больше напоминал какой-то причудливой формы кинжал. Хирам задумчиво покрутил снимки в руках. Косо глянул на меня.

— Цвет получился достаточно похоже? — поинтересовался он.

— Цвет передан точно,— заверил я его.— На обороте снимков записаны вес, свойства металла и прочие детали...

Старик хмыкнул, аккуратно вновь завернул снимки и слепки в тряпицу и протянул сверток исполнительному Джошу.

— Сегодня же это должно быть у Тодора,— распорядился он.— И завтра работа должна быть готова. Не позже чем через двое суток,— он повернулся ко мне,— получишь копию. Останешься недоволен — дай знак. Скинь тот желтый камень со стены.

— Ясно,— отозвался я.

Старик поднялся с места, как и в прошлый раз, отрывистым жестом бросил деньги на стол и кивнул мне на прощание.

— До встречи у Белых скал, маг...

Глава 9
БРАТ И ОТЕЦ

Путь к Белым скалам оказался неожиданно труден. Выпавшая перед этим на мою с Кунни долю ночь в Дорожной обители была практически бессонной. Обитель, наполовину постоялый двор, наполовину монастырь, перестроенная из некоего древнего замка, гудела как улей. На радость друг другу (и на беду всем остальным постояльцам), в эту ночь здесь сошлись довольно многочисленные и притом исключительно шумные группы паломников.

Одна — человек сорок или пятьдесят — представляла Орден, названный в честь какого-то местного святого по имени Лювалис. К его останкам, захороненным где-то у черта на куличках, эти лювалисанцы и двигались. Видимо, дав обет истребить по дороге все спиртное. Ей-богу, не знаю — были ли они католиками, православными или же их вероисповедание не имело аналогов на Большой Земле.

Вторая «делегация» уж точно с трудом вписывалась в представления о христианском вероучении, ибо часто поминала Аллаха (но при этом нещадно кляла Магомета). Целью их паломничества был некий источник, вкусить воды которого был просто обязан всякий адепт их религии. Было их человек тридцать, и явно канон их веры не

предусматривал предосудительного отношения к горячительным напиткам.

Оба Ордена были в общем-то миролюбиво настроены друг к другу, но зато готовы были сразиться в богословском споре. Что они и осуществляли на протяжении всей — не очень долгой на этот раз — ночи, многократно перемещаясь от одного стола к другому и вовлекая в круг своего спора всех, кто подвернется под руку. Мне относительно повезло: некий не слишком пьющий, но весьма говорливый аббат ухватил меня под руку и решительно повлек по коридорам, лестницам и подземельям обители, с энтузиазмом тыча пальцем в сохранившиеся остатки старинных фресок и архитектурных деталей совершенно неизвестной мне природы. Экскурсия сопровождалась подробнейшей лекцией о роли монастырей в истории Странного Края.

Не могу сказать, что меня совсем уж не заинтересовал рассказ почтенного прелата. Однако выпавшие мне в ту ночь два или три часа сна не компенсировались обретенными мною знаниями. Кунни тоже не пришлось как следует выспаться — у него даже не было сил рассказать, какие ночные испытания выпали на его долю. Впрочем, прощались мы с продолжившими свой симпозиум пилигримами вполне по-дружески. Даже, я бы сказал, тепло.

Так или иначе, а двигались мы по бесконечно уходящему вниз склону в направлении далеких Белых скал, словно изрядно хватившие крепкого мухоморного настоя некогда назойливые насекомые по оконному стеклу. Именно что «некогда». В смысле в былые времена. Сейчас у нас не было сил даже на то, чтобы жужжать. Мы только обменивались время от времени ничего не значащими фразами да сверялись с путаной дорожной картой. Впрочем, карты Странного Края — это отдельная «поэма о семи песнях».

Немного позже того, как мы тронулись в путь, очевидно, чтобы жизнь нам не казалась медом, из всех расщелин и низин начал сочиться и подниматься мокрый туман.

— Кунни,— спросил я сонно.— Ведь туман должен по утрам рассеиваться? Так? Или я что-то путаю?

— Так,— устало отозвался Кунни.— Но этот туман не такой. Наверное, это какой-то неправильный туман.

Правильный или неправильный, но туман этот дьявольски мешал сориентироваться на предательском склоне, ведущем к далекой заболоченной равнине, где за Белыми скалами нас, по идее, и ожидала основная работа. Кунни, впрочем, был осведомлен о том, что до цели нашей ему суждено будет добираться одному.

Ощущение предстоящего расставания тоже не скрашивало путь. А сам путь становился все менее проходимым. Под ноги лезли острые кварцитовые осколки, а кони наши то и дело норовили поскользнуться и отдаться самопроизвольному движению вниз по круче.

Трудностями с ориентацией дело не ограничивалось. Уже после нескольких минут пребывания в окутавшей склон влажной мути мы промокли до нитки и стали основательно мерзнуть. Наши вялые разговоры о том, что совсем неплохо было бы развести костер и обсохнуть, были обречены оставаться разговорами ввиду отсутствия окрест валежника или какого-либо другого горючего материала.

Окончательный восход солнца, на который мы сильно надеялись, для начала просто сильно затянулся, а затем одарил нас новыми неприятными сюрпризами.

Ни теплее, ни суше не стало, зато туман засветился изнутри и демонстрировал нам запасенные, видно, для такого случая оптические обманы и головоломки. То тут, то там в тумане возникали галло — светящиеся кольца и окружности. Тени призрачных скал и наши собственные причудливо искаженные тени то сопровождали нас параллельным курсом, то возникали прямо перед нами, то — позади... В какой-то момент я поймал себя на том, что воспринимаю эти тени уже не как зыбкие отражения каких-то предметов, а как некие самостоятельные сущности.

Я даже попробовал заговорить с собственной, как мне показалось, тенью, но гулкий отзвук моего же голоса неприятно резанул слух, и я оставил это бесперспективное и чем-то даже жутковатое занятие. Сдается мне, что утренние призраки куда неприятнее полуночных.

Вот, например, что это за унылый всадник не торопясь трусит справа от меня? Конечно, это тень Кунни, но усталое воображение приписывает ему уж совсем какие-то неузнаваемые черты... Можно позволить себе пофантазировать в том духе, что это — тень кого-то из путников, заблудившихся, как и мы, в этой светящейся мгле, да так никогда и не вынырнувших из нее... Или...

Какой это, впрочем, Кунни?! Кунни — вот он, обрисовался в тумане передо мной. И он вовсе не восседает на своем скакуне, а терпеливо тащит того под уздцы! И он тоже, как и я, подозрительно косится на неспешную тень всадника, все приближающуюся к нам и — по законам оптики тумана — становящуюся тем не менее все меньше и меньше...

Но ведь это и не моя тень! Я тоже не скачу верхом! Я точно так же, как и Кунни, спешившись, практически волоком тащу упрямую скотину по крутому склону! Но ведь не призрак же это в конце концов! Просто еще одна жертва чертовой светящейся мглы...

— Эй! — окликнул я незнакомца.

— Тише... Тише, маг Сергей,— ответил мне из тумана голос, искаженный здешним эхом, но вполне узнаваемый.— Здравствуйте, ребята.

— Здравствуй, Шон! — тихо ответил я.

* * *

— Продрогли? — осведомился Шон, спешиваясь и извлекая на свет уже знакомую нам флягу с «дурификатором».

Я принял ее в руки не без содрогания, но уже первый глоток показался мне живительным. Но жизненный опыт подсказывал, что в том состоянии, в котором я пребывал

сейчас, третий глоток может уложить меня наповал. Поэтому я ограничился вторым и передал фляжку Кунни.

Мы — трое — вместе с нашими конями составили неправильный кружок, не без труда удерживавшийся на коварном косогоре.

— Никто не приходил к тебе, чтобы взять Золотой Знак? — спросил Шон.

Я отрицательно помотал головой.

— Никогда не снимай его! — повторил Шон свой давний наказ.— Рано или поздно этот человек придет. А теперь возьми это.— Он протянул мне мой кожаный кисет с давешней монетой.— Отойдем в сторону,— посуровевшим голосом сказал он.— Твой помощник простит нас...

Я не стал лицемерить и лопотать что-то о том, что у нас с Кунни нет секретов. Я просто последовал за Шоном. Через полсотни шагов он остановился и тихо спросил:

— Ты догадываешься, что там тебе нацарапали Темные?

— Догадываюсь,— коротко ответил я.— Они хотят вернуть себе Темный Арсенал. В обмен на моего брата.

Шон покачал головой — чуть сокрушенно:

— Выходит, я напрасно тратил время и досаждал нашим специалистам... Ты все-таки читаешь руны Темных...

«Значит, не таким уж он меня магом считает на самом деле,— отметил я про себя.— И все же хорошо бы знать, кто для Шона эти «наши»?»

— Пока только учусь,— отозвался я.— А сейчас я всего-навсего догадался. Просто, оказывается, все здесь хотят от меня одного и того же.

— И как ты смотришь на это? — сурово спросил Шон.— Ты собираешься выполнить это условие?

— Мой брат уже не у Темных,— ответил я без должной, правда, уверенности в голосе.

— Значит, и это ты знаешь... — с какой-то очень знакомой мне по прошлой жизни на Большой Земле интонацией произнес Шон.— И тебе уже сделали то предложение, на которое я намекал в своем письме?

— Да, сделали,— не стал я врать.

— Твое решение? — требовательно спросил Шон.

— Простите меня,— сдавленно произнес я, преодолевая растущее внутри меня напряжение,— но я даже не знаю, с кем говорю...

Мне показалось, что на какую-то долю секунды мой собеседник потерял контроль над собой, но, если это и было так, он почти молниеносно взял себя в руки. И резко сменил тональность разговора:

— А ты отдаешь себе отчет в том, какую опасность представляет этот Арсенал? Не только для здешнего края, но и для твоего родного мира — для того, что здесь называют Большой Землей?

— Давайте определимся,— как можно более решительно сказал я.— И не будем говорить намеками. Если вас послали те, кто представляет интересы Большой Земли, докажите это. Здесь почти за каждым, кто обращается ко мне, могут стоять Темные. Или бог знает кто еще...

— Ну что ж... — коротко вздохнул Шон.— Определимся. Сейчас и здесь доказать тебе, что я — не верблюд, просто не могу. Но... Очень скоро ты такие доказательства сможешь получить. Мы догадываемся... Да какое там догадываемся! Мы знаем, что ты ввязался в очень сложную игру. И скоро эта игра может взять тебя в клещи. В самые настоящие железные клещи! И когда ты поймешь это, то, если успеешь, конечно, дашь нам сигнал. Тебе придут на помощь. И тогда ты уяснишь, кто есть кто в этой игре. На, держи свою палочку-выручалочку...

Он достал из внутреннего кармана и протянул мне потрепанную книжку — немногим больше, чем ладонь, размером — в твердом переплете. Тяжеленькую. Я повертел невзрачный фолиантик в руках и удивленно уставился на Шона.

— Это что — заклинания? — спросил я с недоумением.

— Считай, что да,— усмехнулся Шон.— Держи книжицу при себе и не отдавай ее никому ни при каких обстоятельствах. Скажи, что это — записи, нужные тебе по работе. Кстати, действительно почитай, что там понаписали наши специалисты по здешней магии. Но осо-

бенно глаза этой книжечкой не мозоль. А когда окажешься у Врат Арсенала или когда тебя прижмет, сделаешь вот что...

Он осторожно взял книжку из моих рук и прикоснулся пальцем к потертой тисненой виньетке на переплете.

— С силой нажмешь на вот этот рельеф. Почувствуешь хруст. Это заработает радиомаяк. Он вмонтирован в переплет. Наши выйдут на тебя от силы за полчаса. Ты все понял?

— Понял,— ответил я.— Но предупреждаю честно: я включу эту штуку только тогда, когда пойму, что хуже быть уже не может.

— Пусть так,— устало бросил мой собеседник и молча зашагал к своему коню.

Молча вскочил в седло, молча кивнул нам обоим и молча исчез за пеленой начинающего, слава богу, редеть тумана, каким-то чудом удерживая равновесие на предательски крутом склоне.

И снова Кунни не задал мне ни одного вопроса.

* * *

Солнце таки справилось с туманом и к здешнему условному полудню выжгло его весь. Хрен, впрочем, оказался не слаще редьки: промозглая сырость сменилась сначала парящей жарой, а затем изнуряющим зноем. Мы за этот долгий день устроили пару привалов — оба у случившихся по дороге ручьев — уже не для того, чтобы согреться и обсушиться, как мечтали о том с утра, а чтобы напоить коней, напиться самим и проглотить чего-нибудь из заготовленной в дорогу еды. С постоянно набегающим желанием заснуть на диком солнцепеке приходилось бороться, как с врагом.

Белые скалы весь этот день представлялись мне некой недостижимой целью, подобной линии горизонта — видимой, но как бы существующей в каком-то другом мире.

Когда же наконец Белые скалы предстали перед нами вплотную и мы просто-напросто как-то незаметно ока-

зались среди них, это показалось мне то ли чудом, то ли оптическим обманом. Словно чтобы подтвердить это ощущение, солнце к тому времени успело превратиться в огромный, сплющенный багровый шар, колышущийся над горизонтом, будто в сомнениях — покидать ему небосклон или задержаться на нем подольше.

Прежде чем оно закатилось, мы успели навалить в укрытом от ветра стыке двух скальных стенок кучу валежника, вполне достаточную для того, чтобы продержать костер даже до далекой зари — случись ночь длинной. Уж чем-чем, а валежником Белые скалы — в отличие от высившегося над ними склона — были богаты.

Оба мы знали, что предстоящая ночь — это ночь нашего прощания. Но само прощание решили отложить до здешней условной полуночи. Я вызвался было подежурить у костра. Остаток-то ночи Кунни предстояло провести одному и лучше хотя бы немного выспавшемуся. Но у Кунни на этот счет были другие соображения. По его мнению, именно мне стоило идти на встречу с Хирамом и его людьми выспавшимся. Что до него самого, на то он и есть уже почти подмастерье мэтра, чтобы уметь более или менее грамотно справиться с одной-двумя ночами бессонницы.

Долго пререкаться по этому вопросу мы не стали и решили проблему броском монетки. Счастье выспаться выпало мне. Я до сих пор не могу простить себе, что так легко согласился на этот выбор.

* * *

Заснул я, естественно, как убитый. Военный опыт приучил меня полностью отрешаться от всяческих треволнений относительно тревог и опасностей, предстоящих сразу после пробуждения. Поэтому и проснулся я от того, что меня трясли за плечо, как говорится, «без всякой задней мысли».

— Однако тебе пора собираться, маг,— произнес у меня над ухом скрипучий голос.— Ты спишь так крепко,

что мог, не приведи Господь, припоздниться на нашу встречу... А я, знаешь ли, как и все смертные, не люблю двух вещей — ждать и догонять.

Я открыл глаза и попытался рывком перейти в положение «сидя». Но говоривший удержал меня, крепкой хваткой вцепившись в плечо. Его я успел узнать по голосу, еще не успев открыть глаза.

— Что вы здесь делаете, Хирам? — недоуменно спросил я, понизив голос и озираясь вокруг.— Мы договаривались встретиться на дороге...

Насколько я мог судить, находился я точно в том же месте, в котором меня и сморил сон,— у костра, разведенного на стыке двух Белых скал. Скалы были на своем месте, и костер благополучно тлел, излучая тепло. Но что-то было во всем происходящем коренным образом не так. Даже не то, что вокруг толклись увешанные оружием типы. Нет, что-то другое...

— Тебе, наверное, уже говорили, маг,— усмехнулся Хирам,— что я никогда никого не предупреждаю, когда и где меня можно увидеть. А ты, видно, пропустил это мимо ушей... Я решил, что сделать все так, как задумал я, будет гораздо надежнее.

Тут я понял, что именно вокруг обстоит не так.

— Кунни? — спросил я.— Мой помощник... Где он?

— Вставай — посмотришь,— невозмутимо распорядился старик.— Только не делай резких движений, душа моя...

Я поднялся и, уже догадываясь, что увижу, сделал пять-шесть шагов на ставших ватными ногах. По ту сторону костра, свернувшись в позе неродившегося младенца, лежал Кунни. Под ним натекла основательная лужа крови. Горло его было перерезано — от уха до уха.

Военный опыт — это все-таки военный опыт. Я не забился в истерике. Не полез драться (вокруг было не менее полудюжины вооруженных сволочей). И меня не вырвало. Только адреналин или что там еще кольнуло меня в кончики пальцев и холодом прошло по спине.

— Зачем это? — спросил я глухо.— Мы так не договаривались, атаман.

Хирам снова усмехнулся.

— Я же объяснил тебе, маг. Если делать все по-моему, то будет надежнее. Так надежнее, понимаешь? Теперь ты наш!

* * *

Сказано это было, конечно, громко и веско, но не впечатлило меня настолько, насколько рассчитывал, надо полагать, старый атаман. Разумеется, внешне теперь перед мэтром и прочими шишками из Светлого Ордена была нарисована убедительнейшая картина моего предательства и бегства, отягченного убийством своего сопровождающего. Но мы с Учителем уже слишком хорошо знали друг друга, чтобы купиться на столь примитивную провокацию. Другое дело, что и он, и я должны были предусмотреть такой поворот событий.

Не очень добрая мысль шевельнулась в моем черепе. Мысль о том, что, возможно, он и был предусмотрен, этот поворот... Жертва проходной пешкой для создания у противника иллюзии собственного преимущества... Я отогнал эту мысль. Но с некоторым трудом. И неприятный осадок подозрения уже не первым слоем лег куда-то туда — в глубину подсознания...

— Надеюсь, ты не сомневаешься в том, чьи пальчики остались на клинке, который найдут здесь неподалеку, в кустах? — осведомился Хирам.— Будут и другие доказательства.

— Пойдемте отсюда,— глухо сказал я.— Мне нечего здесь делать.

— Ключ,— напомнил мне старик.— Ключ от Врат Арсенала. Надеюсь, ты не забыл прихватить его с собой? И позволь завязать тебе глаза. Тебе незачем запоминать дорогу, которой мы поедем...

Исполнительный Джош — кто же еще? — уже стоял за моей спиной, протягивая мой уже предусмотрительно

расшнурованный рюкзак. Я взял его у него чуть ли не рывком и вытащил из вороха нехитрого дорожного барахлишка тяжелый сверток с настоящим ключом. Тот вздох, с которым мэтр вручил мне этот причудливый кусок металла, запомнился мне надолго. Я протянул сверток старику, застегнул рюкзак и быстро ощупал свои карманы.

Хирам развернул сверток, прикоснулся кончиками пальцев к отливающему в ночной тьме золотистому металлу и улыбнулся.

— А теперь...— кивнул он Джошу, и в руках у того появился кусок черной ткани с завязками.

— Минутку! — остановил я их.— Мой амулет, мои записи, мои снадобья. Они должны постоянно находиться при мне...

— Когда все это потребуется, ты это получишь,— проскрипел Хирам.

— Не решайте все за меня,— резко отозвался я.— Давайте каждый делать свое дело. И доверять друг другу... Без этого все провалится. Я ваш партнер, господин Хирам, а не пленник!

Старик посмотрел на меня взглядом многоопытной черепахи и кивнул кому-то, кто ошивался за спиной Джоша. Здоровенный — с хороший шкаф размером — парень выскользнул из темноты, подошел ко мне и с видимым сожалением сунул мне в один карман давешнюю книжицу, полученную мною от Шона, в другой — золотую цепь с разорванной пентаграммой. Второй — схожих с ним габаритов — парень неловко протянул мне сумку с моей персональной «химией». За их спинами еще один из подручных Хирама подводил взятого под уздцы моего коня.

Я тихо, с облегчением вздохнул: в сумке был сложен набор препаратов, которые в самом крайнем случае должны были либо заставить меня вспомнить искусство магии, заложенное в меня и «запечатанное» чьим-то заклятием, либо отправить меня на тот свет. Я пристегнул сумку к поясу, закинул рюкзак за плечи и повернулся спиной к выжидавшему с черной повязкой в руках Джошу,

давая понять, что готов принять его очередные услуги. Я никак не мог отделаться от ощущения, что меня готовятся отвести на расстрел.

На глаза мои легла плотная, не пропускающая ни лучика света повязка. Сразу несколько рук помогли мне занять место в седле. Прозвучали негромкие, отданные приглушенным каркающим голосом Хирама команды, и мы тронулись в путь.

* * *

Мы пробирались в очередное убежище Сизого Хирама всю оставшуюся часть ночи и изрядный кусок наступившего за ней дня. Впрочем, о том, что день наступил, я мог судить только по тому, что ощутил тепло солнечных лучей. Ни малейших признаков света разглядеть сквозь повязку я не мог. Сработана она была, что и говорить, на совесть.

После короткого спуска по петляющей горной дороге большая часть нашего пути пролегала, судя по всему, через изрядно заболоченную местность — если не через болото вообще. Об этом говорил и характерный запах гниющих вод, и доносившееся из-под копыт чавканье влажной почвы, и вскоре давшие о себе знать полчища комаров. Последнее обстоятельство досаждало особенно. Некоторое время я имел основания благодарить Хирама за то, что на физиономию мне был натянут плотный кусок светонепроницаемой материи: он сдерживал армию летучих кровососов. Но немного погодя наиболее сообразительные из них научились с отвратительным писком забираться и под мою повязку.

Кроме этих ощущений в окружающем мире присутствовали и непонятные мне звуки и движения. Откуда-то с небес время от времени доносились крики каких-то тварей, глотки которых были скроены не иначе как из луженой жести, а где-то под ногами по земле суетливо пробегали какие-то немаленькие, судя по производимому

шуму, твари. Все это вовсе не добавляло мне ни спокойствия, ни душевного равновесия.

Ни сам Хирам, ни его спутники не проявляли ни малейшего желания беседовать со мной. Они и между собой обменивались только короткими, односложными репликами, почти всегда непонятными мне. Каким-то шестым чувством я ощутил, что над нашим отрядом витает страх быть обнаруженными.

Пару раз нам пришлось спешиваться, и меня за руку переводили с кочки на кочку по каким-то плохо проходимым для конников тропинкам. Затем приходилось подолгу ожидать, сидя на каких-то то ли пнях, то ли валунах, пока к нам, вероятно окольным путем, подведут наших лошадей.

Однако ближе к концу пути удушающий «аромат» болота отступил и сменился свежим запахом леса. Над головой зашелестела листва. Чавканье болотной жижи под ногами сменилось бодрым перестуком копыт по плотной и, видно, накатанной дороге. Еще несколько поворотов, и тепло солнечных лучей сменилось прохладой подземного туннеля. Где-то рядом ощущались еле слышные плеск и журчание водного потока. Прозвучала команда Хирама и, судя по раздавшимся звукам, его отряд начал спешиваться.

Помогли спрыгнуть с коня и мне и наконец-то сдернули с глаз проклятую заслонку. По контрасту с полной тьмой сумерки подземелья, в котором мы очутились, показались мне ярким солнечным днем. Подземелье было просторным, с довольно высокими сводами. Под ними свободно передвигались в полный рост несколько всадников на конях. Всего в пещере сгрудилось не меньше дюжины человек — нас, прибывших, и встречающих. Освещали каменную залу с десяток факелов, укрепленных в ржавых чугунных крючьях, вбитых в покрытые потеками своды. Вход в подземелье, насколько я успел заметить, маскировали скальный козырек, неровная стена снаружи расположенных скал и густой и высокий кустарник.

— Пойдем,— коротко толкнул меня в плечо Хирам.— Не стоит глазеть по сторонам. Тебя ждет кое-что более интересное, чем эти каменные стены.

Я повиновался и зашагал за ним по уходящему в глубь скалы туннелю. Здесь уже приходилось сгибаться в три погибели и постоянно стряхивать с волос и одежды капли падающей с потолка влаги. Сзади меня страховал старательный Джош, не позволявший мне ни задержаться надолго, ни даже оглядеться как следует вокруг. Я всего-то и успел заметить, что туннель, по которому мы пробирались, уходил все глубже вниз и временами пересекался с ответвлениями, уводившими в какие-то боковые, плохо освещенные норы. Пожалуй, убежище Хирама, где я оказался, вполне тянуло на неплохой бункер, в котором мог разместиться целый штаб армии.

В конце туннеля замаячил свет, и мы вышли в освещенную пещеру размером со столовую в типовой квартире какой-нибудь «башни», коими украсились наши города в восьмидесятые годы прошлого уже века. Здесь и вправду меня ждал сюрприз.

* * *

Из-за крепко сбитого, уставленного снедью стола навстречу мне поднялся мой брат Ромка!

Некоторое время я не обращал внимания ни на что другое. Мы с Романом вертели и рассматривали друг друга в разных ракурсах.

Да, прошедшие недели изменили Ромку. Он осунулся, повзрослел. Лицо его изобиловало следами от нешуточных ссадин, а судя по легкой неловкости, с которой он двигался, его рукам и ногам тоже досталось порядком и время зажить его травмам еще не пришло. Мне почудилась даже седина в его кое-как остриженных волосах.

— Садись,— кивнул он в направлении стола.— Нас предупредили, что сегодня ты объявишься.— Наверное, голодный? Мы тут тебе...

Тут он осекся и откашлялся.

— Вот, знакомься... — Он кивнул на вслед за ним поднявшуюся из-за стола девушку.— Это...

— Будьте знакомы, маг,— прервал его своим каркающим голосом старый Хирам.— Моя дочь — Аманеста. Садитесь за стол и чувствуйте себя как дома...

Этой репликой старик порядком разрядил напряжение, воцарившееся было в пещере. Я только сейчас понял, что во время нашей столь трогательной встречи с братом присутствующие — Джош и еще четверо человек, что с самого начала находились в комнате,— стояли в позах ожидания. Ждали то ли команды хозяина, то ли нападения с моей стороны. По всей видимости, встреча мага с его взятым в заложники братом могла, по их понятиям, обернуться или попыткой освобождения заложника, или возмездия за нанесенное магу оскорбление. Бог весть чего они от меня ожидали — может, того, что я примусь метать фаерболы или просто начну демонстрировать им чудеса боевых искусств... Но все вроде шло к тому, что дело обойдется миром.

Я занял место за столом и еще раз окинул комнату взглядом. В этом, скорее всего, естественного происхождения помещении было обозначено некоторое стремление к уюту. На стенах висели огромные венки из местных цветов и охапки трав, источавших аромат, немного смягчавший колодезный дух подземелья. Вдобавок к этому в воздухе ощущалось присутствие струящейся откуда-то со стороны влажной свежести — приятной и бодрящей. Входы в пещеру (их было три) закрывались довольно искусно сработанными дверьми из тяжелой древесины. Пол покрывали свежие циновки.

Я не сразу понял, что за источник освещает внутренность пещеры. Факелы в кольцах, вбитых в стену, не горели. А сам свет, наполнявший помещение, был зеленоват и переливчат. Только немного спустя я понял, что свет этот и влажная свежесть вливаются в пещеру через широкий пролом-«окно» в торцевой ее стене, а за «окном» этим весь окружающий мир отгораживает от пещеры стена низвергающейся откуда-то сверху воды. Пролом в стене

выходил прямо под «бороду» приличного водопада. Через эту «бороду» и струился сюда солнечный свет, преломляясь и создавая переливающийся рельеф освещенных поверхностей.

Теперь, хоть и в этом зыбком освещении, я мог подробнее разглядеть и свою ночную гостью, пожаловавшую в имение его превосходительства провинциального прокурора. По всей видимости, забота об одежде стояла не на первом месте в банде Хирама. Так что я и не рассчитывал увидеть свою полуночную знакомую в наряде Наташи Ростовой, отправляющейся на свой первый бал. Одета Аманеста была как вернувшийся из турпохода подросток, правда, без бушлата и прочих аксессуаров ночной вылазки в стан противника. Она выглядела более женственно и несколько менее угловато, чем той ночью. Что до ее физиономии, то это была еще, по сути дела, детская мордашка, обещающая стать, может быть, прекрасной в недалеком будущем. Пока же ее можно было бы назвать очаровательной, если бы не слишком заметная впалость щек и агрессивность, проскальзывавшая даже в доброжелательной улыбке девушки.

«Ну и подруга досталась Ромке в этом краю,— подумал я,— что-то еще будет, если ей удастся осуществить свой план побега на Большую Землю. А ведь она и впрямь сможет его осуществить. Воля у юной леди, судя по всему, железная...»

Сам Хирам присаживаться к столу не стал.

— Позаботься о госте,— распорядился он.— Пусть поболтают с братом, но не забудут про то, что на столе... Кстати, что вы там сварганили по такому случаю?

— Жиго,— отозвалась дочь атамана и повернулась ко мне.— Не стесняйтесь, господин маг. Здесь каждый накладывает себе сам — ровно столько, сколько хочет. И наливает тоже. Вон на том блюде — мясо, там — всякая зелень. Что выпить — в кувшинах... Угощайтесь.

Никакое угощение не лезло в меня при воспоминании о том, как маслянисто отсвечивало гаснущее пламя костра в луже крови Кунни. Я налил себе полную кружку из

ближайшего кувшина. Вино, похоже, было дрянь. Не из тех, что надо пить за упокой невинно убиенных. Но я проглотил его как лекарство. Стресс вроде начал сходить на нет. Аманеста тем временем снова повернулась к старому Хираму:

— Кстати, отец, ты не забыл поблагодарить мага Сержа за услугу?

— Ты о чем? — удивленно заломил бровь старик.

— Как-никак он поставил на ноги их превосходительство Лессажа,— с язвительной иронией в голосе произнесла Аманеста.— Ты же всегда говорил, что подобная бестолочь на месте провинциального прокурора — это подарок богов. Господин маг как раз и сберег для тебя этот подарок...

— Х-хе! — удовлетворенно рассмеялся Хирам.— Ну что ж. Я и в самом деле забыл поблагодарить господина мага за эту услугу. Не буду мешать вашей беседе. Я думаю, вы поможете гостю расположиться в его комнате и позаботитесь о том, чтобы его никто не беспокоил. Очень скоро ему предстоит нелегкая работа. Гораздо более трудная, чем врачевание судейских бездельников.

Он резко повернулся и покинул пещеру. Аманеста щелкнула в воздухе пальцами, и все люди Хирама поспешно оставили нас. Явно хозяйкой осталась дочь атамана.

За столом воцарилось молчание. Мы втроем переглядывались, пытаясь определиться в сложившейся ситуации. Я перемигнулся с Ромкой — оба одновременно вспомнили нашу незамысловатую детскую хитрость. Ромка поискал глазами на столе и пододвинул мне плошку с каким-то месивом — то ли кашей, то ли паштетом. Это было примерно то, что подходило для наших целей. В «прошлой жизни» для этого использовалась просто растолченная вареная картошка — пюре.

Я молча навалил массу на ближайшую тарелку и, старательно имитируя аппетит и оживленную — только немного невпопад — беседу с братом, разгладил ее вилкой. Потом, делая вид, что пробую закуску, нацарапал вилкой

по «размазне»: «Нас подсл?» Ромка, читавший мое послание перевернутым вверх ногами, тем не менее прекрасно понял его и, подняв на меня глаза, отрицательно покачал головой. Правда, с некоторым сомнением.

Аманеста с интересом наблюдала за нашими манипуляциями, но не вмешивалась в ход беседы. Она налила себе в большую чашку кофе (самого настоящего, с Большой Земли, судя по аромату — не «инстант», а молотого) и тихонько прихлебывала горячий, дымящийся напиток.

Я, однако, не торопился отказываться от конспирации, разгладил свои каракули, подцепил кусочек служащей нам грифельной доской пасты, сунул его в рот (это оказалось нечто приторное и ореховое) и нацарапал на разгладившейся поверхности: «Где мы?»

Ромка, успевший тем временем соорудить себе подобную же «грифельную доску», нацарапал в ответ не слишком разборчиво: «Остров. Ничейный». Потом разгладил «доску» и добавил: «На болотах». Снова разгладил приторную пасту и написал: «Ты сможешь?»

Я ответил ему очень невеселым взглядом. Ромка понимающе кивнул и начал рассказывать про то, как Темные вели его через лес. На «доске» между тем появилась новая надпись: «Тебя ищет». Потом поверх нее — «Не знаю кто».

— Хватит секретничать,— тихо сказала Аманеста.— Раз я с вами, то другого подслушивающего устройства не надо. А подслушивать меня отец не разрешит никому!

«Хорошо, если это так»,— подумал я и нехотя принялся за то, что здесь считалось «жиго». Жареное мясо с чем-то острым. То обстоятельство, что на сцене появляются все новые и новые персонажи, жаждущие конспиративного контакта со мной, не слишком меня радовало.

* * *

— Я сказал ему, что его ищут,— тихо объяснил Ромка Аманесте по-английски.— Если Сергей может догадаться, кто это, то это было бы неплохо.

— Попроси себе помощника, маг,— так же тихо, но по-русски произнесла Аманеста, склонившись над вазочкой с сухариками.

Явно общение с Романом расширило лексикон дочери атамана. Хотя акцент у нее был, как говорится, еще тот.

— Помощника? — озадаченно переспросил я, стараясь прожевать довольно жесткое «жиго».

— Помощника,— подтвердила дочь атамана, отсыпая сухари в смуглую ладошку.— Его тебе приведу я. Это будет связной.

— В какую игру мы все-таки играем? — задумчиво спросил я.— Или во все игры сразу?

Ромка сморщился:

— Понимаешь, Серега... Здесь приходится в самом деле хвататься за соломинку...

— Всякая соломинка может просто оказаться наживкой,— пожал я плечами.— Провокацией... Лучше бы вы нашли время и место, чтобы посвятить меня в ваши планы...

— Вот ты, может... — резонно предположил Ромка.— Может статься, что как раз ты и раскусишь — наживку нам подсовывают или нет... А что до наших планов, то... Есть, конечно, планы, но... В общем, лучше, если ты пока ничего знать не будешь. Лучше для тебя, прежде всего. Ты вот скажи, у тебя-то самого планы есть?

— На этом свете без планов не проживешь,— усмехнулся я, снова переходя на местное тарабарское наречие, и налил себе еще вина.— Пока скажу одно: прошу вас, ребята, не предпринимайте ничего, меня не предупредив. И еще: если что-то покажется вам странным... Ну во мне или вокруг... Тоже дайте мне знать. Хотя бы намеком.

Я помолчал. Аманеста и Ромка тоже замкнулись в себе, ковыряя в тарелках остывающую еду.

— Когда Хирам собирается тронуться к Арсеналу? — задал я уже вполне легальный, на мой взгляд, вопрос. Даже, собственно говоря, деловой.

— Это еще не решено... — неуверенно проговорил Ромка.

— Да нет! — тут же возразила Аманеста.— У Хирама все решено на десять лет вперед. Но о своих планах он никого и никогда в известность не ставит. В любом случае он сначала дождется известий от своих людей из Убежища. Ему важно знать — как повлияет твой побег на тамошний народ. На Учителей, на Ходоков... Без такой проверки он и шагу не сделает. Но и затягивать свое решение не станет. Не такой он человек.

— Он не боится, что в пути нарвется на засаду или на что-нибудь вроде этого? — высказал я свое опасение.

— Наверное, больших переходов не будет,— снова уверенно откликнулась Аманеста.— Это где-то здесь. Совсем рядом... Но... — Тут ее голос утратил уверенность.— Это как-то связано с Болотным Графом. Может быть, Зепп больше знает про Арсенал, чем говорит... Так что действительно в пути могут приключиться разные фокусы.

— Они как между собой? — осведомился я.— Зепп и Хирам? Дружат, враждуют?

Аманеста хмыкнула:

— Оба они — того сорта люди, у которых нет ни друзей, ни врагов... Должно быть, у них найдутся общие интересы. Арсенал — улов богатый. А Хирам, когда надо, умеет делиться...

* * *

Что ж, медлить не приходилось. Вопрос о помощнике я успел поднять к вечеру того же дня. Старому Хираму взбрела в голову блажь выбраться из пещеры и прогуляться со мной вдоль берега острова. Он, оказывается, и не думал скрывать от меня тот факт, что убежище его находится посреди моря гнилых болот, тянущихся по ничейной земле между границами Риккейского и Термского анклавов. Должно быть, прогулка эта имела целью довести до моего сознания тот факт, что бегство из этого его логова было делом безнадежным.

С этой точки зрения время и условия нашей прогулки были выбраны самым наилучшим образом: сгущался сум-

рак, над болотами сеял пока еще мелкий, но многообещающий дождик, и порывами дул ледяной ветер. Я накинул на голову полагавшийся мне в качестве части униформы мага капюшон. Старого Хирама погодные невзгоды не волновали, а вот двум нашим спутникам в этой прогулке приходилось вовсе не сладко.

Спутниками, кстати, были выбраны люди до крайности несхожие между собой: верный Джош и насупленный Ромка. Ромка поднял воротник своей курточки, доставшейся ему здесь явно с чьего-то чужого плеча, и стал походить на взъерошенного воробья, а Джош переносил непогоду стоически, лишь страдальчески морщась, когда Хирам не смотрел на него.

Выслушав мои соображения касательно того, что делу бы пошло на пользу, если бы мне ассистировал в моих магических трудах кто-нибудь помоложе и порасторопнее, старик Хирам немедленно впал в нервическое расстройство.

— Ты не предупреждал меня,— неприятным голосом прервал он мои излияния,— что тебе потребуется еще и ассистент! А как насчет личного врача и адвоката? Тебе что — полагается целая свита, когда ты отправляешься в дорогу? Послушай, по-моему, ты просто тянешь время, дорогой мой! Потом ты попросишь еще недельку-другую, чтобы наставить твоего подмастерье уму-разуму и обучить основам вашего ремесла...

— Много времени это не займет,— заверил я его.— Вообще-то, будь у меня на то время, я бы все-таки смог перетянуть на нашу сторону бедного Кунни... Уж он как ассистент был бы специалистом высшего класса...

— Ну вот это уже мечты! — все тем же неприязненным тоном снова оборвал меня Хирам.— Моим людям в свое время приходилось прощупывать этого парнишку... Он предан... Впрочем, был предан твоему Учителю фанатически! Так что если ты питал иллюзии насчет этого хитреца, то просто сам совал голову в ловушку. Тогда уж можно возблагодарить Господа за то, что ты не успел выложить перед ним свои карты...

Тут Хирам задумался, видимо приняв во внимание какие-то неизвестные мне соображения.

— Помощник, говоришь... — Он бросил на меня косой взгляд.— Ну что ж... Если ты и впрямь думаешь, что так будет лучше, выбери себе в подмастерье кого-нибудь из моих людей... Ну вот хоть того же Джоша, например...

Джош подозрительно зыркнул на меня глазом и умоляюще — на атамана, предвидя в таком «назначении» что-то недоброе.

Я поспешил утвердить его в этом мнении.

— В принципе,— слегка обескураженно признал я,— и такой вариант сошел бы... Но... Разве вам хочется терять своих людей, господин Хирам?

Господин Хирам остановился, словно наткнувшись на невидимую стену, и воззрился на меня со стариковским любопытством.

— Как ты изволил выразиться, маг? — спросил он вкрадчиво.— Объясни, что ты имеешь в виду. Почему это я потеряю своего человека, если дам его тебе в ассистенты?

Я принял значительный вид и вроде как неохотно стал разъяснять:

— Вообще-то, это — один из секретов искусства магии, господин Хирам. Дело в том, что в таком мероприятии, как взлом Врат Арсенала — а они закрыты далеко не слабыми заклятиями,— есть кое-какие моменты, которые опасны. Так — простенькие манипуляции, которые, однако, могут плохо кончиться для тех, кто их будет производить, в тот же миг, когда Врата откроются...

— Ты темнишь, маг! — коротким злым карканьем оборвал меня Хирам.— Называй вещи своими именами, ты — выбравший Темный Путь!

Я понял, что интуитивно попал в какую-то болевую точку замыслов старого атамана. В точку, в которой сосредоточились какие-то темные иллюзии о моем магическом ремесле. И уже чисто по наитию я продолжил:

— Дело может обернуться так, что для того, чтобы отпереть Врата, потребуется принести Демону Врат жертву...

И тут старик расплылся в торжествующей улыбке. Я — сам того не зная — сделал самый верный ход, который может сделать обманщик: я утвердил свою жертву в ее худших подозрениях!

Верный Джош только и мог, что потрясенно вертеть головой, словно воротник стал ему дьявольски тесен. Я готов был поклясться, что капли сеющегося на нас дождя стекают по его плохо выбритой физиономии пополам с каплями пота. Такого же холодного и неприятного, как и этот дождь.

— «Простенькие манипуляции... Могут... Плохо кончиться...»,— передразнил меня Хирам.— Скажи уж прямо: не могут Врата открыться сами по себе — от какого-то там заклинания. Им нужна жертва! Так и только так!

— Да,— согласился я покорно.— Жертва нужна.

— Как видишь,— проскрипел Хирам,— я не такой уж неграмотный болван в твоем деле. И я знаю о Вратах Арсенала все, что только может знать смертный! Жертва... Конечно, жертва. Ведь и само заклятие, которым закрыты Врата, замешено на крови! Я долго ждал, когда ты заведешь речь об *этом*!

Он замолчал, сунул руки в карманы и двинулся вперед решительным шагом. Нам не оставалось ничего другого, как следовать за ним: мне и Ромке — торопливым, размашистым шагом, верному Джошу — по причине недостаточной длины ног — вприпрыжку.

— Ладно,— процедил старик,— даже не оборачиваясь на меня.— Понимаю тебя, маг... Клялся Светлым Силам, наверное... Весь этакий белый и пушистый... И вдруг на все это — жирный мазок дегтя. Человеческие жертвоприношения... Ах как нехорошо, ах как портит имидж... Другое дело — несчастный случай... Производственный риск... Ни черта не производственный риск! — вдруг выкрикнул он, снова став столбом и повернувшись ко мне лицом к лицу.— У Грехэма черным по белому написано: «требует принесения человеческих жертв»!!!

«Да,— прикинул я.— Старик-то и в самом деле ох как непрост! По части Темного Арсенала, оказывается, эн-

циклопедически начитан! А мэтр Герн тоже, похоже, себе на уме... Из Грэхема мне выдал только подборку выписок... Неужели там действительно говорилось о человеческих жертвах?»

Я покосился на Ромку. Тот с тревогой смотрел на меня. Я придал лицу уверенное выражение и снова уставился в буравящие глаза атамана Хирама.

— Ладно... — снова возвращаясь к успокоительному тону, произнес Хирам.— Будет тебе подмастерье... Уже к утру будет...

И правда, следующим утром, едва успев умыться, я отправился «на ковер» к атаману. Обязательный Джош чуть ли не бегом провел меня по каменному лабиринту Подземелья — в опочивальню Сизого Хирама. Похоже было, что он до сих пор напуган открывшейся перед ним вчерашним вечером перспективой оказаться жертвенным бараном и стремился как можно скорее обеспечить себе полное отстранение от этой роли.

Старый атаман восседал на своей уже застеленной постели и вкушал утреннюю похлебку, держа супную миску на весу и черпая варево из нее основательных размеров серебряной ложкой. Бог весть почему он игнорировал возможность поставить еду на предназначенный для этого столик поодаль.

— Ну,— произнес он с набитым ртом,— как я и обещал, тебе привели подмастерье. Будь благодарен Аманесте— она про твою проблему узнала от твоего же братца. И вспомнила, что в ближнем селе временами ночует беглый ученик кого-то из мэтров. Проворовался, должно быть, и теперь боится податься назад... Поболтай с ним, накорми... Вам, кстати, как и вчера, подано в зале Водопада. Если подойдет тебе, бог вам в помощь! Эй! — крикнул он в закрытую дверь.— Где там мальчишка?

Мальчишка был здесь и не заставил себя долго ждать. Дверь со скрипом отворилась, и в комнату шустро проскочил Тагара.

* * *

До тех пор пока мы не остались одни, ни я, ни вороватый дакла ничем не выдали, что знакомы друг с другом. Отмытый и усаженный с нами троими за стол, Тагара выказал беспримерный аппетит и, не отрываясь от поглощения пищи, беспрерывно плел несусветную чушь про свое учение у «лысого мэтра» и те лишения и невзгоды, которые ему приходилось терпеть за время своего так и незаконченного обучения. Я слушал его с внимательным видом, лишь изредка поднимая глаза от тарелки. Аманеста и Роман переглядывались и сигналили друг другу о чем-то жестами.

Я не торопил Тагару, дал полностью насытиться и предложил «для первого знакомства» пройтись по лесу и берегу. Разрешение на такую прогулку я еще утром испросил у старого Хирама. Тот, вероятно, был твердо уверен, что я не знаю тайных троп, не знаком с искусством левитации, не умею ходить по воде аки посуху и не смогу сбежать с Ничейного острова. Да и бежать мне некуда и незачем, ведь в его — старого Хирама — распоряжении все равно остается заложником мой брат. Так что разрешение бродить по острову я получил без особого скрипа и нареканий.

Утро в тот день выдалось ясное и свежее. Свежее настолько, что, велев довольно тепло одетому (из гардероба Аманесты) Тагаре подождать меня снаружи, я сбегал в выделенный мне чулан — спальню и прихватил оттуда свой плащ-накидку. Когда я натягивал это одеяние, в кармане что-то тонко звякнуло — проклятая пентаграмма!

Оказывается, с позапрошлой ночи у Белых скал я так и не доставал ее из кармана! Черт побери, я, получается, оплошал перед доверившимся мне Шоном. По дороге «на свежий воздух» я больше из верности слову, чем по какой-либо другой причине, надел золотую цепочку на шею, с нею и отправился в неспешный поход по извилистым тропкам поросшего смешанным лесом Ничейного острова.

— Ты ведь специально искал меня, Тагара? — спросил я, когда мы достаточно удалились от надежно скрытого скалами и зарослями кустарника и молодой лесной поросли входа в убежище Сизого Хирама.

— Я же говорил, что буду рядом,— тихо ответил он.

— Ты шел за нами? — продолжил я расспросы.— За мной и Кунни? Ты был ночью в Белых скалах?

— Нет,— покачал головой Тагара.— Я сразу пошел сюда. Я знал, куда Хирам повезет тебя.

Голос его странно прерывался. Что-то отвлекало его мысли. Но я все еще не мог сообразить, что именно.

— Ты это из-за того... — попытался я свести концы с концами в своем понимании поведения приятеля.— Из-за того, что я тогда не дал, чтобы тебя... Ну, когда тебя поймали с этим фиалом...

Мальчишка отчаянно покачал головой.

— Нет... — сказал он.— Или... Да... Сначала поэтому. А потом мне объяснили... Про то, зачем ты нужен Темным... Они хотят вернуть себе свое старое оружие... Тогда здесь всем конец...

Вот уж чего я не ожидал, так это того, что этот шкет, случайно встреченный мною на лесной дороге в первые часы моей жизни в Странном Крае, не хуже осведомлен о великой тайне Темного Арсенала, чем здешние мэтры и атаманы.

— А Хираму, как ты думаешь... — спросил я,— зачем этот Арсенал?

— Чтобы продать! — не задумываясь, ответил мальчишка.— Он все старое оружие Темных продаст и станет самым богатым человеком в Странном Крае... А самое сильное оружие он оставит себе. Чтобы никто не отнял у него его деньги.

— И кому же он это все продаст?

— Любому! — все так же уверенно ответил Тагара.— Любому, кто больше даст. И тогда, наверное, начнется война...

— Почему? — наивно спросил я.

— Потому что оружие только для того и нужно — чтобы воевать.

Что такое война, этот мальчишка знал не понаслышке. И, разумеется, понимал, что война, которая вырвется из Врат Темного Арсенала, будет куда страшнее всего того очень страшного, что уже выпало на его долю увидеть. Но все-таки... Все-таки он повторял чьи-то чужие, взрослые слова.

— Кто рассказал тебе все это? — спросил я.

Но Тагара не слушал меня.

Не слушал, но в то же время смотрел как зачарованный. Я не сразу понял, что смотрит он не на меня. На цепь с пентаграммой.

— Откуда у тебя это? — тихо спросил он, потянувшись к цепи.— Кто тебе дал?

Машинка у меня в черепе заработала на крутых оборотах.

— Мне дал эту штуку человек по имени Шон.— Я как можно осторожнее подбирал слова.— Ты его знаешь?

— Знаю... — рассеянно отозвался Тагара, осторожно касаясь разорванной пентаграммы.— Его еще называют иногда Шон Бородач... Но это его ненастоящее имя. Это так — кликуха для посторонних. Борода у него такая... очень короткая... И он сильно седой... Высокий...

— Кто это? — спросил я.

— Это мой отец! — ответил Тагара

* * *

Мы сидели на обрыве крутого бережка, временами бросая камешек-другой вниз, в поросшую зеленой ряской гладь, наводили ужас на местных лягушек и перебрасывались скупыми фразами, каждая из которых давалась и мне, и Тагаре не без труда.

— Эта кликуха — Шон Бородач — к нему прилепилась после того, как он стал опекать тот портал, что в Ирландии,— рассказывал Тагара.— Он выходит прямо в погреб одной любопытной пивной. Или пивоварни... Древней.

Наверное, древнее, чем сама Ирландия. И разный народ там иногда встречал Привратников... Ну и разных других, что просочились туда отсюда. Ну и потому вокруг этого места всякие слухи дикие ходили раньше. В общем, там он «косит» под ирландца. И числится в личностях легендарных. Но обычно он ходит через территорию России... А там сейчас — сложное время... Еть даже места, где тоже война...

— Так он русский или все-таки отсюда? — попытался уточнить я.

— Ну...

Мой вопрос немного смутил его.

— В общем, родился он здесь. Но почти все время жил там. У вас. А иногда и в других Мирах. Он же не просто так — Ходок. Он сын Ходока. И внук Ходока... Это, знаешь, особая такая порода людей... Это трудно объяснить так, сразу... — Он помолчал и добавил, глядя в сторону: — В общем, мы с ним мало виделись. Но я его, наверное, люблю все-таки...

— А как случилось, что вам и в этот раз пришлось расстаться? — спросил я, переварив эти «наверное» и «все-таки».

— Это сложно... — скривился Тагара.— Случилось так, что он стал теперь работать на «военщиков»...

— Это на тех, что устроили здесь что-то вроде военной базы? — уточнил я.

— Угу,— подтвердил Тагара.— Те самые.

— Им тоже нужен Арсенал? — спросил я.

— Не знаю... — тряхнул головой Тагара.— Может быть... Может, его хотят заставить. Вот он пишет... — Он провел пальцами по рунам, бежавшим по узору пентаграммы.— Не узнавай меня, если увидишь...

«Так, парень еще и руны читает...» — отметил я про себя уже без всякого удивления. Впрочем, чего удивляться такому сыну такого отца?

— Они тоже хотят воевать?

— Может быть,— дернул плечом Тагара.— Но не здесь. Они хотят на Большой Земле взять этот... реванш.

Это я уже слышал. Что лучше? Вторжение Темных или попытка каких-то собственных силовиков повернуть историю вспять? Кто б мне все это разжевал и так вот — в разжеванном виде — разложил по полочкам?..

— Что ты знаешь об Арсенале? — спросил я.

Тагара неопределенно повел головой:

— Да, наверное, то же самое, что и все. Я, наоборот, у тебя хотел узнать что-то.

— Хорошо,— кивнул я.— Я постараюсь тебе объяснить все, что знаю. И все, чего от нас ждут. Но и ты будь со мной откровенен. Скажи, кто тебе все это объяснил: и про Арсенал, и про «военщиков»? Ведь о таких вещах так запросто у костра не болтают...

— Не болтают,— после тягостной паузы признал Тагара и как-то упрямо боднул головою воздух перед собой.— Я... Ну после того, как вернулся в Убежище, сразу отыскал друзей отца.

— Это тоже Ходоки? — спросил я.

— Одни — Ходоки, другие — просто с этими делами связаны,— неопределенно ответил Тагара.— Я с ними о многом говорил. Ну, в общем, они тоже беспокоятся за отца. Они считают, что там, на Большой Земле, с ним случились какие-то плохие вещи... Ну, что вроде завербовали его. Мне надо с ним поговорить...

Я не стал докапываться глубже. «Пока что дай-то бог хотя бы элементарно определить расстановку сил в этой затее»,— сказал я себе. И переключился на рассказ о том, что успел узнать о Темном Трибунале. Мы поднялись и принялись бродить по лесу. Но лес уже начал продувать насквозь неприятный сырой ветер. Не зря утро выдалось холодным. Холод и загнал нас обратно в пещеру.

* * *

Зал Водопада преобразился за это время. Окно-пролом, через которое до этого проникал сюда призрачный, переливающийся свет, забрали деревянным щитом. Зато зажжены были факелы и растоплен камин.

А у камина сидел старый атаман и грозного вида кочергой пошевеливал в огне смолистые чурбачки.

— Ну как? — скосил он на меня зоркий вопросительный взгляд.— Подходит тебе парнишка?

— Вполне,— кивнул я и, подбадривая сам себя, похлопал Тагару по плечу.— Мы с ним поладим.

— Вот и чудно,— проскрипел старик и щелкнул в воздухе пальцами.— Джош,— распорядился он, даже не оборачиваясь на возникшего в дверях подручного.— Принимай шкета на довольствие. Через час он должен быть пристроен и готов к занятиям с господином магом...

Джош ухватил Тагару за руку и мгновенно исчез с ним вместе за дверью.

— А ты, маг,— повернулся ко мне Хирам,— учти, что на третью ночь мы должны быть у Врат. Если тебе нужно как-то подготовиться к твоей работе, то начинай немедля.

— Понял, атаман,— сдавленным голосом отозвался я.

Ловушка захлопнулась окончательно, и теперь на душу мою лег то ли двойной, то ли тройной груз. Груз ответственности за то, что справиться с заклятием Врат мне как пить дать не удастся, а это означало ответственность за жизнь брата. Груз ответственности за то, что, если я с заклятием таки справлюсь, в мир вырвется всесокрушающий демон разрушения — «старое оружие Темных». А это означало, ответственность за жизнь огромного числа людей... И груз ответственности за жизнь Тагары, которого мне вовсе не хотелось приносить в жертву никаким демонам.

Но теперь повернуть с той дорожки, на которую меня поставили, было невообразимо трудно. Так или иначе я должен был пробудить в себе способность к использованию искусства магии. Снять с себя заклятие Забвения. И средствами для этого — дьявольски опасными средствами — мэтр меня на дорогу снабдил.

— Мне придется готовиться довольно интенсивно,— предупредил я.— Было бы хорошо, если бы никто не мешал мне в это время.

— Тебе не будут мешать, маг,— хмуро заверил меня атаман.

Я откланялся и быстрым шагом, спотыкаясь о неровные полы пещерных коридоров, направился в свою комнатушку. Здесь меня ждали.

* * *

Ни Ромка, ни его подруга не стали тратить времени на извинения за вторжение в мое жилище. Они почти целиком заполнили тесную пещерку, и мне оставалось пристроиться рядом с Ромкой на собственной лежанке, больше напоминавшей полку в плацкартном вагоне. Аманеста заняла единственный в пещерке табурет. Вид у обоих (да, наверное, и у меня тоже) был встревоженный. Нам явно предстоял военный совет.

— Ты уже знаешь? — спросил Ромка.

— То, что на третью ночь мне предстоит поработать у Врат? — уточнил я.

— Да,— кивнул он.— Ты действительно сможешь их отпереть?

— Мне придется попытаться,— пожал я плечами.— Только у этой попытки будет неожиданное продолжение. Для Хирама — точно. Но, скорее всего, и для нас...

— Светлые нанесут удар? — спросила Аманеста.— Ты сможешь вызвать их?

Я молча кивнул.

— Будет страшное побоище,— задумчиво проговорила она.— Ты представляешь себе, что такое битва магов? Ведь Темные наверняка тоже окажутся там...

— И у вас есть за пазухой сюрпризы? — полюбопытствовал я.

— Будут, не сомневайся,— пообещал Ромка.

Я только закрыл на пару секунд глаза, представляя, какая каша заварится там, у Врат.

— Теперь — о мальчишке... — с тревогой сказала Аманеста.— Ты что? Действительно хочешь принести его в жертву?

— Значит, старик рассказал тебе про это? — ответил я вопросом на вопрос.

— Старик никогда ничего и никому не рассказывает,— усмехнулась дочь атамана.— Но я и сама разузнала кое-что про заклятие Врат. И Джош кое-что наболтал. Он так боялся, что его отдадут на заклание, что язык у него немного развязался...

— Мальчишка — мой друг,— объяснил я.— Я его, можно сказать, с первого дня моей здесь жизни знаю... Никакому демону его я отдавать не стану. Все будет по-другому. А теперь...

Я достал с полки свою сумку с «химией», приготовленной в лабораториях Светлого Ордена, и расстегнул ее. Разложил на крошечном столике пару разовых шприцев, ампулы, пару баночек — одна с бесцветной мазью, другая с ярко-синим порошком,— протянул Ромке пустой стакан.

— Будь другом, сгоняй за водой. Только нужна холодная и чистая...

Ромка подозрительно зыркнул на меня, но молча встал и вышел. Я разжег небольшую спиртовку и установил над ней в хитрой подставочке крошечный тигель-котелок. Аманеста с тревогой следила за мною. Но вопросов не задавала, как и Ромка. Тот тем временем вернулся со стаканом воды — чистой, аж голубоватой.

— Ты умеешь делать уколы? — спросил я дочку атамана.— В вену попадете?

Та дернула плечом. В том смысле, что «уж с этим-то разберусь!».

Я наполнил котелочек водой, отмерил туда синего, похожего на кристаллы купороса порошка, размешал и принялся втирать бесцветную мазь в виски. Потом набрал в шприцы жидкость из ампул и убрал все ненужное обратно в сумку. Морщась, проглотил разогретый раствор порошка — голова сразу пошла кругом — и запил его холодной водой. Убрал со стола спиртовку и мини-котелок. Спрятал сумку подальше и кивнул на оставшиеся шприцы и ампулы.

— Сейчас вколю себе вот этот препарат,— пояснил я,— и минут через пять отключусь. Тогда еще минут через пять ты,— я кивнул Аманесте,— вколи мне второй препарат. Так он лучше подействует, чем если я его сразу введу после первого. А ты, Ром, заберешь все это,— я кивнул на шприцы, ампулы, крошки стекла, оставшиеся на столе,— и незаметно закинешь в болото. Подальше. И, если не трудно, присмотрите, чтобы меня никто не трогал. Часа три-четыре... Но сами здесь не торчите. Так, заглядывайте иногда...

— А это действительно надо? — с тревогой спросил Ромка, следя за моими манипуляциями.

— Действительно,— ответил я и взял в руки шприц с первым препаратом.

* * *

Я остался один в своей комнатушке. Вытянулся на лежанке, расслабился. Все происходило почти так же, как на подготовительных сеансах в кабинете мэтра. Некоторое время ничего не изменялось вокруг. Потом, как и полагалось по сценарию, то один, то другой из окружающих меня предметов стали казаться невероятно странными. Я тихо уезжал в какие-то другие измерения, но по-прежнему оставался в своей комнатушке-чулане.

Тени не то чтобы изменили свои очертания. Нет, они изменили свое значение... Какая-то тварь — призрачная и торопливая — скользнула по комнате и на долю секунды, присев у моего изголовья, быстренько прошептала какую-то поразительную истину. Которую я, впрочем, почти тут же забыл.

А потом в комнату вошел мэтр. С какого-то направления, не предусмотренного привычной мне геометрией.

— Здравствуй, ученик,— тихо сказал он.— Кажется, у нас получается?

— Кажется,— ответил я.— Но в том-то и беда, что, может быть, именно только кажется...

— Магический контакт на таком расстоянии ничего особенного не представляет,— небрежно бросил мэтр.— А чтобы ты был уверен, что это не просто сон, не иллюзия, вечером, с наступлением темноты, понаблюдай за горами. Вечером они видны от болот. На самом горизонте. Все шесть вершин. Получишь сигнал. Подтверждение. Сначала молнии будут бить у четвертой вершины. Потом — у шестой. Потом — у первой. И так несколько раз подряд. Это настоящий контакт, поверь мне. Не сон... Главное, чтобы он, этот контакт, состоялся, когда ты окажешься у Врат...

Он присел у меня в ногах и присмотрелся к моему лицу.

— А сейчас займемся снятием с тебя заклятия. Я до самого конца сомневался, что оно лежит на тебе. Но теперь приходится исходить только из этого предположения. Кто-то очень умело поработал с тобой, даже не оставив следов в твоей памяти. И никаких следов вообще. Впрочем, оставим в стороне теорию. Сосредоточься на мысли о том, что ты что-то забыл и должен вспомнить. Не важно что. Главное, чтобы тебе было важно вспомнить это.

Я постарался отыскать в голове хоть что-то похожее на забытое воспоминание. И нашел. Тут же.

— То, что сказала... То, что сказало это существо... Которое сейчас было здесь. Это сойдет? — спросил я.

— Существо? — спросил мэтр.— Тебе почудилось какое-то существо?

— Да,— кивнул я.— Существо... тварь... Присела надо мной, вякнула что-то — и как и не было ее.

— И ты не расслышал, что она тебе сказала — эта тварь? — внимательно приглядываясь ко мне, спросил мэтр.

— В том-то и дело, что расслышал! — возразил я.— Расслышал и понял! Но хоть убейте — не могу вспомнить что!

Лицо мэтра осветила довольная, но полная сомнения улыбка. Похоже, что он услышал от меня именно то, что ему надо было. Или почти то.

— Сосредоточься только на этом,— приказал он.— Старайся вспомнить во что бы то ни стало! Это очень похоже на след...

Я исполнил приказ как можно более старательно. Почти полностью погрузился в себя и даже те заклинания и магические формулы, которые диктовал мне тем временем мэтр, звучали где-то вне меня, словно в другом пространстве.

Я начал было высказывать приходившие мне на ум предположения, но мэтр велел молчать — нашим условным прикосновением к плечу.

Постепенно свет в пещерке меркнул. Точнее, сменялся неярким светом, льющимся откуда-то из Других Миров. Одно видение стало сменять другое. В какой-то момент я понял, что уже давно слышу негромкую музыку, звучащую неподалеку, и она сразу испуганно смолкла, чтобы снова вернуться ко мне. А потом пришла обыкновенная дрема.

— Ты с кем-то разговаривал во сне,— сказал мне Ромка, когда я проснулся.

Часть III
ВРАТА

Глава 10
БОЛОТНЫЙ ГРАФ

К вечеру я оклемался от первого сеанса снятия заклятия. К тому времени улегся и ледяной ветер. Откуда-то с далеких равнин накатили волны теплых ветров, и мы с Тагарой снова выбрались в лес. Для людей Хирама это был мой инструктаж подмастерью на лоне природы. Для нас самих — попытка уяснить, как жить и действовать дальше в тот короткий период, что отделял нас от встречи с Вратами Арсенала. Смутное ощущение того, что этот странный — дистанционный — сеанс общения с мэтром что-то дал мне, не покидало меня. Вот только удалось ли мне вспомнить то, что нашептала мне примерещившаяся тварь, я не смог.

Похоже, что Тагара тоже использовал первую половину дня для того, чтобы как следует отоспаться. Так что мы оба были относительно бодры, и мысли наши были как никогда ясны. Неясным было только наше ближайшее будущее. Судя по звукам, которые наполняли пещерный бункер Хирама, в нем шла интенсивная подготовка к предстоящей экспедиции к Вратам. В подземной конюшне меняли подковы лошадям в коридорах были свалены какие-то тюки. На освещенной площадке у скального «забора» озверелого вида мужики перебирали и чистили свои стволы. Вид у всего здешнего народа (в банде с полсотни человек) был предельно занятой.

Вне игры оставались Ромка, Аманеста и еще человек шесть бандитов, верно оставленных приглядывать за окружающей обстановкой. Сейчас почти все они торчали на

берегу острова, обращенного, по идее, к тем предгорьям, с которых мы пришли сюда — на болота. Мой брат со своей неординарной подругой устроились от них поодаль, но, как и люди Хирама, были поглощены природным представлением, разыгрывавшимся вдалеке, у невидимых раньше в тумане отрогов гор.

Там, очевидно, столкнувшиеся потоки холодного и теплого воздуха грозили породить нешуточную грозу. Темные, словно груды угля, тучи громоздились все выше и, казалось, уже скрыли от нас вершины горного хребта. Впрочем, когда их пронзали всполохи молний, бивших где-то за гранью горизонта, тени этих вершин на доли секунды грозными призраками вставали в полнеба.

Меня словно толкнуло изнутри — ведь оттуда, от гор, вспышками молний должно было прийти подтверждение Учителя, что моя с ним встреча этим днем была и вправду магическим контактом, а не видением, вызванным в моем мозгу хитроумными препаратами, сварганенными специалистами Светлого Ордена. Я кивнул Тагаре следовать за мной и вместе с ним остановился невдалеке от берега, метрах в трех-четырех от Романа и Аманесты.

«Вечером, с наступлением темноты»,— вспомнил я слова мэтра. Вечер был налицо, и темнота уже опускалась на Ничейный остров. Я присмотрелся к вырисовываемым сполохами контурам гор.

— Как бы сюда гроза не докатилась,— высказала свои опасения Аманеста.

Роман принялся плести метеорологический прогноз, а Тагара насупился, исподлобья наблюдая за мной. Он понял, что мой интерес к далекой грозе диктуется чем-то большим, чем простое любопытство. Он уже хотел было о чем-то спросить меня, когда небо над горами прорезала слепящая вспышка, куда более яркая, чем все прежние. За ней последовали вторая, третья — все одинаково яркие и все словно короной одевшие одну из далеких вершин. Четвертую, если смотреть на горный кряж с острова.

Все было так, как и определил во время сеанса мэтр: после четвертой вершины молнии одели ослепительной

короной первую. Затем наступила очередь шестой вершины.

Когда этот цикл повторился третий раз, я подхватил Тагару под локоть и двинулся назад, в пещеру. Тем более что гроза явно приближалась к побережью. Что ж, значит, магический контакт с мэтром был реальностью, а не игрой моей фантазии. Тем лучше.

Надвигалась ночь, то время, которое мне, в отличие от простых смертных, надо было посвятить теперь бесконечным упражнениям, медитации и попыткам пробудить в себе хоть малейшие магические способности.

А еще мне надо было сосредоточиться над подгонкой того детального плана, который мы — я и мэтр — должны были привести в действие там, у Врат Арсенала, к тем условиям, которые выпадали нам в реальности.

Под утро я все-таки украл у своих ночных штудий пару часов зыбкого, больше похожего на обморок сна.

* * *

Перед следующим сеансом магического контакта и снятия заклятия я вышел в лес и спустился к берегу. Как и ожидал, я застал там Тагару. Мальчишка ловил стрекоз, еще только начавших взлетать из просыхавших после ночного дождя камышей. Мы успели перебросить только парой слов, когда по тропинке заскрипели шаги и послышался сухой кашель. (Кашель Сизого Хирама был таким же каркающим, как и его голос.)

Тагару словно ветром сдуло в камыши ровно за две секунды до того, как на берег вышел старый атаман. Он был мрачен и, видимо, расстроен какими-то своими обстоятельствами. И, хотя обстоятельства эти, скорее всего, не касались меня никоим образом, раздражение, ими вызванное, излилось на меня — если и не полностью, то в большей своей части.

— Ты потребовал у меня помощника, маг! — напомнил мне старик.— И тут же получил его! Но ни я, ни кто-либо из моих людей не видит, чтобы ты посвящал свое время

тому, чтобы научить мальчишку чему-нибудь путному из своего ремесла! Мальчишка, когда он не пожирает мои запасы, дрыхнет у себя на сене. А когда не дрыхнет, то прохлаждается с тобой, прогуливаясь по лесу. Это не дело! Я должен быть уверен, в том, что там — у Врат — ты сможешь продемонстрировать нам всем что-то получше, чем умение травить детские байки!

Разумеется, это был необоснованный «наезд». Впрочем, такой ли уж необоснованный? Я явно пренебрег внешними эффектами, которые могли бы впечатлить атамана и его приближенных, кто-то из которых, без сомнения, и надул ему в уши все те обвинения, что посыпались на меня.

— Так чего же вы от меня хотите? — осторожно спросил я.— Чтобы я обучал мальчишку летать по воздуху или взглядом гасить и зажигать свечки? Давайте оставим эти номера для ярмарочных балаганов. Я пока что выяснял, чему успел научиться парнишка у Лысого Кальвина. Ведь вы знаете, что он больше года проходил в учениках-подмастерьях у этого мэтра.

— Интересно, каким же Знаком оказался мечен этот дакла, если сподобился попасть в ученики к этому мастеру? — язвительно проскрипел Хирам.— И откуда мог взяться Знак у даклы, рожденного здесь, в Странном Крае? Это ведь ваша привилегия — привилегия пришельцев с Большой Земли — быть Меченными Знаками Судьбы!

Я, право, слегка растерялся. Вчера, когда Тагара вдохновенно плел откровенное вранье своей заступнице Аманесте и ее бойфренду, мне и в голову не пришло задать мальчишке такой провокационный вопрос, который сразу вывел бы его на чистую воду. Ну что ж... Теперь этот вопрос достался мне. Врать не имело ни малейшего смысла — я готов был поклясться, что первый же внимательный осмотр не обнаружил бы на коже Тагары ни малейшей мистической отметки. Но опыт искусства выворачивания совершенно неоспоримых фактов наизнанку у меня был основательный — хотя бы благодаря урокам мэтра Касси.

— Никакого Знака у Тагары нет и быть не может! — заявил я твердо и невозмутимо.— Его и не думали тренировать на мага, как покойного Кунни, например. Он помощник, ассистент... Такие тоже нужны в нашем деле. Кому-то надо следить за нашим магическим скарбом, катать за нами тележку с инвентарем, поддерживать огонь под тиглями... И в этом плане подготовка у мальчишки...

— Подготовка мальчишки! — воскликнул старик.— Пфе! А твоя-то собственная подготовка, маг? С ней как обстоит дело? Что-то ты не порадовал моих ребят ни одним из тех фокусов, которыми любой уважающий себя заезжий маг обычно веселит принявших его хозяев... Все, что я знаю о тех чудесах, что ты творил, это только лишь рассказы досужих людей! Почему бы тебе вот прямо сейчас не порадовать старого Хирама парочкой каких-нибудь твоих дежурных фокусов? Ну давай же! Я жду!

К чему, к чему, а к такому неожиданному и скоропалительному экзамену я, что и говорить, не был готов.

— Что же вы хотите, господин атаман?! — тоном оскорбленной невинности возопил я. А что мне еще оставалось.— Достать вам луну с неба, молнию из тучи, кролика из рукава? Или, быть может, пройтись по воде аки по суху?

В некотором запале, в который поверг меня мой собственный монолог, я выкрикнул заклинание и опустил ногу на сонную поверхность болота. Не представляю, что бы я стал делать, просто-напросто промочив себе ноги. Но болотная вода повела себя странно. Она — о чудо! — спружинила под моей подошвой!

Не веря собственным глазам (как, впрочем, и другим органам чувств), я отчаянно сделал второй шаг по воде. Затем — третий и четвертый. А потом в состоянии наступившего обалдения просто меланхолически побрел прочь от берега. Это не напоминало прогулку по паркету, но и по матрасу, наполненному водой, тоже. Скорее, это было хождением по очень туго натянутому батуту. Что ж... уже первый сеанс снятия заклятия, без сомнения, дал самые потрясающие результаты...

Позади раздалось выкрикнутое каркающим голосом Хирама удивленное проклятие, затем — оглушительный плеск и новый каскад крепчайших выражений.

Я оглянулся. Недоверчивый атаман, наверняка подозревая какую-то хитрость в виде цепочки подводных камней или натянутой под водой сети, решительно последовал по моим следам и тут же провалился в затянутую ряской жижу по пояс. Теперь он ожесточенно барахтался в грязи и призывал все силы ада на голову того, кто сыграл с ним эту злую шутку.

— Напрасно вы это, господин Хирам,— искренне попенял ему я, возвращаясь и помогая ему выбраться на берег.— Я же вам просто продемонстрировал элементарное умение мага. А вы-то зачем полезли в топь? Ведь вы же не маг...

— Не маг,— согласился он, быстро возвращая себе обычное хладнокровие.— Хм... Напрасно я грешил на твою выучку, маг... Вот что, пойдем-ка отсюда побыстрее, пока никто не сподобился встретить меня в таком виде...

Я громогласно заверял его в том, что вовсе не в обиде и вообще не случилось ровным счетом ничего серьезного. Повышенная громкость моего голоса объяснялась не столько огорчением в связи с приключившимся конфузом, сколько желанием заглушить с трудом сдерживаемое хихиканье Тагары, доносившееся откуда-то из глубины камышей.

Старикан меж тем забыл, что наверху, на обрезе берега, куда от камышей выводила нас тропинка, его дожидался верный Джош. Увидев нас и то, в каком состоянии каждый из нас находился, он истолковал приключившееся, по его мнению, внизу на свой манер.

— Я же говорил,— уверенно заявил он, протягивая атаману руку, чтобы помочь ему выбраться на тропинку,— что это не маг, а полное фуфло! С этим типом вы только стыдобы натерпитесь!

Старик лишь обдал его пылающим холодным огнем взглядом и руки его не принял. Я же только добавил от себя какое-то заклинание, смысл которого уже успел бла-

гополучно забыть. До сих пор я пользовался этими словами и звукосочетаниями, которые заставлял меня усердно заучивать мой мэтр, просто как заменителем кучерявого воронежского мата, часто просившегося мне на язык в Странном Краю.

Уже пройдя по направлению к пещере полсотни метров, мы оба одновременно оглянулись, обеспокоенные тем, что не слышим за спиной торопливой припрыжки верного Джоша. Тот пребывал в окаменении — в прежней позе, согнувшись в три погибели над небольшим обрывчиком, ведущим к берегу, и вытянув услужливую руку вперед и вниз. Атаман воззрился на меня с молчаливым недоумением. Я так же молча пожал плечами. «Надеюсь, я его не на всю жизнь этак оприходовал»,— подумал я. Как снять заклятие, которое случайно наложил на бедолагу, я, естественно, не представлял. С тем мы и разошлись — каждый в свой вход в Подземелье.

В состоянии полнейшей прострации я добрел до своей спальни и рухнул на лежанку. Сколько ни вдалбливал в меня Учитель теоретические основы здешней магии и сколько ни готовил психологически к роли мага — хотя бы и липового — к столь неожиданному появлению у меня колдовских способностей я готов не был!

Хождение по водам не прошло для меня бесследно — свои мокасины все-таки промочил. Что до Джоша, то, по свидетельствам очевидцев, он простоял у обрыва в той же позе до тех самых пор, пока солнце не поднялось в зенит. Ясно, что среди людей Хирама за мной теперь утвердилась слава мага опасного и злопамятного.

* * *

Впрочем, пребывать мне в этой компании оставалось недолго. Развязка всей этой околомагической истории приближалась стремительно. Да и время для меня летело со скоростью просто сумасшедшей.

За последующие двое суток еще два магических контакта с мэтром и два сеанса снятия заклятия основательно

вымотали меня. Остаток времени съедали тренировки и медитации. Тагаре я велел присутствовать на всех этих сеансах образцово-показательного самоистязания. Дабы снова не быть обвиненным в небрежении обучением своего подмастерья.

Впрочем, после имевших место конфузов желающих «наехать» на меня больше не замечалось.

Мэтра чрезвычайно вдохновил подробный рассказ о столь успешном проявлении моей способности управляться с магией. Он выдал мне уйму новых рекомендаций, как пользоваться находящимися у меня магическими препаратами и инструментами. Упражнения по преодолению заклятий Забвения стали основным, что занимало теперь мое время. Мэтр сообщал мне то одну, то другую научную или магическую истину и тут же запечатывал ее заклятием Забвения той или иной силы. После чего с помощью многочисленных ухищрений мне предлагалось преодолеть или обойти эту преграду, установленную в моей памяти. На этом пути у меня наметились вполне определенные успехи. В конце концов речь шла не столько о магии, сколько о психофизиологии.

А вот с собственно магией успехи у меня если и появились, то чисто случайные, не зависящие от моего сознательного желания. Кроме неожиданной прогулки пешком по водам и временного паралича, который я наслал на злополучного Джоша, успехи мои сводились к паре свечек, зажженных взглядом, да к нескольким сериям удачного предсказания расклада карт и выпадения игральных костей.

Я твердо пришел к выводу, что для того чтобы заставить мое подсознание вспомнить о его — так и неизвестном сознанию — умении управляться с магией, этому подсознанию необходим какой-то стресс. Страх неизбежной смерти — на плато, перед лицом огнедышащей твари. Страх и отчаяние, охватившие меня в Лабиринте. Страх разоблачения и злая обида, заставившие водную гладь стать под моими ногами твердью. Просто злость на глупые слова услужливого хитреца Джоша...

Впрочем, похоже было, что то ли химия мэтра, то ли наши усилия по снятию заклятия здорово снизили у меня необходимый для превращения в мага порог стресса. А ведь в запасе у меня еще более мощные препараты. Но и более опасные в то же время...

Самое сильнодействующее средство было оставлено мэтром, разумеется, для применения уже непосредственно у самих Врат. Выглядело это средство весьма прозаически. Это был запрессованный в обычный пластик простейший набор: таблетка и шприц-ампула — вроде тех, в которых расфасованы армейские «антидоты», предназначенные сводить на нет последствия применения коварным противником боевых отравляющих веществ.

Набор этот получил в нашем «жаргоне на двоих» условное наименование «Абсолют». Не в честь финской водки, конечно.

* * *

Теперь, до того момента когда мне предстояло на «Абсолют» этот положиться, оставались уже только считаные часы. Караван (а может быть, кавалькада или конвой) в два десятка всадников тронулся из логова Хирама к тому времени, когда солнце, задержавшееся в тот день в зените, проявило наконец желание склониться к закату, обозначив тем самым близкое наступление судьбоносной третьей ночи.

Ромка и мой «ассистент» Тагара были включены в состав экспедиции, видно, автоматически. А вот Аманеста на правах наследницы была оставлена за старшего — приглядывать за островной норой своего приемного папаши и за народом при норе. Это путало нам с Романом все карты, но оставалось надеяться на то, что ушлая дочь атамана изыщет для себя выход из положения. Командовал походом, естественно, сам старый атаман.

Я снова удостоился наложения светонепроницаемой повязки на свою физиономию и опять временно перешел в категорию слепых. Снова мы превратились в подвижный

провиант для полчищ крылатых паразитов, поднявшихся над болотами. Снова под подковами наших коней чавкала гнилая жижа, готовая в любой момент оказаться непроходимой топью. Движение каравана было медленным и тоскливым, наводящим на мысли о катафалках и о похоронных процессиях вообще. Я еще в период своей военной жизни отметил, что трудно придумать что-нибудь более отвратительное, чем сочетание предстоящего боя, всегда связанного для каждого, кто на этот бой идет, с вопросом «быть или не быть», и рутинного, утомительного и обычно к тому же еще и унизительного процесса приближения к этому бою.

Тонкий писк комаров, гулкие и непонятные звуки, редкие реплики, которыми обменивались мои спутники, и, главное, повязка, лишившая меня зрения,— все это странным образом изменило мой слух и даже саму мою способность оценивать по слышимым звукам то, что происходило вокруг. Начиная с какого-то момента я понял, что наш караван не одинок среди пустынных болотных хлябей.

Сперва откуда-то издалека, а потом уже явственно приближаясь к нам, в наполненном комариным писком воздухе стали ощущаться звуки, издаваемые еще одной кавалькадой, осторожно пробирающейся по залитым гнилыми водами пространствам. Двигалась эта — вторая — кавалькада то ли в одном с нами направлении, то ли просто наперерез нам. Сближение наших караванов продолжалось довольно долго и в конце концов ознаменовалось приглушенными окликами, таким же негромким разговором и наконец остановкой и каскадом звуков, которые производили спешивающиеся конники и их освободившиеся от груза кони.

Предложено было спешиться и мне. Как и в прошлый раз, мне сначала — в несколько рук — помогли покинуть седло и только потом, поставив меня на ноги, освободили от повязки на глазах. Правда, в этот раз мы были уже вовсе не в подземном зале скального логова. Мы торчали на пронизывающем ночном ветру под беззвездным и без-

лунным — должно быть, затянутым облаками — небом. Сориентироваться в окружающей обстановке было почти невозможно. Скорее всего, мы находились на каком-то выпирающем из болота островке или на отмели. Об этом говорило наличие твердой и относительно сухой земли под ногами. Хоть какой-то свет вокруг источали только несколько фонарей — электрических, керосиновых и каких-то других, неизвестной мне конструкции. Все они, вместе взятые, давали не бог весть сколько света. К тому же светило большинство из них в землю, под ноги своим хозяевам, а остальные дергались в различных направлениях и то вспыхивали, то снова гасли и, в общем, больше сбивали с толку, чем приносили пользы. С трудом в темноте вокруг угадывались тонкие стволы деревьев.

Все это вовсе не напоминало ни прибытия в конечный пункт нашего маршрута, ни даже случайного или запланированного привала. Учитывая, что вокруг меня сгрудилось целое кольцо бряцающих оружием людей и черную повязку, закрывающую лицо, с меня сняли, можно было полагать, что и остановка, и встреча со второй кавалькадой имеют какое-то отношение ко мне.

В этом предположении я не ошибся.

Из общей массы народу, толокшегося вокруг меня, энергично обрисовались и двинулись ко мне трое вооруженных галогеновыми фонариками, которые они, подойдя вплотную, наставили на меня. Слава богу, не прямо в лицо, чтобы я не заслонялся руками и не мешал разглядывать свою физиономию.

Это имело плюс — и я мог рассмотреть их в отраженном свете прожекторов. Все трое были мне знакомы. Роль хозяина, представлявшего меня двоим остальным, играл, разумеется, Сизый Хирам, что было совершенно естественно. А вот оба его, надо полагать, гостя из встретившей нас кавалькады меня порядком удивили.

Одного из них я узнал ценой легкого напряжения памяти. Как-никак преподобного Баума я в свое время мог рассматривать на протяжении не слишком долгого времени, да к тому же в одеждах, почти скрывавших все

его приметные черты, за исключением моложавого веснушчатого лица. Теперь он был наряжен в походный костюм. Этот наряд гораздо больше подходил его ковбойской физиономии, чем одеяние духовного лица.

Второй из заинтересовавшихся мною гостей был другим моим знакомым, изрядно подзабытым в ворохе впечатлений, набежавших с той поры, как мы последний раз виделись с ним. Уж его-то — человека с именем, напоминавшим более фамилию, с Ходоком Крикмором — я никак не ожидал встретиться в подобных обстоятельствах.

— Узнаете? — спросил Хирам.— Это тот парень, которого вы сватали мне?

— Ну что ж, вы выиграли,— кисло улыбнулся Баум, обращаясь к атаману.— Вам удалось то, что не удалось нам...

Он снова посмотрел мне в лицо, на этот раз — в глаза.

— Вы совершенно напрасно так драматически прервали наши переговоры тогда, в Лабиринте, маг... — с наигранным сочувствием в голосе произнес он.— Как видите, вам все равно пришлось пойти на капитуляцию. Только на гораздо менее выгодных условиях, чем те, которые предложили бы вам мы. Из-за вашего ослиного упрямства пришлось избавиться от наивного лопуха Теренса...

«Избавиться...» — зафиксировал я про себя.

И тут же вспомнил ту ночь. И фигуру, обрисовавшуюся во вспышках молний. Фигуру, воздевшую руки к небесам, словно выпрашивая у них огонь.

— Не стоило жечь молниями,— пошел я ва-банк,— ни этого несчастного, ни тем более бессловесную лошадку...

— С этими претензиями, господин маг, вам лучше обратиться не ко мне, а к моему хозяину,— криво усмехнулся Баум и кивнул куда-то себе за спину.— Это он в какой-то мере ваш коллега. По крайней мере, по части игр с грозами и молниями...

Из темноты выступила четвертая фигура — кошмарная. Тот, встреченный на лесной дороге, с которым мы

позже перебросились парой слов на развалинах Магического Лабиринта, не стал сколько-нибудь красивее за прошедшие дни.

— Что и говорить,— глухо произнес он,— лошадку жалко. А вот что до вашего провожатого... Что поделать — такова судьба всех лишних свидетелей...

Сам того не зная, посланец Темного Мира помог мне избавиться от одного из тех — малых и больших — грузов и грузиков, что тяготили мне душу. По крайней мере, гибель Ходока Теренса не была побочным результатом действия разрушающего заклинания. Да и сам Теренс был реабилитирован в моей памяти. Наивного курильщика трубочного табака просто использовали для того, чтобы заманить меня в Лабиринт. А вот настоящий наводчик... Тот умудрился не вызвать у меня ни малейших подозрений.

Я встретился глазами с Крикмором, и он тут же отвел взгляд. Мы с ним так и не сказали друг другу больше ни одного слова.

— Вам стоило сразу принять наше предложение,— продолжил посланец Темных.— Теперь уже поздно. Но вам стоит подумать о том, чтобы после того, как вы исполните условия вашего договора с атаманом Хирамом, не торопиться на вашу Большую Землю. Там вас не ждет ровным счетом ничего хорошего. Особенно принимая во внимание фактор Арсенала. Не предлагаю вам делать ваш выбор мгновенно — здесь и сейчас,— но подумайте над тем, что у вас остается возможность просто остаться здесь. С нами. На нашей стороне...

Я молча покачал головой. Но у посланца Темных и не было намерения продолжать беседу со мной.

— Подумайте, маг,— прошелестел он, отступая в темноту.— У нас еще будет возможность поговорить...

И темнота поглотила его.

Кажется, после установления моей личности все партнеры Сизого Хирама утратили ко мне всякий интерес. Они вместе с атаманом отошли в сторонку и тихо и оживленно заговорили о чем-то.

— Кажется, атаман «сливает» Арсенал Темным,— произнес у меня за спиной голос Ромки.

Я обернулся. Брат стоял в двух шагах от меня и, прищурившись, всматривался в темноту. На шее у него болталась точно такая же, как у меня, темная повязка, на время снятая с глаз. За спиной маячил конь, на крупе которого, придерживаясь за седло, устроился Тагара.

— Пока что,— тихо ответил я,— господин атаман торгует шкурой неубитого медведя.

И в этот момент темноту прорезал тихий, но в то же время пронзительный свист — предупреждение. Лохматая тень парня, должно быть стоявшего на стреме, выскользнула из темноты и словно слилась с тенью атамана. Я даже расслышал и смог понять торопливые, друг на друга набегающие слова принесенного Лохматым сообщения.

— К нам скачут! — тяжело дыша, сообщил парень.— По нашему следу... Не знаю кто!

* * *

Мгновенно оба отряда, соединившиеся на крохотном участке суши, приготовились отразить нападение неведомого противника. Людей, маячивших в темноте, словно ветром сдуло. Все залегли, молниеносно отыскав себе укрытия. Огоньки фонариков погасли. Только дыхание, легкое позвякивание сбруи и нервное топтание коней выдавали наше присутствие на островке.

Я затаился рядом с Ромкой, усиленно гадая, кого еще могло принести по наши души. Где-то рядом слышалось дыхание Тагары, частое и тревожное. Неожиданно я ощутил прикосновение чьих-то пальцев к своей щиколотке. Учитывая обстановку, ощущение было не из приятных.

Я попытался разглядеть в темноте, что за тварь тревожит меня. И услышал характерный шепот атамана:

— Ползи, маг! Ползи за мной!... Здесь есть проходы к суше...

— Здесь мой брат,— отозвался я на максимально пониженной громкости.— И мой...

И в этот момент небо над болотами словно взлетело вверх. На долю секунды даже обрисовался рельеф облаков. Яркая вспышка на мгновение обратила ночь в день. А потом по ушам ударил тяжелый гром, заставивший меня вжаться в сырую твердь подо мной. Осторожно подняв голову, я увидел, как сзади — в том направлении, откуда мы пришли,— вздымается к небу столб огня. Из столба этого в разных направлениях вырывались отдельные струи пламени и вылетали клочья чего-то горящего и рассыпающего искры.

Слух постепенно возвращался ко мне, и я услышал, как Хирам прошептал: «Проклятье! Моя нора!»

Свет далекого пламени был настолько ярок, что теперь стали различимы кое-какие детали окружающего пейзажа. Мы действительно находились на островке, поросшем тонкими, хворого вида деревцами. Привязанные к ним и потревоженные взрывом, кони и не думали теперь маскироваться, испуганно рвали поводья и ржали. Кто-то из их хозяев пытался успокоить скакунов, кто-то оставался лежать, вжимаясь в складки местности, а все остальные поднялись с земли и кто сидя, кто стоя присматривались к появившемуся вблизи от нас отряду конников — уже третьему по счету за эту ночь спешащему к этому островку.

«Спешить» — понятие достаточно условное, когда речь идет о преодолении болотистой местности. Издалека такая спешка напоминает странный, сюрреалистический балет без всякого музыкального сопровождения.

— Да это же наши! — воскликнул кто-то растерянно.

И это в самом деле были «наши». Впереди отряда, состоящего всего-то из неполного десятка человек, выступала очень знакомая мне фигурка. Аманеста вела по кочкам и тропинкам болота своего коня. Следом за ней — кто вот так же, ведя лошадей под уздцы, кто — верхом... А некоторые — безлошадные — просто уныло брели по жиже, норовящей в любой момент обернуться провалом трясины.

Атаман поднялся на ноги и посигналил дочери фонарем. Та ответила ему своим сигналом. Несколько человек бросились помогать вновь прибывшим выбраться на берег. Остальные, сбившись в две или три кучки, тихо обсуждали происходящее.

Я обернулся к Ромке. Тот молча, со значением опустил веки: «Все идет как надо, брат...» Тагара, высовывавшийся из-за его спины, только сверкал своими глазами-угольками и, видно, как и я, не мог ничего понять в происходящем.

* * *

Я подоспел к Хираму, принимавшему в объятия свою приемную дочь, как раз в тот момент, когда старик спрашивал:

— Что? Что случилось там, девочка?!

Аманеста махнула рукой, сплюнула попавшую на губы болотную грязь и, задыхаясь, вымолвила:

— Зепп! Зепп, отец... Болотный Граф!

— Мою нору атаковали люди Зеппа?! — прошипел старик.— Как этот пьяный болван посмел?! Это же Ничейный остров!

—·Так и посмел! — отмахнулась дочь от его возмущения.— Высадились неожиданно, сначала коммандос, потом — с двух вертолетов — десант, потом подогнали мотоплоты. Больше сотни человек. Искали вроде тебя... Дай воды!

Фляжка с водой словно сама прыгнула в протянутую руку атамана. Аманеста вырвала ее из рук Хирама и принялась пить глотками, сделавшими бы честь самому Гаргантюа. До сих пор не знаю, где в этой хрупкой девушке находился резервуар, способный вместить столько влаги. Почти опорожнив флягу, она с трудом выговорила:

— Наши сопротивлялись как могли. Но те просто перли массой! Сначала били во все входы-выходы из гранатометов... Потом пустили газ...

— Так почему Крон не дал мне сигнала? — зло спросил Хирам.— Почему?! Я же оставил ему рацию...

— Крона, наверное, прикончили первым,— всхлипнула Аманеста.— Я же говорю — сперва на нас выбросили коммандос... Он даже не успел понять...

«Кажется, кто-то еще умеет воевать и проводить спецоперации в Странном Крае»,— подумал я.

— А Руди? — деловито осведомился старик.

— Руди,— уже спокойнее объяснила Аманеста,— сразу заперся в оружейной. И оттуда кричал мне, чтобы я уводила людей — кого смогу. Что если наступят полные кранты, то он взорвет склад... Он...

— Он так и сделал, дочка... — сокрушенно вздохнул Хирам.— Я это видел, и ты видела... Надеюсь, Болотный Граф многих из своей дружины недосчитается сегодня.— Он резко развернулся к своей сгрудившейся вокруг него «братве», и резко выкрикнул: — По коням! Прежде чем рассветет, мы должны быть у Врат Арсенала! Нельзя, чтобы скотина Зепп со своими людьми отсек нам путь!

Следующие его слова, обращенные ко мне, чуть было не потонули в шуме и гвалте дружинников, бросившихся торопливо исполнять приказ.

— Ну, господин маг,— каркнул он,— теперь пути назад нет ни у вас, ни у меня! Путь остался один — через Врата, ко всемогуществу!

Подоспевший к нам Джош потянулся было к моей темной повязке, явно намереваясь снова напялить ее на меня, но Хирам решительным широким жестом дал ему отмашку:

— Не стоит снова затевать этот маскарад! Этим ребятам возвращаться назад не придется! Их дорога — к себе, на Большую Землю! Берите лучше под уздцы их лошадок и— марш-марш вперед через топи! К Вратам! Только к Вратам!!!

На минуту-другую в темноте воцарилась неразбериха — звон амуниции, ржание лошадей, топот и переругивание бандитов и доносящиеся с неба крики неизвестных, но весьма горластых созданий. Затем все наконец

устаканилось, и длинная цепочка конников и спешившихся проводников растянулась неровным зигзагом, углубляясь в промозглую даль болотистой равнины. В гаснущих отсветах далекого пожарища вид эта колонна имела вполне инфернальный.

Ромка с прицепившимся к нему сзади Тагарой обогнал меня и некоторое время двигался рядом со своей подругой. Но рядом же вел под уздцы своего коня и сам атаман. Мрачный как туча. Так что разговора у Ромки с Аманестой, видно, не получалось.

* * *

Да, впрочем, и не до разговоров было. Над всей нашей процессией витал дух нервозности и ожидания дальнейших неприятностей. И неприятности не заставили себя ждать.

— Огни,— тихо произнес кто-то в цепочке.— Факелы...

Я завертел головой, пытаясь узреть огни, о которых шла речь. Вдали, там, где воды «гнилого моря» упирались в непроницаемую стену ночного леса, действительно частой вереницей неверно мерцающих светляков стремительно мчались огни. И, скорее всего, это были огни факелов.

«Всадники,— определил я для себя.— Довольно много всадников с факелами. Сотня, может, больше... И нетрудно предположить, что это за всадники...»

— Зепп,— отозвался из цепочки кто-то в ответ первому голосу.— Огненная охота... Ночная огненная охота! Любимое его занятие! Ну мы, братцы, попали...

Вспоминая то, что успел узнать о Болотном Графе, я мысленно согласился, что если тот хоть немного в курсе связей Хирама с Темными, то мы и правда попали.

В рядах сдвоенного отряда Хирама и его партнеров тем временем уже началось какое-то движение.

От нашей кавалькады неожиданно отделились и торопливо направились в тонущую во тьме глубь болотистой

долины сначала две конные фигуры, потом — четыре... шесть...

— Темные смываются! — выкрикнул кто-то.

Вдоль каравана пополз все более ощутимый шепот. Я напрягся. Поймал себя на том, что подсознание подсказывало насторожиться. Что-то в происходящем было не так... не сама надвинувшаяся на нас угроза, а что-то в том, как отозвался на нее наш отряд. В его поведении...

Ах да! Конечно!

Не слышно было каркающего голоса Сизого Хирама! Ведь кому, как не ему, атаману разбойничьего воинства, было сейчас самое время брать ситуацию в свои руки? Решительно пресечь начинающуюся в рядах этого воинства панику. Наказать самих паникеров. Отдать необходимые распоряжения. Указать пути отхода и меры безопасности. Но старик словно сквозь землю провалился.

«А может, и действительно — сквозь землю? — подумалось мне.— Ухнул старик в неожиданно попавшуюся под ноги трясину — и охнуть не успел? Да нет, чушь это... Чушь! Вот только что маячил рядом со своим конем почти в голове колонны, по правую руку от Аманесты...»

Но все смешалось в охватившем колонну беспокойстве. Впрочем, и без этого в темноте было трудно разобрать что-либо. Где, собственно, Аманеста? Где Роман с Тагарой? Куда ломанули затесавшиеся в наши ряды Темные и их пособники?.. И что ждет меня самого при встрече с Зеппом и его дружинниками?

Однако хоть кое-что в проклятой темноте определить все-таки можно было. Отряд явно разбился на две части. Одна, лязгая затворами и перекидываясь короткими фразами, готовилась занимать круговую оборону. Другая суетливо мельтешила, готовая по первой же команде пуститься наутек и рассеяться по долине. Сдерживало их, скорее всего, лишь опасение утонуть в трясине, путь через которую был известен лишь единицам.

Маленькая рука ухватила меня за стремя и потрясла его. Я глянул вниз. Там тревожно переминался с ноги на ногу Тагара.

— Ты лучше бы слез с коня... — робко посоветовал он.— Сейчас стрельба начаться может... А эти — дружинники Болотного Графа — они не разбираются, кто есть кто... Схватишь пулю за здорово живешь...

— Где мой брат? — спросил я его, примеряясь спрыгнуть с коня.

— Он с этой... С дочерью атамана, там... — Он показал подбородком.— Впереди. Она дала ему автомат...

«Час от часу не легче...» — с тоской подумал я, упираясь в стремя, чтобы перенести тяжесть своего тела через седло.

И тут вспыхнули факелы.

* * *

Вспыхнули сразу, словно электрические фонари. Что и говорить, горазды были люди Болотного Графа на различные спецэффекты. Огни загорелись совсем рядом — меньше чем в сотне метров от нас. И сразу стало ясно, что мы взяты в кольцо. Вдоль берега выстроился отряд, явно превосходящий по численности болотное воинство Хирама.

С противоположной стороны дорога в глубь болот была перекрыта второй группой весьма решительно настроенных всадников. Отделившаяся от цепи и пытавшаяся уйти в болота кучка беглецов застыла прямо перед этой цепью дружинников. Впрочем, застыли мы все. И в этот момент прозвучала громкая команда:

— Ребята, бросайте оружие! Сдавайтесь! Это я, Аманеста, приказываю! Хирам сбежал! Драться не за что!

Последовало замешательство. Но оно было минутным. В болотную грязь по обе стороны неровной цепи Хирамова воинства полетели все виды огнестрельного оружия — от каких-то доисторических берданок до вполне современных «узи» и «абаканов». В воздух поднялись десятки рук. Не вняла голосу разума только кучка беглецов, лицом к лицу оказавшаяся перед всадниками Болотного Графа.

В воздухе прозвучали короткие очереди. Все было кончено за несколько секунд. Даже быстрее. В гнилую воду

рухнули с десяток наших бывших попутчиков и трое или четверо людей из дружины Графа. Несколько вооруженных факелами всадников спешились и занялись ранеными. На этом военные действия себя исчерпали.

Прозвучали короткие команды, и цепь всадников стала теснить сбившихся в толпу бандитов к берегу. Меня кто-то придержал за плечо. Я оглянулся. То были Аманеста и Роман. Оба держали горизонтально над головами автоматы, подавая знак кому-то в графской дружине. Никто и не думал отнимать оружие у этих двоих.

«Вот, значит, какой у них план был... — сказал я себе.— Неплохую дочку выбрал себе в наследницы старый Хирам. Папины методы она вполне усвоила. «Слила» атамана не моргнув глазом. Как пить дать, базу на Ничейном острове она же и сдала графской дружине без боя. А взрыв и бегство с острова — всего лишь хорошие элементы инсценировки...»

Что до Хирама, то его нигде не было видно. Да и вообще увидеть хоть что-то на просторах болот было делом безнадежным. Атаман пожертвовал и своими людьми, и богатствами Темного Арсенала. Так попавший в капкан зверь предпочитает лишиться захваченной стальными зубьями лапы, чем оставаться в ловушке, дожидаясь появления охотников. Старик был хитер именно этой мудрой, звериной хитростью. Мне оставалось только гадать, бродит ли он сейчас с самыми близкими подручными по мглистым лесам, ущельям и болотам Странного Края, или все-таки бездонная трясина поглотила его в ту ночь. Я пожелал: если старик и явится ко мне снова, то пусть это будет только во сне.

Кстати, незаметно было окрест и услужливого Джоша.

— Не торопись,— тихо сказала мне Аманеста.— Пусть сначала разберутся с теми... — Она кивнула на нестройную толпу, по кочкам пробиравшуюся к берегу.— С нами разговор будет отдельный.

Четверо дружинников Графа — из тех, что отжимали банду к берегу,— задержались возле нас то ли в роли конвоя, то ли охраны. Мимо на каких-то импровизиро-

ванных носилках пронесли сначала двоих раненых дружинников, а затем понесли убитых. Своих и чужих. Лица мертвых не закрывали, и, глядя на них, было от чего содрогнуться.

Четверо из этих «чужих» не были, собственно говоря, людьми. Это были такие же чудища, как тот посланец Темных, что разговаривал со мной около часа назад. Их лица были изуродованы то ли какой-то болезнью, то ли той наследственной программой, которая была в них заложена. Но самого Посланца среди убитых не было.

— Так это все-таки сами Темные? — спросил я Аманесту.— Или...

— Они,— ответила та.— Только — замаскированные. Прооперированные. На самом деле они еще страшнее... Жалко, что не обошлось без потерь... — добавила она, глядя вслед носилкам с дружинниками.— А теперь потихоньку поехали. Туда, ко всем...

* * *

Все тем временем неровной шеренгой выстроились на берегу гнилой заводи и, уныло потупясь, ждали решения своей судьбы. К свету факелов, слепивших их, присоединились огни фар подоспевших к месту действия бронетранспортеров. Нет — черт возьми! — Болотный Граф вооружил свое воинство совсем неплохо даже по критериям Большой Земли.

Последними к стоявшему на берегу народу подобрались мы со своими конвоирами-провожатыми. Они отвели нас троих в сторону от общей массы пленных и пристроили отдельной группой — ближе к рядам дружинников по правому флангу.

Над тухлой заводью воцарилась тишина.

И в тишине этой зазвучала дробь, выбиваемая копытами приближающегося коня. Конь нес всадника довольно устрашающего вида. Ростом под два метра, широкий в плечах, стройный, несмотря на седину, обильно украшавшую его буйную шевелюру, всадник просто не мог

быть никем другим, как Болотным Графом Зеппом. Обязан был им быть. Так что подсказка шепотом одного из наших сопровождающих — «Господин Граф!» — была совершенно излишней. Перед нами был не кто иной, как Владетель Болотных долин и горных перевалов (таков был его полный титул).

Чтобы ни у кого не возникало сомнений в этом, облачен всадник был в шитый золотом кафтан а-ля XVII век, кожаные рейтузы и сапоги выше колен. Граф сильно напоминал расхожий образ Петра Великого — не столько портретно, сколько манерой держаться. Вполне возможно, он сознательно косил под кинематографический образ этого исторического персонажа.

Поскакав малость взад-вперед перед строем, Граф остановил коня точно по центру понурой шеренги плененных разбойников и громогласно объявил:

— Выслушайте вашу судьбу, мерзавцы! Ваш атаман вел вас к Вратам Темного Арсенала... Не смейте возражать мне! (Никто, кстати, и не смел.) Я знаю это лучше, чем кто бы то ни было! И знаете почему, ублюдки?

Он воззрился на окончательно приунывших бандитов испепеляющим взглядом.

— Да потому,— прогремел он,— что Арсенал этот обещан был мне! Да! Я знаю, в чьи достойные руки вложить ту страшную силу, что таится за его Вратами! И те, кому можно было эту силу доверить, честно заплатили бы вашему атаману и вам — голодранцам — за эту услугу. Заплатили бы честно и щедро! Каждый из вас мог бы бросить к чертям свое паршивое ремесло разбоя и зажить честной, достойной жизнью! А сам Сизый Хирам — просто купался бы в золоте, ходил бы королем!

Вид у пленных сделался после этих слов еще более унылым.

— Но ваш чертов атаман,— продолжал греметь Граф,— эта продажная гнида — решил, что ему и этого мало! И он за спиной у меня вступил в сговор с Темными! Не знаю, как и чем они расплатились бы с ним, но вы, голытьба дорожная, не получили бы с этого гешефта ни медного

гроша! Вас просто-напросто утопили бы в той трясине, по которой вы сюда притопали! Могли бы с детства запомнить, что с Темными договориться — значит нечистому душу продать!

По всей видимости, многие из Хирамовой братвы догадывались о том, какая судьба им была уготована на самом деле. А те, кто не догадывался, узнали сейчас. По крайней мере, слова Болотного Графа были встречены еле слышным понимающим мычанием.

— Но напрасно старый прохвост возомнил себя самым великим хитрецом во Вселенной! — злобно выкрикнул Граф.— Нашлись и поумнее его. Такие, что расплели паутину, которую сплел он! И теперь за обман придется платить! И старому жулику — я еще доберусь до него! — и вам, дорогие мои!

Он уставился на поникших пленных, проверяя, произвели ли его слова необходимый эффект. Эффект этот они произвели — лишь немногие из стоявших перед ним бандитов еще держались и выглядели все-таки лучше побитых собак.

— Но Бог милостив! — доверительно сообщил пленным Болотный Граф.— Бог всеблаг и милостив, и мне следует брать с Него пример! А поэтому я не буду передавать вас в руки стражи Верховного правительства. У каждого из вас наберется грешков, чтобы не выйти на свободу до конца жизни! Но считайте, что судьба дает вам шанс! Те из вас, на ком нет крови моих людей, будут вольны отправиться на все четыре стороны, но только после того как снимут с себя и отдадут все свое оружие. Все — до последнего перочинного ножика. До последней иголки! И пусть они потом не пеняют на судьбу, если вернутся к разбойному ремеслу и найдут свою смерть на виселице! Точно так же, как пусть пеняют только на самих себя те, кто сурово провинился перед моими людьми и передо мной лично!

Он повернулся к вышедшему из шеренги дружинников офицеру и распорядился:

— Приступайте к делу, Керим!

Облаченный в типичный земной камуфляж Керим двинулся к шеренге пленных и уже на ходу принялся выкрикивать приказания:

— Конвою — занять свое место! Петерс, разводи костер и ставь рядом свой пост... А вы, засранцы,— последнее относилось к людям Хирамова воинства,— стройтесь друг другу в затылок! И, как только разожгут костер, по команде по одному подходите к пропускному посту на обыск и опознание! Кто чист — получает пинок под зад и валит отсюда подальше. С остальными разговор будет особый! И учтите: шаг в сторону считаем за побег! Мои люди стреляют без предупреждения!

Граф величественно кивнул ему в знак одобрения и направил коня к нам.

* * *

— Ну что ж, ты здорово помогла нам, девочка... — произнес он, похлопав по плечу Аманесту.— Ты уверена, что не хочешь оставаться в наших краях?

— Мы уже обо всем договорились, Граф... — ответила та, не изменив выражения лица.

— Будем надеяться,— продолжил гудеть Граф,— что твой друг с Большой Земли,— теперь он похлопал по плечу Романа,— окажется тебе хорошим спутником там в своем мире...

Ромка только с тревогой покосился на Аманесту и промолчал.

— А вас, маг,— Граф обратил на меня полный экзальтированного гостеприимства взгляд и принялся трясти мою правую руку обеими своими ручищами,— я рад приветствовать здесь, в Странном Краю, и особенно в моих владениях! Здесь вас ждут люди, которым вы можете очень помочь. И которые, без сомнения, смогут самым существенным образом помочь и вам... С ними вы, конечно, найдете общий язык легче, чем с головорезами кровавого старца Хирама.

Он подхватил меня под локоть и помог мне тронуть коня. Вот этакой трогательно-дружной парой мы и двинулись вдоль колонны пленников, каковым я практически был еще час назад. Вдоль понурой колонны уже выстраивался конный конвой. Ромка, Тагара и, разумеется, Аманеста и наша охрана следовали за нами, не слишком отставая. Я покосился на Графа с подозрением. Как-то слишком уж благостно все складывалось, причем совершенно неожиданным образом. Граф воспринял мой взгляд как приглашение к продолжению нашего разговора.

— Уверен,— вздохнул Граф, кивая на мрачные лица бандитов,— почти всем им урок не пойдет впрок... Снова займутся своим делом. Сбегутся под крылышко к какому-нибудь новому атаману... Впрочем, может быть, и к старому, если тот снова высунет рыльце на свет божий... Конечно, мы сейчас вздернем парочку-другую самых отъявленных негодяев. Но разве этим делу поможешь? А устраивать резню... Считайте, что в эту ночь у меня нет настроения для подобных затей,— улыбнулся он мне.

Я как можно более любезно улыбнулся ему в ответ, незаметно массируя изрядно потерпевшую от рукопожатия Графа ладонь.

— Надеюсь,— осведомился я,— в этот раз от меня уже не будут желать того, чтобы я отпер Врата Темного Арсенала.

Взгляд, которым ответил мне Болотный Граф, был не самым лучшим для меня подарком. Я понял, что как раз именно теперь я попал пальцем в небо.

— Почему вы так думаете, маг? — с тенью недоумения в голосе спросил Граф Зепп.— Вы полагаете, что только кровавый старец был заинтересован в том, чтобы проникнуть в тайны Темного Арсенала?

— Честно говоря, Граф, мне кажется, что для всех было бы много лучше, если бы ни самого Темного Арсенала, ни его тайн в природе вообще не существовало бы... — признался я.

Граф вежливо и басовито хохотнул:

— Ну, узнаю в вас типичного мага... «Всякое знание лишь умножает риск самоуничтожения рода людского...». Поверьте, те люди, которые готовы помочь вам вернуться на Большую Землю, никогда не причинят вреда ни Странному Краю, ни Большой Земле. Ну хотя бы потому, что они сами — с Большой Земли. Мало того, насколько я знаю, это люди с вашей Родины...

«Военщики?» — пронеслось у меня в голове.

— Среди них нет одного моего знакомого? — осведомился я.— В здешних местах он известен как Шон Бородач...

Граф снова басовито хохотнул:

— Я вижу, что вы неплохо осведомлены о тех, кто ведет охоту на Арсенал... Смею вас заверить, это совсем не те люди. Им чужда идея насилия. Это по натуре своей гуманисты. Ученые, философы... Их интересует не само по себе оружие Темных и не разрушительные перспективы технических достижений этой цивилизации... Они жаждут овладеть знаниями, которые в эти достижения вложены... Овладеть и поставить на пользу людям. В том числе и на благо вашей Родины, маг...

Снова все получалось уж больно хорошо. Мне даже неприятно было выливать ушат холодной воды на разгоряченную благородными идеями голову Графа Зеппа.

— Боюсь, что я сильно огорчу этих благодетелей,— сухо заметил я.— Вся беда в том, что старик Хирам не соизволил поделиться со мною ни секретом местонахождения Врат, ни именами двоих других Посвященных, которые владеют этим секретом. Кроме того, у атамана остался ключ от Врат...

Граф бросил на меня косой взгляд и снова расхохотался с несколько деланным добродушием.

— Ну, вы почитаете меня бесконечно наивным человеком, маг! — наконец произнес он.— Что до ключа, то вспомните, что их существует целая дюжина. Неужели вы думаете, что не в моих силах хотя бы на время заполучить один из них... Что же до людей, входящих в состав

тройки Посвященных, то имени первого из них не будем поминать всуе...

Граф бросил на меня многозначительный взгляд, показывающий, что есть на свете вопросы, которые не надо задавать.

— Вторым Посвященным долгое время был один из монахов Пустынного монастыря. Его имя, разумеется, тоже хранили в тайне. Но два лета назад весь Пустынный монастырь был жестоко вырезан, как написано в скрижалях истории, «неизвестными злоумышленниками». Для людей сведущих не секрет, что этими «неизвестными» были Хирам и его люди. С тех пор я не называю его иначе чем «кровавый старец». Престарелый мерзавец лично пытал одного монаха за другим — Пустынный монастырь был не слишком многочислен. Надо полагать, что ему удалось вырвать у несчастного Посвященного тайну Врат. По крайней мере, с тех пор старец стал похваляться в узком кругу, что именно он теперь является вторым Посвященным.

— Не очень-то умно... — заметил я.

— Возможно,— согласился Граф.— Но зато привлекает потенциальных покупателей.— Он помолчал.— Многие поклялись отомстить Хираму. В том числе и я. Но и сегодня ему удалось ускользнуть от справедливой кары...

— А третий Посвященный? — спросил я, выдержав подобающую паузу.

— А третий Посвященный — к вашим услугам! — расхохотался Болотный Граф.— Это я!

Глава 11
СВЕТЛЫЕ И ТЕМНЫЕ

— Почему вы, собственно, так удивлены? — осведомился Граф, иронически покосившись на меня.— Согласитесь, ведь логично, чтобы одним из Посвященных был тот, на чьей земле располагаются и Арсенал, и портал...

И портал... — вот те раз! Оказывается, где-то поблизости пролегал путь и на родную Землю...

Мне потребовалось некоторое время, чтобы переварить полученную информацию. За это время мы выбрались с ведущего от болот проселка и оказались на выложенной брусчаткой дороге. На обочине ее притулился, словно дело происходило где-то в современной Европе, подержанный «вольво». Около него Граф спешился и жестом пригласил нас занять места в салоне. За руль он уселся лично. Видимо, шофер не был предусмотрен штатным расписанием графского двора.

Зато были предусмотрены конюхи. Из-за деревьев, позевывая, появились двое парней и приняли поводья наших коней. Граф глухим голосом отдал какие-то распоряжения и повернулся к нам.

— На этой таратайке,— пошутил он,— мы побыстрее доберемся до моего поместья. Если бы не трудности с нефтедобычей в нашем крае, весь транспорт здесь давно бы перешел на бензиновую тягу. А ваша автопромышленность приобрела бы большой и очень привлекательный рынок... — Он усмехнулся и добавил: — Вам надо выспаться. Все остальное — завтра. И Врата, и портал...

— Портал... — спросил наконец я.— Дверь между Мирами... Червь Мироздания выходит в Странный Край и где-то здесь рядом? Он соединяет этот портал с Землей?

— Да, именно так,— подтвердил граф, трогая машину.— Если можно так выразиться, с моих земель когда-то отходил «скорый курьерский» на Большую Землю. И, естественно, обратно. Темные потому здесь и воздвигли свой Арсенал, что это было самое удобное место для атаки на ваш Мир. Не двигаться же им было целой вооруженной до зубов армадой через весь Странный Край? Отсюда, от самых дверей, они могли «впрыснуть» ее — армаду эту — прямо с тылового плацдарма в самое сердце Большой Земли. В те времена этот портал обладал неслыханно высокой пропускной способностью. Не то что жалкие подобия пищеводов, по которым приходится двигаться Ходокам в наше время...

— Значит, через этот портал... — начал я.

— Да, через этот портал ты и вернешься на Родину,— утвердительно кивнул мне Граф.— Как только проснется. Это будет теперь уже скоро.

— Проснется? — переспросил его Роман.— Разве он спит?

Граф утвердительно кивнул.

— Так говорят среди наших,— усмехнулся он.— Портал существует, но не действует. Когда Великие маги наложили свое заклятие на Арсенал, то под его действие попал и портал. Он утратил проходимость. Оказался запечатан. Одни считают, что это побочное действие заклятия, другие — что Червь обиделся то ли на Темных, то ли на Великих магов...

Дорога, которой мы катили к графскому поместью, хотя и не грешила геометрической прямизной, а, наоборот, виляла самым прихотливым образом, была, слава богу, бедна на ухабы и колдобины. Собственно, для дороги, построенной века назад, она поддерживалась в идеальном порядке. Так что до замка Графа мы добрались, проведя время в тихой, почти ничем не прерываемой беседе об истории Темного Арсенала.

Меня, впрочем, больше волновала перспектива «воскрешения» Портала. Об этом я и принялся расспрашивать нашего довольно словоохотливого освободителя и хозяина.

— Этим как раз и занимаются мои друзья с Большой Земли,— заверил меня Граф Зепп.— Уверен, что они станут и твоими друзьями. Они уже заверили меня, что если будет распечатан Арсенал, то портал восстановит свою проходимость автоматически. В любом случае они смогут организовать переброску трех-четырех человек на Большую Землю — лишь бы портал проявлял признаки жизни.

Я мысленно помолился о том, чтобы это и на самом деле было так. Оставались сущие пустяки — распечатать Темный Арсенал. На это обстоятельство Граф намекнул недвусмысленно.

* * *

Сам графский замок немного разочаровал меня — ровно настолько, насколько может разочаровать усталого путника вид предстоящего ему долгожданного ночлега.

Это был просто большой дом, который, стой он посреди старой части любого города, ровно ничем не привлек бы к себе внимания. Ни башенок, ни подъемных мостов, ни рвов под ними в наличии не имелось. Не было и крепостной стены. Ее заменяла кованая железная изгородь. Заградительную роль вместо рвов и высоких стен выполняли, пожалуй, заросли колючего кустарника, окружавшие «замок».

Внутреннее убранство жилища Графа Зеппа мне довелось рассмотреть уже поутру. Ночью я заснул мгновенно, только лишь коснувшись щекой подушки в отведенной мне спальне.

Спальня эта могла вместить куда большее количество желающих выспаться, нежели одну только мою скромную персону. Однако этим избыток комфорта и ограничивался. Умывальник и «удобства» в виде фарфоровой ночной вазы были тут на уровне позапрошлого века.

* * *

Как бы ни располагали спальные покои замка к глубокому сну после небедной приключениями эпопеи на болотах, без того, чтобы хотя бы попытаться установить магический контакт с Учителем, обойтись было нельзя. Я бы многое дал, чтобы вместо необходимых для этой цели снадобий мэтр снабдил бы меня просто, скажем, сотовым телефоном или — на худой конец — войсковой рацией.

Теперь можно было не очень беспокоиться о конспирации — не то что на островке Сизого Хирама. Однако это не означало, что можно было проводить сеанс так уж в открытую. Беспокоить Ромку со товарищи я не ре-

шился — тем более что всех их сморили ночные события. Так что на связь с Учителем я вышел в одиночку.

Сеанс в этот раз в гораздо большей мере напоминал сон, притом с элементами какого-то бреда. Однако мне удалось-таки рассказать мэтру в хронологическом порядке события минувших суток. Учитель, точнее его образ, мерцавший в моем сознании, выглядел по мере приближения рассказа к финалу все более и более озабоченным.

— Жизнь полна неучтенных факторов,— наконец констатировал он.— А в наших местах — особенно. Кто бы мог принимать всерьез эту самую девочку Аманесту? Никто толком и не помнил, что у Хирама есть приемная дочь. Вот Графа Зеппа пришлось бы принять в расчет — рано или поздно. Но совсем при другом раскладе сил, чем это сложилось теперь... Эти двое сильно спутали нам карты. Ведь это они должны были освободить тебя и твоего брата. Но только чуть позже, когда Хирам уже привел бы тебя к Вратам Арсенала.

На какое-то время, как это бывает во сне, я утратил нить происходящего и, возможно, пропустил многое из того, что хотел перебросить мне в голову Учитель. Потом «прием» снова улучшился, и я снова стал воспринимать его слова вполне членораздельно и недвусмысленно.

— Надеюсь, ты понимаешь,— сказал он,— что мне предстоят теперь сложные переговоры с Владетелем Болотных долин и горных перевалов. Притом мне бы не хотелось, чтобы ты заблуждался в отношении своего положения в замке гостеприимного Графа. Ты и твой брат остаетесь фактически заложниками. Хотя никто не произнесет этого слова вслух, ты должен это помнить все время.

После короткой паузы мэтр добавил:

— Я не сомневаюсь в твоей верности нашей договоренности. Но ты можешь по неопытности наделать ошибок. Поэтому не соглашайся ни на какие предложения и главное — не предпринимай никаких реальных действий. Скоро, очень скоро я буду в замке любезного Графа. И только после наших с ним переговоров ты, надеюсь в

полном согласии со мной, решишь, что надо говорить и делать, а чего — не надо.

Я проснулся, ожидая, что уже проспал половину следующего дня. Но эта ночь оказалась просто очень долгой. И меня снова сморил сон.

* * *

По повелению Графа — и с моего полусонного согласия — я был разбужен спозаранку и, будучи приведен в вид божеский, отправлен на встречу с главой колонии российских исследователей, обосновавшейся в имениях Болотного Графа. Как я понял, такая ранняя побудка была продиктована распорядком дня этого самого главы— профессора по имени-отчеству Михаил Иванович. То, что фамилия его была, кажется, Егоров, я узнал позже из не вполне достоверных источников.

Профессор был скучен на вид, чисто выбрит и, несмотря на солидный возраст, не думал лысеть и не был слишком седым — седина была попросту незаметна в его очень светлых, редких волосах. Впрочем, судя по всему, он давно уже обретался в Странном Крае и был рад новому человеку с Большой Земли. Впрочем, процедура нашего знакомства как-то естественным образом обходила вопрос, профессором какой кафедры и доктором каких наук был Михаил Иванович. Но и мои биографические данные тоже были представлены довольно скупо.

— Вот уж не знал, что сподоблюсь своими глазами увидеть Меченого мага! — воскликнул Михаил Иванович, усаживая меня за пустой стол, заполнявший все пространство далеко не тесной графской столовой.— Вы в самом деле намерены распечатать Врата Арсенала?

— А как вы оцениваете мои шансы на это? — ответил я вопросом на вопрос, наблюдая, как слуги деловито наполняют чашки уже успевшим мне основательно опротиветь за время жизни в Странном Крае травяным отваром.

— Вот это уже вопрос не ко мне! — отозвался профессор.— Мое дело — переходы между пространством-временем нашей с вами Вселенной и тем ее вариантом, который здесь окрестили Темным Миром... Магия — это уже ваша епархия... Попробуйте вот это,— пододвинул он ко мне вазу с сушеными фруктами.— Нахожу это блюдо очень полезным.

— Простите, что я задаю вам вопрос, на который могу не получить ответа,— начал я.— Но... ваша миссия официальная? Грубо говоря: ваша колония здесь — это государственная затея? Можете не отвечать, конечно, я буду не в обиде...

(«Только не врите»,— хотелось добавить, но мне показалось, что Михаил Иванович без слов понял меня.)

— Мы — заговорщики! — улыбнулся он.— Да-да! Самые настоящие заговорщики. Можете считать нас масонами или еще бог знает кем. Государство к таким делам подпускать нельзя. Это глубокое убеждение каждого из нас! Разумеется, где-то «наверху» кто-то о чем-то догадывается, но мы стараемся не давать поводов для подозрений... Все наши главные результаты мы храним здесь. И в случае чего...

— Дружина Графа неплохо вооружена,— заметил я.— А ведь сюда не так уж и легко забросить технику. Это ваша ему помощь?

— Если вы продолжаете думать, что мы работаем на какое-нибудь ФСБ или даже лично на самого президента, то ошибаетесь,— усмехнулся профессор.— Если о средствах, то Граф достаточно богат. Что до рынка оружия, то он существует без нашей помощи... От нас требуется только техническое сотрудничество.

Разумеется, это была в лучшем случае полуправда. Вряд ли любовь Графа к своим постояльцам с Большой Земли была столь уж бескорыстна. И вряд ли если уж кто-то «наверху» о чем-то догадывался, то так уж и закрывал на это глаза. Наверняка щелочку оставлял да подглядывал...

— Видите ли, маг, наша гипотеза довольно хорошо проверена. И она больше похожа на правду, чем просто на гипотезу. И состоит эта правда, или гипотеза, называйте ее как хотите, в том, что мы и они — одно и то же!

— То есть,— не понял я,— мы и Темные — это...

— Это не есть две цивилизации, два раздельных мира,— пояснил профессор.— Это один и тот же мир, только разветвившийся на два варианта. Произошло сие, по нашим прикидкам, не так уж давно: где-то четыре-пять тысяч лет назад. Одно время мы были твердо уверены, что это событие точно совпадает с моментом извержения вулкана Санторин. Слыхали о таком?

— Насколько я помню,— почесав в затылке, отозвался я,— этот взрыв погубил целую цивилизацию. Притом более мощную и более высоко организованную, чем в ту пору была цивилизация Эллады и все прочие цивилизации Средиземноморья... Я, наверное, что-нибудь напутал, но помню примерно так из чего-то научно-популярного...

— Главное,— усмехнулся профессор,— смысл вы понимаете... Этот взрыв сильно изменил весь ход истории античного мира в той ветви истории, где он произошел. В другой ее ветви этого не случилось. И судьба человечества сложилась в каждой из таких ветвей по-своему. Из разрушенной взрывом средиземноморской цивилизации родился наш, привычный мир.

А вот из другой ветви цивилизации — из той, которая этого бедствия избежала, развилось нечто совершенно иное, то, что здесь окрестили Темным Миром. Того, что нам удалось узнать от Темных...

— Вам удается устанавливать с ними контакты?

Профессор рассмеялся. Потом позвонил в серебряный колокольчик и, пока суд да дело, просветил меня в отношении моих заблуждений.

— Контакты людей с Темными существуют уже века. Этот конфликт между ними и нами возник не так давно... Поймите, что Темные — это вовсе не какая-то инородная злая сила. Это те же мы. Мы — люди, только прожившие другую историю!

Он замолк, выжидая, пока чуть ли не дюжина графских слуг, набежавшая на звон колокольчика, расставит на столе перед нами накрытые серебряными колпаками блюда, чайники, кувшины и прочие предметы, необходимые для осуществления процедуры утреннего приема пищи.

— Так вот,— продолжил он, оставшись наедине со мной и поданным завтраком.— Того, что нам удалось узнать от самих Темных, из документов истории Странного Края и прочих исторических свидетельств, достаточно, чтобы представить картину развития этого варианта нашего мира. Сначала он по-прежнему напоминал всю ту же прекрасную античность, восхищаться которой нас в школах приучают с малых лет. Но потом...

Он привлек мое внимание, подняв над тарелкой вилку с насаженным на нее кусочком ветчины.

— Потом различия между двумя линиями развития мира стали умножаться лавинообразно. В целом можно сказать, что скорость исторического развития Темного Мира изначально оказалась выше, чем нашей цивилизации, и дальше продолжала только нарастать. Кроме того, до поры до времени это развитие шло более гладко, чем наше, поскольку мы пошли по дороге, чреватой множеством катастроф. Тот мир быстрее объединялся, срастался в единое целое. Европа очень гладко миновала период феодализма. Если этот период истории вообще заслужил название феодализма. Запад и Восток сблизились раньше, и разделявшая их пропасть оказалась не такой глубокой. И даже эпоха великих географических открытий началась в том мире раньше на целое тысячелетие. Ну и закончилась с еще большим опережением.

— В этом отношении им повезло,— признал я, пытаясь сообразить, из яиц какой птицы приготовлена яичница, что украсила мою тарелку. И птица ли то была вообще.

— И не только в этом,— уверенно продолжил Михаил Иванович.

Чувствовалось, что у него «Введение в сравнительную историю земной цивилизации» отработано и обкатано до совершенства лекционного курса. И видно было, что он

тяжко страдает оттого, что не имеет возможности обрушить курс этот на головы студентов с университетской кафедры. И, разумеется, провести с ними с полдюжины семинаров и принять у каждого — захода этак с третьего — если не экзамен, то на худой конец зачет. Я постарался выглядеть как идеальный студент. Созданию подобного имиджа мешала только необходимость отвлекаться на таинственного происхождения яичницу.

— Не только в этом,— повторил профессор и снова сурово погрозил мне вилкой (но уже без ветчины).— Я бы сказал, что условием такого быстрого и безболезненного развития было то, что в Темном Мире религия, политика и всяческая идеологическая чушь гораздо меньше влияли на развитие наук, техники и технологий. Например, первые разработки, очень похожие на работы наших первых генетиков, появились в Темном Мире в нашем понимании уже где-то на закате античного мира. Казалось бы, осталось только завидовать этим счастливцам, но...

Профессор сделал гримасу, долженствовавшую изобразить что-то вроде «Но нет в жизни счастья!» и продолжил:

— Всякая система в своем развитии доходит рано или поздно до кризиса. Вы вообще-то представляете себе, что такое система, развитие и кризис?

— Весьма приблизительно,— признался я.

— Не буду вас мучить терминологией,— успокоил меня Михаил Иванович.— Просто напомню, что ни длительное существование любой системы, ни тем более ее развитие невозможны без того, чтобы в системе не действовали обратные связи.

— Мне такими вещами заниматься не приходилось,— заметил я.— Так что слово «напомнить» — это чересчур лестный комплимент для меня.

— Тем не менее вы поняли, что я имею в виду. И то, как быстро система дойдет до кризиса и можно ли будет ее из этого кризиса вывести, зависит всегда от того, сколько таких связей в ней учтено и главное — насколько

они эффективны. Так вот, Темный Мир оказался системой, которая не выдержала того, что исправно служившие ее быстрому развитию связи в какой-то момент стали неэффективными. А силы, действовавшие в системе, были уже слишком мощными, чтобы можно было остановить ее саморазрушение. Если хотите, можете считать, что там, на нашей Земле, наши медлительность, слабость и раздробленность спасли нас от той глобальной катастрофы, к которой пришла цивилизация Темных. Мы, так сказать, разменяли одну большую беду на множество малых. И пока продолжаем платить по счету мелкими купюрами. Правда, это не может продолжаться вечно.

— Ну а что же именно приключилось с ними? — попробовал я внести какую-то конкретику в слишком уж абстрактные сведения, которыми пичкал меня мой новый высокоученый знакомец.

— Почти то же самое, что угрожает и нам,— пожал плечами профессор.— Только в более отдаленном будущем. Экологический кризис, исчерпание ресурсов, военный конфликт с применением самых высокотехнологичных видов оружия... И — биологическое вырождение.

— Что, вот так вот все сразу? — удивился я.— В одном флаконе?

— Не совсем так,— заметил профессор, нахмурившись.— Процесс вырождения у них начался гораздо раньше, чем другие виды кризиса. Оно, так сказать, предшествовало всем остальным бедствиям. Я бы сказал, что это был как раз типичный случай горя от ума. Едва только открыв первые, самые важные биологические законы, они там — в своем параллельном мире — принялись за улучшение самих себя. И хозяев жизни, и тех, кому судьба отвела роль слуг, говорящего инструмента в руках сильных мира того, и тех, кто должен был сражаться за их интересы, и тех, кому суждено было по их замыслам населять иные миры, дно морей и океанов во имя безграничной экспансии рода человеческого...

— Ну такие идеи бродят и у нас,— заметил я.— Там на Большой Земле... Генетическая инженерия применительно к человеку. Клонирование и все такое...

— Но мы, слава богу, пока что топчемся на месте,— отозвался Михаил Иванович.— Почти на месте. И чешем в затылке. Предки Темных были куда как энергичнее. И мыслили более прямолинейно. Это, наверное, было следствием их ускоренного развития и э... как бы это сказать... того, что им недоставало неудач. Негативного, так сказать, опыта. Так или иначе, в мире, которому еще только предстояло стать Темным, начались широкомасштабные работы по улучшению рода человеческого. Джинн был выпущен из бутылки. А когда джинн выпущен из бутылки, загнать его обратно — задача потруднее, чем вернуть выдавленную зубную пасту обратно в тюбик или из яичницы получить свежие яйца.

— Так что? — не понял я.— Там у них был какой-то фашизм, что ли? Если с людьми делали все, что хотели?

— Зачем же? — добродушно усмехнулся профессор.— Для того чтобы творить с людьми самые страшные вещи, вовсе не нужны ни диктатура, ни даже просто насилие в обычном понимании этих слов. Охота, как говорится, пуще неволи. В обычном обществе — даже в таком, которое являет собой образец демократии,— с людьми творят страшные вещи с помощью самых простых приемов. Сотни тысяч людей совершенно добровольно платят немалые деньги за наркотики, которые быстренько отправляют их на тот свет. Другие продают свою кровь ради того, скажем, чтобы просто заплатить за свое обучение... Третьи подрабатывают, соглашаясь быть подопытными кроликами в очень сомнительных медицинских экспериментах... Так что предкам Темных достаточно было объявить участие в своих биологических программах выгодным, и дело было сделано. Не забудьте, что населению постоянно демонстрировали тот выигрыш, который получают в жизни потомки тех, кто участвовал в программах контролируемых браков или вообще предоставил свои

яйцеклетки и сперматозоиды для работ по улучшению рода человеческого. Тогда — еще вполне человеческого...

Профессор замолчал и сделал очередной глоток из чашки. Я тем временем спросил его:

— Но если эти успехи не были враньем, то что же тогда привело их к вырождению?

— Отдаленные последствия... — пояснил Михаил Иванович.— Отдаленные последствия, господин маг. Их всегда трудно предсказать. Сегодня вы считаете, что высокопродуктивный сорт кофе достоин того, чтобы засадить им свои плантации, выкорчевать напрочь другие сорта. И вашему примеру поспешно следуют конкуренты. Очень скоро — через один-два сезона — все плантации Южно-Американского континента оказываются засажены, собственно говоря, клоном единственного высокопродуктивного сорта. А еще через несколько лет выясняется, что высокая продуктивность этого растения сцеплена с его неустойчивостью к какому-нибудь болезнетворному грибку, о существовании которого селекционеры и не подозревали, когда выводили новый сорт. И вы на несколько сезонов лишаетесь урожаев кофе на целом континенте.

— Кажется, такое было на самом деле,— припомнил я.

— Да,— кивнул профессор.— Это реальный пример из нашей истории. А вот пример из истории Темного Мира. Тоже вполне реальный, но куда более трагический. Вы считаете, что тот или иной ген мешает, допустим, ускоренному развитию способности к обучению. И добиваетесь того, что через несколько поколений значительная часть населения планеты избавляется от «тормозного» гена. И педагоги, и родители рады росту успеваемости подрастающего поколения. А когда сама эпопея по искоренению зловредного гена уже уходит в прошлое, оказывается, что в геноме человечества пробита брешь. «Зловредный» ген, как выясняется, защищал развивающийся мозг от воздействия какого-то химического соединения, редко встречающегося в чистой экологической среде. Но развитие химических технологий этого продукта в окру-

жающую среду подбросило, и немало. И дети родителей, «хлебнувших» этого продукта, теряют психическую стабильность, становятся агрессивны и непредсказуемы в своем поведении. Растет волна преступности. А введение в хромосомы далеких уже предков другого «полезного» гена, ну, допустим, такого, который повышает устойчивость организма к простуде, приводит к рождению целого поколения дебилов, в ответ на появление в окружающей среде нового вируса, о котором раньше и слыхом не слыхивали.

— На Земле такое бывало? — поинтересовался я.

— Что-то вроде... — поморщился профессор.— К счастью, не на генном уровне, но... Например, про историю с «талидомидом» слыхали? У матерей, которые принимали этот препарат, беременность и роды протекали без проблем. Только рождали они чудовищ.

— Ну и что же стало с Темными? — спросил я.— Точнее, с их предками?

— Я вам привел только два примера,— вздохнул Михаил Иванович и добавил себе в чашку отвара.

Похоже, за годы жизни в Странном Крае он все-таки привык к этой дряни.

— А примеров таких,— продолжил он,— успело накопиться тысячи. И именно к тому моменту, когда на той, «параллельной» Земле грянули кризисы и войны, тамошнее человечество сделалось генетически отягощенным нестабильным видом. Стало невозможным не только ухаживать за больными и неполноценными или их лечить. Стало невозможным прокормить большинство населения. А радиационное заражение, химическая и биологическая войны довели дело до конца. Параллельный мир стал мертвым, разрушенным и заброшенным миром, населенным уродливыми подобиями людей, вступающими между собой в сражения за остатки былой великой цивилизации. Темным Миром. Впрочем... — Профессор пожал плечами.— Впрочем, сами они себя темными никогда не называли. Слова «Темные», «Темный Мир» — это здешние изобретения. Это все родилось просто из противопостав-

ления понятий «света» и «тьмы». При этом всегда само собой подразумевается, что «светлое» — это мы и «наши». А «темное» — это все чужое, непонятное и потому считающееся враждебным. Это от очень примитивного понимания действительности...

«А ведь что-то очень похожее я слыхал и от мэтра»,— подумал я.

— Хотя кое-что объективное в этих понятиях есть,— продолжил профессор, откинувшись на спинку стула.— С чисто человеческой точки зрения, Темные словно бы персонифицируют зло. Они уродливы, склонны скрываться во тьме... Они временами нападают на людей и причиняют им вред... Но с их точки зрения люди — далеко не ангелы.

— Ну и как же получилось,— невольно перебил его я,— что представители двух параллельных историй Земли встретились здесь, в Странном Крае? Кто открыл этот проход между той Землей и нашей?

— Видите ли, маг,— задумчиво произнес профессор,— согласно теории, которой придерживаюсь я и большинство тех, кто исследовал этот вопрос, существование таких вот «спаек» между параллельными мирами — факт объективный. Они никем не созданы. Это просто необходимое условие существования Мироздания, содержащего в себе параллельные Вселенные. Если такие миры не будут взаимодействовать между собой через «дополнительные измерения», то тогда... Короче, такая Вселенная существовать не смогла бы. Это просто, но требует слишком много времени для объяснения... Гораздо интереснее проблема Червя Мироздания. Где зародилось это сверхсущество? В одном из миров, между которыми простирается его организм? Или ни в одном из них, а между ними? Или он вечен, как само Мироздание?

Он задумчиво умолк, и мне пришлось деликатно кашлянуть, чтобы напомнить, что в общем-то мой вопрос пока что остался без ответа.

— Судя по всему,— вернулся к теме разговора Михаил Иванович,— Темные были одними из первопроходцев

Странного Края. Хотя не стоит забывать, что край — это междумирье не только двух параллельных Вселенных — нашей и Темного Мира. Поэтому твердо можно утверждать только то, что первыми не земляне проникли в Странный Край, а Темные. Это произошло еще в тот период, когда их цивилизация находилась на пике своего развития и только пара-другая темных облачков смущала кого-то. Вероятно, обнаружение переходов, соединяющих параллельные миры, было высшим достижением их физики. Да и их науки в целом.

Он запнулся, обнаружив, что его чашка уже давно пуста. Долил в нее остатки остывшего отвара из чайника и продолжил:

— Впрочем, существует экзотическая версия другого рода... Есть предположение, что это Червь Мироздания выбирает, кого пропустить в то или иное междумирье, а кому запереть дорогу в параллельные миры. В соответствии со своими неподвластными человеческому уму соображениями. Но не будем отвлекаться на вопросы теологии. Гораздо интереснее, кто именно «начинил» Странный Край тем, что здешние жители называют «магией».

— Я уже давно усвоил, что под «магией» здесь просвещенный народ понимает сверхвысокий уровень техники и технологий, структура которых незаметна глазу непосвященных,— заметил я.

— Я же пояснил вам,— вздохнул профессор,— что в Странный Край открываются двери не только наших двух миров. Но... Безусловно, вся эта машинерия имеет отношение к нам, землянам. Странный Край — это полигон магии. И кому-то надо было иметь заповедник магов — разумных существ, способных взаимодействовать с магией, управлять ею. Наша Земля и стала таким заповедником, а вот в Темном Мире попытки усовершенствовать род людской привели к почти полной утрате подобных способностей. Их генофонд невероятно обеднен по сравнению с генофондом нашего человечества. Придя в Странный Край, Темные долгое время оставались его довольно заурядными обитателями. До тех пор, пока не

протоптали дорожку на нашу Землю и не начали сами вербовать оттуда Меченных Знаками. Магов-рабов. Отсюда на матушке-Земле и пошли сказания и легенды о дьяволе и других темных силах, скупавших — весьма избирательно — человеческие души. Отсюда и слова «Избравшие Темный Путь»... Вот тогда-то Темные — та их часть, что успела убраться из своего разоренного мира в эти места,— и стали почти полными хозяевами положения в этих краях. Но в том-то и загвоздка, что маги не могут долго оставаться рабами. Та часть их, что стала свободной и объявила себя Орденом Светлых Сил, и принялась искоренять Темных в Странном Крае. А у тех к тому моменту родина превратилась в радиоактивный ад. И отступать им стало некуда. Вот вам и суть происходящего конфликта.

— А Арсенал? — спросил я.— Как Темным удалось создать здесь свой Темный Арсенал? Ведь их мир оказался сам на грани гибели...

— Пожалуй,— вздохнул профессор — уже за ее гранью.— По нашим представлениям, колония Темных, обосновавшаяся в Странном Крае, по своей численности если не превосходит теперешнее реальное население «параллельной» Земли, то немногим отличается от нее. Это по численности. А вот по своей организованности и по своему сбереженному интеллектуальному потенциалу колония Темных, укрывшаяся здесь, намного превосходила земную. Но обратного пути в свой «Темный» мир для них уже не было. И они, «здешние» Темные, в конце концов сделали ставку на то, чтобы воссоздать хотя бы островок, анклав своей цивилизации на Большой Земле. И собирали по всей своей выжженной планете и перетаскивали сюда все, что еще могло жечь и разить, десятки, если не сотню с лишним лет. Идея была не лишена определенной перспективы, если бы не вмешательство Светлого Ордена.

— Вам не кажется, профессор,— осторожно спросил я,— что самым лучшим способом было бы просто уничтожить этот проклятый Арсенал. Тем же самым разрушающим заклинанием? Вместо того чтобы...

— В этом, пожалуй, действительно был бы заинтересован каждый,— усмехнулся Михаил Иванович.— И вместе с тем никто! Вот в чем парадокс. Добровольно отказаться от возможности получить свою долю в военном могуществе такого масштаба может только святой. Это психологический аспект дела. Но есть и технический. Уничтожать арсеналы боевой техники, созданной на неизвестных нам принципах, дело небезопасное.

Но этого мало. Здесь, в Странном Крае, эта боевая техника была усовершенствована именно с применением магии. В бомбы, в аккумуляторы энергии, в броню и в защитные устройства были с помощью магов-рабов заложены возможности, по всем законам природы невозможные, недостижимые... Но... если магия эта будет разрушена, джинн вырвется из бутылки. Все те соединения и устройства, которые вполне надежны и стабильны, пока находятся под магическим воздействием, тут же утратят свою стабильность, выйдут из строя и — что самое главное— мгновенно саморазрушатся. Многие с огромным выделением энергии. Это будет потрясающей силы взрыв, который сможет изменить лицо всего Странного Края!

— Но ведь сам по себе *наш* мир лишен магии? — попробовал я внести ясность в свои представления о соотношении параллельных, но однако же пересекающихся миров.— Вы говорите, что это — только питомник магов... Как же собирались применять свою начиненную магией технику Темные там, у нас? И как получилось, что я и мой брат были похищены прямо из своего дома, причем под аккомпанемент всяких магических фокусов?

Профессор покачал головой и вздохнул:

— Все так и не так, господин маг... Видите ли... Темные почти не способны управлять магией. Но они знают о ней гораздо больше, чем мы... И им удается временами создавать островки и даже целые архипелаги, насыщенные магией, в других мирах. И в своем, и у нас — на Большой Земле... Так что не все россказни о чудесах и колдовстве, которые приходится выслушивать порой, такая уж пустая

болтовня. Хотя ничто так не обрастает выдумками и досужими вымыслами, как настоящее чудо. К сожалению...

Профессор рассеянно покрутил в руках рассыпчатый сухарик и вернул его в вазочку, из которой только что взял, и таки закончил начатую фразу:

— К сожалению, только Темные способны на это... Их магия несовершенна, нестабильна в обычных мирах. Но на период военных действий ее хватило бы. У нас и такое не выходит... Впрочем, у нас не выходит и многое другое, что прекрасно получается у Темных. Например, создавать временные, одноразовые, так сказать, порталы. Такие, как тот, что соединил вашу скромную квартиру со Странным Краем.

— Значит... — снова попытался определиться я,— значит, то снадобье, которое мне пришлось проглотить из этого сосудика... Это было от Темных?

— Ничуть не бывало,— покачал головой профессор.— Работа Темных — это сам портал. А то, что вам пришлось проглотить,— так это только лишь ключ к нему... Такие ключи мы и сами мастерить теперь умеем.

Я машинально нащупал в нагрудном кармане граненый предмет. Подумал, вынул его и поднес поближе к глазам собеседника.

— Ого! — оценил предъявленную ему диковинку Михаил Иванович, протягивая к ней руку.— Разрешите...

Я отдал ему сосудик, и профессор осторожно открыл его, поднес к носу и немного помахал над ним ладонью. Моих ноздрей снова коснулся терпкий запах, который так поразил меня в последние секунды пребывания в родном мире.

— Надо же... Настоящий фиал... — констатировал он, слегка приподняв левую бровь в знак удивления.— У прошедших через портал... через Пасть Червя... у них обычно отбирают их фиалы... Ведь это большой секрет — состав «Приманки».

— «Приманки»? — переспросил я.

— Да,— кивнул профессор и с недоумением посмотрел на меня, видимо поражаясь скудности моих познаний в

области межмировых связей.— Состав, который находится в фиале, называют «Приманкой Червя Мироздания». Он сам по себе — состав этот — не слишком притягателен для этого загадочного создания, но... Но после взаимодействия с ферментами и другими биологически активными веществами нашего организма «Приманка» действительно становится приманкой и приводит в действие основную часть каждого портала — заключенную в нем Пасть Червя. Странно, что вам удалось сохранить эту штуку в целости и сохранности.

— Я путешествовал в страшной спешке,— пожал я плечами.— Если это можно считать путешествием. Это лучше было бы назвать экстренной эвакуацией. Должно быть, я просто проскочил ту инстанцию, на которой должен был сдать «ключи» от портала...

— И вы не расставались с фиалом все это время? — удивленно покачал головой Михаил Иванович, завинчивая крышку сосудика и ставя его на стол.— Неужели его ни разу не пытались у вас похитить?

«А ведь и вправду пытались,— вдруг подумалось мне.— И пытался не кто-нибудь, а сын Ходока по мирам, дакла Тагара... И был принят тогда всего лишь за мелкого воришку, польстившегося на серебряную безделушку. Вот, значит, как...»

— Было нечто в этом роде,— признал я нехотя и не стал вдаваться в детали.

— «Приманка» еще потребуется вам,— уведомил меня Михаил Иванович.— И мы вас, всех троих — ведь вас трое? — обеспечим вполне полноценной дозой препарата. Мало того, в отличие от этой грубой универсальной композиции,— тут он деликатно постукал пальцем по стоящему между нами сосудику,— для вас будут изготовлены индивидуальные варианты препарата. Более эффективные и менее э-э... причиняющие гораздо меньше неприятных ощущений при воздействии. Сейчас, после нашей беседы направьте ко мне обоих ваших попутчиков. И сами не забудьте зайти... Надо сделать некоторые анализы...

* * *

Мы о многом успели переговорить с Михаилом Ивановичем. Успел профессор и заняться нашими анализами. Мы — трое готовящихся отправиться в путь на Большую Землю — успели даже соскучиться, прежде чем перед нами, коротавшими время в летнем саду замка, предстал наконец его хозяин в сопровождении двух весьма молодых людей, которых он отрекомендовал своими племянниками. Велев своим родственникам занимать и развлекать гостей, Граф предложил мне на пару с ним подняться на четвертый этаж замка для того, чтобы побеседовать там о вопросах, касающихся планов на ближайшее будущее.

— Ожидается что-то важное? — поинтересовался я, стараясь не отставать от Графа на крутой лестнице.

— Гости,— пояснил Граф.— Весьма важные и хорошо тебе знакомые.— Наверное, ты будешь им рад больше, чем я. Мне предстоит с ними беседовать и договариваться о весьма сложных вещах.

— Вы имеете в виду мэтра Герна и его учеников? — уточнил я.

— Да уж, во всяком случае, не Кровавого старца Хирама,— усмехнулся Граф и кивнул.— Разумеется, это старина Герн, твой Учитель. Догадаться об этом нетрудно. Только насчет учеников ты дал промашку. С ним идет полсотни человек. И все, как один, маги высокого градуса. Я бы сказал, что давненько Странный Край такого не видал. Пойдем на балкон, ты их скоро увидишь.

С балкона верхнего этажа графского дома-замка действительно открывался вид на окаймленную горами равнину. И по равнине этой к нам довольно бодро приближалась разношерстная кавалькада, достаточно многолюдная.

— Быстро они добрались,— заметил я.— Всю ночь, что ли, скакали?

Граф посмотрел на меня с удивлением:

— Разве мэтр не посвящал вас, маг, в секрет магических троп? Среди его спутников, без сомнения, имеется не

один Меченный Знаком Тропы. Так что если бы им надо было оказаться, скажем, в столице или у любого из порталов, это не заняло бы много времени.

Я понимающе поджал губы и подумал, что, может быть, магия и вправду существует и от нее даже действительно есть какой-то прок. И еще я подумал о том, что в переговорах Графа и мэтра моя судьба и судьбы брата, его подруги и моего приятеля Тагары не будут все-таки разменной монетой. Об этом стоило помолиться — вот только не знаю, какому богу.

Кавалькада меж тем приблизилась настолько, что если не лица людей, то сами люди стали вполне узнаваемы. Возглавлял ее, разумеется, Учитель. Слава богу, в отличие от своих спутников он не напялил на себя средневековых боевых доспехов — это выглядело бы уж слишком комичным в сочетании с его обликом полупрофессора-полубизнесмена. Мэтр был облачен в дорожный костюм и краги. Так он смахивал больше на английского аристократа на конной прогулке (по крайней мере, такой образ создал у меня кинематограф). По правую руку от мэтра поспешал на лошадке пожиже и наряженный попроще Жозеф. И мне сразу вспомнился его напарник и приятель Кунни. Душу мою кольнуло болезненное чувство вины.

Граф повелительно выкрикнул что-то в балконную дверь, и расторопный слуга тотчас появился в проеме, протягивая господину вычурную шляпу. Надевать ее Владетель Болотных долин и горных перевалов не стал, а использовал для того, чтобы взмахами этого головного убора приветствовать приближающихся гостей. Мэтр ответил ему тем же. Правда, его дорожное кепи ни в какое сравнение с графским сооружением из роскошного фетра, шелка и перьев не шло. Мне же — за отсутствием головного убора — пришлось просто и несколько вульгарно сделать Учителю ручкой.

Перед конниками распахнули ворота, и вся уйма народу проворно втянулась в мощеный двор. Где хозяину удастся расквартировать эту рать, оставалось только гадать. Впрочем, это была его проблема, и, похоже, он ею

не слишком тяготился. Подхватив меня под руку, он поспешил вниз — встречать гостей на парадном крыльце своего замка.

На крыльце этом, более похожем на гибрид веранды с крытой трибуной, собралось довольно много народу, в основном мне незнакомого. Но Ромку и его подругу я узнал сразу. Забившись в темный угол, за прибытием гостей из «родного» риккейского Убежища наблюдал Тагара.

«В конце концов,— подумал я,— если его встречи с Учителям не избежать, то пусть она состоится, так сказать, в официальной обстановке...»

А Учитель уже двигался навстречу хозяину замка — широким и уверенным шагом. Лицо его украшала вполне доброжелательная, но несколько сухая и натянутая улыбка. Граф, продолжая поддерживать меня под локоть, двинулся навстречу гостю. Посреди недлинной лестницы мы встретились.

Первый обмен приветствиями между ними произошел на каком-то из местных наречий, после чего оба перешли на более понятный мне «воляпюк», то есть на некую окрошку из основных европейских языков. Учитель выразил Графу искреннюю благодарность за счастливое освобождение своего ученика из рук «кровавой банды» Хирама. Граф ответствовал ему в том духе, что защищать пострадавших во вверенных ему Короной владениях — всего-навсего его священный долг. После чего, как бы между прочим, обратил внимание высокого гостя на то, что среди освобожденных им пленников «кровавого старца» находятся еще трое людей, которые для ученика мэтра далеко не посторонние. А именно: брат оного ученика, девица Аманеста, внесшая немалый вклад в обнаружение и уничтожение банды Сизого Хирама, и подмастерье ученика мэтра...

Я с волнением обернулся. Все трое выстроились парой ступенек выше нас, старательно поддерживаемые под локоток обоими племянниками Графа и его слугой. Оче-

видно, протокол нашей встречи был продуман Графом задолго до прибытия гостей.

Ни у кого из действующих лиц не дрогнула ни единая жилка на лице. Мэтр дружески похлопал меня по плечу и рассеянно улыбнулся троим остальным. Граф тем временем уведомил Учителя, что он уже распорядился о том, чтобы прибывший вместе с высоким гостем отряд был надлежащим образом расквартирован и накормлен. Самого же мэтра и троих из освобожденных пленников «кровавого старца» хозяин замка желает лично и немедленно проводить в трапезную, где для них уже накрыт обед. Что до подмастерьев мэтра и ученика, то для них будет накрыто на кухне.

— После чего,— благостно улыбаясь, произнес хозяин,— гость, надеюсь, не будет возражать против — мы уединимся в моем кабинете для переговоров о предстоящих действиях...

Гость, конечно, не возражал. Он только снова коснулся моего плеча, заглянул в глаза и предупредил:

— После того как наш разговор с господином графом закончится, мой ученик должен быть готов к серьезному разговору со мной... Надеюсь...

— Я охотно предоставлю для такого разговора даже мой кабинет,— заверил его хозяин.

* * *

Обед был подан, наверное, в лучших традициях здешних мест — с уймой блюд и приправ, но, по словам хозяина, без особых изысков. Ввиду полного моего незнания местной кулинарии приходилось верить ему на слово. В преддверии предстоящей важной беседы обе важные персоны не налегали на вино, а лишь пригубливали свои бокалы. Приходилось следовать их примеру и мне.

Трапеза проходила не то чтобы в молчании, но за разговором, состоявшим из отдельных, часто брошенных невпопад реплик. Что до Графа, то он постоянно возвращался к мысли, как он сожалеет о том, что не смог и в

этот раз перерезать глотку распроклятому «кровавому старцу». Похоже, что Аманеста тоже немало сожалела об этом. После всего происшедшего на милость своего «папаши» ей рассчитывать не приходилось. Моральная оценка предательства Хирама и его банды для меня оставалась загадкой. Остается таковой и сейчас. Впрочем, в разговоре она практически не участвовала. Вместе с Романом дочь атамана занималась дегустацией поданных к обеду вин. Со своим бойфрендом она обменивалась замечаниями преимущественно на этот счет.

Мэтр не говорил почти ничего, а только изредка бросал неопределенные замечания о том, что предстоящая задача непроста и справиться с ней даже объединенными усилиями будет нелегко. В основном он из-под насупленных бровей посматривал то на одного из нас, то на другого. Как только хозяин предложил «на кофе перейти в мой кабинет», мэтр незамедлительно поднялся из-за стола, промокнул губы салфеткой и отвесил нам извиняющийся поклон. Ясно было, что предложение удалиться «на кофе» не относилось к нам троим. Оставшимся в трапезной кофейник принес Тагара и был милостиво оставлен за столом «со взрослыми». Через некоторое время к нам осмелился присоединиться и Жозеф. Как я отметил для себя, они неплохо «стыковались» с Тагарой. Возможно, встретились не первый раз. Мир тесен, а риккейское Убежище — тем более.

Разговор оживился, но не стал более содержательным. Мы заключили между собой молчаливый договор: не касаться важных для нас тем. Впрочем, наличие на столе настоящего, с Большой Земли кофе кое-как оживило меня и скрасило ожидание предстоящего тет-а-тет с мэтром, тем более что кофе был сварен по всем правилам и было его много. Временами Тагара отправлялся на кухню и пополнял его запасы, а заодно и запасы сопутствующей снеди. Должно быть, он знал волшебное слово, открывавшее ему неограниченный кредит на подобные вкусности.

* * *

Дожидаться результатов переговоров пришлось довольно долго. Но расходиться из трапезной мы как-то не торопились. Слуги же Графа, судя по всему, получили строгую инструкцию не досаждать его личным гостям и словно сквозь землю провалились.

Время в этом лишенном часов мире перестало быть для меня чем-то четким и определенным. Два часа длилось совещание в верхах или четыре? Во всяком случае, темнота уже успела сгуститься за окнами, а в раскинувшемся у стен замка палаточном городке, который оперативно разбили для себя люди, прибывшие с мэтром, зажглись огни. В конце концов, уже несколько неожиданно для нас, в трапезную с решительным видом вошел хозяин замка.

Он остановился в торце стола и потер руки с таким видом, словно собирался тут же усесться за стол и отужинать. Но вместо этого он с несколько кривой улыбкой уведомил нас, что, как всегда, мэтр Герн проявил себя как человек мудрый и осмотрительный. И, как всегда, с ним оказалось возможным найти общий язык. После чего Граф уперся взглядом мне в переносицу и добавил:

— Сейчас мэтр хочет видеть вас, маг Серж... Позвольте вас называть так, хотя вы и имеете пока лишь статус ученика... Так вот, мэтр Герн ждет вас в моем кабинете для окончательного инструктажа. Вы, господин Жозеф, на всякий случай пройдите в кабинет тоже. А вам, господа,— он окинул взглядом всю остальную компанию, собравшуюся за столом,— я рекомендую сейчас отдохнуть и выспаться. Завтра у нас с вами будет довольно тяжелый день.

* * *

Кабинет Графа мог бы вместить в себя средних размеров видеосалон или небольшой ресторан. Мэтр был в кабинете один. Он кивком указал мне на тяжелый дубовый стул у стола совещаний. Жозефу жестом приказал задер-

жаться. Тот послушно притулился в ожидании каких-то новых указаний в сторонке, на одной из довольно жестких лавок вдоль стены кабинета.

Мэтр же несколько раз прошелся взад-вперед. Потом резко остановился передо мной.

— У тебя есть все основания упрекать меня и весь Светлый Орден, ученик,— глухим голосом произнес он.— Мы второй раз недооценили противника и, как говорится, подставили тебя. Ты имеешь все основания отказаться от дальнейшего сотрудничества с нами. Тебя поймут. Тем более сейчас, когда ты получил свободу не из наших рук. Я слушаю тебя.

— У тебя тоже могут быть претензии ко мне, мэтр,— пожал я плечами.— Я не уберег вашего человека подмастерья, которого ты дал мне в спутники...

Мэтр покачал головой:

— Не бери на себя чужую вину. Смерть Кунни — это результат все того же моего просчета. Я просто не учел, что имею дело с Сизым Хирамом, а не с обычным атаманом обычной банды, с которым можно договориться. Впрочем, сейчас речь не об этом. Я жду ответа на свой вопрос.

«Давайте называть вещи своими именами,— хотелось сказать мне.— Ведь если я откажусь иметь с вами дело, я тем самым отрезаю себе возможность вернуться на Большую Землю. И не только себе, но и своему брату. Ведь тогда я не выполню условий, на которых Граф Зепп разрешит воспользоваться его порталом. Да и сам портал, наверно, не откроется. А мне останется только в качестве мага-недоучки обретаться здесь, в Странном Крае, и изыскивать какой-то другой способ вернуться на родину. Это занятие вполне может растянуться на всю жизнь. Слишком дорогая, пожалуй, плата за обиду на просчеты Светлого Ордена».

Но эта тирада была просто неуместна. Оба мы хорошо знали истинное положение вещей, и мне следовало ясно понимать, что предложение мэтра расторгнуть наши от-

ношения — не более чем проявление своего рода вежливости.

— Я не собираюсь порывать с тобой, Учитель,— произнес я как можно смиреннее.— Только вот... Только вот теперь — я хотел бы, чтобы мы закрепили наш договор Словом.

— Ты перестал верить мне, ученик? — поинтересовался мэтр, окрасив свой голос интонацией горечи.

— Нет... — ответил я, стараясь не придавать голосу резкость.— Просто сейчас в игру вступили третьи лица, и... В общем, ситуация приобрела неопределенность. И я хочу расставить все точки над «i».

— Третьи лица... — задумчиво произнес мэтр, словно пробуя эти слова на вкус.— Ты имеешь в виду нашего гостеприимного хозяина?

— Его,— согласился я.— И еще подругу моего брата, Аманесту. Ей тоже не хочется оставаться здесь. Ведь ты знаешь, какую роль она сыграла в нашем освобождении. Впрочем, мы уже говорили о ней. Я думаю, ей оставаться в Странном Крае — верная смерть.

— Ну что ж,— согласился со мной Учитель.— В этой ситуации наши отношения должны быть вполне определенными. С этим спорить трудно. Тебя устроит, если я дам тебе Слово, согласно которому если Врата Темного Арсенала откроются предо мной, то ученик Сергей, его брат Роман и женщина по имени Аманеста будут без промедления отправлены на Большую Землю?

— Устроит,— ответил я, чуть подумав.— Какое Слово должен дать я тебе, Учитель?

— То, что Врата Темного Арсенала будут открыты и что ты, твой брат и женщина Аманеста будут вечно хранить молчание о самом своем пребывании в Странном Крае и о том, что они узнали здесь.

— Идет,— согласился я, подумав еще немного.

— Тогда... — сурово произнес мэтр, властно протягивая руку в сторону своего подмастерья.

Тот проворно вынул из стоявшей у его ног котомки (с которой он, по моим наблюдениям, не расставался

никогда) амулет Верности и протянул его Учителю. Тот торжественно водрузил эту невзрачную на вид штуковину на стол, и мы по очереди на надлежащем магическом наречии произнесли каждый свое Слово. Мне показалось, что амулет на долю секунды слабо вспыхнул призрачным огнем. Это обычное свойство магии, к которому я уже начал привыкать в Странном Крае: никогда не поймешь— происходит какое-то чудо (большое или маленькое) или это только кажется тебе.

— Ну вот, мы скрепили наш договор Словом,— подытожил мэтр.— Причем скрепили в присутствии свидетеля.— Он указал на своего подмастерья.— Ты должен быть уверен во мне и в себе.— Он наклонился к моему лицу и пристально посмотрел в глаза.— Но вот именно уверенности в себе я не вижу, ученик!

— Да,— ответил я, тоже глядя в глаза Учителю.— Я не уверен в себе.

Глава 12
ЗАКЛИНАНИЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЯ

Некоторое время мэтр обдумывал мой ответ. Потом заложил руки за спину и, расхаживая из угла в угол кабинета, стал бросать фразу за фразой:

— Кроме все более похожей на истину версии того, что на тебе лежит заклятие, остается одно лишь подозрение. Мне все еще продолжает казаться, что ты находишься под влиянием очень сильного самовнушения. Ты вбил в свое подсознание мысль о том, что ты не маг. Что ты — жертва какой-то ошибки и только морочишь голову себе и другим. Это главный тормоз, сдерживающий твои способности.

— Меня останавливает не только это... — возразил я.— Мне надо быть уверенным, что оружие Темных не окажется в руках тех, кто ударит этим же оружием по Большой Земле. Да и по Странному Краю тоже. Может быть, поэтому у меня и не получается многое из того, что...

— Ты не должен даже допускать мысли о неудаче! — отрезал мэтр.— Все ставки сделаны только на то, что завтра с заклятия Арсенала будет снята печать! В твоих руках сосредоточено слишком много судеб, чтобы ты мог позволить себе колебания. Ты способен открыть Врата Арсенала!

— Так в чьих же руках тогда окажется Темный Арсенал? — повторил я свой вопрос.

— Тебя это уже не должно волновать,— улыбнулся мэтр.— Так или иначе ты выполнишь свои обязательства перед всеми нами. Все хотят от тебя одного и того же. Так соверши это! А мы — обитатели этого мира и его гости — сами сумеем сделать так, чтобы древнее оружие Темных никому не причинило вреда! Главное — чтобы оно не досталось им самим!

— Учитель,— спросил я голосом, ставшим почему-то деревянным.— Я могу быть уверен, что моя родина — Большая Земля — не будет атакована оружием Темных?

— Ученик... — Мэтр положил мне руку на плечо.— Оружие Темных никогда не будет использовано кому-то во зло. Если даже случится невероятное и мы должны будем обратиться к его силе, то только для того, чтобы защитить себя и Странный Край. С тебя достаточно моего Слова?

— Достаточно, мэтр,— сказал я, не в силах избавиться от странного одеревенения, овладевшего моими голосовыми связками.— Но уверенности в том, что мне удастся снять заклятие...

Мэтр тяжело вздохнул и протянул руку за своей котомкой. Жозеф проворно подал ее.

— Мне не хотелось прибегать к самому крайнему средству,— произнес мэтр Герн.— Но теперь слишком многое оказалось поставленным на карту...

— Самым крайним средством я считал тот препарат, который ты мне предписал применить в случае, если у самых Врат окажутся недейственными все другие средства и способы...

— Есть еще более сильное средство,— глухим голосом, словно преодолевая что-то внутри себя, произнес Учитель.— Но оно... Оно сильно изменит и тебя самого, и всю твою жизнь. Очень немногие из Меченных Знаками решаются прибегнуть к нему. Но оно разрушит любое заклятие, которое наложено на тебя.

Он дал знак Жозефу, тот приблизился и положил свою котомку на стол перед Учителем.

Слушая мэтра, я начал испытывать неприятное чувство, похожее на головокружение. Что-то подобное — только не в такой навязчивой форме — я испытывал перед первым в своей жизни прыжком с парашютом.

Мэтр тем временем запустил руку в котомку и извлек оттуда увесистый кожаный то ли кисет, то ли кошелек. Кивнул Жозефу, и тот отступил на три-четыре шага. Учитель жестом приказал мне приблизиться и вынул из этого кошеля нечто сверкнувшее в лучах свечей мимолетным раскладом всех лучей спектра. Он положил это «нечто» между нами. Я присмотрелся к предложенной моему вниманию диковинке.

На темной полированной поверхности стола лежал почти прозрачный с виду, похожий на чуть искаженный в пропорциях правильный десятигранник, кристалл размером с очень крупное яблоко или с маленькую дыню. Но прозрачность его была обманчивой. Только приглядевшись к его глубине, можно было понять, что кристалл этот наполнен тьмой. Прозрачной, словно чуть подрагивающей, как вода глубокого пруда, тьмой.

Кристалл был забран в резную серебряную оправу с рукоятками, предназначенными, наверное, для того, чтобы держать его на весу или подвешивать где-то, где ему полагалось висеть.

— Осторожно! — предупредил мэтр и простер над кристаллом свою руку, не подпуская меня слишком близко к затейливой вещице.— Пока что тебе не следует брать Хранителя в руки...

— *Это* называется Хранителем? — спросил я недоуменно.

— Хранителем Предназначения,— торжественно произнес мэтр.— Тебе уже должны кое-что говорить эти слова. Ведь, надеюсь, мои уроки не прошли для тебя даром?

— Предназначение... — повторил я, стремительно вспоминая наши прошлые, такие мирные и отвлеченные, беседы в Убежище Коонра.— Ты рассказывал мне, что каждый из Меченных Знаком предназначен Судьбой для какой-то цели. Это заложено в самой структуре магии Странного Края. Но никому из Меченых не дано свое Предназначение узнать.

Мэтр покачал головой.

— Как это случается,— вздохнул он,— понятие «обычно никому» вытеснилось у тебя в сознании близким, но неравным ему понятием — «вообще никому». Это простительная оплошность. И в самом деле, знать свое Предназначение не хочет и не может любой, наугад взятый из Меченых.

— Это... Это так страшно? — спросил я.— И так трудно?

— Это довольно страшно,— кивнул головой мэтр Герн.— И тебе придется почувствовать это самому, если ты решишься применить заклинание Предназначения.

Учитель помолчал, присматриваясь к зыбкой тьме в глубине Хранителя.

— И это очень трудно,— добавил он.— Хранители очень редки. Эти кристаллы вызревают где-то в утробе Червя Мироздания. Секрет того, как добыть Хранителей, знают лишь немногие из Привратников. Выменять у этих коротышек такой кристалл — нелегкое дело. Ведь Привратники практически не нуждаются ни в чем из того, что можем предложить им мы, люди.

Невольная улыбка тронула мои губы, когда мне вспомнилась моя первая встреча с целой оравой этих потешных в общем-то коротышек.

— Еще более нелегкое дело,— продолжил мэтр,— найти кого-нибудь, кто хоть что-то смыслит в кристаллах-Хранителях. Тех, кто может уверенно отличить истинного Хранителя от подделки или просто от очень похожего

кристалла, добытого где-нибудь в горных шахтах, можно найти далеко не в каждом городе Странного Края. А таких, кто в состоянии без ошибки определить, каким Знаком должен быть мечен тот, кому тот или иной Хранитель может открыть его Предназначение в ответ на заклинание... Таких... — Мэтр усмехнулся, вспомнив, наверное, что-то позабавившее его в былые времена.— Таких в Странном Крае можно пересчитать по пальцам...

— Значит, каждый Хранитель предназначен для определенного Знака? — бестолково уточнил я свое понимание услышанного.

Моя непонятливость заставила мэтра нахмуриться.

— Разумеется,— коротко отрезал он.— И узнать свое Предназначение у каждого из Хранителей может только один из всех, Меченных нужным Знаком.

— Значит,— продолжал я упорствовать в своей недогадливости,— всем остальным нужно снова искать Хранителей, предназначенных для них? Как ты узнал, Учитель, что именно вот этот Хранитель содержит именно мое Предназначение?

— Не переоценивай мою проницательность, ученик,— усмехнулся мэтр Герн.— Просто Хранитель отвечает тому первому, кто из Меченных нужным Знаком произнесет над ним заклинание Предназначения, держа кристалл в руках. Вот так.

Учитель щелкнул незаметным замком, встроенным в оправу кристалла, и та раскрылась, словно клетка, выпускающая на свободу диковинную птицу. Мэтр бережно взял кристалл, поднял его на уровень глаз и повторил:

— Вот так!

Было видно, что кристалл необыкновенно дорог ему, и предстоящее расставание с этой реликвией окрашивало взгляд Учителя печалью. Он продолжил — голосом, в котором эта печаль читалась так же, как и в его взгляде:

— Произнесший заклинание сделается на миг единым целым с Хранителем. Кристалл сольется с Меченым и прочитает Предназначение, заложенное в том, кто несет на себе Знак Судьбы. Хранитель расскажет Меченому то,

что прочитал в его душе. И сделает Предназначение его Судьбой. И с этого мига сам Хранитель утратит свою структуру, станет всего-навсего обыкновенной стекляшкой. А Меченный Знаком уже никогда не будет принадлежать себе. Он будет — всегда и везде — только орудием своего Предназначения!

— Навсегда? — спросил я, ощущая неприятный холодок в душе.

— Навсегда! — твердо ответил мэтр.

— А после того как Меченый исполнит свое Предназначение? — продолжал я цепляться за любую соломинку, которая помогла бы мне выплыть из поднимающейся к самому моему сердцу стылой, ледяной воды Судьбы.

Мэтр ответил мне еще одной невеселой улыбкой. Еще более невеселой, чем те, длинную череду которых мне пришлось повидать за время, что я ходил в его учениках.

— Ни одно Предназначение,— без всякого выражения произнес он,— не бывает короче, чем жизнь того, кто узнал его.— Он помолчал и повторил: — Это — навсегда!

* * *

Неприятный холодок пробрал меня, и головокружение перед «прыжком» снова дало о себе знать. Похоже, что наш разговор был закончен. Я поднялся со своего места и повернулся было к выходу.

— Постой! — окликнул меня Учитель.

Он снова замкнул Хранителя в его оправе и заботливо уложил кристалл в кожаный кошель. Взвесил его на руке, словно прощаясь, и протянул кошель мне.

— Держи *Это*! — глухим голосом произнес он.— Никому не отдавай Хранителя. Даже просто подержать — хоть на время! Теперь ты должен запомнить заклинание, которое пробуждает Хранителя. Садись!

Он положил руки мне на плечи и с мягким нажимом снова усадил на стул, с которого я только что встал.

— О том, о чем мы говорили сейчас,— произнес он, глядя мне в глаза,— не должен знать никто, кроме нас

троих! Про Хранителя твоего Предназначения не должны знать даже самые близкие тебе люди. Для дальнейшего разговора мы должны остаться вдвоем. С глазу на глаз! Я должен научить тебя заклинанию Предназначения. Его не должен знать никто, кроме самых доверенных членов Светлого Ордена, и тех, для кого оно предназначено.

Жозеф, не дожидаясь особого распоряжения, понимающе кивнул мэтру и торопливо вышел, затворив за собой дверь.

— И никто из тех, кто произносил это заклинание, никогда не передавал его никому другому? — спросил я.— Уже после того, как «использовал» своего Хранителя?

Мэтр покачал головой.

— Нет,— сказал он.— И на то есть две веские причины. Одна из них заключается в том, что каждый Хранитель открывается только своим особым заклинанием. Лишь знатоки Хранителей и кое-кто из Привратников могут это заклинание «вычислить». Можно сказать, что такое заклинание — это имя Хранителя.

— Вот как... — только и вымолвил я в ответ на его вопрошающий взгляд — понял ли я его слова?

— Вторая причина: узнавший свое Предназначение тут же забывает свое заклинание. Оно будет стерто у тебя из памяти в тот миг, когда Хранитель отдаст тебе тайну и сам утратит всякую силу.

Учитель смолк и принялся медленными шагами мерить кабинет по периметру. То тут то там останавливался, делал непонятные для непосвященных движения, магические жесты и ронял короткие слова — звучные и кажущиеся бессмысленными. Иногда возникало ощущение, что он прикасается к каким-то невидимым предметам. Я следил за его манипуляциями с огромным интересом. Мэтр не так уж часто самолично творил колдовство в моем присутствии. А при посторонних тем более. Всего только считаные разы и в исключительных случаях. Сейчас случай был именно такой. Учитель окутывал кабинет Графа заклятием Глухоты. В комнате стало тихо, словно кто-то опустил на нас огромный ватный колпак. Я громко от-

кашлялся, чтобы убедиться, что не оглох на самом деле, а просто отрезан от звуков внешнего мира. Как внешний мир — от тех звуков, что должны были раздаваться в этих стенах.

Оставшись доволен достигнутым результатом, мэтр Герн постоял немного, слушая снизошедшую на нас немую тишину. Потом, резко повернувшись, он подошел ко мне вплотную и коротким жестом приказал встать. Снова положил руки мне на плечи и вот так — глядя друг другу в глаза, мы стали — он произносить, а я повторять вслед за ним заклинание. Оно вовсе не было набором бессмысленных слов. Я уже понемногу разбирался в технике построения и запоминания магических актов, принятых в Странном Крае. Понимал смысл отдельных звукосочетаний и оборотов речи. Заклинание Предназначения легло мне в душу словно клинок в ножны.

* * *

Поход к Вратам начался с рассветом следующего дня, с некоторым запозданием занявшегося над владениями Болотного Графа. Оба отряда — гвардия графской дружины и тоже, надо полагать, отборные представители воинства Светлого Ордена (всех, вместе взятых, с полсотни человек) двинулись в путь в полном мире и согласии друг с другом. Люди мэтра Герна любезно уступили небезопасную честь выступать во главе колонны Графу Зеппу и его гвардии.

Впрочем, сам мэтр, демонстрируя проявление доброй воли, восседал на фосфорически-белом, словно светящемся жеребце по правую руку от Графа, двигаясь с ним локоть к локтю в авангарде объединенного отряда. Оба предводителя нашей экспедиции, оживленно обсуждая какие-то свои, неведомые простым смертным проблемы, выглядели просто парой провинциальных аристократов из кинофильма, двинувшихся на охоту на окрестных бекасов.

Главной опасностью в пути было принято считать неожиданное нападение Темных. Поэтому в состав отряда были мобилизованы все Меченные Знаком Щита ученики мэтра и его коллег по Светлому Ордену. Оказалось, что такой Знак довольно часто встречается на Большой Земле. Соответственно и в Странный Край удавалось перебросить многих носителей Знака Щита. В отряде набралась целая дюжина Меченных им. На них и на их амулеты защиты возлагались очень большие надежды. Так же, как и на троих носителей других Знаков, которые обладали даром предчувствия. Я во всем этом не слишком-то был уверен.

Мы четверо — я, Ромка с Тагарой и Аманеста, оседлав невероятно терпеливых коней, двигались неспешной трусцой в зазоре между дружинниками и напялившими кольчуги и увешавшие себя всяким диковинного вида вооружением магами и их подмастерьями. Честно говоря, из всей нашей маленькой компании только лишь предавшая приемного папашу дочь атамана держалась в седле так, как и подобает человеку, знающему толк в верховой езде. Ромка напускал на себя уверенный вид, но мизерный стаж его пребывания в седле то и дело давал о себе знать. Для меня же лично путешествие верхом продолжало оставаться не самым легким испытанием. Я с завистью посматривал на пару уверенно месивших грязь болотистой долины графских бронетранспортеров, на которых отправились в путь «академики».

Впрочем, заболоченная часть угодий Графа Зеппа была пройдена довольно скоро. Дорога свернула в сторону недалеких предгорий, а затем уверенно начала карабкаться и собственно в горы. Перед очередным крутым поворотом оба предводителя нашей экспедиции, как оказалось, съехали на узкую обочину и там поджидали нас. Точнее, меня.

— Приготовься,— бросил Учитель.

Он пристроил своего снежно-белого коня голова к голове с моим.

— Твоя работа начинается,— с некоторой торжественностью в голосе произнес он.— Здесь, за следующим поворотом, Долина Врат.

Скакавший рядом Граф сделал повелительный жест, и колонна его дружинников подалась в сторону, пропуская вперед обоих предводителей похода и нашу тройку.

За поворотом дороги перед нами открылась небольшая безжизненная долина, которую окаймляла уходящая ввысь каменная стена. Сдвинувшиеся «плечом к плечу» скалы были отвесными и выглядели совершенно неприступной твердыней. А из толщи этой стены — в том месте, где она круто обрывалась уходящим вдаль ущельем,— выступала словно выросшая из нее башня. Точнее, продольная половина башни. Другая «задняя» ее половина утопала в камне скал. Башня тянулась вдоль скальной стены метров на триста в высоту и напоминала собой минарет, выполненный из грубых каменных блоков и нержавеющей стали. Дорога крутым витком огибала «минарет» и ныряла в залитое тьмой тени горного кряжа ущелье.

— Башня портала,— не без гордости произнес Граф.— Там, наверху, в этом расширенном отсеке — видите? Там и находится вход в самую Пасть Червя. Это моими стараниями отгрохано! До этого здесь было лишь этакое подобие ласточкина гнезда. Работа Привратников. А когда Червь заснул... Заснул после того, как Великие маги наложили заклятие на Врата Арсенала... Тогда — или вскоре после этого — Привратники разбежались. А может быть, и вовсе вымерли. Во всяком случае, их больше не встречали в этих местах. И все оставленное ими хозяйство пришло в полный упадок. Но я всегда верил, что рано или поздно портал проснется, и я потихоньку оборудовал его — на свой манер. Господа «академики» мне в этом деле крепко помогли. Проект башни, собственно говоря, их работа. Теперь,— он обернулся ко мне,— дело за вами!

Я посмотрел на Графа с недоумением.

— Осталось уточнить только одну мелочь,— напомнил ему Учитель.— Я говорю про местонахождение Врат Арсенала. Ведь они должны быть где-то здесь. Совсем рядом.

— Они перед вами,— с усмешкой отозвался Граф.— В этой стене. Прямо впритык к башне, справа от нее. Просто мы не можем видеть их.

— Ну что ж,— произнес мэтр сразу посуровевшим голосом.— Для начала попробуй сделать Врата видимыми, ученик...

— А когда они станут видимы,— усмехнулся Граф,— не будет ли проще просто зацепить эти самые Врата стальным тросом и своротить их напрочь? Техника как-никак у нас есть... — Он кивнул в сторону глухо пофыркивающих в сторонке бронетранспортеров.— Шучу, конечно,— улыбнулся он мэтру.— Я достаточно хорошо представляю, чем такие эксперименты могут закончиться.

Учитель усмехнулся ему в ответ.

— Начни с заклинания Прозрения,— сказал он мне.— Но сначала подойди вплотную к этим скалам. Попробуй прочувствовать дух этого места. И не забудь это...

Он извлек из своей седельной сумки сверток и протянул мне. Я уже знал, что завернуто в белую холстину. Развернув ее, я только бросил короткий взгляд на Ключ. Он был в точности таким же, как тот, что остался в руках у Сизого Хирама. Я, не говоря ни слова, сунул Ключ в свою котомку и отвесил мэтру благодарственный поклон.

Он широким жестом дал понять: теперь мне пора приблизиться к Вратам и начать свое дело. Я молча тронул поводья. И почти тут же ощутил рядом с собой чье-то встревоженное дыхание. Впрочем, можно было не гадать чье. Успевший соскочить с коня Ромки Тагара шел со мной рядом, держась за стремя. Я не стал ни отгонять его, ни даже оборачиваться, чтобы определить, что думает мэтр по поводу участия мальчишки в моем колдовстве. Интуитивно я чувствовал, что отец мальчишки должен быть где-то рядом, что ему и тем, кто стоят за ним, еще предстоит сказать свое слово.

* * *

Странное чувство владело мной. Я твердо знал, что меня ждет страшная, сокрушительная неудача. И в то же время этой неудачи вовсе не боялся. Словно все происходящее просто не имело ко мне никакого отношения. «Проклятые снадобья,— подумал я.— Мэтр явно сделал из меня просто заправского зомби. Если не совсем, то наполовину».

Нам пришлось двигаться довольно долго. Пространство здесь обманчиво. Оно было наполнено горным, сухим и прогретым солнечными лучами воздухом. Оно было пропитано неощутимым, но действенным ядом заклятия. Оно рождало миражи и иллюзии. Стена скал и «стальной минарет» Башни портала надвигались на нас медленно и словно бы нехотя. Но вот они нависли над нами, стали наконец чем-то реальным.

Я спешился возле входа в цокольный этаж «минарета». В нем, судя по огромной металлической двери и бетонированному съезду-аппарели, располагался довольно вместительный гараж или склад. Я нашел на этой двери подходящую скобу, привязал к ней коня и направился по обочине к скальной стене, скрывавшей Врата Темного Арсенала. Тагара, не говоря ни слова, шел рядом, держась за рукав, словно опасаясь, что я растворюсь в жарком мареве нагретого воздуха.

Дойдя до стены, я уперся в нее руками и какое-то — не помню какое — время ждал, пока ощущение этой пропитавшей древний камень Вечности не войдет в меня и не растворится во мне. Потом опустился на колени и начал произносить первое из заклинаний Врат — заклинание Прозрения.

«Вот сейчас и будет,— сказал я себе,— фейсом об тейбл!» Но по-прежнему не было во мне обычного горького чувства от ожидания очередной, привычной неудачи. И это было странно. Но не только это. На миг мне почудилось, что освещение вокруг изменилось. Словно кто-то стал позади меня и набросил на меня свою тень. Я

осторожно оглянулся. Нет, никого не было сзади. Я тряхнул головой, отгоняя неприятное чувство. Потом начал медленно поднимать взгляд на высящуюся передо мной стену. И увидел Врата.

Огромные, выкованные из тяжелого черного металла, покрытые потеками и чешуей ржавчины Врата Темного Арсенала. Не я один видел их. Отряд наш зашумел. Оба предводителя подавали мне знаки одобрения и поощрения. Мэтр помахал шляпой, Граф отсалютовал своим стволом. Потом Учитель коротким взмахом руки приказал своим людям, а Граф — почти таким же жестом — своим отступить за поворот дороги. Должно быть, ритуал произнесения заклятий предусматривал необходимость оставить меня и моего помощника в одиночестве. Я обернулся к Тагаре. Тот молча и выжидательно смотрел на меня. В его глазах не было удивления. Пожалуй, больше всего удивлен произошедшим был я сам. Так или иначе, Врата стали видимы. Но все еще оставались заперты.

Я вставил Ключ-стилет в отчетливо прорисованное в тяжелом металле Врат отверстие. Ключ действительно вошел в прорезь как по маслу. Но и только. Повернуть его ни по часовой стрелке, ни против нее было невозможно.

Теперь мне предстояло *главное.*

«Три попытки,— сказал я себе.— Сначала просто. Так, как учил меня мэтр».

Я сосредоточился, сбросил лишнее напряжение. Снова и снова приказал себе верить в то, что в этот раз получится! И медленно, вслушиваясь в каждый звук, стал произносить заклинание снятия запрета. Думаю, что сам мэтр остался бы доволен тем, как это у меня выходило. Но только на самом деле не вышло ничего. Громада Врат неподвижно высилась надо мной. Ничего не изменилось ни в самих Вратах, ни вокруг. Ключ, вставленный в скважину замка, оставался неподвижен.

Я молча сбросил с плеча котомку и достал шприц и таблетку магического снадобья. Несколько секунд смот-

рел на это хозяйство, собираясь с силами, словно перед тем как шагнуть в ледяную воду.

— Не надо... — услышал я тихий голос Тагары.— Не надо...

— Придется,— ответил я.

И сам поразился жесткости своего голоса. И главное, не понял, к кому я был так жесток: к себе или к этому непонятному мальчишке?

Слава богу, действие магического препарата не было сродни наркотическому одурению. Больше всего мне не хотелось сейчас, чтобы на меня накатило ложное чувство собственного могущества и обманчивой сверхуверенности в себе. Это в моих силах: чувствовать, когда я лгу самому себе. Пару раз эта способность спасала мне жизнь.

Нет, этого не было. Сначала мне показалось, что ни инъекция, ни проглоченный препарат вообще не оказали никакого действия. Только выждав какое-то время, присмотревшись, я понял, что изменилось само мое внимание. Какие-то детали и черточки окружавшего меня мира стали рельефнее, обрисовались с неожиданной — и чем-то неприятной — резкостью. И снова мне почудилась Призрачная тварь. Та самая, что уже однажды сказала мне что-то важное. Чего я так и не смог вспомнить. И веры в себя у меня не было. Снова не было. Как, впрочем, и всегда в Странном Крае.

Заклинание, *прочитанное как надо* — за это я мог поручиться головой, прозвучало, отзываясь гулким эхом в скалах. Раньше я не слышал этого эха. Или не замечал его. Но Врата и Ключ в их скважине оставались недвижны. И чувство неудачи снова накатывало на меня ледяной волной разочарования. Я вдруг ощутил себя древним, сгорбленным годами стариком. Но впереди была еще третья попытка. Последняя.

Мы с Тагарой посмотрели в глаза друг другу. Пожалуй, на прощание. Я вытащил из котомки свой последний аргумент — кожаный кошель с заключенным в нем Хранителем и принялся распутывать кожаный ремень, стягивавший его горловину. Тагара искоса посматривал на

меня и не понял ни слова. Я достал Хранителя и положил этот кристаллический сгусток тьмы перед собой.

— Ты снова скажешь «не надо?» — спросил я мальчишку.

Тот молчал. Я бросил на него косой взгляд и увидел, что он замер. Застыл, уставившись на Хранителя. Впервые я увидел в его чертах нечто такое, что мешало воспринимать его как ребенка. Словно из глаз своенравного и хулиганистого мальчишки выглянул кто-то мудрый и древний. Такой, каким этот мальчишка станет в старости. Или не станет никогда.

— Мне надо остаться одному,— голосом, который сразу стал глухим и невыразительным, сказал я.— Прости меня, Тагара, но никто не должен слышать того заклинания, которое произнесу сейчас я.

Мальчишка дернул головой — в знак не то чтобы согласия, а скорее понимания — и поднялся с камней. Отошел к дверям «минарета» и принялся о чем-то разговаривать с моим конем. Они, похоже, хорошо понимали друг друга.

Я отпер замок оправы Хранителя и взял кристалл в руки. Странное тепло разлилось в моей душе. Казалось, что я всю жизнь только и ожидал прихода этой волны тепла. Я поднял кристалл на уровень глаз и начал произносить заклинание. Странно, но чувство, что я делаю что-то неправильно, упорно не покидало меня. Что-то было не так с магией, которая владела мной. И которой пытался овладеть я. Вообще все было не в порядке вокруг. Не так лежали тени. Не так падал свет. Время изменило свой ход. И Призрачная тварь кивнула мне из расщелины.

— Не ты... — торопливо прошептала она.— Не твой черед...

Я потряс головой, стараясь отогнать видение.

— Твой Знак нашел тебя... — продолжала нашептывать она.— Но он еще не пророс в тебе... Ты еще не пропитался магией... Ты очень поздно встретил свой Знак. Ждать... Тебе надо ждать... Этот Хранитель не для тебя. Пусть другой узнает свое Предназначение. Другой... Дру-

гой Меченый. Отдай тому, кто готов. Не ты... Не твой черед...

Я снова постарался стряхнуть с себя наваждение. И оно действительно отступило. Только в голове еще несколько мгновений затихало, словно звяканье камушка в пустой жестянке: «Отдай тому, кто готов... Кто готов... Кто готов...» Я сделал над собой еще одно усилие, и чувство реальности наконец окончательно вернулось ко мне.

Без всякой надежды на успех я еще раз произнес заклинание Врат и попробовал повернуть Ключ в замке. Нет, мое заклинание Предназначения не сделало меня магом, и Врата высились передо мной прежней неприступной громадой. И к тому же оно, это заклинание, и не думало стираться из моей памяти. А значит, скорее всего, не сработало вообще.

— Да... — сказал я тихо.— Этот Хранитель не для меня...

— Так ты догадался? — произнес мальчишеский голос у меня за спиной.

* * *

— Я и не заметил, как ты подошел... — растерянно сказал я.

— Я не подслушивал,— покачал головой Тагара.— Просто мне... Просто мне стало страшно за тебя... Когда с магией что-то делают не так... С тобой могло произойти плохое... Но ты все-таки догадался...

Я присмотрелся к глазам мальчишки.

— Знаешь, Тагара,— произнес я как можно более убедительно.— Ты думаешь обо мне лучше, чем я того заслуживаю. Я пока что не понимаю ничего. Если о чем и догадываюсь, так только о том, что мага из меня упорно не получается. Значит, Учителю Герну и вообще всем, кто хочет отпереть Арсенал, надо ждать, пока охотники за Меченными Знаками Судьбы раздобудут для них еще

одного мага — с настоящим Знаком Лукавого, а не с татуировкой, как у меня.

Тагара снова покачал головой:

— Такой маг уже есть — здесь, в Странном Крае. Я-то думал, что ты уже понял...

— Понял что?

— Что это — я! — шепотом выпалил мальчишка.

Но шепот его больше похож был на крик.

— Я родился с таким Знаком! — продолжал торопливо шептать он.— Вот тут... Прямо под рукой.— Он задрал рубашку, и крошечный лик Лукавого глянул на меня со смуглой кожи Тагары.

Меня словно огрели по башке пыльным мешком. Я просто онемел. Мальчишка опустил подол своей рубахи и пояснил:

— Он у меня самый настоящий. Только он почти все время был закрашен. Соком семи трав. Никто про него не знает. Только отец и я.

— Даже братья не знали? — бестолково спросил я.

— Нет у меня никаких братьев,— махнул он рукой.— Все, что я тогда в лесу вам рассказывал, просто выдумки. Вранье.

— Но... — протянул я с недоумением.— Но Меченные Знаком в Странном Крае не рождаются! Не выживают, точнее говоря... Их вербуют на Большой Земле! А ты же...

— А я и родился на Большой Земле,— спокойно объяснил Тагара.— Отец уже потом увел меня сюда. Но сочинил, что мы просто переехали из других мест. А я ведь там, в России, вырос и даже в школу ходил немного. Я думал...

— Ты думал,— вздохнул я,— что и об этом мне можно было бы догадаться самому... Хотя бы потому, что русский — это практически твой родной язык. Так твои родители не хотели, чтобы ты стал магом? Или...

— Отец этого как раз хотел,— возразил Тагара.— Только ему нужен был не такой маг, которых готовят Учителя Светлого Ордена. Ему нужен был свой, родной маг. Ко-

торый бы только ему подчинялся. И никому больше... Меня в Тайной школе учат... Я уже много чего умею.

— И все, что у меня получалось по части магии, это на самом деле твоя работа? — догадался наконец я.

На меня словно снизошло озарение. Ведь если что и выходило у меня с колдовским искусством, то только тогда, когда у меня под рукой был Тагара. Тот кивком подтвердил правильность моей догадки.

— И эту огнедышащую тварь ты завалил? И Лабиринт в клочья разнес? И по воде ходить мне помогал?

— И даже свечки тебе зажигал... — уточнил Тагара перечень сотворенных «мною» чудес.

— А зачем? Зачем это было надо? — недоуменно воззрился я на него.— Смысл-то в чем?

— Смысл в том,— нехотя пояснил Тагара, ковыряя каменистый грунт носком своей обувки,— что рано или поздно тебя отправили бы снимать заклятие с Темного Арсенала. А для этого надо было, чтобы тебя все-таки считали магом.

— Стоп! — резко сказал я.— Или я чего-то в теории вероятности не понимаю, или мы с тобой совсем не случайно встретились... Нас ведь, похоже, двое только на весь Странный Край. Да и то мой Знак, кажется, не в счет...

— Да! — кивнул он.— Конечно, не случайно. Меня к тебе... Ну, в общем подкинули, чтобы я за тобой присматривал... Ну и чтобы подстраховывал, когда надо.

— Отец подкинул? — спросил я.— Или кто?

— Отца в то время в Странном Крае не было,— вздохнул мальчишка.— С ним вообще очень трудно встретиться. Но были люди, с которыми он работает... Они и подкинули.

— Получается, что у них там служба информации очень хорошо поставлена,— заключил я.— Не успел я в здешних местах объявиться, как мне уже подбрасывают товарища по Знаку...

— Так ведь все порталы под контролем,— пожал плечами Тагара.— И у Светлых, и у Темных. И у тех, с кем

отец работает... И когда сюда с Большой Земли забрасывают очередного Меченного Знаком, то о нем и о его Знаке сразу узнают все, кто такими вещами интересуется.

Мне показалось, что в голосе мальчишки не прозвучало особо теплых чувств к тем, с кем его отец работает.

— Ну и что мы делаем теперь? — хмуро спросил я.— Попробуешь распечатать Арсенал?

Тагара бросил на меня невеселый взгляд исподлобья:

— Я должен... — Он запнулся.— Сначала я должен сам решить... Я не знаю, что тогда может случиться. Тогда, когда все захотят получить старое оружие Темных.

— Что тебе нужно, чтобы принять решение? — спросил я.

— Вот это,— ответил он и протянул руку к Хранителю, которого я машинально продолжал сжимать в руках.— Это и заклинание Предназначения.

* * *

— Ты в самом деле хочешь узнать свое Предназначение? — спросил я.— Мне уже успели объяснить, что это— штука очень серьезная... Это изменит всю твою Судьбу... Хотя ты, наверное, больше меня знаешь о таких вещах.

— Почти все маги,— все так же грустно ответил Тагара,— так и не решаются на это. Просто живут, зарабатывая себе на жизнь своими способностями... Но открыть Врата Арсенала — это не просто заработок. Пусть даже очень большой. Это — главный поступок в Судьбе. Я не хочу, чтобы обо мне потом говорили, что я — просто глупый мальчишка, который выпустил дьвола из-за Врат и погубил людей.

— Мне тоже не хочется, чтобы обо мне говорили что-то похожее,— сказал я и положил Хранителя перед Тагарой.— Меня предупредили, чтобы я никому не передавал заклинание Предназначения, но... Но раз это не мое Предназначение, то я отдаю заклинание тебе.

Я положил руки ему на плечи — так же, как это делал Учитель, доверяя мне имя Хранителя. Глядя мальчишке в глаза, признес-пропел нужные звуки и спросил:

— Повторить?

Тагара отрицательно мотнул головой и поднял темный кристалл с земли. Бережно освободил его от оправы и поднял на уровень глаз. Я машинально отступил в сторону, словно боясь спугнуть хрупкую бабочку колдовства, готовую вот-вот распустить свои невидимые крылья. Лицо мальчишки застыло, и, казалось, на нем остались только его ставшие вдруг глубокими и громадными глаза. Он пропел заклинание голосом, в котором неожиданно зазвучала еле слышная хрипота. На долю мгновения мне показалось, что голос его дрогнет и сорвется. Но Хранитель узнал свое имя и начал отдавать тайну произнесшему его.

Тьма стала уходить из кристалла, словно руки Тагары впитывали ее. Еле заметные светящиеся змейки холодных разрядов поползли по этим рукам, лицу мальчишки, по его одежде. На миг свили тускло светящийся венец вокруг его головы. И погасли. Мальчишка бережно положил ставшего теперь совершенно прозрачным и мертвым Хранителя на землю и застыл перед ним, опустившись на колени и уткнувшись лицом в камни. Я наклонился над ним, не зная, чего ожидать сейчас.

Но жизнь уже возвращалась к Тагаре. Он осторожно пошевелился, выпрямился и поднялся на ноги. Встретился со мной глазами и улыбнулся.

— Ничего страшного,— произнес он голосом, все еще сохранявшим отзвуки нервной хрипоты.— Не волнуйся. Все будет хорошо. Ты выполнишь условия магов и «академиков». И уйдешь в свой мир вместе с братом и его подругой.

— А ты? — спросил я.— Ты остаешься здесь? Будешь выполнять свое Предназначение? Или... Не рассказывай, какое оно. Я знаю — это твоя тайна...

— Не беспокойся за меня,— все так же с улыбкой перебил меня маленький маг, узнавший теперь свое Пред-

назначение и свою Судьбу.— Конечно, мне и не надо рассказывать кому-то все то, что я узнал о себе. Главное — будь уверен: я открою Врата Арсенала, я подарю вам троим возвращение и... — Тут он улыбнулся, словно акцентируя мое внимание на том, что он произнесет сейчас и в шутку и всерьез одновременно.— И я спасу три мира...

* * *

Заклинание Врат надиктовывать Тагаре мне не потребовалось. Он уже знал его — от тех людей, на которых работал его отец. Он подошел к Вратам, уперся в них руками и тихо, почти шепотом, произнес необходимые слова. И Врата ответили ему тяжелым металлическим стоном. Тагара подождал, пока этот звук смолкнет. Потом сделал шаг назад и кивнул мне на вставленный в замочную скважину Ключ. Он все-таки оставил за мной право — пусть хоть символически — отпереть Врата Темного Арсенала.

— Только не входи первым,— тихо сказал он мне.— И вообще, не торопись входить в Арсенал. Демон Врат может плохо пошутить над первыми вошедшими.

— Да и кроме магии есть много разных штучек, которые могут порядком испортить жизнь особенно торопливым гостям Арсенала,— согласился я.— Обыкновенные мины, например. Этими вещами в нашем отряде есть кому заняться на профессиональном уровне.

Я взялся за рукоять Ключа, и тот повернулся в замке как по маслу. Для того чтобы отворить тяжеленные гигантские створки Врат, не пришлось прикладывать ни малейших усилий. Невидимый механизм привел их в движение сразу после поворота Ключа. Мы с Тагарой не сговариваясь подались в сторону и, пятясь, стали уступать дорогу медленно, с гулким грохотом наезжающей на нас металлической плите.

В следующий момент произошла одновременно целая уйма событий. Из-за поворота снова появился наш отряд и стремительно двинулся к отворившимся Вратам. Но в

тот же момент я — шестым, наверное, чувством — ощутил, что сейчас произойдет что-то непоправимое.

Прежде чем мои извилины успели профильтровать текущие донесения органов чувств и «по форме» доложить «наверх», коре больших полушарий, о том, что на нас надвигается опасность, я с удивлением услышал собственный голос, которым командовал Тагаре: «Ложись!» И, уже успев вжаться всем телом в складки камня, выстилающего ложе высохшего ручья, стекавшего со скальной кручи, я смог вполглаза оценить происходящее на пространстве между стеной скалы, из которой вырастали Врата и «минарет» портала, и идущей по краю пропасти дорогой.

Отряд нашей экспедиции первым отреагировал на возникшую опасность и притормозил свой резвый аллюр, перестраиваясь на ходу в какое-то подобие боевого порядка. Вспыхнули и повисли над головами всадников призрачные огни — это Меченные Знаком Щита магизащитники взялись за дело. И тут же с резвостью тараканов, застигнутых врасплох, навстречу конникам покатились шесть совершенно невероятных машин! Никогда я не видел столь странного гибрида: гоночного автомобиля и легкого танка. Только гибрида, скроенного явно не по земным принципам и чертежам, сочетающего к тому же скорость и маневренность первого с проходимостью второго. Внешне этот гибрид напоминал какого-то стремительного динозавра, выполненного из почерневшей где-то в адском пламени металлокерамики. Я не сразу даже сообразил, откуда вырвались эти техномонстры. А когда сообразил, на какое-то время перестал понимать вообще что-либо.

Наш отряд был атакован из Башни портала. Еще недавно казавшийся запертым наглухо выезд из цокольного гаража-ангара был теперь распахнут настежь, и из него торопливо выскакивала вторая полудюжина смертоносных машин.

— Техника Темных,— скрипнул зубами Тагара, укрывшийся за камнями метрах в четырех от меня.— Киберзавры!

Ну что ж. Значит, киберзавры. Оказывается, я был недалек от принятой здесь терминологии, окрестив проклятых механических тварей техномонстрами. Я вспомнил и «Апокриф Буркхардта», и предупреждения мэтра... Вот, оказывается, какое оно: то, что им — Темным — удалось как-то «оживить» из их боевой техники, «застрявшей» в Странном Крае. То, что не осталось запертым в Арсенале. И как только Граф и его люди умудрились проморгать засаду, которую Темные устроили в ими же — Зеппом и его людьми — построенном «минарете»?!

События меж тем развивались молниеносно. Киберзавры открыли огонь. По всей видимости, это и была работа тех самых плазменных огнеметов, о которых говорили все, кто поминал Темный Арсенал в разговорах со мной. С дьявольским свистом и шипением, словно прямо из воздуха, перед закопченными рылами механических чудищ рождались и устремлялись к цели сгустки немыслимо яркого белого пламени. Относительно цели сомневаться не приходилось — техника Темных била по нашему отряду.

Ни в меня, ни в Тагару пока не стреляли. Мелкая сошка сделала свое дело — отворила Врата и была теперь вне игры. По крайней мере пока что.

Я чуть было не ослеп от первой вспышки белого пламени и уже не поднимал голову, чтобы лицезреть последующие. Тем более что не увидел бы ровным счетом ничего в огненном калейдоскопе, который плыл у меня перед глазами. К шипению, свисту и клекоту плазменных минометов добавился и вполне узнаваемый мною звук. С какого-то из высоко расположенных этажей Башни били не менее двух крупнокалиберных пулеметов. Судя по другим признакам «звукового сопровождения», наш отряд не оставался в долгу и отвечал на огонь огнем. Палили, как можно было представить, из довольно разношерстного оружия — от реактивных минометов до «ка-

лашникова» и М-16. Мне трудно определить, сколько времени занял этот бой. Все бои, в которых мне пришлось участвовать — хотя бы вот так, как в этот раз в виде просто лишней, никому особо не интересной мишени,— казались мне длившимися целую вечность каждый. Я успел подумать, что при такой плотности огня, к тому же сосредоточенного на такой небольшой площади, не схватить случайную пулю или осколок будет просто необыкновенным везением и для меня самого, и для Тагары.

И тут стрельба прекратилась. Стихла в одно мгновение. Над площадкой, простиравшейся перед разверстыми Вратами, повисла тишина и парфюмерный парадокс войны — смешанный запах пороховой гари и озона. Я приподнял голову и, стараясь не высовываться из своего хлипкого убежища, попробовал оценить обстановку. То, что я увидел, приятно удивило меня. Поражало то, что наш отряд, который расстреливали в упор из оружия невероятной мощи, был относительно цел и невредим. Магия защитных амулетов все-таки была невероятно действенна. Не был сожжен даже ни один из бронетранспортеров. В поле моего зрения находились только четверо или пятеро убитых дружинников Графа. Примерно столько же было и полегших в бою Темных. Смотря как оценивать — сообразно числу тел, оставшихся на поле брани, или по числу разбросанных конечностей и фрагментов тел. Видно, техника Темных была не так уж неуязвима: три киберзавра догорали неподалеку.

Оставшиеся в живых маги и дружинники снова убрались за скалы, и только мэтр Герн и Граф Зепп восседали на конях на краю дороги, прямо над пропастью. Граф поднял над головой свой клинок, преображенный с помощью носового платка во флаг переговоров.

Я бросил взгляд в противоположную сторону. Неполный десяток киберзавров оттянулся к «минарету» и выстроился перед ним неровным полукружием. А основные, наверное, силы Темных — примерно неполная сотня черных конников — держались за этим барьером. Зыбкое облако от горящих защитных амулетов маревом дрожало

и над ними. Стало быть, и среди их воинства были выходцы с Большой Земли, принявшие сторону Темных. Сам «минарет» кое-чем поплатился за то, что дал приют засаде противника. Из пары окон — на середине его высоты — густо валил и исходил в безоблачные небеса ядовито-черный дым. Стены его украсили следы разрывов гранат.

Это, впрочем, было не главное из того, что происходило. Из разверстой пасти ангара медленно выдвигалась угрюмо-черная туша танка. Точнее, туша того, что можно было бы назвать танком. А может быть, и как-то иначе. Только это был танк без гусениц. Он просто плыл над землей на очень небольшой высоте — сантиметров сорок. Мысль о воздушной подушке отпадала — из-под днища бронированной посудины не поднимались клубы песка и пыли. И двигалось это чудо почти бесшумно. Только низкий — на грани инфразвука — гул исходил от скользящего над землей танка. Вообще-то он напоминал больше то ли скалу, пришедшую в медленное, но неуклонное движение, то ли гигантский и слегка пригоревший пирог, испеченный на адской кухне. Но было и нечто роднившее этого монстра с привычной техникой земного образца. «Танк» наделен был башней, отдаленно похожей на такое же сооружение, украшающее корпус Т-34 или «шерманов». Из люка башни в небо торчал какой-то штырь — может быть, антенна, увенчанная тоже импровизированным флагом — символом готовности к переговорам. Видно, нашла коса на камень. Магия и техника Темных против магии и техники Светлых. Придется господам хозяевам Странного Края поторговаться — здесь, у Врат Арсенала.

Ощущение некоторого удовлетворения тем, что мы оба — я и Тагара — пока что уцелели, было у меня изрядно подпорчено мыслью, что нас даже не предупредили о возможных засадах и ловушках, которые ждали у Врат. А ведь судя по всему, и мэтр и Граф были готовы к тому, чтобы напороться на такого рода приключения. Но мы двое нужны им были только в качестве ключа к этим Вратам.

Хотя, возможно, это была несправедливая мысль. Ясно, что готовым надо было быть ко всему. И ясно, что именно «ключ» к Вратам не заинтересована была потерять раньше времени ни одна из сошедшихся в схватке сторон.

Танк остановился, и из его люка появился очень знакомый мне человек. На землю спрыгнул старик Хирам. Следом за ним — тут уж нечему было удивляться — появился верный своему боссу Джош. Потом, порядком перепугав меня, из люка выбрались двое Темных. Я, конечно, мог ошибиться — танк находился больше чем в сотне метров от меня,— но, скорее всего, одним из этих двоих был мой старый знакомец с лесной дороги. Собственно, нашей встречи с этой компанией можно было ожидать рано или поздно.

— Они обманут! — сквозь зубы произнес Тагара за моей спиной.— Это просто какая-то хитрость! Сейчас что-нибудь произойдет!

Хирам воздел над головой стержень с флагом и двинулся навстречу парламентерам Светлых. Джош присоединился к нему, отставая лишь на несколько шагов. Их спутники из Темных остались рядом с танком. Мэтр и Граф, спешившись, зашагали навстречу старому бандиту.

Но встретиться им не пришлось. Тагара угадал: что-то произошло. Но совсем не то, что предполагали мы.

* * *

Звук реактивного двигателя обрушился на нас как гром небесный. А затем ударила молния. Точнее, ее рукотворное подобие — реактивный снаряд. И ударил он в танк. А вслед первому ложились на цель новые и новые ракеты. От грохота я тут же почти оглох и не смог услышать нового звука — рева танковых движков. Нормальных танков, не пришедших из чужих параллельных миров. Поэтому выкатившие из-за скрытого за «минаретом» поворота одна за другой пятерка боевых машин были для меня еще одним сюрпризом в ходе возобновившегося боя. Привет с далекой родины. Только вот от кого?

Приподнимая голову, я смог увидеть только, что в этот раз Темным приходится худо. От «минарета» танки теснили их прямо к Вратам Арсенала. Призрачное пламя защитной магии над черными всадниками было явно слабее, чем в начале битвы. Киберзавры практически были сметены атакой с воздуха. Танк Темных с виду не слишком пострадал от ракетного удара, однако уже не парил над землей — был неподвижен. О судьбе его экипажа можно было только догадываться. Впрочем, двое парламентеров, целые и невредимые, ретировались в сторону основного отряда Темных. Лидировал, несмотря на преклонные годы, господин Хирам. Вероятно, от дружинников Графа и «команды» магов они не ждали ничего хорошего. Как показало все, что произошло дальше, выбор он сделал не самый лучший.

— Кто это? — спросил я скорее себя самого, а не Тагару.

Но все-таки обернулся на него. И по его взгляду понял все. Может, даже немного раньше, чем наши глаза встретились. «Военщики» все карты Странного Края покрыли своим козырным тузом. И, похоже, сорвали банк.

Развязка наступила через считаные минуты. Черные всадники отступили к Вратам и замерли перед их Пастью, словно наткнувшись на невидимую стену. А перед сбившимися в кучу Темными, между ними и наползающими танками оказались зажаты Хирам и его преданный порученец. Руки обоих были воздеты к небесам. Но наступавшие не желали принимать их капитуляцию. Хотя та и была — ясно как божий день — полной и безоговорочной.

Но это не было и расстрелом. Очереди из спаренных пулеметов поднимали столбы пыли под самыми ногами отступающих. А пламя защитной магии уже почти погасло над черными всадниками. Но их преследователи вовсе не хотели просто перестрелять противников. Нет, они методично загоняли их в чрево Арсенала.

«Еще немного — и мы окажемся прямо на линии огня,— подумал я.— Да еще и под копытами коней этой банды».

Но все закончилось гораздо быстрее, чем я ожидал. Трепещущая, еле заметная аура магического пламени над сбившимися уже где-то метрах в двадцати от нас всадниками начала стремительно меняться. Стала уже не еле видимым пламенем, а скорее призрачным, исходящим к небесам дымом. И дым этот словно густел на глазах, наливался оттенками тьмы. И... И растворял в себе тех, кто был им окутан. Фигуры всадников и обоих пеших их сообщников стали терять четкость очертаний, вытягиваться, превращаться в темные струи копоти, поднимающейся к небу. Через несколько секунд они исчезли. Исчез и призрачный дым. Он растаял, словно его и не было. Там, где только что топталась уйма вооруженных всадников, был только пепел. И в пепле этом кое-где поблескивал металл — остатки причудливых стволов и мечей. Исчезли и сами Темные, и затесавшиеся между ними Хирам и Джош.

Звенящая тишина опустилась на нас.

— Все! Демон Врат принял жертву,— тихо сказал Тагара.

* * *

Тагара поднялся на ноги и побрел навстречу спрыгивающим с брони людям. На разверстые Врата он даже не обернулся. Похоже, ему действительно безразлично — что там, за ними. Я же некоторое время смотрел в притягивающий меня черный провал. Но там была только темнота. Темнота, в которой лишь смутно маячили какие-то силуэты, порожденные то ли тенями неведомых металлических громад, то ли моим собственным воображением.

Я поднял с земли мертвого Хранителя, повернулся к Вратам спиной и пошел следом за Тагарой.

Я уже знал двоих из тех, кто двигался нам навстречу. Впереди шел и счастливо улыбался мальчишке его отец Григорий — Ходок между мирами. Немного позади, слов-

но соблюдая некую уставную дистанцию, шагал мой старый знакомый — бритоголовый полковник Горелов.

Последние метры до сына Ходок бежал. Обнял его, внимательно посмотрел — глаза в глаза. Выпрямился и кивнул полковнику.

— Это и есть мой сын.

— Вот как? — отозвался тот.— Геройский парень... Натерпелся страху? А ведь я где-то видел вашего парнишку...

Тагара не стал подсказывать ему ответ. Да полковник и не собирался развивать эту тему. Он повернулся ко мне:

— Поздравляю вас, маг. Вы подарили Родине такое оружие, что...

— Полковник,— остановил его Ходок.— Должен напомнить вам наш уговор. Судьба Арсенала будет решена только путем переговоров между победителями. И не думайте, что эти двое господ будут особенно сговорчивыми...

Он кивнул в сторону приближающихся к нам предводителей нашей экспедиции. Те спешились и весьма сухо поздоровались и с Ходоком, и с полковником.

— Странный Край не забудет вашей роли в достигнутой победе, господа,— торжественно произнес мэтр Герн, обращаясь как-то ко всем сразу.— Нам предстоит главное: мудро воспользоваться плодами этой победы. Это слишком ответственное дело, чтобы медлить с ним хоть час. Предлагаю немедленно выставить совместный караул у Врат и в Башне портала. После проверки помещения начать в Башне наши переговоры.

— Таким было и наше первоначальное соглашение,— пожал плечами полковник.— Высылайте, господа, свои контингенты к обоим объектам. Мои люди уже на местах.

— Мы не заставим вас долго ждать,— заверил его Учитель и повернулся ко мне.— Ты выполнил свое обещание, ученик.

Он протянул руку и взял у меня мертвого Хранителя. Мне показалось, что в голосе его прозвучала хорошо скрытая насмешка.

— Теперь наша очередь выполнить свою часть обязательств. Если ты, конечно, не передумал покидать нас.

Взгляд его стал цепким и проницательным.

— Нет, не передумал,— ответил я, понимая: тем самым признаюсь в том, что так и не узнал своего Предназначения.

Свое Предназначение узнал другой. И не надо было быть Учителем и мэтром для того, чтобы догадаться кто.

— Ну что же,— развел руками Гери.— Ты отправишься в путь, как только господа «академики» убедятся, что портал ожил. Я думаю, что любезный Граф предоставит вам с братом и его подругой достойный ночлег. Утром я зайду попрощаться. Мы о многом говорили с тобой за время твоей учебы. Но осталось еще кое-что, о чем нам стоит поговорить. Да и с твоим юным помощником,— тут он кивнул на Тагару, безучастно сидевшего на камне в сторонке,— мне не помешает перекинуться парой слов.

— Только не сегодня,— категорически отрезал Ходок.

Он был бледен и смотрел расширенными глазами не на мэтра, а на что-то другое... На мертвого Хранителя в его руках. Кажется, он понял, что сделал с собой его сын. Но старался не выдать себя.

— Вы, думаю, догадываетесь, мэтр, что у него пока еще нервы не пришли в норму после... После такого побоища.

— Действительно,— согласился мэтр.— Ему надо успокоиться и привести в порядок свои мысли. У него сейчас в голове взрывчатая смесь. Но и медлить с разговором не стоит. Если он травмирован происшедшим, эта травма может зафиксироваться...

Ходок подошел к сыну и нагнулся над ним. Я расслышал их короткий, тихий разговор.

— Тебе не по себе, сын? — спросил Григорий.— Не знобит?

Тагара смотрел куда-то мимо него.

— Все получилось не так, как ты говорил... — ответил он совсем не на тот вопрос, что задал ему отец, каким-то

чужим голосом.— Вы... Вы и я сделали что-то совсем не то... Неправильно сделали...

* * *

Солнце в этот раз закатилось быстро. Долина Врат погрузилась в темноту торопливо, словно сцена, на которой закончили давать представление. Любезный Граф и в самом деле не забыл позаботиться о том, чтобы мы получили на ближайшие несколько часов крышу над головой. В отличие от большей части собравшихся у Врат Арсенала победителей нам не пришлось ночевать в палатках. Два нижних этажа башни занимали кельи «академиков», наезжавших в Долину Врат поработать с порталом. Теперь среди них нашлось две свободных — одна для нас с братом и другая для «мисс Аманесты». Выспаться нам, впрочем, не удалось. Собравшись втроем, мы вели довольно бессвязный, переходящий с одного на другое разговор. Я так и не решил для себя — стоит ли мне признаваться в том, что я оказался фальшивым магом. Магом-приманкой.

Меня угнетало осознание того, что я в конечном счете оказался всего лишь винтиком в механизме сложной головоломки. Пешкой в игре, призом в которой был Темный Арсенал. Может быть, мэтр с самого начала знал, кто такой Тагара. И уж точно это знал его отец. Правда, был ли он его настоящим отцом, если хладнокровно бросил в такой жестокий переплет? Или он ему такой же отец, как Аманесте Сизый Хирам? Я искоса поглядывал на подругу Романа. Вид у нее был подавленный и нервозный. «Дурацкая игра, в которой отец пожертвовал сыном, а дочь — отцом!» — сказал я себе.

А в общем-то наш разговор мотыльком, прилетевшим на свет ночника, вился вокруг того, что будет после того, как хозяева Странного Края поделят Арсенал между собой.

Мы с Ромкой считали, что самых опасных фокусов можно ждать от «военщиков», поскольку были достаточно хорошо наслышаны об этих выходцах из наших с ним

родных краев и знали, что те почти не скрывают планов реставрации в этих краях то ли сталинского режима, то ли еще какого-то варианта тоталитарного строя. Что до «академиков», то хрен мог оказаться ничуть не слаще редьки. Разговоры о сугубо продуманном, регулируемом прогрессе науки и техники Земли за счет внедрения достижений Темного Мира могли свестись просто к торговле этими достижениями по принципу кто больше заплатит. А это было чревато и вспышкой гонки вооружений, и пожаром мирового терроризма. Аманеста тоже кое-что знала об этих двух группах наших земляков и, в общем, разделяла нашу точку зрения. Что до Ордена Светлых Сил, то тут наши мнения тоже сходились на том, что совершенно нельзя предвидеть, какая моча ударит в голову руководству здешних магов. Во всяком случае, вряд ли они так стремились завладеть Арсеналом, чтобы потом вывезти его содержимое в чисто поле и там разобрать на части.

Вот такими серьезными ребятами мы сделались и о таких вот материях устало трепались между собой. Наше ночное бдение прервало осторожное поскребывание в дверь.

Я не сразу расслышал этот звук — ночная Башня была полна всяких звуков. «Академики», не теряя времени, проверяли состояние портала и готовили его к работе. Но, когда Аманеста осторожным кивком указала на источник подозрительного звука, я его наконец уловил, поднялся с койки, на которой сидел по-турецки, и, стараясь не шуметь, приблизился к двери. Осторожно приоткрыл ее и вздохнул с облегчением:

— Привет, Тагара!

* * *

За дверью, впрочем, стоял не один мой приятель. За его спиной переминался с ноги на ногу дородный мужчина лет сорока, основными приметами которого были рабочий халат, накинутый поверх обычного для российского служащего костюма в полоску, и шевелюра совершенно со-

ломенного цвета. А еще — в сторонке — словно на стреме притулился к стене подмастерье мэтра Герна Жозеф.

Я посторонился, и оба парнишки — быстро, словно перепуганные мыши — проскочили в тесную комнатенку. Обладатель соломенной шевелюры со вздохом еще раз-другой переступил с ноги на ногу и все-таки решил, что маячить ему в коридоре не след, и втиснулся в мою каморку, не превышающую размерами железнодорожное купе.

— Господин Серж! — торопливо заговорил Жозеф.— Господин профессор Михаил считает, что отправляться вам всем троим надо немедленно. Не дожидаясь утра. Если точнее, то не дожидаясь, пока с Белого острова вернется мэтр Герн... Вот,— тут Жозеф чуть было не ткнул пальцем в живот своего дородного спутника,— он... профессор, в смысле, за вами прислал человека... Ассистента.

То, что мэтр успел убыть на Белый остров, в главную ставку Ордена Светлых Сил, было для меня сюрпризом. Я подумал, что он сейчас ожесточенно торгуется с остальными победителями о том, как поделить контроль над зловещими богатствами Темного Арсенала. Но нас, готовящихся к встрече с Большой Землей, не спешили ставить в известность о ходе этих торгов.

— А они уже закончили свои переговоры? — удивился я на всякий случай.— И почему такая спешка? Что-то не так с порталом? Будет очень невежливо с моей стороны— не попрощаться с Учителем.

— Да не кончились еще эти переговоры! — махнул рукой Жозеф.— Наоборот, у них там такая свара... Может, они и вообще никогда не договорятся... А мэтра час назад вызвали на Белый остров. Прислали специального человека. Через магическую тропу. В таких случаях не принято отказываться... Пока... — Он запнулся.— Пока мне не приказали молчать, я должен вас предупредить. Хотя, конечно, я нарушаю нашу профессиональную этику. По существу. А формально пока не нарушаю... Я слышал разговор посланника с Белого острова и мэтра... Орденский совет возражает против того, чтобы вы возвращались к себе... На Большую Землю.

— Но... Но ведь мы уже не нужны здесь,— наивно возразил я.— Эти двое — вообще не маги. А я, понятное дело, никогда никаких чудес совершать не буду...

Я бросил взгляд на Тагару, словно ища у него подтверждения. Но тот молчал.

— Вы им *там* не нужны! — пояснил Жозеф, морщась от моей непонятливости.— Вы слишком много знаете. Особенно про Арсенал.

Я рассмеялся. Правда, смех мой получился слишком деланным.

— Да меня *там* просто примут за умалишенного. Ну за шарлатана в лучшем случае. Если я начну рассказывать про Странный Край.

Жозеф покачал головой:

— Вы сами знаете: на Большой Земле есть такие, кто здесь побывал. И они тебя обязательно будут искать. Профессор Михаил хочет, чтобы ты с такими встретился...

— А почему же ты предаешь своего шефа? — вдруг совершенно бестактно спросил его Ромка.

Подмастерье мэтра ответил ему острым, неприязненным взглядом:

— Я его не предаю. Я просто не хочу позволить ему предать вас троих! Мне будет трудно прислуживать человеку, который нарушит такое свое слово. И потом... — Он запнулся.— Потом мы с Тагарой не хотим, чтобы вас здесь просто убили... Или заточили навечно.

Наступила пауза.

— Профессор ждет вас,— нарушил тишину дородный ассистент.— И давайте поторопимся. Обещают, что эта ночь будет короткой.

Глава 13
НАВСЕГДА

Профессор ждал нас в подземном ангаре «минарета» рядом с уже загнанными вперемешку туда танками «военщиков» и бронетранспортерами «академиков».

— Вы готовы? — только и спросил он.

И, не дожидаясь ответа, стал объяснять:

— Придется подождать немного. Я послал, так сказать, последнюю «медкомиссию»... — Он ткнул пальцем вверх, туда, куда уходила казавшаяся бесконечной теряющаяся во мгле винтовая лестница.— Туда, на верхотуру, к Пасти Червя, двоих биологов. Можно сказать — «врачей» Червя. Они должны окончательно решить, очнулся наш зверек от своей летаргии или нет. По всему судя, должен очнуться...

Ожидание продлилось достаточно долго. Михаил Иванович заметно нервничал, меряя пространство ангара несколько комично выглядящими со стороны шагами. Наконец сверху зазвучали гремящие по железным ступеням шаги «медицинской» бригады. Оба «врача» спустились в ангар и деловито направились к своему шефу. Тот двинулся им навстречу. Так что доклад «медкомиссии» он выслушал на некотором удалении от меня. Разобрать я смог только самые первые, пролившие мне бальзам на душу слова главного из «врачей»: «Все в порядке. Червь проснулся».

Дослушав доклад и обменявшись со своими людьми парой непонятных мне реплик, профессор кивком отпустил «комиссию», а сам остался стоять посреди пыльного ангара, расслабленно опустив руки. Его ассистент выжидательно топтался у бронетранспортера. Мы осторожно приблизились к Михаилу Ивановичу.

Профессор поднял руки к глазам и долго массировал затекшие веки. Потом отнял руки от лица, хрустнул пальцами и улыбнулся.

— Ну вот... — произнес он голосом, в котором звучало огромное облегчение.— Наши взаимные обязательства почти полностью исчерпаны. Я... Я и мои товарищи весьма благодарны вам. Теперь осталось совсем немного — в целости и сохранности вернуть вас на родину... Пойдемте со мной...

Он повернулся и кивнул своему ассистенту.

— Леонид Кузьмич, будьте добры, помогите нам с багажом. Да, с тем, который мы приготовили для наших друзей...

Леонид Кузьмич, хотя и был далеко не мальчиком, проворно вспрыгнул на броню транспортера и принял из люка пару объемистых походных рюкзаков. Профессор тем временем проверил, работает ли в Башне электропроводка и коммутатор внутренней связи. И, насколько я понял, проверкой остался вполне доволен.

Топать по винтовой лестнице нам пришлось практически на самую вершину Башни портала, в помещение сооруженной там — в предвидении открытия оживленного движения между мирами — рубки управления. Выше располагалась только смотровая площадка, огороженная решеткой из успевших заржаветь стальных прутьев. По дороге мы раза три делали привал — главным образом ради нагруженного нашим будущим багажом Леонида Кузьмича. Как мы с Романом ни пытались облегчить его ношу, упорный ассистент ни в какую не соглашался принять нашу помощь.

Тагара без особых объяснений присоединился к нам. Профессор был заметно недоволен тем, что мальчишка увязался за нами. Но он уже давно понял, что нас с сыном Ходока связывают достаточно сложные отношения. И потому никак не отреагировал на его присутствие. В рубке управления мы распростились с Леонидом Кузьмичом и сложили наш багаж.

Сама рубка напоминала что-то вроде зала управления какой-нибудь средней руки электростанции годов этак шестидесятых. Только для «зала» она была уж слишком тесна, однако даже для типичного «совкового» щита с огнетушителем и противопожарными принадлежностями здесь нашлось место. В изобилии были представлены рубильники, циферблаты и мигающие лампочки. Судя по всему, «медицинская бригада» уже привела систему жизнеобеспечения портала в действие. Часть лампочек обнадеживающе мигала, некоторые стрелки что-то показывали на шкалах циферблатов. Похоже, их показания про-

фессору понравились. Посреди помещенного в центре комнаты стола-пульта поблескивала решетка коммутатора. Динамик издавал тихое шипение.

— Сейчас — главное! — строго поднял палец профессор.— В первую очередь мы должны проверить главный элемент портала — Пасть Червя. Мои люди заверили меня, что тут все в порядке. Заклятие снято, и Червь проснулся. Но я должен убедиться в этом сам. Это здесь.

Он подошел к тяжелой бронированной двери с вмонтированным в нее довольно большим иллюминатором.

— Танковая сталь и бронестекло,— не без гордости пояснил глава «академической» миссии, постукивая пальцем по металлу двери.— Армированный бетон,— он похлопал ладонью по стене.— Оттуда прорваться исключительно трудно. На всякий пожарный случай существует это...

Он положил руку на расположенный справа от двери красный рычаг.

— Аварийный замок,— пояснил он.— Титановые стержни вгоняются в гнезда взрывом пороховых патронов. Намертво. После того как сработает эта штука, без сварочного аппарата и взрывников эту дверь не отворить. Ну и, разумеется, автоматически врубается сигнал тревоги.

Он — не без труда — несколько раз повернул маховик гермозапора и отворил тяжелую дверь. За нею располагалось тесноватое помещение. Единственными предметами его обстановки (если это слово тут уместно) были: забранная в проволочную сетку и под матовый колпак лампа посреди потолка, решетка вентиляции, резиновый коврик на бетонном полу и ящик коммутатора на стене. Одну из стен украшал иллюминатор — точно такой же, как и на двери,— вмонтированный намертво и пуленепробиваемый. Из него открывался довольно унылый вид на скалы, окружающие Башню портала, и на петляющую между ними дорогу. В торце помещения располагалась вторая дверь, повторяющая один в один ту, через которую мы зашли в этот переходник. И красный рычаг тоже

дублировал своего собрата, расположенного снаружи. Двери располагались не друг против друга, а наискосок.

— Тамбур,— пояснил профессор, закручивая гермозапор внешней двери.— Здесь последняя подготовка или первая проверка. В зависимости от того — убытие будет осуществляться или прибытие. А теперь...

Он подошел ко второй двери и принялся отпирать ее.

— Теперь — знакомьтесь! Их величество Червь Мироздания!

Он отвалил бронеплиту двери в сторону, и на нас пахнуло нестерпимым, как показалось в первый миг, зловонием. То, что предстало перед нами в открывшемся пространстве, напоминало много чего сразу. Например— причудливый складчатый занавес, скроенный каким-то мастером-садистом из кусков мясных туш, или гигантский цветок, отвратительный и прекрасный одновременно. А еще это напоминало какое-то чудовищное лицо. Лик дьявола, может быть. В тот раз Пасть Червя показалась мне неподвижной. Должно быть, я был просто невнимателен. Профессор вытащил из внутреннего кармана нечто отдаленно напоминающее переносной пульт управления видеомагнитофоном и, бесстрашно приблизившись к монстру, принялся проводить какие-то измерения.

— Все, кажется, благополучно! — констатировал он, закончив свои манипуляции.— Будьте уверены, как только субстанция-ключ прореагирует с составляющими ваших тел, Пасть разверзнется и примет вас! Надеюсь, вы налюбовались на это чудо? Выйдем на пару минут на свежий воздух, а потом уж и обговорим все напоследок.

На смотровую площадку мы поднялись просто для того, чтобы на прощание обозреть местный пейзаж. Ночь эта — наша последняя ночь в Странном Крае — и впрямь оказалась короткой. Над Долиной Врат небо уже достаточно посветлело, чтобы можно было ясно видеть предметы.

Этот ритуал оставил еще одну занозу в моей душе. Впрочем, их накопилось уже много. Одной больше, одной

меньше... Мы спустились в рубку. Пора было браться за дело.

В рубке управления Михаил Иванович принялся бодро знакомить с приготовленным для нас в дорогу грузом. Я с облегчением отметил наличие инструментов, от вида которых уже отвык в здешних местах,— часы, компас... Основную массу груза составляла снедь, словно рассчитанная на полярную экспедицию, и объемистые фляжки с водой. Вдобавок к этому — пара дорожных сумок и чисто туристического вида не слишком большой рюкзак.

— Даст бог, вам все это не слишком пригодится,— вздохнул Михаил Иванович,— но... В конце концов «земной» выход портала находится в местах безлюдных и засушливых, так что имеет смысл подстраховаться.

— Ну теперь,— заметил я,— уже не секрет, где находится это райское местечко? Раз уж мы там будем довольно скоро.

— Конечно,— улыбнулся профессор.— Уже не секрет. Вот карта — довольно подробная. На всякий случай такая приготовлена для каждого из вас. Узнаете, где это?

Со второго захода я угадал страну, в которой нам предстояло оказаться.

— Граница СНГ проходит здесь,— показал карандашом Михаил Иванович.— Но вам, конечно, не стоит пытаться преодолевать ее нелегальным путем. Для вас давно приготовлен и переброшен к нам сюда вполне приличный комплект документов.

Он раскрыл одну из сумок и принялся раскладывать перед нами загранпаспорта, авиабилеты и конверты с какими-то еще бумажками.

— Все это оформлено на ваши настоящие имена. Только для э-э... мисс Аманесты приготовлен чужой паспорт. За русскую гражданку она, простите, не сойдет, поэтому паспорт оформлен на гражданку Панамы — Александру Диас. Виза России — транзитная. Билеты на Шереметьево-2 — подлинные. Вот здесь,— он помахал в воздухе довольно туго набитым конвертом,— пятнадцать тысяч долларов США, в основном в мелких банкнотах. Купюры

подлинные. Никаких подделок. Этого вам вполне хватит, чтобы решить все ваши дорожные проблемы. Естественно, эта сумма идет в счет оплаты той неоценимой услуги, которую вы, Сергей, нам оказали.

«Негусто,— подумал я,— но на дорогу действительно хватит».

— Ваша задача сводится к тому, чтобы вовремя добраться до столицы и к отбытию вашего рейса попасть в аэропорт,— продолжил он.— Единственная неприятность, которая может с вами приключиться, это то, что полиции не понравится, что вы забрались в сторону от привычных туристических маршрутов в какой-то, может быть, и закрытый для иностранцев район. На этот случай для вас разработаны легенды. То есть вполне правдивые истории, объясняющие, как вы оказались в тех местах, где находиться не положено. Их вам надо заучить наизусть. И согласовать друг с другом. Но в целом все это может оказаться лишним при элементарной сообразительности и такте.

А это — ваша одежда и багаж, соответствующие вашим легендам. Позаботьтесь о том, чтобы ознакомиться с тем, что там у вас находится. И не забудьте хорошенько пристегнуть багаж к себе. Видите, тут предусмотрены ремни крепления. В сумках одежда. Наденете ее там — *на той стороне.* Та, что на вас сейчас, выглядит слишком необычно. Да и придет в страшный вид за время... э-э... перехода.— Тут,— он похлопал по выложенной на стол отдельно папочке,— распечатки с вашими легендами. Кто вы, откуда, как заблудились в горах. И все такое.

Профессор вынул из папки сколотые по три-четыре листы и раздал их нам. Встал из-за стола, пригладил редкие волосы и помолчал немного.

— Ну вот и все,— немного подумав, подвел он итог.— Остается пожелать вам добраться до дому живыми и здоровыми. Если у вас возникнет желание восстановить контакт с нами, то... Я уже объяснил вам, Сергей, как это можно будет осуществить. Еще раз напоминаю: проверьте свой багаж и хорошенько запомните ваши легенды. С

собой эти тексты забирать не стоит. Они могут вызвать подозрение. Лучше уничтожить их перед... Перед уходом. И еще... Перед тем как отправиться, дайте нам знать по коммутатору. Молодой человек... — Он повернулся к Тагаре.— Прощайтесь с друзьями и пойдемте...

Тагара отрицательно замотал головой.

— Нет,— коротко отрезал он.— Я останусь с ними до конца!

Профессор бросил на меня короткий и очень недовольный взгляд. Потом резко повернулся и вышел, рывком затворив за собой дверь. По железным ступеням, затихая, зазвучали его неровные шаги. Через минуту-другую они смолкли в глубине пролета бесконечной лестницы. Мы остались с глазу на глаз с Тагарой.

* * *

Первым кончил перечитывать распечатку своей легенды Ромка. Он похлопал себя по карманам, отыскал зажигалку и, запалив сколотые листки, бросил их в заботливо повешенное на соответствующем щите противопожарное ведро. Поднялся и кивнул Аманесте. Та кивнула в ответ, встала из-за стола и пристроила листки со своей легендой рядом с догорающей распечаткой Романа. Тот уже подхватил свою сумку и открывал бронированную дверь. Они молча прошли в тамбур, оставив меня вдвоем с Тагарой.

Я тоже бросил свою легенду в огонь и посмотрел в глаза мальчишке, потом поднялся из-за стола и сказал просто:

— Давай прощаться.— И — неожиданно для себя самого — добавил: — Не хочу, чтобы это было навсегда.

— Это навсегда! — твердо ответил Тагара.

Очень серьезно и уверенно.

Я подошел к двери тамбура. На пороге обернулся.

— У тебя в глазах — боль,— тихо сказал Тагара, подходя ко мне.— Ты чувствуешь себя предателем? Ты боишься, что оружие Темных ударит по твоей Земле?

— Да,— ответил я и перешагнул через порог тамбура.— Я помог отдать страшное оружие людям, которые... Я не знаю, могу я им верить или нет...

Я начал закрывать за собой тяжелую дверь. Тагара решительно замотал головой.

— Ты можешь не бояться за свой мир... — быстро произнес он, словно что-то торопило его.— За Большую Землю... Темный Арсенал... Он никому не достанется... Ни Светлым, ни Темным. Уходи спокойно... — Он сглотнул слюну.— Я... Я разрушу Арсенал! Как тогда — Лабиринт... Это — Предназначение...

Я сначала не понял его слов. Потом ошарашенно выдавил из себя:

— Да ты с ума сошел! Не...

Я было шагнул к нему, но мальчишка с неожиданной силой захлопнул стальную дверь, чуть было не разбив мне лицо. И тут же вцепился в красный рычаг и буквально повис на нем. Рычаг послушался его: в глубине стены глухо бахнули пороховые заряды, и оглушительный железный лязг подтвердил, что мы трое, находящиеся в тамбуре, теперь напрочь отрезаны от окружающего мира.

Я заколотил по стеклу иллюминатора и принялся выкрикивать что-то несусветное. Но ни звука не проникало через прозрачную преграду. Я видел лишь, как шевелятся губы Тагары, выговаривая: «У-хо-ди! У-хо-ди!» Вспомнив про коммутатор, я кинулся к дурацкой коробке и с грехом пополам смог включить ее.

— Не делай глупостей, Тагара! — закричал я в микрофон.— Ты можешь... Ты можешь погибнуть. Сам погибнуть и всех угробить!

Я не сообразил сразу, что ору на всю Башню, через динамики всех коммутаторов. Это я понял только тогда, когда в динамике, перебивая меня, зазвучал голос Григория.

— Тагара... — окликнул он.— Что с ним? Где он?

— Отец... Отец, ты слышишь меня? — прокричал Тагара в микрофон.— Отец...

— Слышу... Я слышу тебя, Тагги,— зазвучал в динамике голос Григория, хриплый и полный тревоги.— Где ты? Почему не выходишь? Что с тобой? Где тебя искать?

— Я у самого входа в портал,— торопливо выпалил Тагара.И потом упавшим голосом добавил: — Только... Только это уже не имеет значения... Сейчас... Сейчас вы все уходите... Уходите из Арсенала. И уходите как можно дальше от него... Потому что здесь может случиться все...

— Что с тобой?! — с тревогой спросил Григорий.— Что у вас там происходит? Ты... Ты можешь говорить? Ты на свободе? Кто-то есть там с тобой?

— Со мной эти трое, с Большой Земли,— торопливо ответил ему Тагара.— Но они сейчас уйдут. Через портал. К себе... Я остаюсь один. Не бойся, никто не угрожает мне...

— Жди нас! — кричал в микрофон его отец.— Мы сейчас придем за тобой!

— Нет! Не надо! — испуганно закричал в ответ мальчишка.— Уходите! Все уходите как можно дальше! Всем скажи это! И людям Герна, и этим... «академикам» скажи! Потому что все вы можете погибнуть! Я буду... Мне надо...

— Что ты задумал? — хрипло спросил его Григорий. И, неумело стараясь быть ласковым, повторил: — Что ты задумал, сынишка?

Тагара всхлипнул, и в воздухе повисла тишина, нарушаемая только потрескиванием в динамике.

— Я... я должен сказать... Произнести... — почему-то с трудом выговаривая слова, стал объяснять маленький маг.— Я должен произнести разрушающее заклинание! Я умею... Я уже разрушал Лабиринт...

— Ты... Ты сошел с ума! — заорал в динамике голос Григория.— Не делай этого! Это очень опасно! Все... Все может взорваться! Кто тебя этому научил?

— Я же говорю — уходите! — ответил ему срывающийся голос сына.— Уходите как можно дальше! Меня... Меня никто этому не учил. Это — мое Предназначение... Спасти три мира...

— Это бред! — выкрикнул Григорий.— Это вовсе не Предназначение, это ерунда какая-то! Это очень опасно, повторяю тебе еще раз!

— Нет, не ерунда... — всхлипнув, ответил Тагара.— Я раздобыл заклинание Предназначения... У... Ладно — не важно у кого... И теперь я знаю, зачем я...

— Ну не для того ты, сын, родился,— хрипло зашептал в микрофон отец,— чтобы взлететь на воздух вместе со всеми этими железками! Люди рождаются не для этого!

— Люди — да,— глухо отозвался Тагара.— Только я не совсем человек. Я — маг... Ты это знал давно. С самого моего рождения. Я — маг, Меченный Знаком Лукавого! Ты ведь знал... знал...

— Знал... — почти прошептал в ответ ему отец.— Знал и не хотел, чтобы тебе досталась судьба мага. Меченого... Поэтому лгал тебе, прятал тебя, скрывал...

Голос его изменился. В нем зазвучало отчаяние.

— Напрасно... — сказал он, наверное, самому себе.— Все оказалось напрасно... Потому что судьба магов — это Предназначение. И оно — это Предназначение — никогда не бывает добрым... Это...

— Это всегда жертва,— глухо отозвался Тагара.

Они, похоже, цитировали друг другу какое-то правило магов. Давно им обоим известное.

— Так вот, я родился для того, чтобы спасти три мира,— тихо шептал Тагара.— Этот — наш Странный Край, Темный Мир и Большую Землю... Мне от этого не уйти... Ты знаешь... Тут ничего не поделаешь... Ну, может, оно совсем не взорвется — все это... Просто перестанет действовать... Станет ни для кого не страшным. Просто умрет! Но вы все-таки уходите оттуда! Так — лучше...

—Перестанет действовать,— горько усмехнулся отец на том конце провода.— Да достаточно, чтобы хоть одна хлопушка из этого их Арсенала не выдержала и...

— Все будет хорошо, отец... — беспомощно произнес Тагара. И повторил: — Все будет хорошо...

— Мы... Я не уйду! — закричал неожиданно Григорий.— Я не уйду ни за что! Я останусь с тобой! Если хочешь, произноси свое проклятое заклинание! Я не уйду!

— Нет! Нет!! Нет!!! — заорал Тагара.— Уходи! Все!! Я не буду больше говорить!!! Только уходи!

В динамике раздались дикий лязг и хрип. В иллюминатор я увидел, что мальчишка с остервенением бьет металлическим стулом по вмонтированному в стол коммутатору.

Я принялся колотить по пуленепробиваемому стеклу, стараясь привлечь внимание впавшего в беспомощное неистовство Тагары. Но вряд ли он слышал хоть что-нибудь. Отчаяние и гнев владели им. И он ничего не видел и не слышал вокруг, пока не насытил этих монстров своей души — отчаяние и гнев. Только окончательно разгромив коммутатор, а вместе с ним и половину приборов, выведенных на стол-пульт, он повернулся к иллюминатору и, пошатываясь, подошел к нему.

С минуту мы смотрели друг другу в глаза. Потом я стал жестами, выражением лица, криком — совершенно бесполезным здесь — сигналить Тагаре.

«Не надо! — выкрикивал я абсолютно бессмысленные слова.— Не-на-до!» Выкрикивал и понимал, что не изменю в его и наших судьбах уже решительно ничего. Мальчишка с той стороны бронированной двери уперся руками в стекло и смотрел на меня так, как смотрят пассажиры из окон поезда, уезжающего навсегда.

Из динамика доносилось теперь только неровное потрескивание и хрип. Связь отсека с внешним миром была прервана. Я перестал паясничать перед иллюминатором и обессиленно уперся в стекло руками точно так же, как и Тагара со своей стороны. Мы снова смотрели друг на друга — зрачки в зрачки. Время остановило свой бег.

«Уходите! — беззвучно выкрикнул Тагара.— Уходите!»

Я прекрасно понимал, что сделать уже ничего нельзя. Но так и не мог заставить себя оторваться от стекла, из-за которого неотрывно смотрел на меня Тагара — Ме-

ченный Знаком Лукавого. Маленький маг, узнавший свое Предназначение.

Брат тронул меня за плечо.

— Слышишь? — тихо спросил он.

Я замер. Издалека снизу — от самого фундамента скал — до меня донеслась вибрация. Характерная вибрация запускаемых движков тяжелых боевых машин. Я почти не улавливал слухом звука приведенных в действие мощных дизелей, а лишь ощущал их тяжелый, на грани инфразвука, рокот. Рокот этот прерывался фырканьем, подвыванием и скрежетом глохнущих и вновь запускаемых движков, и эта еле слышная, но мощная какофония была для нас мелодией прощания.

— Они уходят,— сказал Ромка.— Сейчас запускают моторы и уходят...

Тагара, наверное, тоже ощутил этот едва уловимый звук. Он последний раз взглянул на меня, махнул на прощание рукой и отвернулся. Не оглядываясь, отошел к забранному бронированным стеклом панорамному окну в глубине пультовой кабины и замер перед ним, глядя вниз, на площадку перед Вратами.

Я отвернулся от иллюминатора и окинул взглядом своих спутников. Ромка был напряжен и замкнут. Он с нескрываемой тревогой смотрел на меня и судорожно сжимал свой фиал. Похоже, он ожидал от меня решительных действий и не понимал того состояния паралича воли, в которое я впал в самый неподходящий момент. Я постарался взглядом дать ему понять, что со мной еще не все так плохо.

Аманеста застыла перед иллюминатором. Она тоже держала свой фиал в руках, но все ее внимание было поглощено тем, что происходило там, внизу. Я подошел к ней и заглянул через плечо.

Из иллюминатора видна была только часть горной дороги, делающей пол-оборота вокруг подножия скалы, и залитые светом заката горные склоны вокруг. И на этот кусок дороги, захлебываясь натужным ревом — он стал уже слышен нам,— выползали двумя рядами, «плечо в

плечо» танки нашего воинства. По обочинам, спотыкаясь и рискуя угодить под гусеницы, норовили не отстать от них взъерошенные всадники. Тарахтя, всех обогнал и скрылся за скалами геликоптер.

— Они уходят... — повторила Аманеста слова Романа.— И нам пора уходить...

Я последний раз обернулся на иллюминатор двери, ведущей в «комнату с кнопками». Узкая спина Тагары виднелась перед пыльным панорамным окном. Таким — угловатым, горьким силуэтом у окна — он и запомнился мне. «Прощай,— сказал я ему мысленно.— Прощай. И пусть случится чудо. Пусть с тобой все будет хорошо!»

Я решительно отвернулся от иллюминатора, быстрым шагом подошел к двери, ведущей в «предбанник» портала, и с остервенением принялся вращать маховик ее гермозапора.

— Пошли! — скомандовал я, отваливая в сторону тяжелую бронированную створку.

* * *

Пасть Червя встретила нас уже знакомым нам двоим — мне и Роману — зловонием. Впрочем, далеким еще от того, которое предстояло вытерпеть. Мы переглянулись. Аманеста не подала виду, что тошнота подступила к горлу, хотя ее и передернуло — рефлекторно, должно быть. За нее я был спокоен. Нервы у подруги Романа были покрепче стальных канатов.

Я приступил к короткому инструктажу:

— Я иду первым. Вы за мной. И не задерживайтесь. Только две-три минуты... Как только Пасть Червя успокоится... придет, одним словом, в исходное положение, сразу идет кто-то из вас. Делайте все в точности как я. Не бойтесь ничего. Будет очень... неприятно, но все это можно пережить. Я буду принимать вас на той стороне. Вы готовы?

Оба кивнули — почти одновременно.

— Запри тамбур,— сказал я Ромке.

Он кинулся к двери, и через минуту мы были отрезаны от Странного Края — его воздуха, его света, его магии, пропитавшей этот мир.

«Прощай!» — сказал я и Странному Краю.

Я повернулся к Пасти. Она казалась теперь огромным увядающим цветком. И все же она оставалась маской дьявола. Ее многочисленные складки и извилины были неподвижны. Но какое-то неуловимое движение, какое-то ускользающее от взгляда содрогание — хищное и полное ожидания — угадывалось в этой массе таинственной плоти, связующей миры... Странно, это месиво складок и лепестков, лишенное глаз, губ, любых других частей человеческого лица, было невероятно выразительно. Казалось, теперь Пасть спрашивает меня: готов ли я?

— Готов... — глухо ответил я на этот немой вопрос.

И кивнул своим спутникам. Если не на удачу, то на прощание.

Повернувшись к Пасти спиной, я откупорил фиал. По лицам Романа и Аманесты я понял, что с Пастью произошло нечто их удивившее, и осторожно обернулся.

Должно быть, терпкий, необычный запах субстанции, наполнявшей фиал, мгновенно достиг каких-то чувствительных окончаний Пасти и разбудил ее древний аппетит. Червь почуял близкое пиршество. Ну не пиршество, так какую-никакую закуску. В конце концов его пост здесь длился больше полустолетия.

Пасть явно ожила, ее обвисшие лепестки стали наливаться какими-то жизненными соками, стали упруги, изменили свой рисунок. Гигантский увядающий цветок начал расцветать снова, оставаясь при этом маской дьявола.

Шорох и влажный хруст заполнили тамбур — Пасть нетерпеливо подалась вперед. Зрелище это было жутковатое. Я снова повернулся к монстру спиной и, с трудом разжав зубы, проглотил содержимое фиала.

Судя по всему, я успел еще сунуть его в свой нагрудный карман. Обернуться, как неожиданно захотелось мне, я не успел. Пасть снова подалась вперед и поглотила меня.

* * *

Да, конечно, снова была боль — *ожидаемая* боль, которая во сто раз хуже боли неожиданной. И было удушающее отвращение. И ощущение, что ты на грани обморока. Не уверен, что я не пересекал ее, эту грань. Но закончилось все немного похоже на то, как закончилось мое первое путешествие между мирами,— падением в сырой, украшенный остатками древних изразцов зал. Только вот в этот раз не нашлось Привратника, чтобы смягчить мое падение на каменный пол, отменно твердый и скользкий!

Привратников у этого портала заметно не было. Да и все «вспомогательные сооружения» при этих Вратах в Странный Край находились в состоянии предельной заброшенности и запустения.

Пещера, в которую я вывалился, освещалась только через проломы в верхней части стены — под потолком. Точнее, через выкрошившиеся щели в сработанной под поверхность скалы кладке. Сверху в эту сумрачную залу капала, а временами какими-то судорожными толчками лилась вода. С покрытых угрюмой плесенью сводов свешивались предлинные космы каких-то водорослей. Плесенью и ковром водорослей были украшены и стены подземного зала. Здесь давным-давно не было ни единой живой души. Стойкий запах гнили и сырости наполнял помещение.

Впрочем, все эти декорации моего «пункта прибытия» я рассмотрел только потом — после того, как спазмы охватившей меня боли отпустили. За это время в пещеру через разверзшуюся под ее сводами Пасть обрушился на пол Ромка, а немного спустя и его подруга.

Аманесте, впрочем, не пришлось испытывать болезненного соприкосновения с полом пещеры. Я уже более или менее владел собой и успел подхватить ее легкое тело (чуть, правда, не вывихнувшее мне руку) на лету.

Наличие льющихся с потолка вод, хотя и не родниковой чистоты, оказалось очень кстати. Привести себя в

божеский вид мы все-таки сумели. Делали мы это быстро и торопливо, словно подгоняемые каким-то предчувствием.

И оно — предчувствие это — не обмануло нас.

Мы едва только успели толком счистить с себя последние остатки зловонной слизи и натянуть чистую одежду, как нас всех словно ударило током. Я думаю, это был сигнал от Червя, с которым нас еще как-то связывало остаточное действие снадобий из фиалов профессора. Мы переглянулись.

— Надо уходить! — нервно бросил Ромка.— Где выход отсюда?

Вопрос был далеко не праздный, особенно учитывая сумрак и вездесущую плесень, маскировавшие все детали рельефа стен.

— По-моему, вот! — крикнула Аманеста, обрывая занавес водорослей, заслонявший открывшийся в стене провал, в глубине которого чудился дневной свет.

Мы кинулись в этот выход, словно спасаясь от неведомого зверя, готового броситься на нас.

И в этот момент Червь закричал!

Точнее, закричала его Пасть, укрывшаяся под сводами пещерного зала. Ничего страшнее этого крика я не слышал в жизни. И надеюсь, что не услышу. Да, конечно, в этом крике были сконцентрированы и боль, и ужас, и даже страх. Да, он был необыкновенно громок. Настолько, что зашкалило болевую чувствительность наших ушей. Но даже не в этом было дело. Крик Червя был пронизан какими-то неуловимыми ухом модуляциями и переходами, которые повергали каждого услышавшего *такое* в бездну беспросветного отчаяния. Отчаяния, перед которым даже гнетущая любого из смертных мысль о неизбежном конце казалась какой-то просто несущественной мелочью.

Не знаю, может быть, это было просто действие мощной инфразвуковой составляющей, вплетенной в общую какофонию крика Червя, но мне кажется, это было что-то более сложное, способное в корне перевернуть сознание

разумного существа. Превратить его в... В нечто, во что боится превратиться каждая тварь — и человек, и зверь...

А потом последовал удар. Толчок, от которого на нас с потолка прохода, в котором мы укрылись, посыпалась каменная мелочь и глыбы покрупнее детской головки. Последнее, что я увидел, обернувшись в зал, и смог запомнить, это валящиеся с потолка и заполняющие все пространство вокруг запахом горелой плоти бесформенные куски чего-то содрогающегося и продолжающего исходить ужасом и болью.

* * *

Нас вынесло из врат портала на автомате. Даже сильно захотев, я не смогу теперь найти обратную дорогу в «зал прибытия». Если он, конечно, все еще существует, этот зал. Мы — все трое — начали осознавать себя, только когда знойный воздух полудня шевельнулся над нами дыханием ветерка и на беспощадно жгущее нас солнце наползли неведомо откуда взявшиеся облака.

Некоторое время мы молча смотрели на нелепую на вид скалу, которая скрывала в себе портал и руины жилища Привратников. Глядя на эту каменную глыбу, никто не подумал бы, что внутри нее скрывается что-либо иное, кроме напластований дикого камня. Да и некому на много километров окрест было на нее смотреть. Оставалось надеяться, что толчок, чуть было не похоронивший нас в недрах пещеры, и неистовый вопль Червя не привлекут в эти места толпы любопытных и останутся в памяти тех, кому довелось услышать и ощутить их, просто одним из тех загадочных явлений, которыми и без того полон мир. Особенно мир гор. Жар и смрад, исходившие из прикрытого густыми зарослями лаза, откуда нас — собственным страхом — выбросило на свет божий, должны же были в конце концов пройти?

А если кто и сунется в глубь этого странного произведения природы, то что он, собственно, поймет в том, что увидит там?

Мы молча, неуклюже помогли друг другу подняться на ноги и так же неуклюже стали искать хоть сколько-то безопасную дорогу вниз по склону.

Пейзаж здешний был сродни лунному — суров и безжизнен. Оставалось только гадать, что могло загнать сюда и заставить здесь жить хоть небольшой, но не самый, по-моему, глупый народ нашей планеты. Все вокруг было выкрашено оттенками желтого и коричневого, словно эти горы создал гончар, в мастерской которого не нашлось никаких других красок. Коричневыми были и склоны гор, загромоздившие все горизонты, и темные провалы ущелий, и светлые пространства долин далеко внизу. Коричневой была и пыль — мелкая, словно зубной порошок. И даже небо над головой, казалось, впитало этот окрас обожженной глины. Все это одновременно напоминало те места, где мне приходилось бегать под пулями, и все-таки было непохоже на них.

Не будь у нас карты и компаса, о которых позаботились «академики», бродили бы мы среди этих безжизненных камней в поисках хоть каких-нибудь следов, ведущих в места обетованные, до тех пор, пока не иссякли бы наши скудные запасы воды и съестного. Слава богу, в отличие от Странного Края, карты, компасы и часы здесь — на Большой Земле — вновь обрели свою силу и ценность.

Некоторое время мы двигались по намеченному маршруту молча. Потом начали перебрасываться короткими фразами.

— Как ты думаешь,— спросила Аманеста у Романа.— Этот... Мальчишка... он все-таки — сделал *это*? Думаешь, что нас всех так тряхнуло оттого, что он произнес разрушающее заклинание и...

Роман только мрачно глянул на нее в ответ.

— А ты? — обратилась Аманеста ко мне.— Ты, маг, думаешь, что теперь портал с той стороны разрушен и ход назад, в Странный Край, закрыт?

— Я уже не маг,— ответил я.— И, честно говоря, никогда магом и не был... Потом объясню тебе...

Девушка поморщилась, ничего не поняв.

— А насчет портала... — добавил я после небольшой паузы,— скорее всего, это так. Этот портал потерян. Но он не единственный...

— Не единственный,— повела плечом Аманеста.— Но после этого... После того, как обожгли Червя... Может быть, все порталы закроются?

Ей отчаянно не хотелось терять надежду на возвращение в Странный Край. Наверное, она уже интуитивно понимала, насколько наш мир может оказаться ей чужд.

* * *

Жизнь в Странном Крае успела основательно исказить мои представления о жизни на матушке-Земле. Мне перед возвращением представлялось каким-то совсем уж третьестепенным обстоятельством то, что выход в «наш» мир располагался на территории иностранного и далеко не самого благополучного среди соседей моей страны государства. Но эту точку зрения пришлось менять довольно быстро и радикально. Издалека донесся звук, который трудно было спутать с чем-то другим.

— Черт! Пулеметная стрельба,— сразу перейдя на шепот, определил я.— Похоже, здесь воюют...

— Может, банду ликвидируют... — предположил Роман и покосился на подругу.

Та была явно встревожена. Что и говорить, родной мир встречал нас далеко не самым ласковым образом. А уж ее — чужачку — и вовсе не приветил улыбкой. Но в конце концов, в горах стреляют часто. Так что можно было надеяться, что все еще обойдется.

Эта наивная надежда рассыпалась в прах уже через час с небольшим нашего пути.

Пулеметная дуэль вспыхивала то тут, то там, и горное эхо транслировало ее с самых неожиданных направлений. Но дело было не в ней. Перевалив через крошечный перевал, мы, как и подсказывала нам карта, вышли к лежащей метрах в пятидесяти ниже нас шоссейной дороге.

И по дороге этой тянулись разрозненные кучки плохо одетых и усталых людей. Некоторые из них несли на плечах разношерстный груз. Были тут большие тюки и маленькие. Были и просто котомки. А многие плелись, глядя перед собой пустыми, полными отчаяния глазами, без всякого груза — налегке. Некоторые катили перед собой тележки и наспех сбитые тачки. Женщины — почти все в этом потоке — вели и несли детей. Спрашивать, что это за люди, не приходилось. Все и так было ясно.

Беженцы.

* * *

Самое ужасное, что деваться нам было просто некуда. Конечно, уже и речи не могло быть о том, чтобы ловить на шоссе попутную машину, как мы поначалу собирались это сделать. Какая тут, к черту, попутка! Не попасть бы в лапы мятежников, или кто там затеял эту вакханалию? Суметь без особых конфликтов сдаться властям... Дозвониться до нашего консула... Все это стало вдруг вполне реальной и довольно трудно выполнимой задачей.

Нас уже успели заметить с дороги. Некоторые из идущих показывали на нас друг другу. Но, похоже, этим интерес к нам и ограничивался. Мы были не вооружены, при нас не было заметно тюков с эмблемами гуманитарной помощи... Мы были просто какой-то дорожной странностью, только и всего.

И мы стали действовать единственным оставшимся в нашем распоряжении способом. Осторожно, двигаясь параллельным с общим разрозненным потоком беженцев курсом, спустились к дороге и двинулись вместе со всеми, стараясь держаться обочины и не привлекать ничьего внимания.

Последнее было, конечно, полнейшей утопией. Уж слишком мы не походили на этих смуглых, черноволосых и носатых людей, рядом с которыми принялись шагать в направлении их главного города — единственного места, где могли рассчитывать на толковую помощь. Но с

нами предпочитали не связываться, даже сторонились нас, словно носителей опасной инфекции.

— Эх, хоть какой-никакой радиоприемничек бы... — посетовал Ромка.— Хоть услышать в новостях, что здесь творится? Эх, не подумали...

— Мы о многом не подумали,— хмуро отозвался я.— Не только о радиоприемничке... Давай присмотримся к народу. Ищи кого-нибудь поинтеллигентнее на вид. Типа учителя, может быть, или муллы какого-нибудь. Или хотя бы хоть кого-то в очках. Такой должен по-английски немного «волочь». Или по-французски. Его и расспросим... Можно сигаретами угостить или еще как...

— Си-га-ре-та-ми... — передразнил меня Роман.— Да ты не видишь, что ли, в каком они все виде? На них штаны не держатся, а ты — си-га-ре-ты...

Тем не менее подходящий знаток английского нашелся. Причем нашелся сам. Правда, далеко не сразу. Был он тощ, как и все, кто шел с нами по дороге, умеренно лохмат и облачен в потертый костюм европейского образца. И груз свой нес не в наплечном тюке или котомке, а в довольно туго набитом портфеле. Такие были в моде у нас годах в семидесятых, а то и раньше.

Тип этот некоторое время шагал поодаль от нас, изредка косясь на непонятную троицу антрацитово-черным умным глазом. Потом зашел немного вперед, подзадержавшись немного из-за неприятностей со шнурком кроссовок, оказался вровень с нами и, стараясь не привлекать внимания, тихо осведомился: «Юнайтед Стейтс? Републик Франсез?» Задав для порядка еще несколько вопросов о нашей принадлежности к Красному Кресту и «Юнеско», он в конце концов вынужден был проглотить из моих уст версию о заблудившихся туристах.

Думаю, он не поверил ей ни на грош. Я бы на его месте — не поверил бы тоже. Но то, что он имеет дело не со шпионами, а, скорее всего, с какими-то иностранными дурнями, обколотыми или сбежавшими из какой-нибудь «дурки» и путешествующими автостопом по местам локальных конфликтов, он понял сразу. То ли просто по

доброте душевной, то ли в надежде извлечь из нас хоть какую-то выгоду, на наши вопросы он отвечал охотно и подробно. Беда была только в том, что его английский и тот, к которому привыкли мы с Романом, были немного разными языками. Как ни странно, Аманеста понимала его с лету — языковая интуиция была врожденным свойством обитателей Странного Края. Впрочем, когда она начинала обьяснять нам с Романом непонятные места из его речи — а делала она это на уже знакомом для нас «тарабарском наречии», антрацитовые глаза нашего спутника чуть не вылезали из орбит от удивления.

Немного позже выяснилось, что уродовались мы зря. Мирзо (так звали нашего спутника) учился в Ростове еще во времена советские. И неплохо владел русским.

В общем, гадать долго не приходилось — в очередном межплеменном конфликте в здешних горах сошлись три основных родоплеменных союза, населяющих эту несчастную, снедаемую вечными распрями землю. Центральное правительство поддержало одну из сторон — «Северных», но пока ничего путного не добилось. Естественно, люди потеряли крышу над головой или согнаны с мест, в которых благополучно обитали поколения их предков. ООН и другие международные организации везут в районы скопления беженцев одеяла, медикаменты и рис и пытаются организовать там палаточные лагеря. Помянуты добрым словом были и русские врачи (как я понял — из МЧС). Боевики тоже не теряют времени зря и вербуют в лагерях беженцев свежие кадры в свои банды.

А покуда те беженцы не добрались до обещанных им палаток и воды, которую можно пить, их на дорогах обирают все кому не лень. Патрули Центрального правительства, патрули каждой из воюющих сил и просто разъезды местных полевых командиров.

Конечно, как и в Средневековой Европе, поводом для очередного витка гражданской войны представлялись и религиозная рознь, и память о прошлых взаимных обидах и крови, пролитой уже обретшими вечный покой предками, и бог весть что еще. Но ни для меня, ни для Мирзо

не было секретом, что на сей раз кровь пролилась лишь тогда, когда «сильные мира сего» пошли на новое завоевание Ближнего Востока. Когда поколебалось равновесие уже привычных сфер влияния местных князей и князьков. Когда стал реальностью новый передел источников их благосостояния. Это и тянущиеся через контролируемые ими пространства нити нефтепроводов, прячущиеся в ущельях тропы тайных торговцев наркотиками и оружием, зинданы и тайные тюрьмы, набитые рабами, работающими за миску похлебки или подготовленными к перепродаже...

Нет, ничем этот мир не был лучше богатого на невеселые чудеса Странного Края. И если что и влекло меня сюда, так только надежда вернуться наконец в большую и холодную страну, раскинувшуюся там — за горами, дальше к северу. Откуда я был родом.

Обстоятельства складывались для нас не лучшим образом: война шла в этих местах уже вторую неделю, а это рушило в корне всю разработанную для нас версию нашего попадания в страну и на это злосчастное шоссе в частности. Тоже мне — заблудившиеся туристы! Нашли себе «Диснейленд», нечего сказать! Ни один человек в трезвом уме и добром здравии не вздумал бы направиться на летний отдых в эти охваченные пожаром междоусобицы горы. Да и найдись такой, никто не оформил бы подобному «экстремалу» визы и не продал бы билеты на, скорее всего, уже не существующий рейс в этот филиал преисподней.

Я скис совсем, и это заметил мой новый знакомый.

— Если у вас есть с собой деньги... — тихо предупредил нас Мирзо,— то прячьте их получше. Но только что-то оставьте на виду. Если патруль у вас не заберет какие-то деньги, то... То у вас будут с ним неприятности... Будьте готовы к тому, что у вас заберут все.

* * *

Патруль оказался легок на помине. Он успел замаячить впереди по курсу еще раньше, чем мы закончили разговор

с Мирзо. Не было даже импровизированного шлагбаума — просто поперек дороги была натянута веревка, да джип, а около него четверка бородачей, упакованных в камуфляж, стояли на обочине. Плетущийся по дороге народ уже без всяких объяснений знал, что сие означает, и притормаживал движение. Беженцы обреченно — кто поодиночке, кто по двое — подходили к посту и после недолгой процедуры обыска и допроса просачивались мимо поста дальше по дороге. А возле джипа потихоньку росла небольшая гора отобранного у прошедших «контроль» барахла. Свернуть куда-нибудь на этой дороге было просто невозможно. С одной стороны — крутой склон ущелья. Пропасть. С другой — отвесная, раскаленная солнцем скала. Вариантов нет. У меня неприятно засосало под ложечкой.

— Это очень плохой случай,— тихо прошептал Мирзо.— Самый плохой. Это люди генерала Халика. Мятежники. Непримиримая оппозиция. Видите их флажок на капоте — зеленый такой, с черной молнией? И на нашивках у них точно такая же штука...

— И что это значит? — спросил я встревоженно.— Он за кого, этот генерал?

— Генерал Халик ни за кого,— объяснил Мирзо.— Точнее, сам за себя. Он и не генерал на самом деле... Служил в страже президента, с кем-то поссорился... Просто бывший подполковник, ушедший в бандиты. Они себя называют «Свободной армией». Якобы исповедуют ислам, хотя в Коране не понимают ни строчки... Будь с ними очень осторожным. Лучше отдайте им все, а не то они вас расстреляют тут же... Пусть Бог пошлет вам удачу!

Он не то чтобы подмигнул мне. Скорее как-то понимающе сморгнул. И незаметно смешался со скучившимися вокруг нас людьми. Естественно, я был не в претензии. Забота об утопающих отродясь была делом рук самих утопающих.

— Брось деньги! — прошипел я Ромке.— Брось! Хоть в кусты, хоть куда! И Аманесте скажи!

Но было уже поздно.

Все четыре пары глаз господ патрульных были устремлены на нас. И главный из этих четырех с большой выразительностью манил нас пальцем: «Подойдите поближе, господа хорошие!»

— Нас обслуживают вне очереди,— невесело пошутил Роман.— Пошли мы первыми. Даму вперед лучше не пропускать... — добавил он, покосившись на напружинившуюся Аманесту.

Тот из бородачей, которого я определил за главного (сержант, по моим понятиям), как только мы приблизились к нему, распорядился на ломаном английском:

— Деньги! Документы! Сбрось рюкзак!

Я вложил в его требовательно протянутую руку свой паспорт, билеты, бумажник... Со стороны сержанта последовал маловразумительный монолог, в котором пару раз были недобрым словом помянуты «неверные собаки», вообразившие о себе невесть что. Завершался монолог этот требованием объяснить наше (и мое лично) присутствие на подконтрольной войскам «Свободной армии» территории. Требование, что и говорить, было вполне логичным. Чего никак нельзя было сказать о моих попытках ответить на поставленный передо мной вопрос. Мне оставалось только молить бога о том, чтобы дело ограничилось простым арестом для последующего выяснения наших личностей.

Объяснений моих, впрочем, сержант не слушал. То ли потому, что и не рассчитывал их понять в силу плохого знания языка «неверных», то ли потому, что они были ему и вовсе не надобны. Где-то на предполагаемой середине моих излияний он повелительным жестом приказал мне замолкнуть и отойти туда, куда указывал его волосатый палец,— на площадку над пропастью метрах в пятидесяти от самого поста.

Один из его подчиненных тут же помог мне как можно расторопнее выполнить это распоряжение, просто ухватив меня за локоть и оттащив в указанное командиром место. Помощь эта сопровождалась увесистыми тычками в спину и под ребра.

Вскоре сходную процедуру прошел и присоединился ко мне на площадке над кручей Ромка. Мы с ним беспомощно топтались на нашем скальном «насесте» и обменивались односложными репликами на тему о том, как «здорово мы залетели». Аманеста явно задерживалась у поста, и Ромка начинал все больше проявлять признаки беспокойства по этому поводу.

Разумеется, беспокоился за его подругу и я. В конце концов уже просто потому, что хорошо представлял, что девушка была, на взгляд бандитов, подходящей добычей сама по себе. А ко всему она была совершенно чужим человеком в нашем мире и уже потому не могла не вызвать у «патруля» сильнейших подозрений. Да и нарваться на приключения при известном мне характере дочери атамана было раз плюнуть. Я, однако, как мог, старался скрыть свое волнение. Оно только усугубило бы сложность нашего положения.

Между тем события в окружающем нас мире продолжали развиваться достаточно бурно.

С одной стороны, явно не заладился разговор Аманесты с патрульными бородачами. Об этом ясно говорила их почти переходящая в рукоприкладство жестикуляция и ставшая агрессивно-оборонительной поза нахохлившейся девушки.

Но у событий была и другая — не менее тревожная — сторона. Беспокойство стало охватывать и скопившуюся уже перед «пропускным пунктом» небольшую толпу беженцев. Причиной этого беспокойства были отнюдь не пререкания Аманесты с боевиками Халика. Нет.

Беженцы — если они не доведены еще до отчаяния — народ покладистый и терпеливый и вмешиваться в чужие разборки с людьми при оружии не склонный. Причиной явного испуга большинства путников, застрявших на злополучном шоссе, был всего-навсего звук. Суетливый, рокочущий и, видно, уже хорошо знакомый им звук, доносящийся все более и более явственно откуда-то из глубины ущелья.

Кто-то из толпы — наиболее, наверное, авторитетный, инициативный и распорядительный — принялся с гортанными криками, растопырив руки, отгонять перепуганный люд назад по шоссе, явно подальше от поста. Еще несколько человек посообразительней принялись помогать ему в этом деле. Толпа наконец сообразила, в чем дело, и торопливо потянулась к повороту, из-за которого появилась.

— Вертолеты,— встревоженно произнес Ромка, оглядываясь на затянутое сизой мглой ущелье, простирающееся прямо у нас за спиной.— Они что? По людям шмалять станут?

— По людям... — задумчиво бросил я.— Смотря по каким. По беженцам этим специально — вряд ли... А вот по тем... вооруженным... Врежут, и глазом не моргнут. Если это, конечно, не вертолеты самого Халика... По своим, разумеется, они палить не станут...

Покуда я излагал эти глубокомысленные соображения, события стремительно приближались к развязке. В других обстоятельствах бандиты Халика, как, я думаю, и любые другие бандиты поступили бы просто и определенно: при первых признаках приближающихся «вертушек» либо кинулись бы наутек, либо под дулами автоматов согнали бы к своему посту побольше беженцев, организовав из них «живой щит». Эффективность последнего, впрочем, была в войнах такого рода штукой сомнительной. Я-то на собственном опыте знал, что озверевшие вояки этих краев даже ради мизерной победы не станут щадить ни своих, ни чужих.

Но ни того, ни другого предпринять они не успели — слишком много внимания на себя отвлекла упрямая Аманеста. Только сейчас, когда рокот вертолетов уже повис в воздухе, тот из боевиков, кому и полагалось быть самым бдительным,— командир патруля — отвлекся от происходящей перебранки и завертел головой, определяя направление, с которого надвигалась опасность. Его примеру последовал только один из остальных трех. Двое других явно твердо вознамерились получить от задержанной вы-

куп «натурой». Что и перевело перебранку в разряд драки. Я ухватил Ромку за локоть, не пуская его кинуться на помощь подруге — на стволы автоматов.

Тем временем раздосадованный несговорчивостью пленницы боевик, не мудрствуя лукаво, вознамерился «въехать» ей в физиономию. И тут же, описав в воздухе причудливый кульбит, грянулся спиной и затылком оземь. А автомат его пришелся прикладом в зубы второму любителю женского пола.

Увидев такую картину, оба оставшихся боевика схватились за оружие, и неизвестно, как бы обернулось дело в следующие несколько секунд, если бы Господь не дал этой маленькой драме команду: «Занавес!»

Из ущелья, прямо у самого обреза пропасти ангелом смерти поднялся МИ-8 в полном боевом оснащении. Должно быть, эмблема, украшавшая его борт, была эмблемой государственных ВВС. Рассматривать ее у нас не было времени. Мы бросились ничком — лицом в скалистый грунт. И тут же прозвучал короткий вой реактивных снарядов и сразу же их разрывы. Потом раза два простучала торопливая пулеметная очередь, и гул винтов стал неспешно удаляться дальше по ущелью.

Я поднял голову и сквозь стекающую по лицу кровь — не представляю, когда я успел расквасить себе физиономию,— увидел, как завершивший уже прохождение высшей точки траектории, на которую подбросил его взрыв, пылающий джип валится куда-то вниз, в пропасть. Я выждал еще пять-шесть секунд и поднялся на ноги.

Роман уже со всех ног, спотыкаясь, бежал к тому, что осталось от «контрольного поста». А осталось от него немного.

Неторопливо догоравший джип умудрился не обрушиться на сотни метров вниз. Он застрял тут же — на обочине дороги. Повис над пропастью, зацепившись неведомо за что. Трое боевиков, в том числе сержант, были отброшены на шоссе. Они неподвижно валялись в смешанной с кровью пыли, словно изломанные куклы. О признаках жизни применительно к ним говорить не при-

ходилось. Четвертого не было видно нигде. По всей видимости, то, что осталось от него, покоилось на дне ущелья.

У стены отвесно возвышающихся над дорогой скал в луже крови сидел парень из беженцев, зажимая руками рану на животе. Истошно кричали женщины — осколки и пули достались и паре детишек.

Роман уже добежал до Аманесты, нагнулся над ней. Та лежала, уткнув лицо в руки, и, казалось, вот-вот встряхнется и встанет. Но уже в нескольких шагах от нее я понял, что не встанет она никогда. Спину девушки прошила очередь крупнокалиберного пулемета.

Ромка неумело перевернул изуродованное пулями тело и с отрешенным недоумением уставился в мертвое лицо Аманесты. Его сознание не могло принять того, что произошло. В жизни в такие моменты люди всегда произносят не красивые монологи, а чаще всего городят что-то нелепое, не подходящее случаю, понятное только им самим...

— Ч-черт! Черт! — срывающимся голосом повторял и повторял Ромка.— Черт! Я же знал, что все равно ничего не получится! Я же знал!..

* * *

Я перевязывал покалеченную девочку лет восьми, помогал укладывать раненых на самодельные носилки... Потом редеющий поток беженцев уже торопливо тек мимо нас, а я ползал на четвереньках вокруг окаменевшего с Аманестой на коленях Романа, подбирая то, что осталось от наших бумаг и денег. И Мирзо помогал мне...

Собственно, на этом стоит закончить эту историю. Не хочется тратить ваше и мое время на рассказ о том, как мы с Ромкой добирались до тамошней столицы и нашего консула. О том, как мы возвращались домой и чего нам это стоило. О снах, которые до сих пор не дают мне покоя. О том, как на меня вышли те, кому я сейчас надиктовываю на магнитную ленту свою историю...

Последняя нить, связывавшая меня со Странным Краем, оборвана. Закопана вместе с так и не принятой нашим миром дочерью атамана в наспех вырытой безымянной придорожной могиле...

Впрочем, нет... Уже потом, много позже, в дороге Странный Край напомнил мне о себе. Когда, чтобы как-то отвлечься и скоротать время, я стал раскладывать по карманам ворох наших подобранных с земли бумаг, пальцы наткнулись в нагрудном кармане на твердый граненый предмет.

Хранящий терпкий аромат иных миров фиал...

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Я полностью выполнил требование, которое поставил передо мною инициатор публикации, скрывшийся под инициалами NN: удалил из рассказа Сергея все элементы узнаваемости, которые еще оставались после той обработки магнитофонной записи рассказа, которой она подверглась, перед тем как ее дали прослушать мне. Эта обработка оказалась явно недостаточной, потому что, после того как я положил перед NN свой вариант истории путешествия Сергея в Странный Край, я осторожно высказал догадку о том, где мог проживать Сергей. И даже назвал его примерный адрес.

— Дело в том, что информация об аномальщине в этом доме — и как раз в описанный период — проскакивала в желтой прессе,— объяснил я причину собственной догадливости.— Просто я взял на себя труд покопаться в подшивках подобного рода газет того времени. Ну и, как говорится, немного индукции, немного дедукции...

— Не удивлюсь, если вы попытались найти этот дом,— усмехнулся NN.— Добираться туда недалеко.

— Грешен, пробовал,— признался я.— Но нашел лишь запертую дверь. Соседи видели жильца этой квартиры — его действительно зовут Сергей — месяца два назад.

— Понимаю вас,— кивнул NN.— Я сам побывал там недавно — перед этой запертой дверью. И за ней. Люди из нашего ведомства дружат с замками. Хотел навести дополнительные справки. Но за дверью этой не было ни Сергея, ни его брата. Только пустые комнаты, старая мебель и... Может быть, это мне показалось — еле уловимый запах нездешних трав и нездешнего мира...

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо пролога. (Краткое предупреждение) 5
Часть I. НАШЕДШИЙ ТЕМНЫЙ ПУТЬ 11
Часть II. ПРОМЫСЕЛ БОЛЬШИХ ДОРОГ 151
Часть III. ВРАТА 323
Вместо эпилога 441

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!
Издательство просит отзывы об этой книге
и Ваши предложения по серии
«Фантастический боевик»
присылать по адресу:
125565, Москва, а/я 4,
«Издательство Альфа-книга»
или по e-mail: mvn@armada.ru
Информацию об издательстве и книгах
можно получить на нашем сайте в Интернете:
http://www.armada.ru

Литературно-художественное издание

Фантастический боевик

Борис Федорович Иванов
ЗНАК ЛУКАВОГО

Фантастический роман

Заведующий редакцией
В. Н. Маршавин

Ответственный редактор
Т. А. Стельмах

Художественный редактор
Н. Г. Безбородов

Технический редактор
А. А. Ершова

Корректор
Н. А. Карелина

Компьютерная верстка
Т. А. Рогожиной

Подписано в печать 25.10.04. Формат 84x108/32.
Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная.
Бумага газетная. Усл. печ. л. 23,52. Тираж 12 000 экз.
Изд. № 3730. Заказ № 4405169.

ООО «Издательство Альфа-книга»
125565, Москва, а/я 4; ул. Расковой, д. 20
Изд. лицензия ЛР № 066460 от 30.03.99
СЭЗ № 77.99.02.953.П.001254.08.03

Отпечатано с готовых диапозитивов на ФГУИПП «Нижполиграф»
603006, г. Нижний Новгород, Варварская ул., 32

ISBN 5-93556-442-4